МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ

*Сборник посвящен юбилею
заслуженного профессора
МГУ имени М.В. Ломоносова
Майи Владимировны Всеволодовой*

Выпуск 60

МАКС ПРЕСС
**Москва
2018**

УДК 81 DOI 10.29003/m135.lmc2018-60/1-320
ББК 81
Я410

Печатается в соответствии с решением редакционно-издательского совета филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Редколлегия выпуска:

доктор филол. наук М.Л.Ремнева, доктор филол. наук Е.Л. Бархударова, доктор филол. наук И.А. Бубнова, кандидат филол. наук Е.Н.Виноградова, кандидат филол. наук О.Ю.Дементьева, доктор филол. наук И.В. Зыкова, доктор филол. наук А.И. Изотов, доктор филол. наук В.В. Красных, доктор филол. наук Е.Ю. Мягкова, доктор филол. наук Ф.И.Панков, кандидат филол. наук Т.Е.Чаплыгина

Рецензенты:

доктор педагогических наук, профессор *Л.А. Дунаева*,
доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Института языкознания РАН *Н.В. Уфимцева*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с их безгонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде

Я410 **Язык, сознание, коммуникация**: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2018. – Вып. 60. – 320 с.

ISBN 978-5-317-05856-2

Сборник посвящен юбилею М.В. Всеволодовой и содержит статьи, рассматривающие различные проблемы русского языка в свете как собственно лингвистики, так и лингводидактики. Особое внимание уделяется вопросам грамматики и истории русского языка.

Сборник предназначается для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Ключевые слова: русский язык; церковнославянский язык; старославянский язык; фразеология; социолингвистика; лингвокультурология; когнитивные исследования; лингводидактика; корпусные исследования; идиом, лексикография.

УДК 81
ББК 81

Language - Mind - Communication. Issue 60 / Krasnykh, V.V., Izotov, A.I. (Eds). - Moscow: MAKS Press, 2018. - 320 p.

The present issue includes articles which consider the most important problems of Russian studies, lingual-cultural studies, sociolinguistics, psycholinguistics and language teaching.

Keywords: Russian studies; Old Church Slavonic; sociolinguistics; psycholinguistics; lingual-cultural studies; cognitive studies; linguodidactics; idiom; corpus analysis; lexicography.

ISBN 978-5-317-05856-2

© Авторы статей, 2018
© Оформление ООО «МАКС Пресс»

Правофланговый нашей роты
С достойным стажем за плечами!
Забудьте нынче все заботы,
Тревоги, беды и печали.
Сегодня мы, коллеги, вправе,
Слов самых лучших не жалея,
С счастливой датой Вас поздравить,
Поздравить с славным юбилеем!
Вы превратили в убежденье
Таланты, что Господь наш дал Вам.
«Наука – это наслажденье!» –
Считают Вы и Лев Ландау.
И без различия регалий,
И не надеясь на награду,
Вы многим людям помогали
Почувствовать в науке радость.
Конечно, юбилей не вспышка,
Заслуги копятся годами,
А он всего лишь передышка
Перед грядущими трудами.
Благодарим за радость встречи,
За эти яркие мгновенья.
Счастливый путь! Еще не вечер.
Успехов Вам и вдохновенья!

В.В. Добровольская

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Ремнёва М.Л. Профессор филологического факультета МГУ Майя Владимировна Всеволодова = *Remnyova M.L.* M.V. Vsevolodova, Professor of Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology.....7

Панков Ф.И. Фундаментальная лингводидактическая научная школа функционально-коммуникативной грамматики заслуженного профессора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Майи Владимировны Всеволодовой = *Pankov F.I.* Fundamental Linguodidactic Scientific School of Functional-Communicative Grammar of Honorary Professor of Lomonosov Moscow State UniversityMaya Vladimirovna Vsevolodova.....9

Величко А.В. Роль лексики в формировании и функционировании предложений фразеологизированной структуры = *Velichko A.V.* The Role of Vocabulary in the Formation and Functioning of Sentences with Phraseological Structure 19

Виноградова Е.Н. К вопросу о наречных предлогах в русском языке = *Vinogradova E.N.* On the Issue of Adverbial Prepositions in Russian 31

Гудков Д.Б. Мифологическая основа кодов культуры = *Gudkov D.B.* The Mythological Basis of Culture Codes 44

Добровольская В.В. Некоторые тенденции современной методики РКИ = *Dobrovolskaya V.V.* Some Tendencies of Russian as a Foreign Language Teaching Methods.....51

Загнитко А.А. Парадигмальное пространство современной лингвистической терминологии = *Zahnitko A.A.* Paradigm Space of Modern Linguistic Terminology 60

Изотов А.И. К вопросу о церковно-религиозном функциональном стиле современного русского языка = *Izotov A.I.* On the Church-Religious Functional Style in Contemporary Russian 77

Каверина В.В. Грамматический критерий правописания суффиксов прилагательных и причастий в диахронии = *Kaverina V.V.* The Grammatical Criterion for the Spelling of Russian Adjectival and Participial Suffixes in Diachrony 86

Клобукова Л.П., Клобуков Е.В. Некоторые особенности реализации компрессивной функции языка на уровне словообразования = *Klobukova L.P., Klobukov E.V.* Some Peculiarities of the Realisation of Compressive Language Function at the Word-Formation Level 102

Конюшкевич М.И. Внешние и внутренние границы синтаксем с квантитативами в русском языке = *Konyushkevich M.I.* The External and Internal Boundaries of Syntaxemes with Quantitatives in Russian 114

Кортава Т.В. О синтаксемах в приказном языке XVII в. = *Kortava T.V.* About Syntaxemes in the Chancellery Language of the XVII Century 131

Красильникова Л.В. Представление словообразовательного материала в программах по русскому языку для учащихся-филологов = *Krasilnikova L.V.* Presentation of Word-Formation Materials in the Russian Language Programs for Philology Students 140

Кузьменкова В.А. Глагольный вид: особенности функционирования одновидовых и двувидовых глаголов и способы преодоления видовой асимметрии = *Kuzmenkova V.A.* Verbal Aspect: Functional Specifics of One- and Two-Aspect Verbs and the Ways of Overcoming Aspect Asymmetry 153

Кузьминова Е.А. К вопросу об адресате грамматики М.В. Ломоносова = *Kuzminova E.A.* To the Question of Lomonosov's Grammar Recipient.....162

Кукушкина О.В., Каприелова В.В. Синтаксемное описание вводных оборотов типа «*к счастью*» = *Kukushkina O.V., Kaprielova V.V.* Syntaxeme Description of Introductory Clauses of the "*k schast'yu*" Type 171

Лекант П.А. Лексико-грамматические средства обозначения реального времени = *Lekant P.A.* Lexical and grammatical means of expressing real time.....185

Николенкова Н.В. Церковнославянское *обонпол* как предложная единица в истории русского языка = *Nikolenkova N.V.* Church Slavonic «Обонпол» / "Obonpol" as a Prepositional Unit in the History of the Russian Language 192

Сидорова М.Ю. Анализ и синтез: как заставить студента думать о синтаксических структурах всерьез? = *Sidorova M.Yu.* Analysis and Synthesis: How to Make Students Think about Syntactic Structures Seriously? 201

Ситарь А.В. О чём говорят числа? К вопросу об интерпретации результатов статистического анализа синтаксических фразеологизмов = *Sytar H.V.* What Do the Numbers Stand for? Interpreting the Results of the Statistical Analysis of Syntactic Idioms 217

Суровцева Е.В. Корпус житий новомучеников и исповедников (на материале «Житий новомучеников и исповедников российских XX века Московской епархии»): состав и подготовка текстов, лексические особенности = *Surovtseva E.V.* Corpus of New Martyrs' and Confessors' Lives (Based on The "Lives of XX Century Russuan New Martyrs and Confessors of Moscow Diocese"): Composition and Preparation of Texts, Lexical Features.....226

Чагина О.В. Употребление глаголов эмоций в русском языке (из опыта работы в иностранной аудитории) = *Chagina O.V.* Use of Russian Verbs of Emotions (From the Experience of Work with a Foreign Audience) 235

Чаплыгина Т.Е. О гетерогенных предлогах в русском языке = *Chaplygina T.E.* About Heterogeneous Prepositions in Russian.....248

Чекалина В.Л. Особенности категоризации пространственных отношений на материале русского и латышского языков = *Chekalina V.L.* Spatial Categorization Through the Lens of Russian and Latvian Languages.....259

Шарандин А.Л. Знания о языке и коммуникации в аспекте функционально-коммуникативной грамматики = *Sharandin A.L.* Knowledge About Language and Communication from the Point of View of Communicative Grammar.....278

Список научных трудов профессора Майи Владимировны Всеволодовой = Professor M.V. Vsevolodova. List of Publications.....290

Авторы выпуска = Authors 314

ПРОФЕССОР ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ имени М.В. ЛОМОНОСОВА МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА ВСЕВОЛОДОВА

У заслуженного профессора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Майи Владимировны Всеволодовой юбилей, и это событие исключительно значимо для филологического факультета. Вся жизнь Майи Владимировны связана с филологическим факультетом и преподаванием русского языка как иностранного.

Студенткой сразу после войны М.В. Всеволодова пришла на филологический факультет и проработала на нем более шестидесяти пяти лет. Как заведующая кафедрой русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов с 1972 по 1979 год, как декан филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и как филолог с полным основанием могу назвать профессора М.В. Всеволодову ученым с мировым именем. Список ее научных работ насчитывает более 260 публикаций, среди которых монографии, учебники, учебные пособия, справочники и словари, которые хорошо известны в мировой лингвистике и широко используются в практике обучения иностранцев русскому языку и подготовки специалистов по преподаванию русского языка как иностранного.

Профессором М.В. Всеводолодовой и ее ближайшими соратниками были заложены основы современного функционально-коммуникативного описания русского языка в целях его преподавания иностранцам. Под руководством М.В. Всеволодовой и В.В. Добровольской в 1994 году был создан комплекс программ дисциплин специальности «Русский язык как иностранный», который неоднократно переиздавался. Майя Владимировна активно участвует в работе редколлегии журнала «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология», в деятельности двух диссертационных советов филологического факультета.

М.В. Всеволодова является учителем в самом высоком смысле этого слова для многих поколений отечественных и зарубежных русистов. Среди ее учеников ведущие специалисты в различных областях лингвистики в России и за рубежом: Д.Б Гудков, В.В. Красных, Ф.И. Панков, Ван Янчжэн (КНР), Го Шуфень (КНР) и др.

Профессор М.В. Всеволодова была идейным вдохновителем и одним из организаторов кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного, созданной на филологическом факультете в 2009 году. Основной задачей новой кафедры является подготовка бакалавров, специалистов и магистров в области преподавания

русского языка в иноязычной аудитории. В настоящее время на кафедре под руководством Майи Владимировны активно ведутся научные исследования, создаются учебники и учебные пособия, пишутся и защищаются докторские, кандидатские и магистерские диссертации в области преподавания русского языка как иностранного.

Слова искренней благодарности Вам, дорогая Майя Владимировна, здоровья, физических и душевных сил, больших творческих успехов!

Декан филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
профессор М.Л. Ремнева

DOI 10.29003/M136.LMC2018-60/9-18

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАММАТИКИ ЗАСЛУЖЕННОГО ПРОФЕССОРА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА МАЙИ ВЛАДИМИРОВНЫ ВСЕВОЛОДОВОЙ[1]

Ф.И. Панков

FUNDAMENTAL LINGUODIDACTIC SCIENTIFIC SCHOOL
OF FUNCTIONAL-COMMUNICATIVE GRAMMAR
OF HONORARY PROFESSOR
OF LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY
MAYA VLADIMIROVNA VSEVOLODOVA

F.I. Pankov

ABSTRACT:

The article considers the achievements of fundamental linguodidactic scientific school of distinguished professor of the philological faculty of Lomonosov Moscow State University, honorary professor of Shanghai International Studies University, Maya Vladimirovna Vsevolodova. The life and scientific work of Maya Vladimirovna and her students form an entire era in Russian and foreign linguistics in general, Russian and Polish studies in particular, as well as in the theory and practice of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: Maya Vladimirovna Vsevolodova; fundamental scientific school; linguodidactic model of language; functional-communicative grammar.

АННОТАЦИЯ:
В статье рассмотрены достижения фундаментальной лингводидактической научной школы заслуженного профессора филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, почётного профессора Шанхайского университета иностранных языков М.В. Всеволодовой. Жизнь и научное творчество Майи Владимировны и её учеников составляют целую эпоху в отечественной и зарубежной лингвистике в целом, русистике и полонистике в частности, а также в теории и практике преподавания русского языка как иностранного.

[1] См.: *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М.: УРСС, 2017.

Ключевые слова: Майя Владимировна Всеволодова; фундаментальная научная школа; лингводидактическая модель языка; функционально-коммуникативная грамматика

2018 год ассоциируется с разными событиями в жизни российского общества. У нас этот год связан с юбилеем Учителя, заслуженного профессора филологического факультета Московского университета, почётного профессора Шанхайского университета иностранных языков Майи Владимировны Всеволодовой. Имя этого учёного и преподавателя МГУ широко известно во всём мире. Жизнь и научное творчество Майи Владимировны составляют целую эпоху в отечественной и зарубежной лингвистике в целом, русистике и полонистике в частности, в теории и практике преподавания русского языка как иностранного. Фундаментальная лингводидактическая научная школа нашего Учителя является одной из самых ярких в области описания грамматики, и прежде всего её функционально-коммуникативного направления.

Начало творческого пути Майи Владимировны, её научной и педагогической деятельности пришлось на середину XX века. Именно тогда начался период становления специальности «Русский язык как иностранный» (РКИ) в её современном, научном виде (не говорим сейчас о многовековой истории постепенного приближения РКИ к статусу научной дисциплины и лингводидактической модели описания языка [Милославская 2012]). История её развития и организации насчитывает несколько десятилетий. Ещё в послевоенном 1948 году при кафедре русского языка филологического факультета МГУ, в то время возглавляемой академиком В.В. Виноградовым, была открыта секция по преподаванию РКИ. На её основе в соответствии с духом времени и всё возрастающими потребностями в кадрах в декабре 1951 года была создана первая в СССР кафедра русского языка для иностранцев (аналогичные кафедры были открыты также в Ленинградском и Киевском государственных университетах). Это послужило толчком для возникновения нового, прикладного направления в русистике. В 1953 году в МГУ стало уже две кафедры русского языка для иностранных учащихся: для студентов гуманитарных и естественных факультетов.

Именно в тот знаменательный 1951 год окончила славянское отделение филологического факультета МГУ и юная М.В. Всеволодова – выпускница «золотого» курса. «Золотым» этот курс назвали потому, что в 1946 году на него поступили исключительно школьные медалисты – золотые и серебряные, – имевшие в то время право на зачисление без экзаменов, а также, естественно, фронтовики, то есть вернувшиеся с победой участники Великой Отечественной войны. Среди выпускников этого «золотого» курса – известнейшие учёные: лингвисты, литературоведы, психологи, а также журналисты и преподаватели: Ю.А. Бельчиков,

Т.В. Булыгина, декан филологического факультета МГУ в 1980–1991 годах И.Ф. Волков, Т.Я. Елизаренкова, В.В. Иванов, А.А. Камынина, Е.С. Кубрякова, Н.М. Лариохина, В.Я. Лейчик, А.М. Селькина, Ю.Ф. Поляков, Ю.Б. Рюриков, В.Н. Топоров, Н.И. Формановская и многие другие достойнейшие люди.

После окончания славянского отделения М.В. Всеволодова (которая училась в польской группе) намеревалась посвятить свою жизнь преподаванию польского языка, однако в это время, к сожалению или к счастью, на филологическом факультете не оказалось вакансии для преподавателя польского языка русским, но появилось свободное место для преподавателя русского языка полякам, которое и было предложено Майе Владимировне. Так благодаря «роковой» случайности началась её долгая и плодотворная научно-педагогическая жизнь в сфере РКИ.

С первых дней работы на кафедре русского языка для иностранцев (возглавляемой в то время Г.И. Рожковой), а позже – на кафедре русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов М.В. Всеволодова не только преподавала русский язык нашим зарубежным друзьям и коллегам, но и обобщала накопленный индивидуальный и коллективный опыт в научных и методических статьях, учебных пособиях, учебниках и диссертациях. В них как на русском материале, так и на основе сопоставительного анализа самых разных языков была сделана попытка взглянуть на родной язык по-новому: глазами не только носителя языка, но и инофона, который сталкивается с трудностями овладения русской языковой системой. Иными словами, в работах М.В. Всеволодовой с самого начала был представлен взгляд на систему русского языка как «изнутри», так и «извне».

М.В. Всеволодова в шестидесятые годы прошлого века создала одно из первых и одновременно лучших пособий по русской звучащей речи – «Фонетические упражнения по русскому языку для поляков» (1960), а также «Учебник русского языка для поляков» (1963) в соавторстве с Л.П. Юдиной. Обе книги, в отличие от множества издававшихся в советскую эпоху учебников и учебных пособий, не были перегружены политизированными текстами социалистической тематики и поэтому остаются актуальными по сей день, а представленный в них языковой материал не устарел до сих пор.

Научное описание темпоральных отношений и одной из важнейших грамматико-лексических категорий языка – времени – нашло воплощение в двух защищённых М.В. Всеволодовой диссертациях. В 1966 году под руководством профессора кафедры русского языка Т.П. Ломтева Майя Владимировна защитила кандидатскую диссертацию (объём – три тома по триста с лишним страниц размера А4 каждый, всего около тысячи страниц текста!), посвящённую средствам выражения временных

отношений в польском языке, а в 1983 году – докторскую диссертацию на тему «Категория именной темпоральности и закономерности её речевой реализации» в русском языке.

М.В. Всеволодова вместе со своими коллегами обратила внимание на то, что научить носителя другого языка, иностранного учащегося, общению на русском языке, опираясь на данные только традиционной формально-описательной грамматики, очень трудно или даже совсем невозможно. Для обучения иностранцев практическому русскому языку требуется совершенно иная, новаторская по своей сути грамматика, которая бы описывала, во-первых, содержательное, семантическое пространство языка, включающее объективные (диктальные по Ш. Балли, или диктумные в терминах ряда авторов) и субъективные (модальные в терминах Ш. Балли, или модусные) смыслы; во-вторых, совокупность средств их выражения вне зависимости от принадлежности к тому или иному языковому уровню; в-третьих, типологию этих средств и их функционирование в речи; наконец, в-четвёртых, языковые механизмы, определяющие адекватное потребностям коммуникантов функционирование в речи языковых средств.

Возникла, как видим, необходимость в новой, прикладной по своему характеру грамматике, ориентированной на овладение языком, а не на схоластический, далёкий от потребностей жизни анализ абстрактных примеров. И такая грамматика была создана. Не случайно с именем профессора М.В. Всеволодовой связано принципиально новое направление в описании русского языка – функционально-коммуникативная грамматика. Именно ею в 1950-е годы впервые были использованы сами термины – «функциональный» и «коммуникативный» применительно к грамматическому строю русского языка и самому описанию этого строя. Данные термины Майя Владимировна использует отнюдь не как синонимы или варианты: функциональной эта грамматика является потому, что стремится ответить на вопросы «Как функционирует язык?», «Как функционируют при речепостроении все уровни и единицы языка?». Коммуникативной она является потому, что ориентирована на решение коммуникативных потребностей говорящего.

Функционально-коммуникативная грамматика – это не просто одно из направлений описания языковых явлений и единиц, это новый этап в развитии лингвистики, включающий в себя достижения самых разных направлений и школ. И закономерно поэтому наличие в рамках этой грамматики целостной модели языка, ориентированной на его преподавание. Идею о необходимости создания такой функционально-коммуникативной грамматики для преподавателя, позволяющей увидеть весь объём языкового материала, данного в определённой системе, которая содержала бы объяснение языковых закономерностей, выявляющихся в

речи, т. е. имела бы «выход» непосредственно в методику преподавания русского языка как неродного, была высказана М.В. Всеволодовой ещё тридцать лет назад – в статье 1988 года «Основания практической функционально-коммуникативной грамматики русского языка», опубликованной в сборнике «Языковая системность при коммуникативном обучении». Такая грамматика основана на практике, истинность её выводов проверяется в учебной аудитории.

А потребности практики вызвали к жизни ту модель языка, которая получила название лингводидактической (её называют также прикладной, педагогической) [Амиантова и др. 2001]. Эта модель, с одной стороны, объединяет сферы, разрабатываемые представителями академического направления функционального описания языка (прежде всего А.В. Бондарко и Г.А. Золотовой), в некоторую единую систему, а с другой – базируется на опыте преподавания русского языка как иностранного [Всеволодова, Панков 1999].

Чисто практические потребности привели к необходимости глубокого теоретического осмысления и переосмысления как фактов языка, так и методик их анализа и описания. Был выработан принципиально новый взгляд на язык, создана другая система ценностей в представлении языковых фактов. Описанию этой системы ценностей, рассмотрению теоретических основ одного из разделов функционально-коммуникативной грамматики – синтаксиса, посвящён опубликованный впервые в 2000 году учебник М.В. Всеволодовой «Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка». В 2017 году учебник был переиздан с тем же названием, но немного другим подзаголовком, включающим эпитет *фундаментальный*: «Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка». Однако функционально-коммуникативная грамматика не ограничивается исключительно прикладными задачами. Являясь грамматикой открытой, она использует также достижения других школ и направлений.

Практика преподавания РКИ потребовала обращения к тем языковым фактам, которые при чисто теоретическом подходе к языку не относятся к числу изучаемых объектов или оцениваются лингвистами как периферийные. В компетенцию функционально-коммуникативной грамматики, то есть «грамматики речи», входит гораздо более широкий круг вопросов, нежели в традиционную формально-описательную «грамматику языка», Например, в сферу интересов функционально-коммуникативного синтаксиса вошли, с одной стороны, лексика как его «тело», его интегральная часть, а с другой – определённые сферы собственно грамматики: 1) семантическое пространство языка, его структуры: функционально-семантические поля, функционально-семантические категории,

системы значений, типовые ситуации; денотативные роли; 2) формальные единицы и объекты синтаксиса: синтаксемы, словосочетания, предложения-высказывания, синтаксические фразеологизмы, тексты; 3) языковые механизмы: коррекционные, включая смысловые и формальные, а также коммуникативные, включая актуализационные и интерпретационные [Всеволодова 2017].

Научные интересы Майи Владимировны поражают своей глубиной и широтой, однако главное направление деятельности её фундаментальной лингводидактической научной школы – теория функционально-коммуникативного синтаксиса и практика преподавания грамматики русского языка. Исследования М.В. Всеволодовой посвящены различным аспектам парадигматики предложения-высказывания, анализу лексико-синтаксических категорий времени, пространства, причины, вопросам аспектологии, синтаксической фразеологии. Среди её лучших работ – монографии «Способы выражений временных отношений в современном русском языке» 1975 года, «Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке» (1982, в соавторстве с Е.Ю. Владимирским, 2-е изд. – 2008, 3-е изд. – 2009), «Причинно-следственные отношения в современном русском языке» (1988, в соавторстве с Т.А. Ященко, 2-е изд. – 2008, 3-е изд. – 2013).

М.В. Всеволодова с первых лет работы на филологическом факультете буквально «обросла» учениками. Среди них трое защитили докторские диссертации (В.В. Красных, 1999; Д.Б. Гудков, 2000; Ф.И. Панков, 2009), сорок четыре стали кандидатами наук, а магистрантов и дипломников просто не счесть. Последователи Майи Владимировны преподают русский язык и занимаются научной деятельностью в самых разных уголках мира, работают на кафедрах русского языка для иностранных учащихся филологического факультета, гуманитарных и естественных факультетов, а также кафедре дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного.

М.В. Всеволодова многие работы написала в соавторстве со своими учениками. Так, в 1989 году была опубликована коллективная монография «Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка» в соавторстве с О.Ю. Дементьевой, В.Т. Марковым, М.Н. Михайловым, Т.Е. Чаплыгиной, С.А. Шуваловой и др. В 1997 году в соавторстве с О.Ю. Дементьевой вышла книга «Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума)». Совместно с Ф.И. Панковым в 1999 году ею был подготовлен информационно-аналитический обзор «Функционально-коммуникативное описание русского языка в целях его преподавания иностранцам»,

а в 2005 году издана рабочая тетрадь «Практикум по курсу “Теория функционально-коммуникативной грамматики”».

Одно из важных направлений научной школы М.В. Всеволодовой – сопоставительные исследования. Они нередко проводятся с участием её иностранных учеников и коллег из Болгарии, Ирана, Китая, Кореи, Польши, Японии и многих других стран мира. Только за последние десять – двадцать лет были опубликованы такие замечательные книги, как «Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка)» (1998, в соавторстве с Али Мадаени Аввалом, 2-е изд. – 2010), «Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка)» (1999, в соавторстве с Го Шуфень), «Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: на материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки» (2002, в соавторстве с Лим Су Ён), «Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка)» (2002, в соавторстве с Ким Тэ Чжином, 2-е изд. – 2008, 3-е изд. – 2015).

Однако в *настоящее время* профессор М.В. Всеволодова устремлена в будущее. Значительно опередила наше время её концепция функционально-коммуникативной грамматики русского предлога, ставшая началом подлинно научного изучения этого служебного категориального класса слов. Под её руководством был создан структурированный реестр русских предложных единиц, которых оказалось более семи тысяч, начал издаваться многотомный словарь русских предлогов. В частности, вышли в свет два тома монографии «Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления»: в 2013 году – книга 1 «Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Реальное употребление» (в соавторстве с О.В. Кукушкиной и А.А. Поликарповым); в 2018 году – книга 2 «Реестр русских предложных единиц: А – В» (в соавторстве с Е.Н. Виноградовой и Т.Е. Чаплыгиной).

Интерес к научным трудам профессора М.В. Всеволодовой чрезвычайно высок. Её книги стали библиографической редкостью. Поэтому неудивительно, что крупные издательства вновь и вновь обращаются к Майе Владимировне с просьбой о публикации её уже формально «старых», но никогда не стареющих работ. Только за последние десять лет было переиздано (конечно, с исправлениями и дополнениями) десять её книг. Готовятся к публикации монографии о категории времени (на материале именной темпоральности), а также о функционировании полных и кратких прилагательных. Планируются и новые переиздания раритетов, автором которых она является.

Талант учёного у Майи Владимировны гармонично сочетается с талантом преподавателя. Сам я неоднократно бывал на её прекрасно организованных, проводимых с душевным подъёмом и в творческой атмосфере занятиях по практическому русскому языку с иностранными учащимися. В течение нескольких десятилетий на отделении РКИ М.В. Всеволодова читает лекционные курсы «Функциональный синтаксис» и «Теория функционально-коммуникативной грамматики», ведёт спецсеминар «Проблемы функционально-коммуникативной грамматики», пользующиеся неизменным интересом со стороны студентов, аспирантов и преподавателей-практиков.

Организационной формой воплощения научно-педагогических идей М.В. Всеволодовой и её ближайших коллег стала открывшаяся в 2009 году на филологическом факультете кафедра дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного (заведующая – профессор Е.Л. Бархударова). В создании этой кафедры Майя Владимировна в качестве идейного вдохновителя приняла самое активное участие. Основной задачей новой кафедры является обучение специалистов, бакалавров, магистрантов и аспирантов в области преподавания русского языка в иноязычной аудитории.

Можно ещё добавить, что в оставшееся «свободное» время профессор М.В. Всеволодова принимает активнейшее участие в работе двух диссертационных советов филологического факультета МГУ, является членом редакционной коллегии научного журнала «Вестник Московского университета. Серия 9: Филология». Многогранная деятельность Майи Владимировны в самых разных областях не осталась незамеченной: в 1970 году она была награждена медалью «За доблестный труд», в 1984 – «Ветеран труда», а в 2002 – медалью А.С. Пушкина «За большие заслуги в распространении русского языка».

Созданная профессором М.В. Всеволодовой подлинно университетская фундаментальная лингводидактическая научная школа функционально-коммуникативной грамматики отличается необычайной многогранностью, энциклопедичностью, глубиной и широтой, поэтому исчерпывающе осветить в небольшой статье все её достижения просто нереально. Однако мы верим, что эта школа всегда будет жизнеспособной, перспективной, а труды её авторов – современными, интересными, актуальными, находящимися на переднем крае российской и мировой русистики. Под научным руководством полной новых идей профессора М.В. Всеволодовой это возможно.

* * *

Сборник, представленный вниманию читателя, содержит работы учеников, друзей и коллег профессора Майи Владимировны Всеволодовой.

Написанные ими статьи не тождественны по тематике и проблематике. Каждая из них по-своему отражает различные направления фундаментальной лингводидактической научной школы и разнообразные филологические интересы юбиляра: лингвистика и методика преподавания русского и других языков как родных и иностранных, грамматика и лексикология, звучащая и письменная речь, эксплицитные и имплицитные смыслы, когнитивистика и языковая картина мира, культурология и литературоведение, универсальное и специфическое. Однако всех авторов объединило главное – трепетное чувство к дорогому и любимому юбиляру.

Литература / References

1. *Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П.* Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2001, № 6. С. 215–233.
2. Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка / Под ред. М.В. Всеволодовой и С.А. Шуваловой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.
3. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
4. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М.: УРСС, 2017.
5. *Всеволодова М.В.* Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.
6. *Всеволодова М.В.* Категория именной темпоральности и закономерности её речевых реализаций: Дис. … докт. филол. наук. М.: МГУ, 1983.
7. Всеволодова М.В. Основания практической функционально-коммуникативной грамматики русского языка // Языковая системность при коммуникативном обучении. М.: Русский язык, 1988. С. 26–36.
8. *Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 2: Реестр русских предложных единиц: А – В (объективная грамматика). М.: УРСС, 2018.
9. *Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Русский язык, 1982. (2-е изд. – 2008, 3-е изд. – 2009, 4-е изд. – 2014).
10. *Всеволодова М.В., Го Шуфень* (Китай). Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка). М.: «АЦФИ», 1999.
11. *Всеволодова М.В., Дементьева О.Ю.* Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума). М.: КРОН-ПРЕСС, 1997.
12. *Всеволодова М.В., Ким Тэ Чжин.* Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка): Фрагмент функционально-коммуникативной прикладной грамматики. М.: МАКС Пресс, 2002. (2-е изд. – 2008, 3-е изд. – 2015).
13. *Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального

употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / Под общ. ред. М.В. Всеволодовой. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014.
14. *Всеволодова М.В., Лим Су Ён.* Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: на материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки. М.: МАКС Пресс, 2002.
15. *Всеволодова М.В., Мадаени Али.* Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка). М.: Диалог-МГУ, 1998. (2-е изд. – 2010).
16. *Всеволодова М.В., Панков Ф.И.* Функционально-коммуникативное описание русского языка в целях его преподавания иностранцам (информационно-аналитический обзор). М.: Гос. ин-т рус. яз. имени А.С. Пушкина, 1999.
17. *Всеволодова М.В., Панков Ф.И.* Практикум по курсу «Теория функционально-коммуникативной грамматики»: Рабочая тетрадь: Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005.
18. *Всеволодова М.В., Потапова Г.Б.* Способы выражения временных отношений. Сб. упражнений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.
19. *Всеволодова М.В., Ященко Т.А.* Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М.: Русский язык, 1988. (2-е изд. – 2008, 3-е изд. – 2012, 4-е изд. – 2014).
20. *Милославская С.К.* Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России: монография. – 2-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.

DOI 10.29003/M137.LMC2018-60/19-30

РОЛЬ ЛЕКСИКИ В ФОРМИРОВАНИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ

А.В. Величко

THE ROLE OF VOCABULARY IN THE FORMATION AND FUNCTIONING OF SENTENCES WITH PHRASEOLOGICAL STRUCTURE

A.V. Velichko

ABSTRACT:

The article considers one basic principle of theoretical grammar: interrelations between syntax and vocabulary. Specific syntax-vocabulary relations are discussed within the structure of phraseologized sentences (PS) which include a variable component filled in through the speaker's choice of vocabulary units. Analysis shows that lexical representation of the variable component plays an important and diverse role in PS. Sentences of this type serve as models in which the vocabulary stipulates the formation, differentiation and meaning definition of PS and also specifies their usage in different communicative situations.

Keywords: syntax; vocabulary; phrazeologized sentence structures; language levels; interrelations between language units.

АННОТАЦИЯ:
Статья посвящена вопросу о связи синтаксиса и лексики. В этом отношении представляет интерес рассмотрение предложений фразеологизированной структуры (ФС). Они включают переменный компонент, который лексически свободен, и он заполняется говорящим по его желанию. Рассмотрение таких фразеологизированных предложений показывает, что лексическое наполнение переменного компонента играет важную роль в формировании, дифференциации и уточнении значения фразеологизированных предложений, а также обусловливает особенности их употребления в различных коммуникативных ситуациях. и имеет практическое значение при их изучении в иностранной аудиторию.

Ключевые слова: синтаксис; лексика; уровни языка; связь языковых единиц; предложения фразеологизированной структуры.

Майя Владимировна Всеволодова – один из основоположников практической прикладной грамматики русского языка как иностранного (РКИ). Она определила и последовательно развивает основополагающие принципы такой грамматики, которая представляет собой особый тип грамматики, отличающийся от академической грамматики своей практи-

ческой направленностью на обучение иностранных учащихся практическому владению русским языком. Это определяет её сущностные принципы и теоретическую основу. Грамматика РКИ ориентирована на выявление и формулирование принципов порождения речи, формирует лингводидактическую модель языка. Она является функционально-коммуникативной, ставит целью показать, как функционируют факты языка, как они взаимодействуют в процессе речевой деятельности говорящего [Амиантова и др. 2001; Всеволодова 1988, 2000, 2005].

Фундаментальная грамматика исходит из принципа о глубокой взаимосвязи и взаимодействии языковых единиц разных уровней в процессе порождения речи. В этом отношении чрезвычайно важной, можно сказать основополагающей, является идея о связи синтаксиса и лексики, которую последовательно проводит Майя Владимировна в своих исследованиях [Всеволодова, Владимирский 1982; Всеволодова 2000; Всеволодова, Лим Су Ён 2002]. Она отмечает: «Лексика – интегральная часть синтаксиса. Словарный состава языка – его материальная основа и компонент плана содержания, хранящий в языке сознания представления об объективной действительности, – формирует (а не «наполняет») синтаксические построения, структура которых зависит от слов, её составляющих» [Всеволодова 2000: 21].

В этой связи показательна роль лексики в формировании и функционировании предложений фразеологизированной структуры. Имеются в виду предложения типа *Вот это праздник так праздник!; Работать так работать; Что ни дом, то памятник архитектуры; Нет бы мне поговорить с Виктором; Не спорить же мне с соседкой* и т. п. См. подробнее [Величко 2016а, 2016б, 2017; Книга о грамматике 2009: 38-55].

В таких предложениях роль лексики особенно важна и специфична, что обусловлено самой лингвистической природой ФС, которая выделяет их и среди других фразеологических единиц (ФЕ) и отличает от предложений свободных структур.

Специфика предложений фразеологизированной структуры в том, что они имеют двойственную грамматическую природу: они сформировались и существуют как фразеологизированные построения и в то же время сохранили основные признаки предложения. Они строятся по фразеологизированной структуре (модели), которая определяет их формальную организацию и формирует их значение. В то же время структура ФС включает переменный, лексически свободный компонент, благодаря которому по одной модели может быть построено множество высказываний, ср.: *Как не пойти; Как не помогать; Как не обидеться; Как не волноваться; Как не согласиться*.

Наличие переменного лексически свободного компонента, который может свободно выбираться говорящим и в то же время непосредственно

связан с фразеологическим значением структуры, позволяет проследить закономерности взаимосвязи в таких построениях синтаксического начала и лексической реализации свободного компонента.

Как показывает языковой материал, ФС по-разному взаимодействуют с лексикой, заполняющей переменный компонент, и можно выделить несколько линий такого взаимодействия.

Значительную часть единиц класса фразеологизированных предложений составляют структуры, в которых переменный компонент лексически свободен, то есть для его представления может использоваться неограниченное количество слов разной семантики, ср.: *Тоже мне спортсмен; Тоже мне праздник; Тоже мне город; Тоже мне прогулка; Тоже мне совет; Тоже мне сумка; Тоже мне обед; Тоже мне ссора* и т. п. Это объясняется тем, что высказывания ФС предназначены в русском языке для выражения отношения говорящего к содержанию информации, а эта информация может касаться самых разных сторон действительности, реальной жизни.

Отметим в этой связи и тот факт, что для многих ФС характерно представление переменного компонента словами разных частей речи. Это также говорит о широте значения таких структур: с их помощью говорящий может выразить своё отношение к объекту, к лицу, к действию, а также к признаку или к обстоятельству. Ср.: *Тоже мне стол; Тоже мне спортсмен; Тоже мне выступил; Тоже мне талантливый; Тоже мне далеко* или: *Какой там успел; Какой там отдых; Какой там холодно; Какой там тяжёлые; Какая там помощь.*

Однако в других фразеологизированных структурах переменный компонент органичен в своём лексическом выражении. Другими словами, значение ФС, заключённое в его фразеологизированной модели, строго обусловливает семантику существительных, заполняющих позицию переменного компонента, ограничения связаны с семантикой самой ФС. Так, в предложениях модели ***ах ты* + сущ**., предназначенных для выражения негативной оценки, употребляются существительные со значением оценки лица, в основном – негативной (*обманщик, хитрец, вор, хулиган, баловник, непоседа*), иногда – положительной (*умница, красавица*). Ср.: *Ах ты озорник, не мешай папе!; Ах он хулиган!* Существительные других семантических групп для этой структуры нехарактерны, ср.: **Ах ты студент*; **Ах он слесарь.*

Лексические ограничения в отношении заполнения позиции переменного компонент имеет также ФС модели **(кому) сущ. + *не в* + сущ.:** *Мне сон не в сон; Ему праздник не в праздник; Жизнь не в жизнь; Ей беда не беда.* Структура входит в группу ФС со значением отрицания. Отрицает обычные, характерные признаки названного существительным события, состояния, явления как не воспринимаемые, нереализованные данным

субъектом, неактуальные для него. Соответственно лексическое наполнение переменного компонента ограничено словами: 1) обозначающими физическое, эмоциональное, психическое состояние человека (положительное или отрицательное): *радость, удовольствие, отдых, счастье, сон, горе, беда, тоска, огорчение;* 2) представляющими ситуации, переживаемые, «проживаемые» человеком: *праздник, свадьба, болезнь, жизнь*; 3) называющими род деятельности: *работа, учёба, занятия, игра*.

Например: *Без музыки, без гармониста в деревне раньше был и праздник не в праздник* (В. Солоухин); *Весна не весна и в Париже без Дягилева* (из газет); *У Антона неприятности на работе, и ему праздник не в праздник.* Ср. некорректность предложений этой модели при другом лексическом наполнении: **Ему словарь не в словарь; *Мне стол не в стол.*

Следующий пример касается ФС модели ***ай да* + сущ.** Она передаёт положительную оценку действий, проявлений объекта. Чаще объектом такой оценки является лицо. При этом имеется в виду не оценка его самого с точки зрения внешних данных или нравственных качеств (*умный, добрый, красивый*). Речь идёт не о нём самом, а о его действиях, поведении, проявлении им положительных качеств (а не об их наличии). ФС используется как непосредственная реакция на наблюдаемое поведение лица: *Ай да молодец; Ай да гимнаст!; Ай да Вася! Ай да сестра!* Реакция относительно неодушевлённого объекта возможна, если говорящий ощутил, испытал на себе, почувствовал зрительное, вкусовое, эмоциональное воздействие объекта, ср. например, текст рекламы марки пива: *Ай да пиво! Ай да «Красный Восток!»*. Ср. также: *Ай да мёд! И в голову, и в ноги так и бьёт!; Ай да облепиха* (заголовок газетной заметки).

С другой стороны, можно говорить об обусловливающей роли лексического значения слова, занимающего позицию переменного компонента. Хотя, как отмечалось, и совершенно справедливо, типовое значение ФС формируется независимо от лексического наполнения переменного компонента, однако под влиянием семантики конкретного слова в этой позиции значение ФС получает конкретизацию, может меняться, уточняться и т. п., то есть в некоторых ФС лексическое значение может быть показателем значения высказывания.

Так, в предложениях модели ***что за* + сущ.** со значением недифференцированной оценки конкретный характер оценки определяется лексическим наполнением переменного компонента. Здесь могут использоваться существительные трёх семантических разрядов.

1. Слова, называющие объект, которые сами по себе не содержат и не выражают оценки (*Что за врач!; Что за сестра! Что за дом!; Что за студент*), и в таких случаях характер оценки определяется по контексту, ср.: *Вчера – ненастье. А сегодня – что за день! Солнце, птицы! блеск и*

счастье! Луг росист, цветет сирень (А.И. Майков); *Что за день! Я ужасно устала, даже пообедать некогда.*

2. Существительные, лексическое значение которых содержит положительную оценку (*помощник, талант, умница, радость, удача, счастье* и т. п.).

3. Слова, лексическое значение которых выражает негативную оценку: *лентяй, хулиган, растяпа, безобразие, глупость, ерунда кошмар*.

Естественно, что при использовании слов второй и третьей группы характер оценки понятен без контекста. Ср.: *Что за счастье – быть вечно вдвоём! И ненужных не ждать визитеров* (И. Северянин). *Гостья радостно воскликнула: «Что за чудо эта сельская жизнь!»* (А. Чехов*). Что за нелепость давать ему поручение к богатому родственник*у! (П. Боборыкин). *Что за растяпа! Опять зонтик забыл!*

Те же закономерности определяют содержание других ФС недифференцированной оценки: ***вот так* + сущ./глаг**. и ***ну и* + сущ./глаг.**: *Вот так хозяйка!; Вот так помог!; Вот так придумал!; Ну и сюрприз, Ну и радость; Ну и выступил!; Ну и лентяй; Ну и труженик.*

Как показал конкретный материал, для семантической организации предложения ФС может иметь значение отнесённость существительного к группе имён нарицательных или собственных. Так, фразеологизированные предложения модели **сущ. + *как* + сущ**. указывают, что объект, его признаки соответствуют норме, оценивают его как соответствующий обычному, традиционному представлению о нём: *Город как город!; Студент как студент; Девушка как девушка; Район как район.*

Однако включение в высказывание этой модели имени собственного или названия места, города изменяет смысл высказывания: оно указывает не на обычные качества объекта, ничем не отличающие его от других, однотипных, а на неизменность свойств, поведения объекта по сравнению с другим, обычно предшествующим отрезком времени. Например, в статье под заголовком «*Рим как Рим*» автор рассказывает, что он, приехав в Рим после перерыва, и в этот раз увидел город таким же, как и прежде, что, даже изменившись за тысячелетия, Рим остался самим собой. Ср. также: *Саша как Саша. По-прежнему увлекается шахматами, книгами и не любит спорт; Сейчас в Арктике как в Арктике. Кругом льды, снега и температура под шестьдесят градусов; «На войне как на войне»* (название кинофильма).

Отметим, что М.В. Всеволодова подчёркивает: традиционное деление имён существительных на собственные и нарицательные не случайно, важно и что «в последние десятилетия они стали объектом специального изучения в плане их поведения в предложении» [Всеволодова 2000: 51]. Она анализирует синтаксическую специфику поведения имён собствен-

ных [Там же: 51–53]. Отмеченное выше изменение смысла фразеологизированного высказывания при использовании в нём имени собственного вместо нарицательного обусловлено именно тем, что, как отмечает М.В. Всеволодова, «имя собственное – это прежде всего имя индивидуального объекта в пределах некоторого класса названного именем нарицательным» [Там же: 51].

Обусловливающая роль лексического заполнения ФС проявляется также в том, что значение некоторых фразеологизированных предложений связано с наличием или отсутствием у существительных форм единственного и множественного числа либо с тем, имеет форма числа существительного грамматическое или специализированное значение.

Рассмотрим с этой точки зрения ФС ***всем*** **+ сущ.д.п. мн. + сущ.и.п. ед.**, предназначенную для выражения положительной оценки с элементом сравнения и превосходства: *Всем пирогам пирог*!; *Всем городам город!; Всем праздникам праздник*. Модель включает повторяющееся существительное, которое сначала выражается формой дательного падежа обычно множественного числа, а затем то же существительное стоит в форме именительного падежа и называет конкретный предмет того же класса, который является объектом сравнения. Говорящий выделяет в оцениваемом объекте наилучшие качества, свойства или отмечает у него наивысшую степень проявления каких-либо качеств и тем самым противопоставляет его другим представителям класса (существительное в форме дат. п. мн. ч.), указывает на превосходство данного объекта по сравнению с подобными. Так, высказывание *Всем пирогам пирог* означает ‘Это самый хороший (вкусный, красивый) пирог из всех пирогов, которые я знаю, которые я ел’.

Первое существительное, т. е. первый свободный компонент, обычно используется в форме множественного числа, так как обозначает множество, группу, класс предметов, объектов, с которыми сравнивается оцениваемый объект: *Всем пирогам..; Всем городам.., Всем праздникам…* Однако в ряде случаев возможно использование формы единственного числа. Это характерно, если существительное в форме ед. и мн. числа передаёт разные значения или существительное имеет только форму ед.ч. Ср.: *Всей воде вода! Всей рыбе рыба! Всей мебели мебель!* При таких существительных использование формы ед. или мн. числа указывает на различие в смысле высказываний, ср.: *Всей воде вода! – Всем водам вода!; Всей рыбе рыба! – Всем рыбам рыба / рыбина.*

Употребление в данной ФС существительных с особой функцией форм числа возможно, если они обозначают объект (например, вещество или совокупность чего-либо), который осознаётся или воспринимается как делимый, как имеющий части, отдельные экземпляры, разные виды,

сорта, которые могут противопоставляться, сравниваться, сопоставляться с точки зрения разнообразия, разновидностей. Таковы примеры, приведённые выше, ср. также: *Всем радостям радость; Всем порядкам порядки; Всем морозам мороз*. Существительные, не отвечающие этой семантике, не могут использоваться в этой структуре в форме единственного числа. Таковы, например, существительные *порядок, красота, радость аккуратность, чистота, доброта, честность, любовь*. Так, высказывание *Всему счастью счастье* звучит неестественно, так как 'счастье' не оценивается по шкале качества ('плохое – лучше – хорошее') или количества ('мало, много, самое большое').

Следует отметить также, что второе существительное, называющее оцениваемый объект, может использоваться в форме не только единственного числа, но и множественного числа, если это семантически мотивировано. Например, в высказываниях *Всем пирогам пирог* и *Всем пирогам пироги* использование форм *пирог* и *пироги* указывает, оценивается ли один общий пирог или порционные, маленькие пироги. В высказывании *Всем арбузам арбузы* оценивается данный сорт или партия арбузов. Например: *Арбузы в этом году уродились замечательные. Всем арбузам арбузы!; Я больше всего люблю астраханские арбузы и именно их выращиваю. Всем арбузам арбузы!* В высказывании же *Всем арбузам арбуз* оценивается один особенный экземпляр. Например: З*амечательный арбуз мы ели вчера – сладкий и сочный. Всем арбузам арбуз!* Ср. также: *В этом лесу часто попадаются белые грибы. Это всем грибам грибы! – Я нашла большой, крепкий, красивый гриб. Всем грибам гриб!*

В анализируемом классе предложений имеются фразеологизированные построения, структурно и семантически соотносимые со сложными предложениями, так как они биситуативны, содержат две ситуации, связанные определенными отношениями. Лексическое наполнение переменных компонентов таких структур также может играть определенную роль в их семантической организации.

Такова ФС, которая строится по модели, имеющей два структурных варианта: а) ...***не такой... чтобы*** **+ инф.,** б) ...***не так... чтобы*** **+ инф**. Ср.: *Фильм не такой интересный, чтобы смотреть его второй раз*; *Фильм не так интересен, чтобы смотреть его второй раз; Еще не так темно, чтобы включать свет; Он не так хорошо знает город, чтобы гулять по городу одному*.

Данная структура включает две предикативные единицы, связанные определенными отношениями. Первая часть называет причину, обусловливающую интерпретацию, модальную квалификацию действия, названного инфинитивом второй части. Вторая часть, начинающаяся с союза *чтобы*, чаще указывает на ненужность, нецелесообразность действия,

обозначенного инфинитивом. Значение ненужности является здесь основным, ради него говорящий использует эту структуру. В первой части называется объект, с которым связано выполнение действия, и содержится его характеристика, обусловливающая нецелесообразность выполнения действия, выраженного инфинитивом второй части. Таким образом, в данной ФС содержатся два утверждения, связанных причинно-следственными отношениями: в первой части называется причина, по которой названное действие рассматривается как ненужное. Так, приведённое выше предложение *Фильм не такой интересный, чтобы смотреть его второй раз* означает: ‘Не стоит смотреть этот фильм второй раз, потому что он не очень интересный/не очень интересен’, а содержание предложения *Ещё не так темно, чтобы включать свет* можно передать так: ‘Не стоит включать свет, так как ещё не очень темно’.

Приведём другие примеры, иллюстрирующие данную ФС и показывающие особенности её структурного оформления: *Дети пока не такие большие, чтобы оставлять их дома одних; Его сочинение не такое плохое, чтобы ставить за него тройку; Мальчик не так музыкален, чтобы приглашать для него учителя музыки; Деревня находится не так близко, чтобы идти туда пешком; Не так уж она ему доверяет, чтобы обсуждать с ним свои служебные дела. Мы не так молоды, чтобы совершать нелепые поступки.*

При другом лексическом наполнении частей смысловое соотношение частей, то есть характер причинной связи меняется, и действие второй часть квалифицируется как невозможное. Например: *Пьеса не такая простая, чтобы исполнить ее без нот; Правило не такое короткое, чтобы быстро его запомнить; Он не такой талантливый актер, чтобы сыграть эту роль.*

Смысл этих предложений таков: ‘*Пьесу невозможно исполнить без нот, так как она не очень простая*’, ‘*Правило невозможно быстро запомнить, потому что оно не очень короткое*’; ‘*Актёр не сможет сыграть эту роль, так как он не очень талантливый’.* Предложения, реализующие эту структуру, указывают на невозможность выполнения, осуществления действия, названного инфинитивом во второй части, из-за присущих субъекту или объекту качеств, свойств, которые названы в первой части.

Таким образом, здесь мы встречаемся с семантической неоднозначностью фразеологизированной структуры, обусловленной различием в лексическом наполнении свободного компонента, меняющем смысловое соотношение её частей: конкретные предложения, реализующие её, могут передавать значение и ненужности, и невозможности.

В выражении названных модальных значений важную роль играет видовая форма инфинитива второй части: как известно, форма несовершенного вида типична для выражения ненужности, а форма совершенного вида обычна при выражении невозможности (см. приведённые примеры). Однако значение невозможности не обязательно требует для своего выражения формы совершенного вида, иногда на него указывает смысловое соотношение частей. В таких случаях форма несовершенного вида глагола обычно обозначает длительное, регулярное или повторяющееся действие: *Работа не такая приятная, чтобы получать от неё удовольствие и удовлетворение*; *Он не так хорошо знает язык, чтобы переводить такие трудные тексты.*

Другой пример касается ФС, которую иллюстрируют следующие предложения: *Приехать-то брат приехал, но погостит у нас всего неделю*; *Видеть-то этот словарь я видела, а купить не смогла*; *Начинать-то читать эту книгу я начинал, а прочитать не успел*; *Мастер-то он мастер, но такие машины он не ремонтирует*; *Талантливый-то он талантливый, но характер у него непростой.*

Фразеологизированной является первая часть структуры. Фразеологичность создаётся повторением свободного компонента, соединением разных форм одного слова, использованием частицы *то*. Вторая часть строится свободно; она содержит информацию противоречащего, уточняющего, ограничительного характера относительно того, что выражается в первой части. Содержание таких высказываний можно передать сложноподчинённым уступительным предложением или сложносочинённым предложением с противительным союзами *но, однако*, например: '*Хотя брат приехал, он пробудет у нас всего неделю*', '*Брат приехал, но пробудет он у нас всего неделю*'.

На основании смыслового соотношения первой и второй частей выделяются два семантических оттенка в рамках общего противительно-уступительного значения данной ФС. Во-первых, в таких высказываниях могут называться два действия (события), находящихся в собственно уступительных отношениях, когда во второй части называется действие, наступившее вопреки первому и ограничивающее его, препятствующее его осуществлению (см. приведённые примеры). Во-вторых, предложения данной ФС могут иметь противительно-уступительное значение с оттенком компенсации. Во второй части таких предложений сообщается о действии, которое предвосхищает или компенсирует, возмещает ещё не наступившее первое действие или смягчает негативность его отсутствия. Например: *Приехать-то брат пока не приехал, но прислал хорошее подробное письмо; Купить-то словарь я не купила, но узнала, где он про-*

даётся. Молодой то это молодой поэт, но он очень талантливый; Далеко-то далеко находится эта деревня, но природа там красивая и река рядом.

В высказывания ФС, выражающие уступительные отношения с оттеком компенсации, можно включить союз *зато*, акцентирующий этот оттенок: *Приехать-то брат не приехал, но зато прислал хорошее подробное письмо*.

Характер лексического наполнения ФС может быть связан с условиями употребления реализующих её высказываний в тех или иных коммуникативных условиях. Показательной в этом отношении является уже кратко представленная ранее ФС ***ах ты /он* + сущ.** при рассмотрении её с позиций дискурсивного анализа (*Ах ты озорник; Ах ты бандит*). Её коммуникативная характеристика определяется взаимодействием, переплетением собственно языковых, прагматических и лексико-стилистических факторов. Эта ФС выражает, как правило, негативную оценку лица, и переменный компонент в ней представляют существительные соответствующей семантики. Это довольно большая группа существительных, имеющая внутреннее семантическое деление, и соответственно для оценочной характеристики групп лиц, противопоставляемых по возрасту, полу, статусу, употребляются разные существительные, заполняющие позицию переменного компонента.

Так, существительные *баловник, баловница, озорник, озорница, шалун, шалунья, непоседа, фантазёр, фантазёрка* и др. обычно используются для характеристики ребёнка. Не случайно в толковых словарях эти существительные сопровождаются уточнением «обычно о детях», или «преимущественно о детях», ср., например: «озорник – тот, кто озорничает (обычно о детях). // *ж.* озорница» [Ожегов 1990: 446]. Ср.: *Ах ты баловница! Зачем ты надела папину шляпу!* В данном случае негативная оценка звучит мягко, нередко с оттенком умиления, любования. Нередко ребенка ругают, но в душе могут и любоваться или даже радоваться, например, говоря *Ах ты озорник! Разобрал на части новую машинку,* говорящий в то же время радуется сообразительности и ловкости малыша. Подобные высказывания используются как воспитательный момент, рассчитанный на понимание адресатом норм поведения.

Использование тех же существительных по отношению к юным девушкам также смягчает степень негативности оценки, порицание звучит мягко, незлобно, говорящий как бы допускает нарушение нормы поведения, учитывая, что адресат ещё очень молод и неопытен. Показательно, что использование названных существительных по отношению к юношам и молодым мужчинам нехарактерно.

При использовании этой ФС по отношению к взрослым мужчинам (и женщинам), допустившим грубое нарушение общественного порядка

или преступившим закон, подбираются существительные, выражающие социальную негативную оценку, звучащую резко и даже агрессивно (*хулиган, бандит, вор, преступник* и т. д.). Такие оценки обычно даются говорящим в общественных местах, где он стал свидетелем нарушения, и адресатом является нарушитель (нередко незнакомый говорящему): *Ах ты вор! Сумку у женщины хотел вырвать!; Ах ты бандит! Ударил пожилого мужчину; Ах ты нахал! При женщинах такие слова произносишь!*

Как промежуточные можно рассматривать ситуации, когда довольно агрессивные оценки адресуются знакомым или незнакомым лицам за менее значительные нарушения общественного порядка или моральных принципов, норм поведения: *Ах ты хулиган! Взрослый парень, а деревце зачем-то сломал!; Ах ты хулиган! Уже школьник, а мучаешь кошку.*

Такие высказывания в нейтральном неофициальном общении крайне редки, так как их использование разрушает атмосферу доброжелательности, переводит общение в конфликт («диалог соперничества» – это другой случай).

Коммуникативная ограниченность рассматриваемой ФС во многом определяется также тем, что существительные, употребляемые в ней, как правило, стилистически окрашены и сопровождаются пометами «разговорное» (*болтун, зевака, дурак*), «просторечное» (*шалопай*), «бранное» (*балда*), «неодобрительное» (*растяпа, ротозей*).

Коммуникативная и семантико-стилистическая специфика этой ФС обусловливает также то, что в ней используется местоимение ***ты***, а местоимение ***вы*** практически не встречается, ср.: **Ах вы бандит; *Ах вы вор; *Ах вы балда!; *Ах вы нахалка; *Ах вы ротозей".*

Подробный анализ особенностей лексического наполнения ФС и его роли в формировании семантики самой ФС подтверждает идею о тесной взаимосвязи лексики и синтаксиса, о важной роли, которую играет лексика при формировании синтаксических построений. Что касается практики преподавания, то на особенности лексического наполнения фразеологизированных предложений следует обращать внимание учащихся, чтобы они адекватно понимали значение ФС и правильно их употребляли в своей речи.

Литература / References

1. *Амиантова Э.И., Всеволодова М.В. Клобукова Л.П.* Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. 2001, № 6. С. 215–232.
2. *Всеволодова М.В.* Основания практической функционально-коммуникативной грамматики русского языка // Языковая системность при коммуникативном обучении. М.: Русский язык, 1988. С. 26–36.

3. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та 2000.
4. *Всеволодова М.В.* Функционально-теоретическая прикладная грамматика как компендиум теоретических и прагматических знаний о современном русском языке // Русский язык за рубежом, 2005, № 3–4. С. 48–59.
5. *Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Русский язык, 1982. (См. также: *Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. 2-е изд., доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.)
6. *Всеволодова М.В., Лим Су Ён.* Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов со значением оценки. М.: МАКС Пресс, 2002.
7. *Величко А.В.* Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование: Монография. М.: МАКС Пресс, 2016. (2016а)
8. *Величко А.В.* Когда есть о чём поговорить, или Предложения фразеологизированной структуры в русской речи: учебное пособие для иностранных учащихся. СПб.: Златоуст, 2016. (2016б)
9. *Величко А.В.* Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: Дис. … докт. филол. наук. М., 2017.
10. Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / Под ред. А.В. Величко, 3-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 38–55.
11. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой, 22-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1990.

DOI 10.29003/M138.LMC2018-60/31-43

К ВОПРОСУ О НАРЕЧНЫХ ПРЕДЛОГАХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е.Н. Виноградова

ON THE ISSUE OF ADVERBIAL PREPOSITIONS IN RUSSIAN

E.N. Vinogradova

ABSTRACT:
The article is devoted to the description of adverbial prepositions, a subgroup of Russian propositions. Views of this linguistic phenomenon, beginning with M. Lomonosov's, N. Grech's, A. Vostokov's, V. Vinogradov's grammars to "Russian grammar – 70" and "Russian Grammar – 80", and lists of adverbial prepositions given in these works are discussed as well as the main problems connected with the indefinite status of adverbial prepositions and possible ways of overcoming these problems.

Keywords: part of speech; preposition; adverb; adverbial preposition; homonymy; Russian grammar

АННОТАЦИЯ:
Статья посвящена истории выделения и описания наречных предлогов как специфического разряда предлогов в русском языке. В ней рассматривается развитие представлений о предлогах-наречиях, начиная с грамматики М.В. Ломоносова, и сопоставляются списки наречных предлогов в грамматиках М.В. Ломоносова, Н.И. Греча, А.Х. Востокова, В.В. Виноградова, а также в «Русской грамматике – 70» и «Русской грамматике – 80». В статье называются основные проблемы, вызываемые «неопределенным статусом» наречных предлогов.

Ключевые слова: часть речи; предлог; наречие; наречный предлог; омонимия; грамматика русского языка

М.В. Всеволодова вдохновила коллег в разных странах обратиться к изучению предлогов. Их «сбор» и анализ, а также работа над созданием материалов к словарям вскрыли целый ряд «белых пятен» в существующих (прежде всего в различных грамматиках и словарях) описаниях предлогов, которые, можно не сомневаться, послужат «флагом в руки», «ветром в спину», а также «желтой майкой лидера» для плеяды последователей. Назовем некоторые из них:

1) «неопределенность» термина «предлог» в лингвистике [Всеволодова и др. 2003];

2) «размытость» круга единиц, относимых к предлогам [Всеволодова 2012б];

3) необходимость выработки объективных операциональных методов, позволяющих определять степень грамматикализации предлога [Всеволодова 2011];

4) необходимость создания грамматики предлогов [Всеволодова 2011];

5) неоднозначность соотнесения нормы, системы и узуса [Всеволодова 2015];

6) отсутствие строгой и непротиворечивой системы морфосинтаксических типов предлогов [Всеволодова 2012а];

7) спорный деривационный статус мотивированных предлогов (проблема наречных предлогов, бифункциональных слов).

В данной статье мы обратимся к одному классу – наречным предлогам, рассмотрим его состав и историю его описания, продемонстрируем различные точки зрения на этот, во многом, спорный и «загадочный» класс.

Напомним, что традиционно, в частности, в «Грамматике современного русского языка» [Грамматика современного русского языка 1970] (РГ-70) и «Русской грамматике» [Русская грамматика 1980] (РГ-80) непроизводные предлоги делятся на наречные, отыменные, отглагольные. Уже из названий этих классов видно, что разбиение на них проведено на разных основаниях: так, отглагольные и отыменные предлоги, очевидно, происходят **от** форм предлога и глагола (деепричастий), наречные же (а не **от**наречные!) предлоги, видимо, выделены на другом основании. В РГ-80 выделено 67 наречных предлогов, составляющих две группы:

а) 46 простых наречных предлогов: ***близ, вблизи, вглубь, вдоль, взамен, вместо, вне, внутри, внутрь, возле, вокруг, вопреки, впереди, вроде, вслед, касательно, мимо, наверху, навстречу, накануне, наперекор, напротив, около, округ, относительно, поверх, подле, подобно, позади, помимо, поперек, после, посреди, посередине, прежде, против, сбоку, сверх, свыше, сзади, сквозь, согласно, сообразно, соответственно, соразмерно, среди***;

б) 21 составной наречный предлог: ***вблизи от, вдалеке от, вдали от, вместе с, вплоть до, впредь до, вровень с, вслед за, наравне с, наряду с, невдалеке от, независимо от, применительно к, рядом с, следом за, совместно с, согласно с, сообразно с, соответственно с, соразмерно с, сравнительно с***.

В работе [Всеволодова и др. 2014: 126] ставится под сомнение правомерность выделения наречных предлогов. Авторы показывают, что эта группа распадается на

а) отадъективные предлоги: ***касательно, соразмерно*** и под.;

б) немотивированные (непроизводные) предлоги: ***прежде, мимо, возле, около, подле, после, помимо, сквозь, напротив*** и под.;

в) отыменные предлоги: ***вглубь, внутрь, взамен, вслед, наверху, сбоку*** и т. д.

Каков же статус наречных предлогов? Каковы основания для выделения данной группы? Обратимся к истории описания наречных предлогов в русском языке.

В одной из первых грамматик собственно русского языка – в “Grammatica Russica” Г. Лудольфа (1696 г.) [Ларин 2002] – предлоги даются единой группой (названо 23 предлога), в том числе ***кромѣ, опричь, околъ, после, прежде, противъ, черезъ***[1].

По-видимому, первым ученым, заметившим специфичность подобных единиц, был М.В. Ломоносов, который пишет о том, что кроме «прямых» предлогов выделяется особый класс слов: «это суть купно наречия и предлоги, ибо говорим: ***прежде*** *времени,* ***внутри*** *дома,* ***внѣ*** *храма,* ***блиско*** или ***близъ*** *рѣки,* ***противъ*** *горы,* ***подлѣ*** *берега,* ***черезъ*** *ровъ,* ***сквозь*** *двери,* ***послѣ*** *бури,* ***мимо*** *дѣла,* ***кромѣ*** или ***опричь*** *товарища*. Здесь видим силу предлогов. Но в *я былъ прежде здоровъ, останься внутри* или *внѣ, не подходи блиско, вооруженъ противу, обойди около, не стой подлѣ, другъ прошолъ мимо, сквозь пробиться, перелесть черезъ, притти послѣ,* наречия находим» [Ломоносов 1952: 552]. Думается, что именно М.В. Ломоносов заложил традицию выделения наречных предлогов, хотя специального термина для таких слов он не вводил, указывая лишь на омонимию наречий и предлогов.

Авторы двух самых известных грамматик русского языка XIX века – Н.И. Греч и А.Х. Востоков – по-разному трактуют предлоги (см. таблицу 1). Н.И. Греч в своей «Пространной грамматике русского языка» [Греч 1830: 393–394] кроме собственно предлогов выделяет «еще наречия, имеющие силу приставок: ***близъ, вдоль, вмѣсто, внѣ, внутри, внутрь, возлѣ, вопреки, впереди, впередъ, кромѣ, между (межъ), мимо, около, окрестъ, опричъ, поверхъ, подлѣ, позади, позадь, послѣ, прежде, противъ, насупотивъ, назади***[2]***, сверхъ, среди, средь***». Отметим, что закрытый список, предлагаемый Н.И. Гречем, более, чем в два раза, увеличивает открытый ряд наречий-предлогов М.В. Ломоносова. По сравнению с грамматикой М.В. Ломоносова в грамматике Н.И. Греча можно выделить следующие отличия в описании наречных предлогов.

1. Н.И. Греч называет 17 новых предлогов-наречий: ***вдоль, вмѣсто, внутрь, возлѣ, вопреки, впереди, впередъ, между, межъ, назади, насупотивъ, окрестъ, поверхъ, позадь, сверхъ, среди, средь.***

[1] Мы сохраняем авторскую орфографию при перечислении предлогов, называемых тем или иным ученым. Из представленного материала видно, что написание ряда предлогов изменялось в течение времени.

Таблица 1.

Сопоставительные списки предлогов-наречий в грамматиках XVIII–XIX веков

	наречия-предлоги	М.В. Ломоносов	Н.И. Греч	А.Х. Востоков
1.	***близъ***	+	+	+
2.	***блиско***	+	-	-
3.	***вдоль***	-	+	+
4.	***вмѣсто***	-	+	+
5.	***внѣ***	+	+	+
6.	***внутри***	+	+	+
7.	***внутрь***	-	+	+
8.	***возлѣ***	-	+	+
9.	***вопреки***	-	+	+
10.	***впереди***	-	+	-
11.	***впередъ***	-	+	-
12.	***для***	-	-	+
13.	***кромѣ***	+	+	+
14.	***между***	-	+	+
15.	***межъ***	-	+	+
16.	***мимо***	+	+	+
17.	***назади***	-	+	-
18.	***насупротивъ***	-	+	+
19.	***около***	+	+	+
20.	***окрестъ***	-	+	+
21.	***опричь***	+	+	+
22.	***поверхъ***	-	+	+
23.	***подлѣ***	+	+	+
24.	***позади***	+	+	+
25.	***позадь***	-	+	-
26.	***послѣ***	+	+	+
27.	***посреди***	-	-	+
28.	***прежде***	+	+	+
29.	***промежъ***	-	-	+
30.	***противъ***	+ ***противу*** (наречие)	+	+ ***противу***
31.	***ради***	-	-	+
32.	***сверхъ***	-	-	+
33.	***сзáди / созадú***	-	-	+
34.	***сквозь***	+	простой	+
35.	***среди***	-	+	+
36.	***средь***	-	+	-
37.	***черезъ***	+	простой	простой

2. В то же время Н.И. Греч не отмечает упомянутых М.В. Ломоносовым ***блиско*** и варианта[2] ***противу*** предлога-наречия ***против***.

3. Из омонимичных предлогов и наречий XVIII века, грамматист XIX века исключает ***сквозь*** и ***через***, относя их к простым (напомним, что Г. Лудольф включал их в свой список предлогов русского языка). Изменения представлений о предлогах-наречиях в грамматических описаниях XVIII–XIX веков отражены в таблице 1.

Как и М.В. Ломоносов, Н.И. Греч лишь отмечает, что к предлогам можно отнести и некоторые наречия. Подчеркнем, что других типов предлогов (исключая сложные ***из-за*** и ***из-под***) ученый не выделяет, то есть в его представлении система предлогов следующая: простые, сложные, наречия-предлоги.

Современник Н.И. Греча А.Х. Востоков, как кажется, первым отмечает [Востоков 1874: 113], что в виде предлогов могут употребляться не только наречия (***близь, вдоль, вмѣсто, внутри, внутрь, внѣ, возлѣ, вопреки, для, кромѣ, между (межъ, промежъ), мимо, насупротивъ, около, окрестъ, опричъ, поверхъ, подлѣ, позади, послѣ, посреди, прежде, против (противу), ради, сверхъ, зáди*** или ***созадú, сквозь, среди***), но и

- произведенные от прилагательных среднего рода наречия ***относительно, касательно, сообразно, соотвѣтственно, соразмѣрно***;
- деепричастия ***исключая, не смотря на*** (орфография А.Х. Востокова – *Е. В.*) и нек. др.
- существительные в разных падежах, например, ***въ разсужденіи, съ помощью, посредствомъ, по мѣрѣ***.

Таким образом, А.Х. Востокова можно считать пионером сразу в двух отношениях: во-первых, он вводит понятие «производность», показывая предлоги, образованные от прилагательных, и тем самым закладывает фундаментальное сегодня противопоставление «первообразные *vs*. непервообразные предлоги». Во-вторых, ученый отмечает, что в виде предлогов употребляются деепричастия и формы существительных (ср. отыменные и отглагольные предлоги). Следует добавить, что А.Х. Востоков вполне оправданно выделяет в отдельную группу отадъективные единицы, которые в современных грамматиках не совсем, как кажется, корректно отождествляются с наречными предлогами.

---

[2] Анализ указанных грамматик выявляет проблему выделения предлогов и их вариантов: так, М.В. Ломоносов дает 2 предлога-наречия как варианты: ***блиско*** или ***близъ*** *рѣки*; и ***кромѣ*** или ***опричь*** *товарища,* которые, думается, связаны общностью семантики; Н.И. Греч называет (дает в скобках к основному предлогу) лишь один вариант ***между*** (***межъ***); А.Х. Востоков в качестве вариантов представляет ***между (межъ, промежъ), противъ (противу)*** и ***зáди*** или ***созадú.***

Особого внимания заслуживает примечание А.Х. Востокова о том, что «наречия и другие слова, в виде предлогов употребляемые, отличаются от предлогов, собственно так называемых, тем, что могут отделяемы быть от слов, коим предшествуют, вставкой союзов ***бы, же, ли***; предлоги же не терпят за собой таких вставок» [Востоков 1874: 113]. Отметим, что этот критерий и сегодня называется среди признаков первообразных предлогов, ср. работу Н.А. Еськовой [Еськова 1996: 461], где говорится о том, что между первообразным предлогом и падежной формой невозможна вставка частицы: **в же качестве мяса (не приходится сомневаться), *в ли порочной связи (с преступными миром)* и под., в то время как между непервообразными предлогами и управляемой формой вставка частицы возможна: *в качестве же адвоката, в связи же с последними событиями.*

Сопоставление списков предлогов-наречий А.Х. Востокова и М.В. Ломоносова позволяет выявить следующие отличия в их описании:

1. А.Х. Востоков вводит в список предлогов-наречий ***для*** и ***ради***, которые ни ранее, ни позднее не квалифицировались подобным образом. Думается, что мотивом для отнесения их к данному классу является их возможность занимать постпозицию по отношению к управляемому имени.

2. А.Х. Востоков относит предлог-наречие ***черезъ***, названный М.В. Ломоносовым, к собственно предлогам.

3. А.Х. Востоков приводит закрытый список предлогов-наречий, называя 13 новых по отношению к грамматике М.В. Ломоносова наречий-предлогов: ***вдоль, вмѣсто, внутрь, возлѣ, вопреки, между (межъ, промежъ), насупротивъ, окрестъ, поверхъ, посреди, сверхъ, зáди*** или ***созадú, среди.***

4. Так же, как и Н.И. Греч, А.Х. Востоков не отмечает упомянутого М.В. Ломоносовым варианта ***блиско***, однако в отличие от своего современника называет вариант ***противу*** предлога-наречия ***против***.

Особый интерес вызывает сравнение представлений о предлогах, изложенных в грамматиках Н.И. Греча и А.Х. Востокова. Оба автора приводят закрытые списки из 28 предлогов-наречий, которые, однако, не полностью совпадают:

1. Только Н.И. Греч называет среди предлогов-наречий ***впереди, впередъ, назади, позадь, средь***.

2. Только А.Х. Востоков называет (спорные) ***для*** и ***ради***, а также ***посреди***, ***промежъ***, ***зáди*** или ***созадú***.

3. Н.И. Греч относит ***сквозь*** к собственно предлогам, а А.Х. Востоков – к предлогам-наречиям.

Таким образом, в XVIII веке М.В. Ломоносов первым выделяет предлоги-наречия, а в XIX веке Н.И. Греч и А.Х. Востоков значительно увеличивают состав этой группы. А.Х. Востоков закладывает основу традиционной классификации предлогов, вводя понятие производных предлогов и заявляя о функционировании деепричастий и форм существительных в качестве предлогов. Анализ рассмотренных выше грамматик показывает, с одной стороны, отсутствие единого бесспорного перечня предлогов (т. е. субъективизм ученых при включении тех или иных единиц в состав предлогов), а с другой – размытость границы между простыми предлогами и предлогами-наречиями. Подчеркнем также, что предлоги-наречия выделяются грамматистами не на словообразовательном основании, а на базе омонимии предлогов и наречий. В XX веке ситуация кардинально меняется.

В середине XX века В.В. Виноградов пишет: «известна большая группа слов, употребляемых с одинаковым правом и в роли наречий, и в роли чистых предлогов. Таковы, например: ***близ, вдоль, вне, внутрь, возле, вокруг, кругом, мимо, напротив, насупротив, около, окрест, поверх, подле, позади, после, посреди, прежде, против, сверх, сзади, сквозь, среди*** и другие подобные» [Виноградов 2001: 327]. Кроме того, академик выделяет предлоги, связанные с качественными наречиями: ***относительно, касательно, подобно, сообразно, соразмерно, согласно, соответственно*** и др., то есть в некотором смысле продолжает традицию А.Х. Востокова.

Приведем еще одно важное замечание, сделанное знаменитым русистом относительно того, что «необходимо отказаться от распространенного предрассудка, будто имена существительные и прилагательные на пути к деноминализации и к превращению в связочные слова непременно проезжают через станцию наречий (ср. постепенный, но непосредственный переход в предлоги таких сочетаний: ***ввиду*** *чего-нибудь,* ***вроде*** *чего-нибудь,* ***по случаю*** *чего-нибудь,* ***по части*** *чего-нибудь,* ***по линии*** *чего-нибудь* и т. п.; но ср. гибридный тип наречий-предлогов: ***впредь до*** *чего-нибудь,* ***кругом*** *чего-нибудь* и многие другие)» [Виноградов 2001: 327].

В современном «Грамматическому учению о слове» «Очерке грамматики русского литературного языка» Р.И. Аванесов и В.Н. Сидоров [Аванесов, Сидоров 1945: 226] ограничиваются лишь констатацией того факта, что в качестве предлогов могут употребляться некоторые наречия и деепричастия, сочетаясь в этом случае с существительными в определенных падежах: ***вокруг, мимо, согласно, благодаря*** и др.

Последующие русские грамматики – РГ-70 и РГ-80 – следуют за В.В. Виноградовым и делят предлоги на первообразные и производные, среди которых различаются наречные, отглагольные и отыменные предлоги. Очевидно, что именно в XX веке в одну группу наречных предлогов

стали относить предлоги-наречия и отадъективные предлоги-наречия (по А.Х. Востокову).

Отметим, что все грамматики русского языка, изданные в XX веке (за исключением РГ-80) ограничиваются открытыми списками предлогов-наречий, поэтому их сопоставление трудно считать объективным, приведем лишь соотносительные списки предлогов (см. таблицу 2) и некоторые наблюдения.

1. В грамматиках XX века исчезают некоторые предлоги-наречия: ***впередъ, назади, опричь, позадь***.

2. Единицы ***меж / между*** и ***чрез / через*** единогласно отнесены к первообразным предлогам.

3. В наиболее полный закрытый список РГ-80 не включены некоторые предлоги-наречия, называемые в РГ-70 и / или в [Виноградов 2001]: ***вдоль по, насупротив, окрест, сверху***.

4. Единица ***кроме*** отнесена к предлогам-наречиям в [Виноградов 2001], а в РГ-80 – к первообразным предлогам.

5. Предлог ***сквозь*** отнесен к первообразным в РГ-70 и упомянут как в первообразных, так и в наречных в [Виноградов 2001], а в РГ-80 –входит в число наречных.

6. Предлог ***вроде*** отнесен в [Виноградов 2001] и РГ-70 к отыменным, а в РГ-80 – к наречным.

Таблица 2.

Сопоставительные списки предлогов-наречий в грамматиках XX века

		[Виноградов 2001] (открытый список)	РГ-70 (открытый список)	РГ-80 (закрытый список)
1.	***близ***	+	-	+
2.	***вблизи***	-	+	+
3.	***вблизи от***	-	-	+
4.	***вглубь***	-	-	+
5.	***вдалеке от***	-	-	+
6.	***вдали от***	-	-	+
7.	***вдоль***	+	+	+
8.	***вдоль по***	-	+	-
9.	***взамен***	-	-	+
10.	***вместе с***	-	-	+
11.	***вместо***	+	-	+
12.	***вне***	+	+	+
13.	***внутри***	+	+	+
14.	***внутрь***	+	+	+
15.	***возле***	+	-	+
16.	***вокруг***	+	+	+
17.	***вопреки***	+	-	+

18.	***впереди***	+	+	+
19.	***вплоть до***	-	-	+
20.	***впредь до***	предл. сочет.	-	+

21.	***вровень с***	-	-	+
22.	***вроде***	-	-	+
23.	***вслед***	-	+	+
24.	***вслед за***	предл. сочет.	-	+
25.	***касательно***	+	-	+
26.	***кроме***	+	-	-
27.	***кругом***	+	+	-
28.	***мимо***	+	+	+
29.	***наверху***	-	-	+
30.	***навстречу***	-	+	+
31.	***накануне***	-	-	+
32.	***наперекор***	-	+	+
33.	***напротив***	+	+	+
34.	***наравне с***	-	-	+
35.	***наряду с***	-	-	+
36.	***насупротив***	+	-	-
37.	***невдалеке от***	-	-	+
38.	***независимо от***	+	-	+
39.	***около***	+	+	+
40.	***окрест***	+	-	-
41.	***округ***	-	-	+
42.	***относительно***	+	-	+
43.	***поверх***	+	+	+
44.	***подле***	+	+	+
45.	***подобно***	+	-	+
46.	***позади***	+	+	+
47.	***помимо***	-	-	+
48.	***поперек***	+	+	+
49.	***после***	+	+	+
50.	***посередине***	-	-	+
51.	***посреди***	+	+	+
52.	***прежде***	+	+	+
53.	***применительно к***	предл. сочет.	-	+
54.	***против***	+	-	+
55.	***рядом с***	-	-	+
56.	***сбоку***	-	+	+
57.	***сверх***	-	-	+
58.	***сверху***	-	+	-
59.	***свыше***	-	+	+
60.	***сзади***	+	+	+
61.	***сквозь***	первообр. и наречн.	первообр.	+
62.	***следом за***	+	-	+
63.	***совместно с***	-	-	+
64.	***согласно***	+	+	+
65.	***согласно с***	+	-	+
66.	***сообразно***	+	-	+
67.	***сообразно с***	-	+	+
68.	***соответственно***	+	+	+
69.	***соответственно***	-	-	+

	с			
70.	***соразмерно***	+	+	+
71.	***соразмерно с***	-	+	+
72.	***сравнительно с***	-	-	+
73.	***среди***	+	-	+

Таким образом, сопоставительный анализ представления предлогов в грамматиках русского языка XVIII–XX вв. позволяет выявить количественные изменения состава предлогов-наречий, обусловленные как объективными (рост числа предлогов), так и субъективными факторами (отсутствие строгих критериев категоризации предлогов). Вместе с тем он обнаруживает смену принципов классификации предлогов: предлоги-наречия занимают равноправное положение наряду с отыменными и отглагольными предлогами в числе производных предлогов. Отадъективные же предлоги незаслуженно теряют свое место в грамматиках, будучи объединенными с предлогами-наречиями. Думается, что в работе [Всеволодова и др. 2014] совершенно справедливо указывается на бóльшую корректность системы «отадъективные *vs*. отглагольные *vs*. отыменные предлоги» по сравнению с традиционной триадой «наречные *vs*. отглагольные *vs*. отыменные предлоги».

Кроме того, в настоящее время очень трудно ответить на вопрос, как соотносятся рассматриваемые предлоги и наречия. Как справедливо замечает С.И. Богданов [Богданов 1997: 10], исследователи русского языка по-разному решают данный вопрос: например, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, О.С. Ахманова полагают, что предложные и наречные употребления слов типа ***напротив, вокруг, согласно, сзади*** являются формами одного и того же слова, которое совмещает функции предлога и наречия, в то время как А.А. Реформатский убежден, что такие словоупотребления суть омонимия наречий и предлогов. В последнее время данный вопрос продолжал оставаться в центре внимания лингвистов, были предложены, по крайней мере, еще два подхода к решению этого вопроса. Так, Е.В. Урысон [Урысон 2017] считает, что наречные предлоги и наречия имеют один набор семантических валентностей и различаются только синтаксической валентностью, и на этом основании предлагает считать данные слова наречиями. М.В. Всеволодова и ее ученики показали, что в целом ряде случаев уместнее говорить о 0-форме актанта предлога, ср.: *Я остановился у первого попавшегося магазинчика.* ***Внутри*** *было пусто* [НКРЯ] = внутри магазинчика; *Оружие везли на верблюдах, сами шли* ***около*** *= около верблюдов* [НКРЯ]; *Но именно у самой двери он лишился остатков смелости и прошагал* ***мимо*** = мимо двери [НКРЯ], подробнее см. в работах [Всеволодова и др. 2014; Панков 2009; Патаракина 2013].

Думается, что отсутствие у русистов единодушия в обсуждаемом вопросе (как, впрочем, и в понимании объема категории предлога в целом,

см. [Виноградова 2017]), а также противоречивость классификации предлогов вызывают целый ряд дополнительных трудностей для грамматистов и лексикологов. Назовем некоторые из них:

а) возможность отнесения одного и того же предлога и к отыменным на словообразовательном основании, и к наречным ввиду наличия омонима-наречия: например, предлог ***вроде*** *чего* отнесен к отыменным в [Виноградов 2001] и к наречным в РГ-80;

б) проблема классификации «новых» предлогов: в частности, к какому типу следует относить единицы, маркируемые как предлог в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 1999] и имеющие омоним-наречие? (Например, ***позднее*** *чего,* ***позже*** *чего,* ***раньше*** *чего*; ***вверх по*** *чему,* ***вверху*** *чего,* ***вкруг*** *чего,* ***вниз по*** *чему****, вниз от*** *чего,* ***внизу*** *чего,* ***кверху от*** *чего,* ***кзади от*** *чего,* ***кнаружи от*** *чего,* ***книзу от*** *чего,* ***неподалеку от*** *чего,* ***поблизости от*** *чего*; ***вдобавок к*** *чему,* ***вдогон*** *чему,* ***вдогон за*** *чем,* ***вдогонку за*** *чем,* ***вкупе с*** *чем,* ***вплотную к*** *чему,* ***вплотную с*** *чем,* ***врозь от*** *чего,* ***врозь с*** *чем,* ***наперехват*** *чему,* ***совокупно с*** *чем*);

г) «неочевидный» статус наречных предлогов, не имеющих омонимов-наречий в современном русском языке: ср. **близ,* **вместо,* **вне,* **вопреки,* **вроде,* **касательно,* **наряду,* **подобно,* **помимо,* **применительно,* **сквозь,* **среди*;

д) смешение предлогов и наречий в лексикографической практике: например, в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 1999] выделяется предлог ***недалеко от*** *чего*, а в «Современном толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова [Кузнецов 2008] только наречие *недалеко*; в [Всеволодова и др. 2014] ***в тон*** *чему* – предлог, а в [Бурцева 2010] – наречие, однако в качестве примера приводится предложение, в котором это наречие вводит имя актанта: *Сумка была в тон костюму*.

Смешение предлогов и наречий в современных словарях русского языка, безусловно, усложняет пользование этими лексикографическими источниками, лишь усиливая эту острую проблему русистики. Так, например, в «Словаре наречий и служебных слов русского языка» ([Бурцева 2010]) в целом ряде случаев в словарной статье наречия дается указание на управление, но предлог в качестве отдельного лексико-семантического варианта не выделяется. Приведем примеры подобных словарных статей из названного издания.

Лицом *к кому-чему, нареч.* Обратившись, направив свою деятельность к кому-чему-н. *Наконец-то ты повернулся лицом к своему сыну. Когда же мы обратимся лицом к природе?*

Под крылышком *кого, у кого, чьим, нареч., разг.* Под покровительством, под присмотром кого-н., на попечении у кого-н. *До сих пор под*

крылышком у матери живет. Спокойно под крылышком бабушки находиться: она и покормит, и поиграет.

Аналогично, *нареч*. Представляя аналогию чем-н., сходно, подобно. *Решать эти задачи нужно аналогично предыдущим.*

В обгон, *разг*. **в обгонку**. Обгоняя, опережая кого-что-н. *Идти в обгон большегрузной машины.*

В ногу, *нареч.* Шагая одновременно с кем-н., согласованно. *Шагал в ногу с веком.*

За давностью, *нареч.* Вследствие большого срока. *За давностью совершения преступления его не стали привлекать к ответственности.*

Таким образом, «предложные» идеи М.В. Всеволодовой, с одной стороны, заставили лингвистов обратить внимание на актуальнейшие вопросы грамматики русского языка, вызвали острую полемику среди русистов, которая разворачивается как на страницах журналов, так и при обсуждениях на конференциях, а с другой – безусловно, послужат совершенствованию грамматик и словарей русского языка, создаваемых представителями разных направлений науки о русском языке.

Литература / References

1. *Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. Часть 1. Фонетика и Морфология. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1945.
2. *Богданов С.И.* Морфология неполнозначных слов в современном русском языке. СПб: Изд-во СПб. ун-та, 1997.
3. *Бурцева В.В.* Словарь наречий и служебных слов русского языка. М.: Дрофа, 2010.
4. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове) М.: Русский язык, 2001.
5. *Виноградова Е.Н.* Проблемы лексикографического и грамматического описания предлогов в современном русском языке // Вопросы языкознания. 2017, № 5. С. 56–74.
6. *Востоков А.Х.* Русская грамматика Александра Востокова по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. С.-Петербург: Издание книгопродавца Д.Ф. Федорова, 1874.
7. *Всеволодова М.В.* Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010, № 4. С. 3–26.
8. *Всеволодова М.В.* К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2011, № 3. С. 103–136.
9. *Всеволодова М.В.* Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 1. Фрагмент системы – мотивированные (вторичные) предлоги // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2012а, № 5. С. 30–78.
10. *Всеволодова М.В.* Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 2. Фрагмент системы – немотивированные (первообразные) предлоги // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2012б, № 6. С. 9–51.
11. *Всеволодова М.В.* Язык: норма и узус (подходы к системе языка) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2015, № 6. С. 35–57.

12. *Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2003, № 3. С. 17–59.
13. *Всеволодова М.В. Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. М.: Изд-во «Едиториал УРСС», 2014.
14. Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1970.
15. *Греч Н.И.* Пространная русская грамматика. 2-е изд. СПб.: В тип. издателя, 1830.
16. *Еськова Н.А.* Первообразные и непервообразные предлоги. Формальный аспект // Русистика. Славистика. Индоевропеистика / Под ред. Т.М. Николаевой. М.: Индрик, 1996. С. 458–464.
17. *Кузнецов С.А.* Современный толковый словарь русского языка. М.: Норинт, 2008.
18. *Ларин Б.А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI—XVII веков. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2002.
19. *Ломоносов М.В.* Россійская грамматика // Полное собр. соч. Т. 7. Труды по филологии 1739–1757. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
20. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.
21. *Панков Ф.И.* Русские наречия в их соотношении с русскими предлогами // Мир русского слова. 2009, № 1. С. 12–19.
22. *Патаракина Е.О.* Процесс адвербиализации языковых единиц на периферии функционально-грамматических полей наречия и предлога в русском языке // Мир русского слова. 2013, № 3. С. 19–23.
23. Русская грамматика. Том I / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Изд-во «Наука», 1980.
24. *Урысон Е.В.* Предлог или наречие? Частеречный статус наречных предлогов // Вопросы языкознания. 2017, № 5. С. 36–55.

DOI 10.29003/M139.LMC2018-60/44-50

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОДОВ КУЛЬТУРЫ

Д.Б. Гудков

THE MYTHOLOGICAL BASIS OF CULTURE CODES

D.B. Gudkov

ABSTRACT:
The article is devoted to the mythology of the cultural codes of the Russian language. It analyzes the nature of semantics and functioning of its units as components of a secondary semiotic system. The paper presents the results of the linguocultural description of these codes units' semantics. The results are important for the lexicography of cultural codes.

Keywords: cultural code; lingvoculture; semiotic system; national myth

АННОТАЦИЯ:
В статье рассматривается понятие культурный код в его отношении к национальному мифу. Анализируются особенности семантики и функционирования его единиц как составляющих вторичной семиотической системы.

Ключевые слова: культурный код; лингвокультура; семиотическая система; национальный миф

Н.И. Толстой выделял три культурных кода: вербальный (словесный), реальный (предметный) и акциональный (действенный): «…культура многоязычна в семиотическом смысле этого слова и нередко пользуется в одном тексте несколькими языками. В этом случае <…> под текстом понимается не последовательность написанных или произнесенных слов, а некая последовательность действий, и обращения к предметам, имеющим символический смысл, и связанная с ними речевая последовательность. Считая, например, обряд таким текстом, выраженным семиотическим языком культуры, мы выделяем в нем три формы, три кода или три стороны языка – вербальную (словесную – слова), реальную (предметную – предметы, вещи) и акциональную (действенную – действия). В обряде, ритуале и некоторых других культурных действиях и манифестациях единицы этих трех языков (кодов), а в общем «слова» единого семиотического языка часто выступают как синонимы, потому они нередко взаимозаменяемы, а часть их может редуцироваться» [Толстой 1995: 23]. Рассмотрим, к примеру, такой обряд, как крещение. В нем тесно взаимодействуют все три перечисленных выше кода. Купель – это не просто таз

с водой, окунание в нее ребенка – это не санитарно-гигиеническая процедура, произносимые при этом слова несут особый смысл. Совершенно очевидно, что за соответствующими предметами, действиями и словами стоят особые символические значения.

Мы полагаем, что выделение этих трех кодов возможно не только в обряде и ритуале, но вообще в поле культуры как таковом. При этом хотелось бы сделать замечание, касающееся нашего подхода к данной теме. Единицы как реального, так и акционального кода культуры, могут вербализоваться, получить свое именование, иными словами, стать составляющими вербального кода. Именно это и позволяет нам рассматривать вербальный код культуры как базовый, основной и сосредоточить свое внимание именно на нем.

Те или иные объекты окружающего нас мира (как природные, так и артефакты), помимо выполнения своих прямых функций, обретают еще и функцию знаковую, оказываются способными нести некие добавочные значения. Так, дом и храм, отождествляясь и одновременно противопоставляясь друг другу, выступают в роли модели мира, служат для его отражения и осмысления в формах, доступных опыту обыденного сознания. Животный мир оказывается «зеркалом» мира людей: соответственно, животные обретают свойства эталонных носителей тех или иных индивидуальных или социальных характеристик человека (*заяц* – трусость, *пчела* – трудолюбие, *осел* – глупость и т. д.). Человеческое общество уподобляется механизму, гигантской машине; данная метафора способна материализоваться в самых разных формах: как вербальных (фразеологизмы *стоять у руля*, *ослабить гайки* и др.), так и невербальных (фильм Ч. Чаплина «Новые времена»).

Таким образом, культурный код – это вторичная знаковая система, использующая разные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума.

Имена, принадлежащие тому или иному коду культуры (КК), обладают, помимо общеязыкового, еще и особым значением как знаки вторичной семиотической системы, причем значение это отнюдь не является ситуативно обусловленным, но закреплено за соответствующей единицей языка. «Классические» толковые словари, как правило, не описывают эти значения, игнорируя их, что делает необходимым и актуальным выявление этих значений и введение подобных описаний в лексикографическую практику. Решение поставленных задач позволит перейти от абстрактного теоретизирования к практическому словарному описанию культурных кодов. Это же, в свою очередь, даст возможность приблизиться к решению таких фундаментальных для современной гуманитар-

ной науки задач, как описание языковой картины мира, выявление особенностей национального менталитета и национального мировидения, определение особенностей национально специфического воплощения универсальных инвариантных представлений о мире и др.

Решение указанных задач, помимо чисто теоретического интереса (с нашей точки зрения, достаточно и его), имеет и практическое значение, в частности – для межкультурной коммуникации. Значения единиц КК детерминированы национальной культурой. Для полноценного овладения соответствующим языком, а оно невозможно без культурной компетенции инофона, необходимо знать и основные значения ядерных единиц КК. Приведем лишь один пример (их количество без труда можно умножить). Аспиранты из Германии, находящиеся на высоком уровне владения языком, никак не могли взять в толк, что означает, как они говорили, кролик, перечеркнутый красной полосой на московских автобусах, так как не знали особого значения лексемы *заяц* и выражения *ехать зайцем*.

Возникает вопрос о произвольности/обусловленности КК. Почему в различных лингвокультурных сообществах за единицами, обладающими эквивалентными языковыми значениями, закрепляются различные символические значения? Не будучи готовыми дать однозначный, категоричный ответ на этот вопрос, позволим себе следующие гипотетические рассуждения. Нам представляется, что о полной произвольности говорить в данном случае все же нельзя, так как подобные значения определяются культурой (в широком понимании) социума, но вряд ли можно вести речь и об абсолютной их детерминированности.

Язык, отражая окружающий нас мир, неизбежно расчленяет нерасчленимое, классифицирует и каталогизирует принципиально неклассифицируемое, раскладывает по «полочкам» сознания то, что, конечно, ни на каких полочках не умещается. Это приводит к тому, что тот или иной объект «выхватывается» языком и фиксируется сознанием не во всем многообразии своих характеристик, не во всей их сложности и диалектичности, но в редуцированном виде. Одни из этих характеристик могут закрепляться как существенные, ядерные, другие рассматриваются как факультативные, третьи же вообще отбрасываются как несущественные. Естественно речь не идет о полной субъективности отражения действительности. Мы полагаем, что любой полноценный homo sapiens в целом адекватно воспринимает окружающий мир, без чего не могла бы быть возможна практическая деятельность по приспособлению себя к нему и его к своим нуждам. Это объясняет универсальность (конечно, достаточно относительную) языковых значений, скажем, предметных существительных.

К примеру, *волк* и *медведь* одинаковы для русских, немцев, китайцев и др.; не представляет труда адекватный перевод с русского таких имен, как *кровь, нос, зубы*; не думаю, что изъяснение толковыми словарями слов *угол, стена, окно* будут существенно различаться для разных языков и т. д. Но ощутимые различия становятся заметны, как только мы начинаем рассматривать эти лексемы как единицы КК. Ибо при приписывании этим объектам (и их именам) «культурных» значений практические нужды отходят на второй план и в действие вступают иные факторы, в основе которых лежат культурные (назовем их так) опыт и традиции того или иного сообщества. Поясним сказанное несколькими примерами.

Скажем, *медведь* как единица КК для современных русских обладает следующими характеристиками: «крупный, неуклюжий зверь, чем-то похожий на огромного человека; медведь связывается у русских с представлением о большой физической силе, лени <…>, о неуклюжести и незлобивости в сочетании с умением постоять за себя» [Брилева и др. 2004: 120]. При этом вряд ли кто-либо из нас захотел бы повстречаться в лесу с этим зверем, ибо наш практический опыт позволяет серьезно усомниться как в его незлобивости, так и в неуклюжести. Конечно, культурный и практический опыт диалектически взаимосвязаны, но позволим себе здесь не пускаться в рассуждения об их корреляции. Разница в культурном опыте различных сообществ приводит к тому, что в значении соответствующего имени фиксируются и развиваются различные признаки, приписываемые денотату. Сказанное подтверждается, например, при сопоставлении семантики лексем *медведь* и *karhu* (согласно словарям, эквивалент указанного русского слова)[1].

Русские и финны – народы, живущие в сходных географических условиях, имеющие многовековую историю культурных контактов и во многом близкие формы хозяйствования, но при этом обладающие существенными лингвокультурными различиями. Естественно, что медведь, его «характер», повадки, особенности поведения хорошо знакомы и русским и финнам, для которых походы в лес и охотничий промысел не являются чем-то экзотическим. Это ведет к совпадению некоторых значений соответствующих лексем как единиц культурного кода, что находит отражение, например, в существовании фразеологизмов, имеющих аналоги в указанных языках: *медвежья услуга – karhunpalvelus, медвежья сила – karhunvoima*[2]. Сказанное свидетельствует о том, что и для русских, и для

[1] При рассмотрении этого примера мы использовали некоторые данные из исследования А.В. Терпуговой «Универсальное и специфическое в кодах культуры: зоонимы *медведь* и *кошка* в русской и финской паремиологии» (в рукописи).

[2] Мы не рассматриваем этимологию этих единиц и возможности калькирования, так как при всей важности подобных исследований они не столь существенны для решения тех задач, которые мы ставим перед собой.

финнов медведь – могучий зверь, отличающийся грубостью и неуклюжестью (физической и моральной).

При этом в финском языке присутствует специфическое значение лексемы *karhu,* которого нет у русского *медведя*. Оно находит свое отражение в следующих единицах: *verokarhu* – сборщик налогов (*букв. – налоговый медведь*); *karhuta* – 1) требовать уплаты чем-л.; 2) взимать (*букв. – «медведить»*); *karhuamiskirje* – письменное напоминание о долге (*букв. – медвежье письмо*). Приведенные примеры говорят о том, что медведь для финнов выступает в роли строгого кредитора, сурового сборщика дани. Это, вероятно, связано с тем, что медведь выступает как хозяин леса, которому необходимо приносить жертвы, платить дань. Медведь является хозяином леса и у русских, чему есть многочисленные свидетельства. Так, согласно В.И. Далю, среди многочисленных прозвищ медведя есть такие, как *лесник, лесной архимандрит*, приводится такая паремическая единица: *Хозяин в дому, что медведь в бору* [Даль 1955: 311]. Принесение дани медведю – находит отражение в русском фольклоре, достаточно вспомнить такие хорошо известные сюжеты, как «Липовая нога» и «Вершки и корешки». Не будем останавливаться на сложных отношениях (иногда тождестве) медведя и лешего, хорошо известных фольклористам и этнографам. Но в русском языке отсутствует представление о медведе как сборщике дани. Оговоримся, что мы имеем в виду общерусский языковой тип (в терминологии Ю.Н. Караулова [Караулов 1987: 38]), а не диалектные варианты. Итак, то, что медведь выступает хозяином леса, требующим дани, вовсе не является произвольным; то же, что соответствующее значение присутствует в финском языке и отсутствует в русском, во многом случайно, хотя, конечно, и может иметь свое объяснение.

Сформулировав выше тезис о необходимости описания специфических значений единиц культурных кодов, мы должны остановиться на вопросе о том, что это за значение. Полагаем, что имеет смысл называть его мифологическим и постараемся обосновать данное суждение.

К. Леви-Стросс, указывая на существование особых слов, которые он называл мифемами, писал: «В сказке король никогда не бывает просто королем, а пастушка пастушкой. <…> Разумеется, мифемы – это тоже слова, но это слова с двойным значением, слова слов» [Леви-Стросс 1983: 428]. Заметим, что названным свойством обладают не только некоторые структурные единицы «традиционных» мифов, но и гораздо более широкий круг объектов. На это обращал внимание Р. Барт: «Значит, мифом может быть все? Да, я считаю так, ибо наш мир бесконечно суггестивен. Любой предмет этого мира может из замкнуто-немого существования перейти в состояние слова, открыться для усвоения обществом» [Барт 2000:

234]. Об этом писал и А.Ф. Лосев, чья концепция мифа, конечно, существенно отличается от бартовской: «Даже всякая неодушевленная вещь или явление, если их брать как предметы не абстрактно изолированные, но как предметы живого человеческого опыта, обязательно суть мифы. Все вещи нашего обыденного опыта мифичны» [Лосев 1991: 78] Не откажем себе в удовольствии процитировать слова, с помощью которых А.Ф. Лосев поясняет выдвинутый тезис: «Нельзя <…> быть настолько нечутким, чтобы не видеть разницы между стеарином и воском, между керосином и деревянным маслом, между одеколоном и ладаном. В стеарине есть что-то грязное и сальное, что-то нахальное и самомнительное. Воск есть нечто умильное и теплое, в нем кротость и любовь, мягкосердие и чистота. <…> Как табак – ладан сатане, так керосин – соус для беса. Одеколон же вообще существует только для парикмахеров и приказчиков <…>. Так, молиться со стеариновой свечой в руках, наливши в лампаду керосин и надушившись одеколоном, можно, только отступивши от правой веры. Это – ересь в подлинном смысле, и подобных самочинников надо анафемствовать» [Лосев 1991: 69]. Заметим, что рассматриваемые А.Ф. Лосевым предметы обретают указанные значения именно в рамках определенного кода, выступающего как мифологическая структура.

Единицы, скажем, архитектурно-домообустроительного кода обретают свое значение в мифе Дома, соматического кода – в мифе Тела и т. д. Это позволяет нам называть эти значения мифологическими и настаивать на том, что их семантика может быть описана только при изучении и раскрытии структур соответствующего мифа. Так, Дом, Мир и Храм одновременно уподобляются и противопоставляются друг другу [Элиаде 1994: 28]. Дом выступает образцом «своего» пространства, освоенного, безопасного, защищенного; Дом подобен Человеку, Человек – Дому. Душа и Тело также одновременно противопоставляются и уподобляются друг другу, Душа телесна, а Тело духовно; органы Тела находятся в борьбе и во взаимодействии. Эти беглые замечания вовсе не ставят своей целью сколько-нибудь полное отражение соответствующих мифов, мы лишь показываем некоторые наиболее очевидные подходы к их изучению, ничего более. Мало-мальски аргументированное доказательство каждого из выдвинутых тезисов потребовало бы отдельной статьи, если не целой монографии.

Итак, мы предпочитаем называть указанное значение мифологическим, противопоставляя его обыденному значению соответствующей лексемы. Для наших целей эта дихотомия представляется более разумной, чем традиционная оппозиция коннотативного и денотативного значений слова. Связано это с неопределенностью самого понятия коннотации, ибо безгранично широкое его употребление в современных лингви-

стических работах сделало сам термин фактически асемантичным, превратило само понятие коннотации в универсальную отмычку, позволяющую «решать» сложные проблемы семантики.

И последнее, о чем хотелось бы сказать. У читателя может возникнуть вопрос: понимает ли автор разницу между именем и его денотатом? Не отождествляет он (что характерно для мифологического сознания) слово и вещь? Если же различает, что является единицей КК: вербальная единица или то, что она обозначает? Отвечая на эти гипотетические вопросы, заметим, что автор этих строк прекрасно сознает различие между, скажем, лесом как природным объектом и именем *лес*, кровью как субстанцией, наделенной сакральными функциями, и словом *кровь* в его мифологическом значении и т. д. Мы также прекрасно понимаем необходимость изучения диалектики взаимоотношений культурной семантики предмета (в широком понимании) и значения его имени как единицы КК. Но этот вопрос требует отдельной статьи, настоящую же позволим себе закончить констатацией банального тезиса об актуальности и значимости исследования семантики КК.

Литература / References

1. *Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.
2. *Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б, Захаренко И.В., Красных В.В.* Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. М.: Гнозис, 2004.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.
4. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
5. *Леви-Стросс К.* Структура и форма // Семиотика. М.: Радуга, 1983.
6. *Терпугова А.В.* Универсальное и специфическое в кодах культуры: зоонимы *медведь* и *кошка* в русской и финской паремиологии (рукопись).
7. *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.
8. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.
9. *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.

DOI 10.29003/M140.LMC2018-60/51-59

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДИКИ РКИ

В.В. Добровольская

SOME TENDENCIES OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TEACHING METHODS

V.V. Dobrovolskaya

ABSTRACT:
The article analyses modern tendencies in Russian as a foreign language (RFL) teaching methods. Its aim is to define the tendencies vitally important for optimizing educational process, taking into account changes in linguistic and methodological aspects of RFL. Curricular and study materials are analyzed to define these changes. One of the main conclusions is that developing skills of self-training is to be a major component of educational process. Research program includes further analysis of educational process correction factors and implementing the results in RFL practice.

Keywords: language standard; communicative correctness; themetheka; textotheka; intersubject relations; meta-subject relations; lesf-learning mode

АННОТАЦИЯ:
В статье рассматриваются некоторые тенденции в развитии методики РКИ, связанные с учётом изменений, происходящих в этой дисциплине, и в характеристиках современного контингента учащихся. Учёт этих изменений при организации учебного процесса является необходимым условием его оптимизации.

Ключевые слова: языковая норма; коммуникативная правильность; темотека; текстотека; межпредметные связи; метапредметные связи; режим самообучения

Если мы поставим перед собой вопрос, какие факторы оказывают серьёзное влияние на методику преподавания того или иного предмета и определяют происходящие в нём изменения, то в числе решающих факторов такого рода мы, вероятно, укажем такие, как модернизация самого предмета преподавания (расширение объёма материала, новые теоретические позиции в трактовке тех или иных положений, изменение важных векторов исследования, переоценка некоторых приоритетов и т. п.), изменение места предмета в составе комплекса смежных наук и вытекающее из этого изменение задач в области его применения на практике, а также изменение в характеристиках и особенностях основной массы контингента, изучающего этот предмет. Иными словами говоря, ответы на вечные вопросы методики – ***кому*** и ***зачем*** преподавать, ***что*** преподавать

и ***как*** преподавать – периодически корректируются с учётом развития самой преподаваемой дисциплины и других вышеназванных факторов.

Сказанное в полной мере относится к предмету нашего сегодняшнего рассуждения – русскому языку как иностранному. Особенно, если учесть, что характерной чертой методики преподавания этой дисциплины является положение: чем ближе условия её изучения к условиям реального употребления языка в речи в целях коммуникации, тем успешнее и эффективнее протекает само обучение. И это понятно, поскольку включение изученного языкового материала в реальную коммуникацию происходит в этом случае неотсроченно, минуя, если можно так выразиться, стадию забывания и реализуя вербально затребованные жизнью ситуации общения. И для того, чтобы такая реализация была возможна, мы должны постоянно «держать руку на пульсе», следить за меняющимися факторами ситуации преподавания и вносить в учебный процесс соответствующие коррективы.

В задачу данной публикации входит описание некоторых, на наш взгляд, уже достаточно очевидно проявившихся факторов, влияющих на преподавание РКИ, которые необходимо учитывать сегодня в нашей работе.

Естественно, что первым объектом наблюдения в этом случае должен стать сам изучаемый предмет – русский язык, а точнее – те актуальные процессы, которые происходят в русском языке на сегодняшнем этапе его развития и которые не могут не отражаться на организации учебного процесса.

Приведём примеры. Одним из таких, явно просматривающихся уже на ранних стадиях преподавания русского языка, процессов является процесс демократизации языковой нормы, при котором коммуникативная правильность, то есть адекватность передачи смысла высказывания, явно превалирует над правильностью его оформления. Из этого положения вытекает требование, что при отборе и организации языкового материала курса РКИ, которые рассматриваются прежде всего через призму функциональности, следует несколько по-иному, более демократично указывать норму отбираемого языкового материала, особенно материала рецептивных видов речевой деятельности.

В качестве иллюстрации этого положения при характеристике обучения на начальном этапе многие исследователи называют такие факты, как расчленение, фрагментацию сложных предложений в рамках бытовых и художественных текстов, деинтеграцию сложносочинённых и сложноподчинённых предложений в диалогической речи, экспансию именительного падежа в описании и т. п. Следствием этой же тенденции к упрощению и большей устности речи является исключение из программы начального этапа обучения сложных числительных, детального изучения

причастных и деепричастных форм, некоторых случаев синтаксической синонимии и т. п. Кроме того, очевидно, что наблюдаемое в практике современной речи превалирование устной формы презентации информации ведёт к необходимости повышения внимания к изучению норм устной речи вообще на всех этапах преподавания РКИ.

При этом важно иметь в виду, что проблема демократизации языковых норм касается не только самого процесса преподавания, но и вопроса его оснащения. Так, например, перед разработчиками систем тестирования и лексических поэтапных минимумов по РКИ также встают определённые задачи, связанные с процессами, наблюдаемыми в практике языкового общения. В общем виде эти задачи можно определить как задачи коррекции содержания компетенций учащихся разных уровней обучения. Как свидетельствуют, например, современные разработчики лексических минимумов по РКИ, в поле их зрения сейчас оказываются не только классическая нормативная лексика русского языка, но и сниженная лексическая подсистема, в которую включены частотные сниженные лексические единицы, уже вошедшие в современный язык публичного общения, художественной литературы и средств массовой информации. И сегодня такой подход к отбору лексического минимума кажется обоснованным. Обоснованным представляется также и допускаемое разработчиками минимума включение определённого процента жаргонной лексики, предназначенной для рецептивной деятельности учащихся и перевода, и используемый ими в минимумах продвинутого этапа обучения широкий спектр квалификационных помет лексических единиц, уточняющих для учащихся диапазон возможностей использования этих единиц в речи.

Подобным же образом обстоит дело и при разработке и коррекции грамматических минимумов, в которых также учитывается воздействие изменений, происходящих в русском языке, его стремление к демократизации и устности.

Так, например, исследователи, являющиеся сторонниками прагматического подхода к преподаванию грамматики РКИ, справедливо отмечают, что результативность коммуникации определяется степенью реализации намерений адресанта высказывания. А для успешной коммуникации иностранцам нужно не только знание нормативной грамматики русского языка, но и распознавание тех значений грамматических форм, вызванных требованиями контекста общения, которые не совпадают с категориальным значением этих грамматических форм. В качестве примера они приводят такие случаи, как использование грамматической категории императива, которая в определённом контексте приобретает значение условия (*Будь я математиком…*), формально отрицательные предложения, не имеющие отрицательного значения (*Не успели мы войти в*

дом, как ...), широкий спектр значений диминутива, выходящий далеко за рамки «уменьшительно-ласкательного» или «уменьшительно-уничижительного» значения и другие случаи функциональных транспозиций. По мнению этих исследователей, системное описание подобных явлений должно дополнить грамматику русского языка для иностранных учащихся, дабы обеспечить адекватное понимание контекста общения.

Обратимся теперь к другому аспекту учебного процесса – к работе с текстом, и проследим тенденции, наблюдаемые в этом направлении. Одна из них, о которой уже частично говорилось выше, состоит в трансформации в самом построении текстов бытовой и художественной сферы, а также в СМИ (особенно в устных вариантах), в снижении «классических» правильных форм изложения информации, в широкой экспансии разговорной и в известной мере жаргонной лексики. Поскольку это явление безусловно имеет место в широкой языковой практике, и учащиеся, живущие в русской среде, сталкиваются с ним ежедневно, то обучая их восприятию текста и его анализу, мы должны дать им «ключи», то есть соответствующие комментарии к восприятию и адекватному пониманию таких форм выражения информации. Однако при этом не следует забывать о том, что в репродукции и особенно в продуцировании текста учащиеся используют в первую очередь так называемые правильные формы передачи информации, и, даже отступая от них, они должны отчётливо представлять себе нормативный вариант оформления того или иного высказывания. Таким образом, задача преподавателя в этой ситуации усложняется, и предлагаемое им объяснение материала включает в себя анализ соотношения норматива оформления высказывания и его «просторечного» варианта. Если мы не будем помнить об этом, мы рискуем «выплеснуть с водой и ребёнка» и получить в продукции не текст, а неорганизованные фрагменты информации. Поэтому, как это ни парадоксально звучит, методика обучения пониманию более демократичных устных форм речи базируется как раз на хорошем знании стандартных форм её построения.

Кроме того, следует помнить, что письменная речь, и особенно письменная речь в сфере специальности обучаемых, не претерпевает столь стремительных изменений. Она в этом отношении более консервативна и достаточно строго соблюдает свои каноны. Внесение элемента разговорности в письменный текст по специальности должно строго дозироваться, дабы не допустить возможности смысловых потерь. Что, конечно, не отрицает необходимости развития у учащихся умения восприятия научного текста в устной форме.

Вторая наблюдаемая тенденция в работе с текстом связана с проблемой составления текстотеки учебных текстов курса РКИ, по которым, или, точнее говоря, на базе которых обычно строится процесс обучения.

Проблема здесь состоит в том, что тексты, включаемые в печатные издания учебников и пособий, сейчас устаревают достаточно быстро не только в связи с изменениями, происходящими в языке, но и в плане информативном, содержательном, и вследствие этого фактор актуальности информации, чрезвычайно значимый для поддержания интереса учащихся к содержанию текста и работе с его языком, перестаёт действовать. Многократно наблюдая повторяемость этой ситуации в разных курсах РКИ, можно прийти к выводу, что в настоящее время следует различать в курсах РКИ ***темотеку***, то есть последовательность тем и проблем, затрагиваемых на занятиях в процессе пролонгированного курса обучения, и ***текстотеку***, то есть набор текстов, в которых излагается информация по этой тематике. Темотека курса остаётся актуальной достаточно долгое время, тогда как текстотека требует перманентной замены или, как минимум, дополнения. Заранее прогнозируя неизбежность этой ситуации, мы, вероятно, должны быть готовы создавать компьютерные варианты текстов курса и периодически обновлять текстотеку курса, тем более что современные возможности оснащения курса РКИ достаточно комфортно позволяют решить эту задачу. В этом случае круг рассматриваемых в пролонгированном курсе по РКИ проблем, составляющих темотеку как информационный костяк курса, остаётся неизменным достаточно долго при перманентной сменяемости конкретных текстов.

Все перечисленные выше вопросы можно было, наверное, объединить в рубрику ***«что и как»***. Параллельно с этим существует второй круг проблем, которые входят в рубрику ***«кому и как»***. Здесь речь пойдёт об адресате учебного процесса, то есть о тех изменениях, которые имеют место в характеристиках и менталитете современного контингента учащихся. Мы знаем, что процесс изменения характеристик контингента обучаемых – процесс перманентный и отнюдь не простой, но, думается, что уже сейчас можно описать некоторые достаточно ясно просматривающиеся перспективы в этом направлении. Ниже мы попытаемся наметить их пунктиром, так сказать, в общем виде, а их полное подробное описание и дальнейшую разработку можно – и должно – производить в рамках конкретных ныне действующих курсов РКИ.

Во-первых, следует обратить внимание на одну характерную особенность в организации современного учебного процесса по РКИ: форму презентации (представления) материала курса. Практика последних лет показывает, что для современного учащегося, настроенного на быстрый результат, прагматика по обстоятельствам и общему жизненному настрою, для лучшего осмысленного усвоения желательно представлять материал изучаемой темы не сразу в полном объёме, а в виде законченных, логически организованных фрагментов с чёткой терминологической базой, по которым учащийся может сам подвести промежуточный

итог усвоения порции материала. При этом для построения выводов и формулировки этого итога учащемуся нужен в качестве опоры проблемный вопрос (или вопросы) с подсказками, позволяющими по возможности самостоятельно сделать этот вывод.

Вслед за выводом может быть предложен набор заданий, контролирующих и одновременно тренирующих усвоение на доступном для учащихся языковом материале. Хорошо, если при этом учащимся предлагается достаточно большой набор одинаковых по трудности заданий, из которых он сам выбирает определённое (заданное) число интересных для него заданий.

За заданиями может следовать текст, включающий изучаемый языковой материал, новую информацию и ранее известные по программам курса материалы и снабжённый вопросами на проверку понимания и другими послетекстовыми заданиями.

В хорошо подготовленных и активно работающих группах этот комплекс может включать в себя задание на корректирование дополнительного текста, который содержит в себе специально допущенные ошибки (информативные и языковые). Текст, доступный по трудности конкретной категории учащихся, должен быть «исправлен» ими после внимательного анализа.

В ходе всей работы по усвоению порции материала всячески поощряются самостоятельные выводы учащихся, составление устных и письменных мини-резюме, таблиц, схем, графиков – любого способа визуального представления изучаемого языкового материала.

В дополнение учащимся предлагаются ссылки на другую (не предъявленную на занятии) литературу по изучаемому вопросу (печатные материалы, интернет), в которой они могут самостоятельно подобрать материал (примеры, тексты, комментарии), подтверждающий их собственные выводы.

Если мы хотим коротко обозначить общую направленность всех вышеописанных учебных действий, то мы, очевидно, должны сказать, что все они направлены на то, чтобы предоставить учащимся максимум самостоятельности в ходе учебного процесса и включить в действие все возможные резервы самообучения.

Рассмотрим теперь некоторые дополнительные факторы, учёт которых в практике учебной работы может этому способствовать. Так, например, очевидно, что, так сказать, житейская база наших учащихся, их представление о приоритетах и перспективах развития общества совсем иная, чем, скажем, несколько лет назад. Изменилось всё: события, соотношение сил, слова, акценты. Поэтому для максимально адекватного контакта с учащимися, к которому мы стремимся, нам надо постоянно обновлять используемую нами на занятиях базу данных: сегодняшний учащийся

охотнее всего говорит о том, что происходит реально, сегодня и с ним. Это не означает, конечно, что мы должны сбросить со счетов информацию и позитивные оценки прежних лет, но, говоря о них, мы должны чётко представлять себе, как видит их современный учащийся и вносить в свою работу соответствующие коррективы.

Существует ещё один резервный момент повышения мотивации обучения в работе с современным контингентом учащихся – использование такого фактора, как эмоциональный интеллект учащихся, то есть тех моментов, когда в усвоении и осмыслении изучаемого материала логика и эмоции выступают в сочетании друг с другом. При этом эмоция помогает мыслительной деятельности, служа импульсом пробуждения интереса. Следует отметить, что современные учащиеся отнюдь не бесчувственны по натуре, но их эмоции требуют по большей части логического подтверждения, если можно так выразиться, обоснования. Наши тексты, наши задания, наши учебные материалы должны вызывать у учащихся эмоции: не только представлять фактическую информацию, но заинтересовывать, заставлять задуматься, вызывать осуждение или согласие, наконец, просто развеселить. Отметим в скобках, что хотя в этом процессе могут иметь место и позитивные, и негативные эмоции, последние не должны преобладать и искажать реальную картину мира.

Важным моментом для оптимизации современного учебного процесса является постоянный учёт так называемых межпредметных и метапредметных связей дисциплины РКИ. В качестве примера первых следует назвать связь преподавания языка со специальностью обучаемого. Знание, хотя бы и достаточно поверхностное, содержания и соотносимого с ним типового языкового оформления в специальных дисциплинах, составляющих основу настоящей или будущей профессии обучаемого, его реальный «личный» язык – необходимая составляющая часть курса обучения РКИ. Это положение в принципе не новое в методике РКИ, новизна в этой области состоит опять-таки в степени самостоятельности учащихся в освоении языка изучаемой ими области знаний. Свободное понимание, воспроизведение, осознанное продуцирование информации в области специальности – непреложное требование современного курса РКИ.

Что касается метапредметных связей, т. е. формирования умений и навыков, используемых во многих дисциплинах при работе с информацией вообще, таких, например, как навыки работы с текстом, выделение главного, умение анализировать, сравнивать, обобщать, оценивать и т. п., то они также безусловно требуют постоянного внимания в современной системе организации занятий по РКИ. Дело здесь ещё в том, что широкое использование практики «скачивания» текстов или фрагментов текстов из интернета и поверхностное комбинирование не до конца усвоенной

информации, которые составляют одну из нежелательных, но широко распространённых в системе современного образования особенностей усвоения знаний, не обошло стороной и практику преподавания РКИ. Поэтому знакомство учащихся с правильной методикой обработки и переработки изучаемой информации стало насущной задачей и в этой области.

В заключение остановимся ещё на одной особенности современной организации учебного материала курса РКИ, связанной опять-таки с характеристиками контингента учащихся. Обучение, протекающее в рамках диалога мнений, о котором речь шла выше, требует активизации языкового материала, связанного с оформлением категорий оценочного характера передачи информации, с умением говорящего (или пишущего) аргументировано обосновать свою точку зрения на неё. Современный учащийся не хочет оставаться на уровне констатации ***«это так»***, он хочет знать ***«почему это так»***, а иногда и ***«так ли это»***. И такой подход к интерпретации материала характерен не только по отношению к информативному содержанию изучаемых на занятии текстов, но и просматриваются при анализе и усвоении тех или иных языковых фактов и закономерностей. И это, на наш взгляд, хорошая позиция, повышающая мотивацию обучения, особенно при условии, если «почему» объясняет как преподаватель, так и учащийся, в зависимости от цели и характера объяснения.

Подведём итоги сказанному. Мы перечислили некоторые характерные приметы изменений в методике преподавания РКИ, связанные с изменениями, произошедшими в рамках самого предмета преподавания, и изменениями в характеристиках и менталитете современного контингента учащихся. Их детальное изучение и дополнение другими постепенно вырисовывающимися особенностями организации учебного процесса, будет, как нам кажется, способствовать решению нашей основной задачи – сближению ситуации изучения языка с ситуацией его реального использования в речевом общении.

Литература / References

1. *Андрюшина Н.И., Афанасьева И.Н., Дунаева Л.А., Клобукова Л.П., Красильникова Л.В., Яценко И.И.* Разговорно-сниженная лексика в «Лексическом минимуме третьего уровня общего владения русским языком как иностранным» // Актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному и русскому языку как неродному. М.: МГОУ, 2017. С. 9–13.
2. *Бархударова Е.Л., Дементьева О.Ю., Ершова Л.В., Красных В.В., Панков Ф.И.* Программа учебной дисциплины «Актуальные проблемы изучения русского языка как иностранного» // Stephanos. 2015, № 1(9). С. 220–248.

3. *Кузьменкова В.А.* Функциональные транспозиции лексических и синтаксических единиц в русской речи (прагматический подход) // X Конгресс МАПРЯЛ. Русское слово в мировой культуре. СПб.: Изд-во «Политехника», 2003. С. 272–278.
4. *Степаненко В.А.* Некоторые аспекты активных изменений в современном русском языке и методике его преподавания // Актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному и русскому языку как неродному. М.: МГОУ, 2017. С. 158–163.

DOI 10.29003/M141.LMC2018-60/60-76

ПАРАДИГМАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

А.А. Загнитко

PARADIGM SPACE OF MODERN LINGUISTIC TERMINOLOGY

A.A. Zahnitko

ABSTRACT:
The article considers the Ukrainian linguistic terminology with its core, semi-periphery and periphery being defined and the specifics of internal centripetal and centrifugal tendencies characterized. Patterns of linguistic terms and notion correlation with the existing research paradigm are analyzed. Attention is payed to the qualification of formal, structural, semantic, derivational, functional and textual aspects of paradigm space of modern linguistic terminology; specificity of its internal and external paradigm space is defined. Also the regularity of linguistic terms' syntagmatic models is estimated, directions of attributive, nominal-substantive, case-prepositional extension of terms and formation of multicomponent analytical terms are differentiated.

Keywords: linguistic term; linguistic concept; paradigmatic space; syntagmatic model; internal space; semantic aspect; functional aspect; terminological unit

АННОТАЦИЯ:
Рассмотрена лингвистическая терминосистема украинского языка с установлением её ядра, полупериферии, периферии, охарактеризованы особенности внутрисистемных центростремительных и центробежных тенденций. Проанализированы закономерности коррелятивности лингвистических терминов и понятий с существующей научной парадигмой. Уделено внимание квалификации формального, структурного, семантического, деривационного, функционального и текстового аспектов парадигмального пространства современной лингвистической терминологии, установлена специфика её внутреннего и внешнего парадигмального пространства. Определена регулярность синтагматических моделей лингвистических терминов, дифференцированы направления атрибутивного, номинативно-субстантивного, падежно-предложного расширения терминологических единиц и образование многокомпонентных аналитических терминов.

Ключевые слова: лингвистический термин; лингвистическое понятие; парадигмальное пространство; синтагматическая модель; внутреннее пространство; семантический аспект; функциональный аспект; терминологическая единица

Постановка научной проблемы и её значение

Нормативные тенденции в современной лингвистической терминологии отображают основные процессы её системности, соотношения с другими подобными и/или неподобными терминологическими системами и свидетельствуют о её значимой функциональной нагрузке. Лингвистическая терминосистема образует относительную целостность с собственным ядром, полупериферией и собственно периферией. Ядро образуют терминологические обозначения классически устоявшихся уровней языковой системы – морфологического, синтаксического, словообразовательного, лексического и др. и соответствующих категорий, единиц указанных уровней: *морфологія, синтаксис, словотвір, лексема, лексичне значення, морфологічна одиниця, морфологічне значення, морфологічна категорія, синтаксична категорія, синтаксичне значення, синтаксична одиниця, частина мови, іменник, прикметник, займенник, числівник, дієслово* [Загнітко 2012] и т. п. Актуальность изучения лингвистической терминологии мотивирована постоянным расширением её состава, соотношением с другими терминосистемами (философской, психологической и др.), образованием новых и новейших направлений лингвистики, а также активных исследований, находящихся на стыке различных научных направлений: *психолінгвістика → психологія + лінгвістика, соціолінгвістика → соціологія + лінгвістика, юрислінгвістика → юриспруденція + лінгвістика* [Там же] и др. Не менее весомой является внутренняя дифференциация лингвистических исследований: *лінгвістика тексту, дискурсивна лінгвістика, комп'ютерна лінгвістика* [Загнітко 2012] и под.

В научных терминоведческих исследованиях актуальными становятся: 1) изучение совокупности терминов и понятий определенной области с установлением эволюции и основных этапов развития и становления терминологии; 2) квалификация тенденций пополнения соответствующей терминологии и определение функциональной нагрузки определенных деривационных моделей, словообразовательных типов и др.; 3) диагностирование периода возникновения термина, путей его развития, усложнения его семантики, расширение активности употребления; 4) анализ семантико-парадигматических связей терминологических единиц, наполняемости и ёмкости терминологических тематических групп, образования синонимических рядов, антонимических пар и др.; 5) становление общих тенденций организации терминологических систем. Констатируемое направление исследований можно существенно расширить указанием на анализ текстообразующих функций терминов, диагностирование их текстовой плотности, рассмотрение соотношения терминологических и номенклатурных единиц, коррелятивности номинативного и сигнификативного компонентов в терминологической единице,

проявления когнитивных интенций отдельных терминов, соответствующих терминологий и др.

Анализ исследований данной проблемы

В современных научных исследованиях актуализированным представляется адекватное толкование и понимание языковых явлений, их классификация и квалификация, систематизация и определение их статуса, что непосредственно связано с их терминологическим обозначением и номинацией, тождественным восприятием термина представителями различных школ и направлений. Вопросам статуса терминов, их соотношения с другими терминологическими единицами той же терминосистемы, с другими терминологиями, номенклатурными знаками, понятиями прямо или косвенно посвящены исследования [Реформатский 1959; Головин 1987; Гринев-Гриневич 2008; Даниленко 1977; Панько 1994; Канделаки 1977; Кочан 1994; Симоненко 2011; Суперанская 2012; Авербух 2006] и др. Лингвистические термины, лингвистические понятия являются главным признаком профессиональных текстов соответствующего научного подстиля, а их функционирование свидетельствует о надлежащем структурировании последнего. Нормативное и корректное их употребление определяют уровень доступности текста и исчерпывающего понимания. А.В. Суперанская констатирует: «Культура профессиональной речи – проблема не только не изученная, но ещё и не вполне чётко сформулированная, хотя актуальность её давно очевидна. <…> Понятие языка для специальных целей с их особыми закономерностями не было выявлено» [Суперанская 2012: 56]. Профессиональная речь, профессиональный научный текст является отображением самой личности исследователя и его мировоззренческих позиций. Поэтому такой важной становится проблема изучения лингвистической терминологии, её целостного корпуса, определение тенденций центростремительности и центробежности в её структуре.

Цель и задачи, методы исследования

Целью исследования является диагностировние внутреннего и внешнего парадигмального пространства лингвистической терминологии с установлением определяющих тенденций лево- и правостороннего линеарного расширения синтагматических моделей производных терминологических единиц и квалификацией различных парадигмальных аспектов лингвистической терминосистемы. Цель определяет соответствующие задачи: 1) определение корпуса лингвистических терминологических единиц; 2) диагностирование ёмкости ядра лингвистической терминосистемы, полупериферии и собственно периферии; 3) квалификация син-

тагматических моделей производных лингвистических терминов; 4) выявление основных аспектов парадигмального пространства лингвистической терминологии, квалификация соотношения производных терминологических единиц с соответствующими языковыми уровнями; 5) характеристика коррелятивности терминологических единиц с лингвистическими научными парадигмами.

В исследовании использованы лингвистические методы компонентного анализа, моделирования, сравнения, анализа лексиграфической дефиниции, синтеза, нотации типов толкования лингвистических терминов в специальных терминографических трудах, описательный метод, а также методика квантитативных подсчётов.

Материалом изучения являются лингвистические термины и понятия украинского и русского языков (более 18000 терминологических единиц и понятий), представленные в «Словнику сучасної лінгвістики : поняття і терміни» (в 4-х т.) (2012 г.), а также узуальные и авторские лингвотерминологические понятия и термины, фиксируемые в некоторых авторитетных исследованиях [Всеволодова 2017; Выхованец 1987; Гак 2004; Мустайоки 2006; Тимченко 1925].

Объектом анализа предстаёт современная система лингвистических терминов украинского и русского языков, а предметом изучения – парадигмальное пространство лингвистической терминологии украинского и русского языков.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования

Под термином понимается языковая единица, обозначающая определённое профессиональное понятие соответствующего субъязыка, назначением которого является удовлетворение коммуникативных профессиональных потребностей [Дудок 2009: 186; Коваль 2017: 388−390]. Термины образуют либо стихийную совокупность – терминологию, либо сознательно созданную совокупность – терминосистему [Лейчик 2009: 107]. Термины вступают в активные связи, исходной основой которых является собственное поле термина.

Изменение философских и методологических научных оснований активизирует формирование новых и новейших подходов к рассмотрению языковых явлений, создаёт активные предпосылки для создания современных лингвистических терминов и понятий, где главными критериями становятся точность характеризации, исчерпывающие квалифицирующие признаки анализируемого понятия: *предложение → уровень предложения / аспект предложения → денотативный / сигнификативный / семантический / коммуникативный уровень предложения*; *ситуация → ра-*

курс ситуации → ракурс подачи ситуации; *предикат → предикат-партнёр* (М.В. Всеволодова); *морфема → аналітична морфема → аналітична синтаксична морфема* (И.Р. Выхованец) и др.

Лингвистическая терминология в своём становлении и развитии имеет большую историю. Её главные характерологические черты охватывают языковедческую индийскую и античную традиции, последняя значительным образом была унаследована в различных интерпретациях учёных эпохи Пьера Абеляра и последующих этапов развития лингвистических учений (труды модистов, реалистов, номиналистов, концептуалистов). От элементно-таксономической (дососсюровской) лингвистической научной парадигмы унаследовано большинство терминологических единиц для обозначения основных языковых единиц, уровней, категорий и др. – частей речи, падежей[1] и проч.

Для первого существенным является надлежащее формулирование теоретических положений толкования элемента отдельной лингвотаксономии, т. е. его рассмотрение как репрезентанта системной (таксономической) категории – *частина мови, категорія роду* (*чоловічий рід ↔ жіночий рід ↔ середній рід*), *категорія числа (однина ↔ множина; pluralia tantum ↔ singularia tantum)* [Загнітко 2012]. Элементно-таксономический подход гарантировал квалификацию элементов различных языковых уровней по дифференцирующим и интегрирующим признакам и их распределение по соответствующими таксонам. Подобным классификациям и их терминологическим обозначениям свойственен иерархический характер, что гарантировало установление субординативных отношений между категориями (ср. дифференциацию *самостійних категорійних класів лексем* и *службових категорійних класів лексем, головних членів речення* и *другорядних членів речення* [Загнітко 2012] и др.). Аргументированные элементно-таксономические характеристики языковых фактов и сегодня значимы, поскольку в них такие факты и их составляющие последовательно логически квалифицированы, определены их понятийно-дифференциальные черты. Подтверждением этого может быть хрестоматийно известный анализ *категорії головних членів речення – підмета, присудка, категорії другорядних членів – додатка, означення, обставини* [Там же] (М. Лучкай), ср.: квалификацию *підмета, присудка* в [Осадца 1864], [Смаль-Стоцкий, Ґартнер 1914], [Нечуя-Левицкий 1914], [Тимченко 1925] и др., где доминирующими являются логические основания выделения категорий и их составляющих, их выражения, закономерностей подчинения. Подобные квалификации в значительной мере унаследованы современными научно-прикладными подходами, ср.

[1] Здесь не рассматриваются особенности перевода на различные национальные языки лингвистических терминов и понятий греческих и латинских исследователей.

підмет – «головний член речення, що означає предмет (особу, явище, поняття), про який говориться в реченні» [Загнітко 2012$_{/3}$: 50−53[2]], что подтверждает развитие лингвистической традиции, приверженность к логическим схемам в квалификации морфологических и синтаксических категорий, ср.: *підмет → підмет номінативний → підмет номінативний, виражений окремим словом → підмет номінативний, виражений словосполученням → підмет номінативний, виражений словосполученням з кількісним значенням → підмет номінативний, виражений словосполученням зі значенням вибірковості / підмет інфінітивний* [Там же: 50−53].

В разрезе, например, элементно-таксономической лингвопарадигмы М. Смотрицкий [Смотрицький 1619; 1979: 28−31], не различающий существительных и прилагательных, среди имён дифференцировал *мужескій, женскій, средній, общій* (например, *чоловік*), *всякій* (*той, тая, тоє, исполнь*), *недоумѣнный (той* чи *тая неясыть*), *преобщий* грамматические роды, где последний охватывает два пола – мужской и женский (*той орелъ, тая ластовица*) [Загнітко 2011: 101−106]. Такая квалификация полностью отражала логическую таксономию и коррелировала со структурой имеющейся систематики. Подобное наблюдаемо и в анализе глагольных форм, среди которых учёный впервые акцентировал внимание на особенностях вида, дифференцируя в его структуре *первообразный* (*совершенный*: *чту, стою*) и *производный*, охватывающий: *начинательный* (*каменѣю, трезвѣю*) и *учащательный* (*читаю, бѣгаю*) виды [Смотрицький 1979: 129−131]. Идеи М. Смотрицкого о разграничении последних двух значений творчески переосмыслены в теории глагольных акциональных аспектов действия [Загнітко 2011: 297−301], или родов [Русановский 1971], способов действия [Соколова 2003], где *начинательный* квалифицировано как инхоативный (*задерев'яніти, заіржавіти, запліснявіти*), а *учащательный* – как итеративный (*бігати, їздити, повзати*) аспект действия, ср.: *Хребет* ***задерев'янів****, ноги зробилися, мов ходулі* (М. Андрусяк); *Вся моя скуленість і напруженість, уся моя наїжачена зброя раптом зламалась і* ***заіржавіла****, і спала з мене, мов лати, з гучним брязкотінням* (С. Андрухович); *В цім льоху я вже* ***запліснявів****. Дуже вогко* (Є. Доломан) и *По містках* ***бігають*** *сюди й туди раби, по загорілих тілах течуть патьоки брудного поту – до трюмів пливе потік мішків з єгипетською пшеницею, золоте зерно чекають у далекій Елладі, в славетних Афінах* (О. Бердник); *Я не проти. Хай* ***їздять*** *і на тракторі чи верхи на чортові, а казки все-таки хай не забувають* (О. Бердник); *А я сміялася, бо вони мене не бачили, не знали того, що в мене виросли блакитні крила і я можу летіти, а не* ***повзати*** *по схилах гори...* (О. Бердник).

Подобно для Ю. Крижанича существенным является разграничение однократных (действие однократное и совершенное): *крикнем, станем,*

[2] Здесь и далее: в знаменателе указан номер тома.

седем; многократных (повторяемость много раз): *сидам, говарјам*; неопределённых (действие безотносительно однократности или многократности) глаголов: *сидим, лежим* с добавлением к этому списку и начинательных лексем: *билијем, чернијем, обилел, очернел* [Крижанич 1859]. Эволюция лингвистических взглядов на толкование категориальных значений вида глагола свидетельствует о постоянном углублении понимания особенностей внутренней категоризации видовой семантики, её спецификации среди аспектуальных значений и под. Существенным в данном случае является преемственность мысли, её динамика от одного понимания к другому, отталкиваясь от фундаментальных для соответствующей лингвистической научной парадигмы принципов и постулатов, эпистем и исходных положений.

Системно-структурная (соссюровская) лингвопарадигма активизировала продуцирование терминологических единиц на обозначение внутриязыковых оппозиций (эквиполентные, привативные и под.); дифференциацию языковой стихии, типов речевой деятельности; создание специальных лингвистических методов (метод компонентного анализа и др.).

Номинативно-экзистенциальная (функционально-коммуникативная ↔ функционально-когнитивная ↔ постсоссюровская) научная лингвопарадигма базируется на двух основных определяющих постулатах – номинативности и экзистенциальности. Под постулатом понимается утверждение, предположение, принимаемое при построении научной теории без доказательств в качестве исходного.

Постулат номинативности исходит из главной функции слова – называния предметов, явлений, качеств, действий, что соответствует номинативной функции языка. Последнюю преимущественно рассматривают как соотносимую с коммуникативной (передача информации, обмен мыслями и проч.), кумулятивной (накопление информации), эстетической (ощущение прекрасного и т. д.), когнитивной (осуществление познавательной деятельности и др.). Номинативная функция является производной когнитивной и обусловлена способностью языковых знаков быть символами, т. е. символически обозначать вещи. Благодаря номинативной функции создан второй мир – символический, наполняемость которого постоянно множится. Познанным является то, что названо, а постоянное расширение познаваемого – это углубление границ символического мира, его множественности. Термины в современном мире являются наиболее активно используемыми для номинации либо совершенно нового, неизвестного (*менасив → менасивне дієслово / менасивний мовленнєвий акт; дискурс → політичний дискурс / газетний дискурс / інституційний дискурс / педагогічний дискурс; прецедентна одиниця → прецедентний текст / прецедентне висловлення / прецедентний феномен / прецедентна одиниця / прецедентна особистість / прецедентний вираз /*

прецедентний фразеологізм / прецедентне ім'я; перформатив ↔ перформативне речення → перформативне дієслово / перформативна лексема / перформативний мовленнєвий акт / ментальний перформатив / соціальний перформатив [Загнітко 2012]).

Экзистенциальный в современных лексикографических трудах рассматривают и как обусловленный существованием, относящийся к существованию, и как 'Стос. до екзистенції' [Словник 2008: 214], и как соотносимый со смысловыми, высшими, рационально невыразимыми ценностями и проявлениями человеческой субъективности (собственно философское понимание). Экзистенциальный в пределах номинативно-экзистенциальной лингвопарадигмы отображает последовательное углубление исследовательской практики и исследовательских технологий, исходя из видения экзистенции. Ярким примером подобного толкования языковых и речевых фактов являются размышления известного лингвиста М.В. Всеволодовой: «Содержательный инвариант предложения, представленный говорящим под определённым углом зрения, составляет семантический (сигнификативный) уровень предложения, выражаемый в его семантической (сигнификативной) структуре» [Всеволодова 2017: 404], где представлен системно-структурный аспект в терминах *инвариант предложения, семантический уровень предложения, сигнификативній уровень предложения, семантическая структура, сигнификативная структура*. Далее автор развивает мысль: «Если по отношению к денотативной ситуации адресант выступает как автор пьесы, то по отношению к семантической структуре он, скорее, режиссёр спектакля. Семантическая структура – образование более сложное и многоаспектное, чем денотативная ситуация» [Там же: 404], реализуя функционально-коммуникативный подход с использованием лингвистических терминов типа *денотативная ситуация, адресант, денотативная ситуация, семантическая структура* и терминологических единиц других научных направлений: *спектакль, пьеса, режиссёр → режиссёр спектакля*, что вполне объяснимо, поскольку в уточнённом названии учебника содержится конкретизация дискурса – *педагогическая модель языка*. Авторское употребление лингвистических терминов в данном случае реализовано в соответствующих контекстах и синтагматических моделях, а также в специфической смысловой и функциональной нагрузке терминов из других научных областей. Таким образом корректно обнаруживаема целевая установка и на читателя, и репрезентируемая исследовательская модель.

Главное внимание в данном исследовании сконцентрировано на парадигмальном пространстве современной украинской лингвистической терминологии, где знаковыми являются: 1) установление границ употребления лингвистических терминов и понятий; 2) определение системного, узуального и собственно авторского статуса терминологических

единиц, ср., например: *називний відмінок* и *називник* (И.Р. Выхованец), *давальний відмінок* и *давальник* (И.Р. Выхованец) или использование двух и более терминов для называния того же языкового факта: *називний відмінок* ↔ *називник* ↔ *номінатив* ↔ *перший відмінок*; *кличний відмінок* ↔ *вокатив* ↔ *кличник* ↔ *сьомий відмінок, давальний відмінок* ↔ *адресатник* (Е.К. Тимченко, И.Р. Выхованец и др.); 3) выявление функционального статуса терминологических единиц, их соотношения с другими тождественными и нетождественными: *сурядні протиставні предикативні частини, сурядні зіставні предикативні частини і підрядні підметові предикативні частини, підрядні присудкові предикативні частини*, з одного боку, і *підрядні з'ясувальні предикативні частини, підрядні локативні предикативні частини* [Загнітко 2012]; 4) раскрытие силового поля лингвистического термина и/или понятия и определение его частотности, использование анализируемого термина исследователями в той самой дефиниции или в совершенно другом понимании; 5) установление общего парадигмального пространства лингвистической терминологии с исследованием соотношения терминологических единиц и понятий с соответствующими научно лингвистическими парадигмальными подходами.

Предлагаемый анализ основывается на «Словнику сучасної лінгвістики : поняття і терміни» (в 4-х т.), что вышел из печати в 2012 году и получил соответствующую оценку и терминоведов ([Щербин 2014]), и грамматистов ([Гуйванюк 2013]), и семасиологов ([Рагавцов 2015]), и лексикологов ([Космеда 2013]) и др. В словаре использован принцип алфавитного расположения лингвистических терминов, где главным в толковании является опорный компонент. Акцентируя внимание на функционировании аналитических терминов, количество которых всё возрастает, в словаре применён принцип рассмотрения организации аналитических многокомпонентных терминологических сочетаний по модели «главное слово + зависимое / зависимые», поэтому каждый термин квалифицируется по главному слову, в препозиции и/или постпозиции относительно которого имеется / имеются аналитический / аналитические элементы, ср.: *форма граматична, форма активного/дійсного стану, форма аналітична, форма варіантна, форма вільна, форма дієслова зворотна, форма дієслова особова (предикативна), форма існування мови, форма категорій, форма морфологічна, форма синтаксична, форма слова синтетична, форма слова аналітична, форма стилістична, форма типологійна* [Загнітко 2012/4: 92−94] и др. Такой подход позволяет увидеть и осознать весь диапазон имеющихся сегодня лингвистических терминов с определённым (главным) словом и в то же самое время раскрыть специфику освоения такого типа лингвистических терминов. Особенно это касается тех новых научных направлений и

школ, где с анализируемым аналитическим компонентом продуцируется целый ряд терминов, ср.: *мовленнєвий акт* → *ініціативний мовленнєвий акт, непрямий мовленнєвий акт, прямий мовленнєвий акт, пропозитивний мовленнєвий акт, мовленнєвий акт вимоги, реактивний мовленнєвий акт, фінальний мовленнєвий акт, колокотуваний мовленнєвий акт, інаціальний мовленнєвий акт* [Загнітко 2012/1: 22–24] и др. – все рассмотрены на главное слово *акт*. При традиционном расположении терминов каждый из них рассматривался бы в соответствующей алфавитной позиции, что не представляло бы возможности целостного восприятия современного понимания и функциональной нагрузки подобных терминов и понятий, целого ряда их производных. Придание основной нагрузки главному компоненту *акт* позволило объединить такие термины в одном алфавитном пространстве и в то же самое время предложить целостное рассмотрение семантико-парадигматических отношений такого типа терминов и понятий.

Применяемый принцип лексикографического структурирования понятий и терминов обнаруживает всё более активируемые тенденции аналитического терминообразования, которые на сегодня доминируют, обеспечивая последовательное дифференцирование понятий, придание каждому из них исчерпывающих квалифицирующих и классифицирующих признаков. Поэтому в «Словнику сучасної лінгвістики: поняття і терміни»: 1) отобраны и систематизированы наиболее распространённые термины, активно используемые в теоретических, теоретико-прикладных и собственно прикладных языковедческих исследованиях; 2) предложено рассмотрение семантически обновленных терминов классического языкознания (элементно-таксономическая лингвопарадигма) с учётом их традиционного толкования и квалификации; 3) охарактеризованы опорные и ключевые термины современной лингвистики с исследованием их динамики и коррелятивности с соответствующими научно-лингвистическими парадигмами, принадлежностью к определённым лингвистическим направлениям, школам; 4) предложено компактное толкование опорных терминов грамматики (её различных аспектов и школ – идеографического, функционального, коммуникативного и др.), лексикологии, фонологии, словообразования, а также психолингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики, когнитивной лингвистики, патопсихолингвистики, прикладной лингвистики, судебной лингвистики, суггестивной лингвистики и под. (большинство этих терминов требует учёта их связи с основными науками и функционированием в лингвистике, в силу чего толкование становится проблематичным и не всегда адекватным); 5) учтена специфика расширения лингвистических исследований начала XXI века, когда активными становятся исследования по лингвистике текста, коммуникативной лингвистике, теории речевых актов и

теории речевых жанров, теории коммуникативных жанров, дискурса и дискурсивной практики, что последовательно реализовано в структуре «Словника сучасної лінгвістики: поняття і терміни».

В «Словнику сучасної лінгвістики: поняття і терміни», в силу возможного, исчерпывающе охарактеризован каждый термин с адекватным исследованием его принадлежности к различным направлениям исследований (коммуникативной лингвистике, дискурсологии, когнитивной лингвистике, функциональной лингвистике, психолингвистике и под.) с последовательным учётом динамики семантического наполнения термина, активизации его современных семантико-парадигматических отношений, расширением синтагматической силы образования терминов, ср.: *компетенція → дискурсивна, інтерактивна, комунікативна, лінгвістична, комунікативна, міжкультурна, лінгвокультурна, мовна, прагматична, предметна, соціокультурна, феноменологічна* [Загнітко 2012] и др.

«Словник сучасної лінгвістики: поняття і терміни» ориентирован на толкование терминов и понятий, экспликации его основных и неосновных связей с другими терминами и понятиями, установление статуса в современной лингвистике. Особенностью лексикографического толкования лингвистического термина или понятия является акцентирование на его внутренних связях, что расширяет понимание его внутрисистемных связей, вхождение в различные семантические отношения: «**Карти́на сві́ту** – сукупність знань, думок, уявлень учасників спілкування щодо реальної або уявної дійсності; вторинне існування об'єктивного світу, закріплене та реалізоване у своєрідній матеріальній формі. Див.: ***Мова; Картина світу мовна; Картина світу концептуальна***» [Загнітко $2012_{/2}$: 12].

Внутренним парадигмальным пространством лингвистической терминосистемы является её организация с соответствующей иерархизацией терминологических единиц по особенностям 1) исходного и производного, 2) линеарной структурированности, 3) семантико-парадигматическим отношениям (гиперо-, гипо-гипонимическим, метронимическим и др.), 4) смысловой коррелятивности, 5) соотношения внутренних составляющих (морфологической, синтаксической, психолингвистической и под.) и т. д.

Внешнее парадигмальное пространство лингвистической терминосистемы обусловлено и мотивировано активными и/или пассивными связями с другими терминологическими системами.

Систему лингвистических терминов образует несколько внутренних подсистем – морфологическая, синтаксическая, словообразовательная и др., а также подсистемы различных современных научных направлений (пато-, психо-, медиа-, социо-, юрис-, компьютерно-лингвистического и

под.; коммуникативного, идеографического, когнитивного, генеративного и т. д.). Ядро лингвистической терминосистемы образуют классические названия и определения языковых уровней и категорий, значений и отношений, полупериферию формируют термины и понятия направлений, пребывающих на стыке различных наук. Собственно периферию лингвистической терминосистемы образуют наименования языков [Milewski 1948; Левицький 2003; Дубович 2003]. В широком понимании к лингвистической терминологической системе, её периферии принадлежат также имена языковедов [Загнітко 2013].

В общей структуре «Словника сучасної лінгвістики: поняття і терміни» рассмотрено около 18 тысяч лингвистических терминов и понятий с последовательной квалификацией каждого из них по соответствующим научным направлениям, языковедческим разделам: психолингвистика, социолингвистика, коммуникативная лингвистика, этнолингвистика, прагматическая лингвистика, лингвокультурология и др.

Характеризуя парадигмальное пространство лингвистической терминологии, следует подчеркнуть необходимость рассмотрения терминов и понятий в их соотношении с соответствующими лингвистическими научными парадигмами.

Парадигмальное пространство современной лингвистической терминологии охватывает формально-грамматический, деривационный, семантический, текстовый и функциональный аспекты. Формально-грамматический аспект охватывает все видоизменения одно-, двух-, трёх-, четырёх-, пяти- и более компонентных терминов: *акомодація → акомодації, акомодації, акомодацію, акомодацією, (на) акомодації, акомодація / акомодації лінгвокультурної, акомодації лінгвокультурній, акомодацію лінгвокультурну, акомодацією лінгвокультурною, (на) акомодації лінгвокультурній, акомодація лінгвокультурна* [Загнітко 2012] и под.

Деривационный аспект представлен различными аффиксальными производными, имеющими в современной лингвистической терминологии различные векторы реализации. В данном случае аффиксальные производные следует толковать широко – с использованием собственно аффиксальных производных (суффиксальных (*комунікативний, номінативний, суб'єктивний; категорійний, морфологійний, функційний; аксіологічний, морфологічний* [Загнітко 2012], в том числе и нормативно конкурентных: *синонімічний ↔ синонімійний ↔ синонімний; антонімічний ↔ антонімний ↔ антонімійний; термінологічний ↔ термінологійний ↔ термінний* [Там же]), префиксальных и др.), производных с международными корневыми элементами (префиксоидами, суффиксоидами, ср.: *аксіологія, артологія, морфологія, фразеологія; аксіолема, аксіостемма*; *антропоніми, артіоніми, прагматоніми* [Там же]) и под.

К производным принадлежат также различные атрибутивно-квалификативные модели с одним, двумя и более пре- и постпозиционными квалификаторами: *акт мовленнєвий → акт мовленнєвий прямий → акт мовленнєвий реактивний; актант → актант сентенційний → актант предикації → актант референційний; речення → речення просте → речення просте односкладне → речення просте односкладне номінативне; речення → речення складне → речення складне нерозчленоване → речення складне нерозчленоване прислівно-кореляційне* [Там же] и др. Производные аналитические дву- и более компонентные термины главным назначением имеют последовательное сужение квалификационного образца языковых единиц с адекватным их структурированием и выделением среди них подобных и/или неподобных единиц. Разветвлёнными являются производные лингвистические термины с постпозитивными компонентами различных субстантивно-падежных форм типа *з + О.в.*: *речення складнопідрядні розчленованої структури власне-детермінантного типу з підрядними темпоральними; речення складнопідрядні нерозчленованої структури власне-прислівного типу з підрядними присубстантивно-атрибутивними → речення складнопідрядні нерозчленованої структури власне-прислівного типу з підрядними локативно-об'єктними* [Там же] и др.

Семантический аспект в парадигмальном пространстве современной лингвистической терминологии охватывает различные соотношения по значению между одно-, двух-, трёх-, четырёх-, пяти- и более компонентными образованиями. Среди семантических отношений терминов значимыми выступают гиперо-гипонимические (родо-видовые), гипо-гипонимические (видо-видовые), меронимические, холонимические, субординативные, координативные. Их нагрузка представляется различной и количественно, и качественно. Гиперо-гипонимические отношения распространены среди синтаксических (формально-, семантико-грамматических, коммуникативно-, функционально-, конструкционно-, когнитивно-синтаксических), морфологических (аналитически-, синтетически-, падежно-морфологических): *граматика → граматика асоціативна → граматика зовнішня → граматика внутрішня → граматика загальна → граматика дескриптивна → граматика історична* (близко 60) [Там же]. Гипо-гипонимические отношения преимущественно охватывают отношения между терминологическими единицами одного языкового уровня и того же лингвопарадигмального ориентирования, ср.: *граматика безпосередніх складників ↔ граматика відмінкова*; *граматика логічна ↔ граматика породжувальна (генеративна); граматика таксономічна ↔ граматика універсальна* [Там же].

Функциональный аспект в парадигмальном пространстве современной лингвистической терминологии представлен среди различных инвариантных и вариантных терминологических производных (*агенс* ↔ *протагоніст* [Там же]; *предикат* → *тип предиката (экзистенциальный / реляционный / стативный признаковый)* → *сфера проявления предикативного признака; действие* → *контролируемое действие* → *неконтролируемое действие* → *конструктивное действие* → *трансформационное действие* → *деструктивное действие* [Всеволодова 2017: 200–201] и под.), а также – между различными уровнями квалификации той же самой единицы (*додаток* ↔ *об'єкт; підмет* ↔ *суб'єкт; обставина місця* ↔ *локатив* [Загнітко 2012] и под.). К этому примыкают и авторские производные для номинирования устанавливаемых языковых фактов и их научной интерпретации ↔ квалификации. Подтверждением этого может служить научно-авторский стиль М.В. Всеволодовой, где прослеживается активное использование общелингвистической терминологии и собственно авторская её нагрузка, создание новых и новейших аналитических квалификационно-атрибутивных / квалификационно-субстантивных и других типов аналитических терминологических единиц: «**Синтаксический смысл категории изосемичности** состоит в том, предложение, составленное изосемическими словами, являет собой **изосемическую конструкцию** (ИзК): Красивая девушка грациозно танцует – где все слова изосемичны <…>» [Всеволодова 2017: 78]. Автор продолжает: «Слова, семантически не всегда обязательные, осложняющие, в первую очередь, синтаксическую структуру предложения, но позволяющие говорящему изменить ракурс подачи ситуации, выявляя те или иные отношения между словами, позволяя изменить членопредложенческие позиции имён участников ситуации. Это **показатели смысловых отношений**, или **строевые слова**, составляющие определённую систему» [Всеволодова 2017: 79].

Для последовательного раскрытия парадигмального пространства лингвистической терминологии с опорой на современные лексикографические работы необходимо учитывать реализацию в них реестровой полноты, её внешнего объёма, тип словаря, принципы текстовой организации словаря. Такой анализ следует дополнить исследованием собственно авторских терминоединиц узусной нагрузки, подтверждением является дифференциация функций языка – от трёх – четырёх до 50 и более, или различение смысловых ролей в семантической структуре предложения (ср. взгляды М.В. Всеволодовой [Всеволодова 2017], В.Г. Гака [Гак 2004], А. Мустайоки [Мустайоки 2006]), хотя в последнем случае необходимо говорить о функциях речи.

Центростремительные тенденции внутренней организации лингвистической терминосистемы обусловлены активными семантико-парадигматическими отношениями терминологических единиц и понятий, мотивированностью производных одно-, двух-, трёх-, четырёх-, пяти- и более компонентных терминов. Центробежные процессы усиливаются постоянным расширением полупериферии и периферии лингвистической терминосистемы, что обусловлено формированием новых научных направлений, школ. Активизация центробежности связана также с непрерывным образованием авторских терминологических единиц и понятий, низким уровнем замкнутости последних на классическую терминосистему, желанием исследователей создать собственную систему терминологических обозначений для уже сформированных тех или иных терминологических номинаций.

Выводы и перспективы

Современной лингвистической терминосистеме свойственны системность, структурируемость, нормативность с актуализированными анормативными (узусными и окказиональными) вкраплениями, семантико-парадигматическими отношениями. Перспективным представляется дифференцирование различных моделей образования лингвистических терминов, определение преемственности лингвистической традиции с определением функционально-семантических полей лингвистических терминологических единиц, создание целостного Корпуса лингвистической терминологии украинского и других славянских и неславянских языков, исследование на основании параллельных национальных лингвистических корпусов их функционирования для определения наиболее приемлемых синтагматических моделей продуцирования производных. Целесообразной представляется фиксация в таком (и/или таких) Корпусе (Корпусах) узуальных и собственно авторских терминологических единиц и понятий для определения их индивидуально-авторского внутритекстового функционирования и диагностирование путей распространения терминологических лингвоиндивидуализаций, приобретения ими статуса узуальных и постепенного проникновения в лингвистическую терминосистему.

Литература / References

1. *Авербух К.Я.* Общая теория термина. Москва: Изд-во МГОУ, 2006.
2. *Вихованець І.Р.* Система відмінків української мови : [монографія]. Київ: Наукова думка, 1987.
3. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммункативного синтаксиса. Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М.: УРСС, 2017.
4. *Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2004.
5. *Головин Б.Н.* Лингвистические основы учения о терминах : [учебное пос.]. М.: Высшая школа, 1987.

6. *Гринев-Гриневич С.В.* Терминоведение. М.: Наука, 2008.
7. *Даниленко В.П.* Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977.
8. *Гуйванюк Н.* Лінгвістика у тлумаченнях і визначеннях (Рец. на кн. : Загнітко А. Словник сучасної лінгвістики: поняття і терміни : у 4-х т. – Донецьк : ДонНУ, 2012. Т. 1.; Т. 2.; Т. 3.; Т. 4.) // Науковий вісник Чернівецького університету : [зб. наук. праць] / наук. ред. Б. І. Бунчук. 2013,С. 661−662 : Слов'янська філологія. С. 239–241.
9. *Дубович І.* Країнознавчий словник-довідник. Вид. 2-е. Львів: Панорама, 2003.
10. *Дудок Р.І.* Проблема значення та смислу терміна в гуманітарних науках. Львів: Видавничий центр Львівського національного університету імені Івана Франка, 2009.
11. *Загнітко А.П.* Теоретична граматика сучасної української мови. Морфологія. Синтаксис : [монографія]. Донецьк: «ТОВ ВКФ «БАО», 2011.
12. *Загнітко А.* Словник сучасної лінгвістики : поняття і терміни : В 4-х т. : [науково-аналітичне видання]. Донецьк: Вид-во Донецького національного університету, 2012. Т. 1.; Т. 2.; Т. 3.; Т. 4.
13. *Загнітко А.* Українська граматика в іменах : енциклопедичний словник-довідник : [науково-довідкове видання] / Анатолій Загнітко, Марина Балко. Донецьк: Вид-во Донецького національного університету, 2013.
14. *Канделаки Т.Л.* Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977.
15. *Коваль Р.* Методи дослідження термінології реабілітації // Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки: Філологічні науки. Мовознавство. 2017, № 3. С. 386−391.
16. *Космеда Т.* Збагачення української лінгвістичної термінологічної лексикографії : Рецензія на словник: Загнітко А.П. Словник сучасної лінгвістики : поняття і терміни : В 4-х т. Донецьк: ДонНУ, 2012. Т. 1.; Т. 2.; Т. 3.; Т. 4. // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія «Лінгвістика». 2013, XIX. С. 313–318.
17. *Крижанич Ј.* Граматично изказање об руском језику. М.: Унив. тип., 1859.
18. *Левицький Ю.-М.* Мови світу : Енциклопедичний довідник. Львів: Місіонер, 1998.
19. *Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. 4-е изд. М.: Либроком, 2009.
20. *Лотте Д.С.* Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН ССР, 1961.
21. *Мустайоки А.* Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006.
22. *Нечуй-Левицький І.* Грамматика українськоі мови : частка II (синтаксис). Київ: Друкарня І.І. Чоколова, 1914.
23. *Новий* словник іншомовних слів : близько 40 000 слів і словосполучень/ Л.І. Шевченко, О.І. Ніка, О.І. Хом'як, А.А. Дем'янюк; За ред. Л.І. Шевченко. Київ: АРІЙ, 2008
24. *Осадца М.* Граматика руского ıазыка. Изд. 2-е, поправл. Во Львове: В печатни Ин-та Ставропигийского, заведатель печатни Ст. Гучковский, 1864.
25. *Панько Т.І.* Українське термінознавство : [підручник] / Т.І. Панько, І.М. Кочан, Г.П. Мацюк. Львів: Вид-во Львівського національного університету імені Івана Франка, 1994.
26. *Рагаўцоў В.* Закончаная інтэрпрэтацыя лінвапарадыгмальнай прасторы : Рэцэнзія на кнігу : Загнітко А. Сучасна лінгвістика : погляди та оцінки : [науково-аналітичне видання]. Донецьк: Вид-во «Ноулідж» (Донецьке відділення), 2014. – 464 с. // Типологія і функціїї мовних одиниць : науковий журнал / Редкол.: Н.М. Костусяк (гол. ред.) та ін. 2015, № 1 (3) С. 185–191.
27. *Реформатский А.А.* Что такое термин и терминология. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
28. *Русанівський В.* Структура українського дієслова. Київ: Наукова думка, 1971.
29. *Симоненко Л.* Про стан «здоров'я» мови медицини / Л. Симоненко, Н. Місник // Вісник Національного університету «Львівська політехніка» «Проблеми української термінології». 2002, № 453. С. 262–269.

30. *Смаль-Стоцький С., Ґартнер Ф.* Граматика руської мови. Відень: Накладом власним, 1914.
31. *Смотрицький М.* Граматика слов'янська / підготовка факсимільного видання В.В. Німчука. Київ: Наукова думка, 1979.
32. *Соколова С.* Префіксальний словотвір дієслів у сучасній українській мові. Київ: Наукова думка, 2003.
33. *Суперанская А.В.* Общая терминология: Вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
34. *Тимченко Є.* Номінатив і датив в українській мові. Київ: З друкарні Української Академії Наук, 1925.
35. *Щербин В.К.* Толковые словари лингвистической терминологии в восточнославянских странах: сравнительный анализ // Terminologija (Vilnius). 2014, № 21. S. 28−70.
36. *Milewski T.* Atlas Lingwistyczny języków świata. T. 1. Lublin Kraków: Naklad I wydawnictwo Polskiego Towarzystwa Ludoznawczego, 1948. – 62 map.

DOI 10.29003/M142.LMC2018-60/77-85

К ВОПРОСУ О ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНОМ ФУНКЦИОНАЛЬНОМ СТИЛЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

А.И. Изотов

ON THE CHURCH-RELIGIOUS FUNCTIONAL STYLE
IN CONTEMPORARY RUSSIAN

A.I. Izotov

ABSTRACT:
Basing on the principles of functional style determination the founders of the Prague Linguistic Circle substantiated the reasonableness of singling out the "church-religious functional style" within the framework of the Russian ethnic language used by the clergy and the laity of the Russian Orthodox Church in the sphere of religious communication is determined. A striking feature of this style is the incorporation of the elements of the Church Slavonic language as lingua sacra into it, and the degree of this incorporation in some of its sub-styles / genres (for example, in liturgical or prayerful ones) can reach up to 100%.

Keywords: Prague Linguistic Circle; Russian studies; lingua sacra; Church Slavonic; stylistics; functional style; liturgical style; church-religious style; primary style; derived style; journalistic style; conversational style; shoptalk style; administrative style; declamatory style; rhetoric style; belles-lettres style; essay style; promo style; epistolary style; business style; promotion style; directory style; orientational style; ideological style; prosaic style; dramatic style; poetic style; academic style; ramble style; analytical style; persuasive style; colloquial style

АННОТАЦИЯ:
С опорой на принципы определения функциональных стилей основателями Пражского лингвистического кружка обосновывается правомерность вычленения в рамках русского этнического языка «церковно-религиозного функционального стиля», используемого клириками и мирянами Русской православной церкви в сфере религиозной коммуникации. Яркой особенностью данного стиля является инкорпорированность в него элементов церковнославянского языка как агиолекта (lingua sacra), причем степень данной инкорпорированности в некоторых его подстилях (например, в литургическом или молитвенном) может доходить до 100%.

Ключевые слова: Пражский лингвистический кружок; русистика; агиолект; церковнославянский; стилистика; функциональный стиль; богослужебный стиль; церковно-религиозный стиль; религиозный стиль; религиозно-проповеднический стиль; примарный функционалный стиль; секундарный функциональный стиль; публицистический стиль; разговорный стиль; специальный стиль; административный стиль; ораторский стиль; художественный стиль; эссеистский стиль;

журналистский стиль; риторический стиль; стиль рекламы; эпистолярный стиль; административно-правовой; официально-деловой стиль; экономический стиль; хозяйственный стиль; пропагандистский стиль; директивный стиль; ориентационный стиль; идеологический стиль; прозаический стиль; драматический стиль; поэтический стиль; научный стиль; популяризаторский стиль; новостной стиль; аналитический стиль; персуазивный стиль; коллоквиальный стиль

Когда-то достаточно давно, в разговоре совсем на другую тему Майя Владимировна Всеволодова вскользь заметила, что язык богослужения Русской православной церкви (иначе говоря, современный церковнославянский язык) в принципе можно рассматривать как функциональный стиль современного русского языка. О значительно большей, чем обычно полагают, интегрированности церковнославянских элементов в русский писали Н.И. Толстой, В.М. Живов, М.Л. Ремнёва, см. [Толстой 1996], [Живов 1996], [Ремнёва, Савельев, Филичев 1999].

С тех пор понятие церковно-религиозного функционального стиля заняло прочное место в отечественной русистике. Речь идет не только о множестве посвященных соответствующей проблематике публикаций, среди которых немало и диссертационных исследований (см., например, [Бугаева 2010], [Гольберг 2002], [Расторгуева 2005], [Худякова 2009], [Звездин 2012], [Ицкович 2016]). Церковно-религиозному стилю посвящен отдельный параграф в классическом учебнике по русской стилистике [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 412-432], а также отдельные статьи в популярных справочниках (см., например, [Стилистический… 2003] и [Эффективное… 2014]), находящихся в свободном доступе в Сети и тем самым являющихся источником многократного копирования авторами всевозможных образовательных сайтов, а уже оттуда – пишущими рефераты, курсовые и дипломные работы студентами, что переводит данный феномен в разряд общеизвестного знания.

Тем не менее до сих пор нет единого мнения даже по поводу наименования данного функционального стиля, хотя некоторые тенденции всё же прослеживаются. Наиболее употребительным, судя по всему, является введенный в массовый обиход М.Н. Кожиной, О.А. Крыловой и Л.П. Крысиным в названных выше сочинениях ([Стилистический… 2003], [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008], [Эффективное… 2014]) термин «церковно-религиозный стиль» (см., например, [Крылова 2000], [Листрова-Правда, Расторгуева 2006], [Мишланов, Худякова 2008], [Николаева 2008], [Звездин 2012], [Гречаная 2016]), который представляется нам более удачным с точки зрения внутренней формы, чем сопоставимый с ним по употребительности термин «религиозный стиль» (см., например, [Прохватилова 2006], [Щукина, Михеенко 2008], [Павловская, Трошева 2014], [Велижанина, Филатова 2015], [Ицкович 2016]), так как

сужает декларируемую сферу его функционирования, исключая нехристианские религии, ведь греческое [ἐκκλησία] κυριακόν, давшее на русской почве слово *церковь* – это не просто ‘религиозное сообщество’, но ‘религиозное сообщество христиан’.

Термин же «религиозно-проповеднический стиль», заявленный было как синоним термина «церковно-религиозный стиль» [Эффективное… 2014] и представленный в некоторых старших, однако регулярно цитируемых работах (см., например, [Крысин 1996], [Гольберг 2002]), сужает функциональную сферу термина излишне кардинально – до объема речевого жанра.

Употребления терминов «богослужебный стиль» и «конфессиональный стиль», заявленных в работе [Велижанина, Филатова 2013: 426] в качестве синонимичных названным выше (церковно-религиозный стиль, религиозный стиль, религиозно-проповеднический стиль), применительно к русскому материалу нам обнаружить не удалось. Не удалось нам обнаружить и примеров употребления в данном контексте огласовки «религиозно-культовый функционального стиль», которую называет в числе синонимичных терминов О.А. Крылова в [Стилистический… 2003].

Итак, пока что среди исследователей нет единодушия даже по поводу самого названия обсуждаемого функционального стиля.

Что же касается самого наполнения термина «церковно-религиозный функциональный стиль», то здесь ситуация, к сожалению, еще дальше от идеальной. Мы категорически не согласны с определением, предлагаемым Л.П. Крысиным:

«ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ СТИЛЬ, или **РЕЛИГИОЗНО-ПРОПОВЕДНИЧЕСКИЙ СТИЛЬ, –** один из функциональных стилей кодифицированного литературного языка. Обслуживает церковно-религиозную сферу. Близок к Публицистическому стилю (см.), т.к. в нём язык используется в своей агитационной функции: проповедуя слово Божие, священники стремятся воздействовать на сознание слушателей и убеждать их в существовании непреложных религиозных истин, которыми должен руководствоваться человек в повседневной жизни» [Эффективное 2014: 732-733].

Во-первых, непонятно, почему монополия на использование данного стиля предоставлена «священникам»? Разве данный стиль запретен для дьякона? для епископа? для академика РАН Сергея Сергеевича Аверинцева, который священником никогда не был?

Во-вторых, что такое «непреложные религиозные истины»? Это некие общеизвестные среди представителей данной конфессии утверждения, то есть «религиозные» аналоги «светских» сентенций типа «Волга впадает в Каспийское море»? Или же речь идет о религиозной

догматике, то есть об утвержденных церковью положениях вероучения, объявленных обязательной и неизменяемой истиной и не подлежащих критике? Первое предположение оскорбительно для слушателей, поскольку исходит из предположения об их умственной неполноценности, второе – для проповедника, перепутавшего проповедь с лекцией для семинаристов. И на проповеди, и на исповеди священник не сообщает некие «непреложные религиозные истины», а рассуждает о них.

Еще менее удачным определением пользуется И.В. Калита, в монографии которой под церковно-религиозным стилем «подразумевается коммуникация служителей культа вне стен храма с целью привлечь внимание к религии» [Калита 2013: 107].

О.А. Крылова предлагает более корректную, на наш взгляд, формулировку: «Церковно-религиозный стиль – функциональная разновидность совр. рус. лит. языка, обслуживающая сферу церковно-религиозной общественной деятельности и соотносящаяся с религиозной формой общественного сознания» [Стилистический… 2003: 612]. Тем не менее трудно удержаться от напоминания, что кроме православных и в Москве, и на Руси немало русскоязычных католиков и протестантов, у которых тоже есть и «сфера церковно-религиозной общественной деятельности», и «религиозная форма общественного сознания». Значит ли это, что обсуждаемый церковно-религиозный функциональный стиль является общим и для православных, и для католиков, и для протестантов (причем самых разных деноминаций)?

Поскольку при несовпадении взглядов на сущность того или иного понятия при прочих равных условиях приоритет принадлежит, как мы полагаем, изобретателю этого понятия, мы решили обратиться к истокам самой теории функциональных стилей, а именно к работам Б. Гавранека и других основателей Пражского лингвистического кружка, внимание которых привлекли три основные функции литературного языка, а именно функция общения (funkce komunikativní), функция сообщения (funkce sdělovací) и функция эстетического воздействия (funkce estetická), хорошо знакомые отечественному филологу по работам В.В. Виноградова, успешно применившего концепцию Б. Гавранека к русскому материалу.

Для реализации названных функций в чешском языковом пространстве используются наборы соответствующих языковых средств чешского литературного языка, которые Б. Гавранек назвал «функциональными языками»: «разговорный/коллоквиальный язык» (jazyk hovorový/konverzační) для функции общения, «язык рабочий/деловой» (jazyk pracovní/věcný) для функции «практического сообщения» (funkce prakticky sdělovací = funkce prakticky odborná), «язык научный» (jazyk vědecký) для функции «теоретического сообщения» (funkce teoreticky odborná), «язык

поэтический» (jazyk básnický) для функции эстетической (funkce estetická), см. [Havránek 1932]. Проведенная в 1954 году Институтом чешского языка Чехословацкой академии наук конференция по проблемам стилистики утвердила данную классификацию функциональных стилей чешского литературного языка в качестве базовой, предусмотрев возможность её расширения за счет бурно развивающегося стиля публицистического (styl publicistický), а также оговорив особый статус разговорного стиля (styl hovorový) литературного чешского языка, в который в определенных условиях проникают элементы иного структурного образования – так называемого «обиходно-разговорного чешского языка» (obecná čeština), ср. написанные на основе выступлений на данной конференции статьи П. Троста, Э. Паулини, К. Гаузенбласа, Л. Долежела, Й. Филипца, Л. Горалека и М. Елинека в первом и втором номерах журнала Slovo a Slovesnost за 1955 год, см. ниже **Литература** / **References**. Эта расширенная классификация функциональных стилей чешского литературного языка стала общепринятой в чешской школьной традиции (и продолжает во многом ею оставаться) в том числе благодаря многократно переиздававшемуся классическому учебнику для гимназий [Havránek, Jedlička 1981]. Именно на неё ориентируется разметка электронных (под)корпусов серии SYN Чешского национального корпуса, шестая версия которой включает в себя около пяти миллиардов (4 834 739 998) токенов, см. korpus.cz/.

В коллективной монографии «Чешский – речь и язык» М. Чехова в качестве основных функциональных стилей называет разговорный (prostěsdělovací = běžnědorozumívací = hovorový), специальный (odborný), административный (administrativní = úřední = jednací), публицистический (publicistický), ораторский (řečnický), художественный (umělecký) и эссеистский (esejistický), см. [Čechová et al. 1996]. Эти же семь функциональных стилей названы в качестве наиболее популярных и в разделе «Теория функциональных стилей» (Teorie funkčních stylů) «Стилистики современного чешского языка» (Stylistika současné češtiny) 1997 года, написанном Э. Минаржовой.

В своей «Стилистике для журналистов» Э. Минаржова описывает шесть «примарных функциональных стилей» (funkční styly primární), к которым она относит разговорный стиль (styl prostěsdělovací nebo běžně dorozumívací, hovorový), специальный стиль (styl odborný), административный стиль (styl administrativní), журналистский стиль (styl žurnalistický), ораторский/риторический стиль (styl řečnický/rétorický), художественный стиль (styl umělecký), а также три «секундарных стиля» (styly sekundární), а именно эссеистский стиль (styl esejistický), стиль церковной коммуникации (styl církevní komunikace) и стиль рекламы (styl reklamy), см. [Minářová 2011].

В «Настольной грамматике чешского языка», подготовленной в Масариковом университете в Брно, автор раздела «Стилистика» М. Елинек приводит более актуальную, по его мнению, таблицу функциональных стилей, которая существенным образом развивает и дополняет классическую четырехкомпонентную классификацию. Появляется эпистолярный функциональный стиль (styl epistolární), административно-правовой (styl právně-administrativní), он же официально-деловой функциональный стиль (styl úřední), экономический (styl ekonomický), он же хозяйственный функциональный стиль (styl hospodářský), пропагандистский (styl propagační), он же рекламный функциональный стиль (styl reklamní), эссеистский функциональный стиль (styl esejistický), директивный функциональный стиль (styl direktivní), ориентационный функциональный стиль (styl orientační) и, наконец, набор стилей идеологических (styly ideologické), из которых в качестве примера назван религиозный функциональный стиль (styl náboženský). Кроме того, в рамках традиционных четырех функциональных стилей выделяются их варианты: в рамках художественного функционального стиля (styl umělecký) выделяются стили прозаический (prozaický), драматический (dramatický) и поэтический (poetický), в рамках специального стиля (styl odborný) – стили научный (vědecký), специально-практический (odborněpraktický) и популяризаторский (odborněpopularizační), в рамках публицистического стиля (styl publicistický), который обозначен также как журналистский стиль (styl novinářský) – стили новостной (zpravodajský), аналитический (úvahový), интервью (interviewový), персуазивный (přesvědčovací). В рамках же традиционно выделяемого разговорного (styl konverzační) или коллоквиального функционального стиля (styl kolokviální) выделяются стили приватный (soukromý) и публичный (veřejný), см. [Příruční… 1995]. Отметим, что использовавшегося Б. Гавранеком для обозначения данного «функционального языка» (= функционального стиля) прилагательного hovorový М. Елинек избегает, чтобы, как мы полагаем, не возникала нежелательная интерференция с понятием hovorová čeština. Свою концепцию М. Елинек развивает в написанных им для «Энциклопедического словаря чешского языка» статьях, см. [Encyklopedický… 2002]. Эта концепция была в целом сохранена и в новом, существенно расширенном издании словаря [Nový…2016].

Наконец, авторы коллективной монографии 2016 года «Стилистика устного и письменного чешского языка» (Stylistika mluvené a psané češtiny) вообще отказываются от использования понятий «функциональных стилей» и обращаются к понятиям «коммуникативных сфер», а именно к сфере повседневной коммуникации (sféra běžné každodenní komunikace), сфере институциональной коммуникации (sféra institucionální komunikace), сфере специальной коммуникации, сфере учебной коммуникации

(sféra školní komunikace), сфере медиальной коммуникации (sféra mediální komunikace), сфере рекламной коммуникации (sféra reklamní komunikace), сфере литературной коммуникации (sféra literární komunikace).

Отметим, что возможность сосуществования и краткой, и подробной (в различных вариантах) классификаций объясняется, в частности, выбором адекватной целям описания степени обобщения материала.

Основываясь на сказанном, мы полагаем вполне обоснованным вычленение в рамках русского этнического языка «церковно-религиозного функционального стиля» как особого «функционального языка», используемого клириками и мирянами Русской православной церкви в сфере религиозной коммуникации. Яркой особенностью данного стиля является инкорпорированность в него элементов церковнославянского языка как агиолекта, причем степень этой инкорпорированности в некоторых его подстилях (например, в литургическом или молитвенном) может доходить до 100%, что выглядит как полное вытеснение русского языка языком церковнославянским (речь идет не только о лексике и графике, но также о морфологии и синтаксисе).

Литература / References

1. *Бугаева И.В.* Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: автореф. дисс. … д. филол. н. М., 2010. 48 с.
2. *Велижанина А.О., Филатова В.В.* К вопросу о статусе церковно-религиозной речи // Актуальные проблемы социальной коммуникации: мат-лы IV Всерос. научно-практ. конференции. Нижний Новгород, 2013. С. 425-428.
3. *Велижанина А.О., Филатова В.В.* Проблема идентификации религиозного стиля // Документ, источник, текст: горизонты современных исследований: сб. научных трудов. Нижний Новгород, 2015. С. 146-153.
4. *Гольберг И.М.* Религиозно-проповеднический стиль современного русского литературного языка: дисс. … к. филол. н. М., 2002. 157 с.
5. *Гречаная А.И.* Церковно-религиозный стиль в системе стилей современного русского литературного языка // Эволюция современной науки: сборник статей Международной научно-практической конференции / отв. ред. А. А. Сукиасян. Пермь, 2016. С. 76-78.
6. *Живов В.М.* О церковно-славянском языке // *Плетнева А.А., Кравецкий А.Г.* Церковнославянский язык: Для общеобразоват. учеб. заведений гуманит. профиля, светских и духовных гимназий, лицеев, воскресных шк. и самообразования. М.: Просвещение, 1996. С. 12-23.
7. *Звездин Д.А.* Православная проповедь как жанр церковно-религиозного стиля современного русского литературного языка (на примере текстов второй половины XX века): автореф. дисс. … к. филол. н. Челябинск, 2012. 20 с.
8. *Изотов А.И.* Старославянский и церковнославянский языки в средней школе. М.: Интелси, 1992. 144 с.
9. *Изотов А.И.* Старославянский язык в сравнительно-историческом освещении: Учебное пособие. М.: Издательство «Азбуковник», 2010. 200 с.
10. *Изотов А.И.* Корпусная революция: от «искусства» к «науке» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. 1. С. 68-71.

11. *Изотов А.И.* Современный церковнославянский язык и «троязычная ересь» = Modern Church Slavonic and “Trilingual Heresy” // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 54. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 84-92. 0,6 п.л. DOI 10.29003/m10.lmc2016-54/84-92
12. *Ицкович Т.В.* Жанровая система религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: дисс. … д. филол. н. Екатеринбург, 2016. 387 с.
13. *Калита И.В.* Стилистические трансформации русских субстандартов, или книга о сленге. М.: Дикси Пресс, 2013. 240 с.
14. *Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А.* Стилистика русского языка: учебник. Изд-е 3-е. М.: Флинта; Наука, 2008. 464.
15. *Крылова О.А.* Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. С. 107-119.
16. *Крысин Л.П.* Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996. С. 135-138.
17. *Листрова-Правда Ю.Т., Расторгуева М.Б.* К вопросу о функциональном церковно-религиозном стиле современного русского литературного языка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». 2006. № 1. С. 49-54.
18. *Мишланов В.А., Худякова Е.С.* О жанровой специфике текстов церковно-религиозного стиля // Филологические заметки. 2008. Т. 2. С. 28.
19. *Николаева Н.Г.* Проблема «церковно-религиозного» стиля в современном русском языке // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». 2008. № 6. С. 123-126.
20. *Павловская О.Е., Трошева Т.Б.* Полевая структура современного религиозного стиля // Наука и образование в XXI веке: сб. научных трудов. М., 2014. С. 129-131.
21. *Прохватилова О.А.* Экстралингвистические параметры и языковые характеристики религиозного стиля // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2006. С. 19-26.
22. *Расторгуева М.Б.* Речевой жанр церковно-религиозной проповеди: автореф. дисс. … к. филол. н. Воронеж, 2005. 26 с.
23. *Ремнёва М.Л., Савельев В.С., Филичев И.И.* Церковнославянский язык: Грамматика с текстами и словарем. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 231 с.
24. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. *М.Н. Кожиной*. М.: Флинта, 2003. 695 с.
25. *Толстой Н.И.* Несколько вступительных слов // *Плетнева А.А., Кравецкий А.Г.* Церковно-славянский язык: Для общеобразоват. учеб. заведений гуманит. профиля, светских и духовных гимназий, лицеев, воскресных шк. и самообразования. М.: Просвещение, 1996. С. 3-7.
26. *Худякова Е.С.* Социальная обусловленность системы жанров и жанровой компетенции в церковно-религиозной сфере (на примере текстов Русской Православной Церкви и Украинской Православной Церкви Московского Патриархата): автореф. дисс. … к. филол. н. Пермь, 2009. 19 с.
27. *Щукина И.Н., Михеенко Д.А.* Адресация воздействия в жанрах религиозного стиля // Вестник Пермского университета. Филология. 2008. № 3. С. 105-113.
28. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / Под ред. *А.П. Сковородникова*. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. 852 с.
29. *Čechová M. et al.* Čeština – řeč a jazyk. Praha: ISV Nakladatelství, 1996. 380 s.
30. *Čechová M. et al.* Stylistika současné češtiny. Praha: ISV Nakladatelství, 1997. 282 s.
31. *Doležel L.* Pracovní porada o otázkách stylistiky // Slovo a Slovesnost. 1955. Číslo 1. S. 56-64.
32. *Doležel L.* Rozbor uměleckého stylu // Slovo a Slovesnost. 1955. Číslo 2. S. 90-95.

33. Encyklopedický slovník češtiny / Eds. *P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová*. Praha: Nakladatelství Lidové Noviny, 2002. 604 s.
34. *Filipec J.* Rozbor odborného stylu a jeho vnitřní diferenciece // Slovo a Slovesnost. 1955. Číslo 1. S. 37-51.
35. *Hausenblas K.* K základním pojmům jazykové stylistiky // Slovo a Slovesnost. 1955. Číslo 1. S. 1-14.
36. *Havránek B.* Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura // Spisovná čeština a jazyková kultura / Eds. *B. Havránek, M. Weingart*. Praha, 1932. S. 32-84.
37. *Havránek B., Jedlička A.* Česká mluvnice. Praha: SPN, 1981. 592 s.
38. *Hoffmannová J. et al.* Stylistika mluvené a psané češtiny. Praha: Academia, 2016. 528 s.
39. *Horálek K.* Styl umělecké literatury // Slovo a Slovesnost. 1955. Číslo 2. S. 87-89.
40. *Jelínek M.* Odborný styl // Slovo a Slovesnost. 1955. Číslo 1. S. 25-36.
41. *Minářová E.* Stylistika pro žurnalisty. Praha: Grada Publishing a.s., 2011. 296 s.
42. Nový encyklopedický slovník češtiny / Eds. *P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová*. Praha: Nakladatelství Lidové Noviny, 2016. 2184 s. [Два тома с продолжающейся нумерацией]
43. Pauliny E. O funkčnom rozvrstvení spisovného jazyka // Slovo a Slovesnost. 1955. Číslo 1. S. 17-24.
44. Příruční mluvnice češtiny / Eds. *P. Karlík, M. Nekula, Z. Rusínová*. Praha: Nakladatelství Lidové Noviny, 1996. 800 s.
45. Trost P. K obecným otázkám stylu // Slovo a Slovesnost. 1955. Číslo 1. S. 15-16.

DOI 10.29003/M143.LMC2018-60/86-101

ГРАММАТИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ ПРАВОПИСАНИЯ СУФФИКСОВ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И ПРИЧАСТИЙ В ДИАХРОНИИ

В.В. Каверина

THE GRAMMATICAL CRITERION FOR THE SPELLING OF RUSSIAN ADJECTIVAL AND PARTICIPIAL SUFFIXES IN DIACHRONY

V.V. Kaverina

ABSTRACT:
The article gives a review of the process of establishing Russian spelling norms for single and double 'n' in adjective and participle suffixes seen in diachrony. The material includes "Vedomosti", "Sanktpeterburgskie Vedomosti", "Moskovskie Vedomosti", records of business writing, grammar books, and dictionaries published in the 18-19th cc. Analysis of a word corpus compiled with the help of continuous sampling method and recommendations found in grammar books and dictionaries allow the author to follow the process of changing the criteria for using a single or double 'n'. Grammatical criterion was used in orthography several times over history. The last attempt of the kind is traced back to the rejected Orthography board project developed in 2000 at the Institute of the Russian Language, Russian Academy of Science. Conclusions as to the role of grammatical criterion in the history of modern Russian orthography are made. The data can be used in projects aimed to further regularize Russian spelling and make it easier for the users.

Keywords: history of Russian spelling; orthography and grammar; of participles and adjectives spelling; codification of spelling

АННОТАЦИЯ
В статье рассмотрено становление норм правописания одной и двух *н* в суффиксах причастий и прилагательных в диахронии. Материалом послужили «Ведомости», «Санктпетербургские ведомости», «Московские ведомости», памятники деловой письменности, грамматические сочинения и словари XVIII–XIX вв. На основании анализа корпуса слов, составленного методом сплошной выборки, а также рекомендаций грамматик и словарей прослеживается процесс изменения критериев правописания одной и двух *н*, в ходе которого несколько раз происходит обращение к грамматическому критерию орфографии. Последняя такая попытка сделана в проекте Орфографической комиссии ИРЯ РАН 2000 г., который принят не был. В результате делаются выводы о роли грамматического критерия в процессе становления и современной русской орфографии. Данные исследования могут быть использованы при создании проектов усовершенствования русского письма.

Ключевые слова: история русского письма; орфография и грамматика; правописание причастий и прилагательных; кодификация правописания

Русская орфография определяется большим числом разнообразных критериев. Грамматическими характеристиками слова мотивированы лишь немногие орфограммы, как правило, это флексии разных частей речи. Еще реже регулирует грамматика правописание аффиксов (к примеру, *н–нн* в кратких прилагательных и причастиях). Однако в истории письма от грамматических признаков зависело употребление *н* и *нн* не только в кратких, но и в полных формах отглагольных прилагательных и причастий. Указанные группы слов в диахронии претерпевали изменения как грамматического значения, подробно проанализированные М.В. Всеволодовой [Всеволодова 2013], так и норм правописания.

Именно грамматический критерий использует М. Смотрицкий в формулировке одного из немногих орфографических правил своей грамматики 1619 г. Процитируем его: «И овомꙋ в’ конецъ храниму быти достои^{т} / именемъ на чистое/ ный, ко^{н}чащимсѧ приличны быти два нн: стран||ный/ смиренный/ исти^{н}ный/ зако^{н}ный/ wкаѧнный/ и про^{ч}: причастіем’ же едино: читаный/ смиреный/ чтеный/ wкаѧнный/ видѣный: и про^{ч}» [Грамматики 2000: 145]. В соответствии с данным правилом следует писать в имени *нн*, а в причастии – *н* (*странный, законный, истинный,* но: *читаный, чтеный, виденый*), очевидно различая орфографию таких слов в зависимости от контекста: *окаянный – окаяный, смиренный – смиреный*.

Правило правописания одной и двух *н* в прилагательных и причастиях без изменений перенесено в издание грамматики 1648 г. [Грамматика 2007: 67]. Заметим, что это едва ли не единственное орфографическое правило, не измененное московскими справщиками [Кузьминова 2007: 542–545]. Однако в изданном ими же печатном Уложении 1649 г. вопреки сохраненному правилу последовательно пишут одну *н* во всех отглагольных образованиях: *на отпущеного холопа* 16об., *с некошеныхъ луговъ* 18об., *искати кошеного сѣна* 22об., *в разореныхъ городѣхъ* 29, *люди будутъ пытаны... пытанымъ правити бесчестие* 138, *отпущеныхъ холопа и рабу допрашивать* 139об., ис *тѣхъ обиженыхъ людей* 142, *потравленой хлѣбъ* 149об., *тѣ выданые люди* 166, *против... утаеного помѣстья* 197, *останется купленая вотчина* 216, *купленыхъ татаръ* 289, *на тѣ лавки даны имъ будутъ грамоты... и тѣ лавочные даные печати* 237об. [Черных 1953: 355–356]. Такое правописание говорит об использовании словообразовательного критерия без учета критерия грамматического. Впрочем, удвоение не отмечается и в суффиксах отыменных образований, например, в прилагательных с суффиксом *-ян-*: *оловяные денги* 74об.; *соляные варницы* 256об.; *в Земляномъ городѣ* 261об.; *за городомъ за Землянымъ* 261об.» [Там же: 303]. Подобные написания отмечены и в

«Книге о ратном строе» 1647 г.: *зарядцы… жестяные* 45об.; *деревяныя зарядцы лучии* 45об.; *за деревянымъ масломъ*» [Там же]. Можно было бы предположить, что данным текстам вообще не свойственно удвоение, однако это не так, например: *вотчинное* 224об. [Там же]; *сторонние люди* 82 об.; *сторонней человѣкъ* 120об. [Там же: 301]. Таким образом, правила грамматики Смотрицкого, предписывающие дифференциацию по грамматическому признаку: *н* в причастиях, а *нн* в прилагательных – в Уложенной книге 1649 г. не соблюдаются, предпочтение отдается написанию одной *н*.

Напротив, в скорописных вестях-курантах первой половины XVII в. употребление *н* и *нн* в полных причастиях и отглагольных прилагательных нестабильно. Здесь могут писать одну букву *н*: *введено*^{и} В-К I 6.45[1], *договореное* В-К I 22.19, *саде*^{р}*жаные* В-К I 6.21, *саслуженои* В-К I 31.5 и под. Однако распространены и написания с удвоенной согласной: *вооруже*^{н}*ны*^{х} В-К I 6.50, *да*^{н}*нѡмму* В-К I 6.19, *жалова*^{н}*ные* В-К I 39.121, *закрепле*^{н}*нои* В-К I 6.67, *заслуженые* В-К I 40.107 и др.

Петровские «Ведомости», как и скорописные вести-куранты, в указанных позициях демонстрируют вариативность. Даже самое распространенное здесь слово «присланные», входящее в стандартную формулу почти каждого номера, пишется по-разному: *присланые* 1703.2[2], 7, 9 и др. — *присланные* 1703.10, 13. При этом наиболее нестабильным участком является группа полных отглагольных образований, орфография которых даже в пределах одного номера может варьироваться. К примеру, в номере 2 за 1703 г. три написания с одной *н* (*привезеныхъ, повезеные, недоданые*) и четыре с двумя *н* (*посланные, wбѣщанныхъ, соединенной, переписанное*) 1703.2. Вообще, в ранних номерах преобладают написания с удвоением, и число их со временем возрастает: *разпущеными, ѿвезенымъ – новоизбранный* 1703.3, *присланые – посланные, соединенныхъ* 1703.9, *присланые – изгнанные, избранныхъ* 1703.11, *завоеваныѧ, преименованыѧ – посланные* 1703.16, *полученной, wставленнымъ* 1703.19, *перепущеные – присланные, писанные* 1704.12, *ѿставленыхъ, поиманыхъ – присланногw, опечаленной* 1704.14, *врученые, высланыхъ – завоеванные, wдержанной* 1704.21, *позжженый – нововыбранный, назначенный, нововыбраннаго, нововыбранному (2 раза), смущенную, показанную* 1704.23, *соединенное* 1704.28, *неизреченной* 1704.31, *предложенный* 1704.39, *соединенныхъ* 1705.2, *полученнымъ* 1705.3, *имѧнованные* 1705.4, *соединенные* 1705.5, *ѿставленые – новобранному, имѧнованной* (2 раза) 1705.6, *розсыпанными* 1705.8, *ѿпущенной* 1705.9, *посланные, оучиненный,*

[1] Здесь и далее число перед точкой обозначает номер текста в публикации, после точки – номер воспроизведенного в ней рукописного листа.

[2] Здесь и далее число перед точкой обозначает год издания, после точки – номер газеты.

wбѣщанную 1705.11, *(слово) данное* 1705.12, *неизреченное* 1705.15, *затаеные* 1705.24, *соединенное, соединеннымъ* 1705.25, *выписано*[м] 1705.27, *высланые – собранныхъ, командованныхъ, осаженные* 1705.28, *высланые* 1705.29, *собранныхъ* 1705.30, *разореной – оучиненнымъ* 1705.31, *оруженныхъ, новоwбранного* 1705.32, *посланные, соединеннаго, соединенное* 1705.34, *полученной* 1705.40, *избранныхъ* 1705.42, *новокоронованной* 1705.43, *нижеписанныхъ* 1705.44, *оучиненныхъ, полученнымъ, оустановленной* 1706.2, *wбрубленой* 1706.4, *новоприбраныхъ* 1706.6, *вышеимѧнованное* 1706.7, *wдержаной — новокоронованны*[м], *соединенныхъ* (3 раза), *имѧнованный* 1706.8, *посланные, wдержанной* 1706.9, *т҃кровенномъ (бунтѣ), приложенному* 1706.10, *нагруженныхъ* 1706.21, *собранныхъ, неданнагw* 1707.1, *розмѣненымъ, т҃правленномъ, т҃реченнагw, wбманеннымъ* 1707.2, *здѣланные* 1707.19, *жалованную* 1707.19, *разставленые – высланныхъ* 1708.1, *командированными* 1708.3, *въ присланныхъ, недодѣланные* 1708.5, *готовленныхъ* 1708.6, *посланные, совершенномъ* 1708.9, *wбметаными – вышеписанной* 1709.2, *розставленые – вооруженного, полученнымъ, командированнымъ, разставленные, посланного, командированныхъ* 1709.5, *печатаной – командированныхъ, оучиненныхъ* 1709.6, *заслуженаго – вооруженною, назначенные* 1709.12, *сломленый – присланные, т҃пущенные, саединеннымъ, соединенными* (2 раза) 1710.1, *соединеные, новособранои – имянованныи, соединенныхъ* (2 раза), *имянованного, соединенными, урожденныхъ* (2 раза), *утѣсненнымъ, брошенныхъ* 1710.2, *соединенные, имянованныи, соединенные* (2 раза) 1710.5, *завоеванного* 1711.7, *учіненомъ – пісанного, отправленного* 1712.11, *учіненныхъ, учіненнои, вышеобъявленному, опредѣленные, вышеобьявленныхъ* 1714.1, *полученная, опредѣленные, вышеозначенномъ* 1715.1, *командированные* 1715.12, *обьявленныхъ, изготовленныхъ* 1716.1, *объявленныхъ, изготовленныхъ* 1716.2, *поіманыхъ – учіненнои, вышеозначенною* 1716.7, *окопаннаго* 1716.8, *крещеннаго, учіненную, вышеозначенные* 1717.12, *замысленнои* 1720.2, *не довершеные* 1722.8 и др.

Анализ орфографии полных форм отглагольных образований демонстрирует тенденцию к росту числа удвоений. Исключение составляет упомянутое выше слово «присланные», входящее в стандартную формулу и, очевидно, испытывающее влияние употребляемой иногда в той же роли краткой формы «присланы», которая всегда пишется с одной *н*. В орфографии слова «присланные», вопреки общей закономерности, заметно превалирует написание с одной буквой *н*, особенно в ранних номерах. Так, в 1703 г. на 20 номеров с вариантом *присланые* приходится лишь 2 с написанием *присланные*, в остальных 17 отмечена краткая форма *присланы*. Написания *присланые* перестают употребляться только вместе с соответствующей стандартной формулой, систематически с 1708 г., однако изредка появляются и в более поздних номерах.

Интересно, что полные формы пишутся с двумя *н* независимо от вида глагола, от которого образованы. Подавляющее большинство таких слов в «Ведомостях» можно отнести к виду совершенному, однако отмечены и образования от глаголов несовершенного вида (*писанные* 1704.12, *готовленныхъ* 1708.6, *держанномъ* 1715.12), а также двувидовых (*имѧнованный* 1706.8, *жалованнꙋю* 1707.19, *командированныхъ* 1709.6, *командированные* 1715.12, *крещеннаго, имянованное* 1717.12). Изредка такие слова могут писаться с одной *н* (*печатаной* 1709.6, *вербованыхъ* 1716.7), однако не чаще, чем все прочие. Наличие зависимых слов, по нашему наблюдению, не влияет на количество *н* в причастии, например: *добрѣ ученое воиско* 1710.2.

Большую стабильность обнаруживает орфография существительного «раненый»: *опричь раненыхъ* 1703.13 (2 раза), *многихъ раненыхъ* 1705.6, *дватцать раненыхъ* 1707.26, *раненыхъ, ранеными* (2 раза) 1709.5 и др. – всегда с одной *н*. В позиции определения полная форма данного слова в «Ведомостях» не обнаружена, а краткая форма пишется всегда с одной *н*, о чем подробнее ниже.

В кратких причастиях пишется одна *н*: *присланы* 1703.6, *договорено, привезены* 1703.4, *поставлены* 1703.8, *посланы* 1703.11, *поставлено* 1703.16, *выпалено, оуказано* 1703.17, *написано* 1704.12, *поиманы, т҃везены, повезены, wсвобождены* 1704.14, *возведены, сохранено* 1704.23, *розставлены, выпорожнены, wтогнаны* 1705.3, *оукрѣплено* 1705.4, *розмѣнены* 1705.5, *оустановлено* 1705.6, *отогнаны* 1705.6, *wтосланы* 1705.11, *брошено* 1705.12, *велено* 1705.16, *оумалено* 1705.29, *wтогнаны* 1705.30, *приведены, перечтено* 1705.31, *потоплены, ранены, ранено* 1705.31, *т҃казано* 1705.34, *т҃ложено, т҃пꙋщены* 1705.41, *рѣшено* 1705.43, *сожжены* 1705.44, *исполнены* 1706.4, *принꙋждены* 1706.7, *привезено* 1706.9, *различены, wсаждена* 1707.18, *wбезглавлены и т҃ставлены* 1707.26, *ранены, т҃правлена, получена* (2 раза), *раненw* (2 раза), *получена* 1708.1, *напечатано* (2 раза), *писано* (3 раза) 1708.5, *писана, принесено, готовлены* 1708.6, *переловлены, кованы, переловлено, об'ѧвлено* 1708.7, *писано, правлена, здѣлана, поставлены, гнаны, т҃пущено, ранены, раненw, ранено* 1708.8, *писано, положено, ранено, разогнаны, получена, получено, чинено, ведены, видѣнъ, ранена, здѣлана, проведено, проведены* 1708.9, *писано, положено, печатано, гнаны* 1708.10, *созжены, ранено, печатано, прислана, призваны, предложено, опредѣлена, велѣно, ординована, принуждена, оуслано, из'wбрѣтено, свобождено, загнаны* 1709.5, *исполнено, чинены, поставлены, разорены, сочтено, сосвобождено, сожжены, ранено* 1709.6, *принꙋждены, повелено, заключена, отказано, подана, заключена, учреждено, поставлена, велѣно, изображено, уложено, принꙋждены, изготовлены* 1710.2, *получена, повезены* (2 раза), *оставлены* 1711.7, *перевезено, посланы, сожжена и потоплена,*

выпісано, посланы 1712.11, *получена, напісано* 1713.1, *освідѣтелствованы, напісано, чінена, освідѣтелствовано, пріведены, учінено* 1714.1, *намѣрена, ранено, прінуждены, созжены, получено, печатано* 1715.11, *запрещены, высажено, получено* 1715.12, *побуждены, прогнаны, печатано* 1716.10, *учінено, недопущены, получены* 1717.12, *окончаны* 1718.2, *печатана* 1719.5, *изключены* 1720.2, *разорены, опредѣлены* 1722.8, *допущены* 1723.2, *одержана* 1724.9 и др.

Исключения из данного правила уникальны: *(драгоцѣннw) wдѣѧнны* 1707.2, *вооруженны (были)* 1707.18, *принужденны (wтойти)* 1707.26, *добрѣ оруженны* 1710.2, *обѣщанно (выпустить)* 1716.2. Еще одно словоупотребление можно отнести как к кратким причастиям, так и к наречиям, что, очевидно, и отразилось в его орфографии: *правое крыло все wкружено, и пробитисѧ принужденно, и то жестокимъ боемъ оучинилось* 1707.26. Заметим, что большинство таких написаний обнаружено в номерах за 1707 г.

Написанные в 20-е гг. XVIII столетия грамматические сочинения Ф. Поликарпова не регламентируют данное правило, однако употребление слов с данной орфограммой не отличается от узуса «Ведомостей». В полных отглагольных образованиях пишется обычно *нн*: *составленное, wдушевленнѣ, newпредѣленная, wполченнw, связаннw, вowруженнw, совершеннагw, реченнагw* [Поликарпов 2000: 252, 254, 320–325]. Однако в данном случае возможна вариативность: *wблеченая – wблеченная* [Там же: 325, 327]. Краткие причастия пишутся с одной *н*: *приложено, преклонена, сложена* [Там же: 254, 327], чем принципиально отличаются от наречий: *расположенно (знаменуетъ)* [Там же].

Итак, тексты, созданные одновременно с грамматикой Смотрицкого и её московским переизданием, а также позднейшие, относящиеся к первой трети XVIII в., писанные и печатанные по нормам этой грамматики, не следуют сформулированному в ней правилу грамматической дифференциации орфографии прилагательных и причастий с одной и двумя *н*. Наибольшей стабильностью отличается правописание кратких причастий с одной *н*, правило которого ещё не было к тому времени кодифицировано. Полные формы демонстрируют вариативность орфографии с тенденцией к росту удвоений.

В скорописи XVIII в. (ПМ XVIII) уже с начала столетия наблюдается сильная тенденция к формированию современной нормы, предполагающей употребление *н* в кратких и *нн* в полных образованиях от глаголов совершенного вида, причем скоропись оказывается в этом отношении даже несколько прогрессивнее печатных изданий. Кроме того, именно в скорописи формируется оппозиция *н–нн* в причастиях несовершенного вида в зависимости от наличия распространителя. Как и в «Ведомостях»,

краткие причастия пишутся здесь только через одну *н*: *учинено* 33.4, *уничтожена*, *аставлены* 36.7об., *аставлена* 38.10, *залажена* 40.11 (2 раза), *уволены* 42.12, *ѡставлена* 47.3, *аставлена* 48.4, *оставлены* 49.5, *намерена* (2 раза), *заложены*, *намерено* 52.9, *о^{с}та^{в}лена* 55.6, *оставлена* 55.6об., *получено* 57.1, 58. *о^{т}правлено* 59.7, *заплачено* 60.5об., *заплачены* 61.10, *перевезено* 62.13, *по^{ту}чены*, *при^{с}лана*, *выдано* 66.19, *напиловано* 66.19об., *дѣлана* 66.20 и др. (ПМ XVIII). А вот орфография полных отглагольных образований в скорописных памятниках более близка к современной норме по сравнению с «Ведомостями». Как и в газете, одиночные полные причастия несовершенного вида, «не поддающиеся четкому отграничению от прилагательных... с которыми внешне совпадают» [Русская грамматика 1980: 666], здесь пишутся через *н*: *резаны^{х}* 57.1, *вареныхъ*, *ста^{в}лены^{х}* 61.10, тогда как с зависимым словом – через *нн*: *писанъное (декабря 24)* 34.5, *писанное (прошедшаго ноября)* 45.1, *писа^{н}ное (в Париже)* 52.9, *(выше) писа^{н}ныхъ* 158.1 и под. Более того, образования от глаголов совершенного вида употребляются с двумя *н* в скорописи более последовательно, чем в «Ведомостях»: *безъпрестанъныя* 36.7об., *о^{з}наченное* 52.9, *посла^{н}ному* 59.7, 61.10об., *прилѡженное* 60.5, *поданнои* 60.5, *издержанны^{м}* 60.5, *приложенное* 62.13, *со^{б}ранны^{х}*, *при^{с}ланнию*, *и^{з}де^{р}жа^{н}ные* 65.21об., *по^{с}ла^{н}ные* 66.19 и др. (исключение единично: *по^{д}моченые* 61.10об).

«Санктпетербургские ведомости» (изд. с 1728 г.) наследуют скорописный узус, в соответствии с которым полные причастия и прилагательные от глаголов совершенного вида и двувидовых, даже деэтимологизированные, пишутся только через *нн*: *совершеннной* 1728.9, *намѣренному* 1729.6, *проданные* 1729.39, *полученным* 1729.40, *поставленнои* 1729.41, *полученныхъ, полученные, запрещеннои* 1730.25, *полученныя писма, издержанныя иждивенія* 1734.68, *отчаянныя* 1734.12, *новоучрежденнои, сосланнымъ, совершенно* (3 раза), *учиненной, полоненныхъ, утесненному, полученныя* 1735.2, *наведенныхъ* 1735.2, *новоучрежденной* (2 раза), *предложенное* 1735.3, *предложенное, укрепленной, удовольствованной, обыкновенную, привезенныхъ, собраннаго, учрежденная, задержанные, конфискованной* 1735.56, *избранные, полученнаго* (2 раза), *совершенной, назначеннымъ, учрежденной* 1735.103, *передѣланнаго, недѣланнаго* 1735.104, *просвѣщеннаго, порученную, учрежденную, усмотрѣнномъ,* 1746.47, *подданнымъ* (3 раза), *совершенное, почтенные, поставленныхъ* (2 раза), *объявленные* 1746.47, *означенную, показанной* 1746.71, *насеченные* (4 раза), *означенной, показанной, позволенные, означенную* 1746.102, *посланныхъ, объявленнаго, оказанной, несказанномъ* 1746.70, *полученныхъ, показанной, разломаннымъ* 1751.10, *посланнымъ, привезенной, присланные, вышеозначеннаго, означеннаго, обыкновенные* 1751.11, *при-*

сланной 1751.57, *шпикованную* 1751.58, *полоненной, предложенной, совершенномъ здравіи, учрежденные, вышеобъявленныхъ, осіянная* 1751.58 («Санктпетербургские ведомости»).

С появлением в 1856 г. «Московских ведомостей» ситуация не меняется, в обеих газетах упомянутые образования пишутся с двумя *н*: *заключенную* 1756.69 Мск[3], *новонабранныя, выданной, показанной, развезенныхъ, разставленныхъ* 1758.3 СПб[4], *осажденными, учиненной, неожиданное, означеннаго* (2 раза) 1758.53 СПб, *оставленной, выстроенныхъ* 1758.94 СПб, *означенной, учиненной* 1771.3 Мск, *осыпанной, препорученную, безпрестанныхъ, нагруженныхъ, сделанная, новонапечатанная, привезенныя, повереннаго, полученнаго* 1771.52 СПб, *подданныхъ* (6 раза), *найденныя* 1780.92 СПб, *выбранныя* 1780.92 СПб, *обещанного, скошенной, введенному, доказанныя* 1780.93 СПб, *полученныхъ* 1787.2 СПб, 1796.54 Мск, *собранную, сочиненную, умереннымъ, посѣяннымъ* 1787.15 СПб, *новообученныхъ, назначенное* 1804.3 Мск, *полученнымъ, отобранной, заплаченныхъ* 1806.8 СПб, *возвышенномъ, данную, повѣренной* (6 раз) 1806.14 СПб, *уступленныхъ* 1806.22 СПб, *данныхъ* 1806.30 СПб, *вооруженнымъ* 1806.41 СПб, *отправленный, показанную* 1817.50 Мск, *данные* 1830.20 Мск, *полученные, оказанныя, данныхъ, урожденной, сделанный, напечатаннаго, раззоренныхъ, умерщвленнымъ* 1850.147 СПб и мн. др. Единичное исключение представлено в сочетании с двумя правильными написаниями: *собранную, сочиненную, дополненую родословную* 1787.15 СПб.

В соответствии со скорописной нормой оформляются и полные причастия от глаголов несовершенного вида с зависимыми словами: *его рукою писанное* 1729.6, *писанное из Бостона* 1780.72 СПб, *писанной ими въ прошломъ 1778 году* 1780.92 СПб, *писанныхъ маслеными красками* (2 раза), *рисованными на стеклѣ* 1840.73 СПб и под. Исключение «*луженое съ обоихъ сторонъ*» 1780.72 СПб, очевидно, объясняется влиянием слов следующей группы.

Как и ранее, одиночные полные причастия несовершенного вида, совпадающие с прилагательными, в обеих газетах пишутся через *н*: *топленое сало* 1751.58, *соленымъ озерамъ* 1771.52 СПб, *маслеными красками* 1771.41 Мск, *топленаго сала* 1771.41 Мск, *2 некрашеныя шкафа* 1780.92 СПб, *соленыя сливы, соленые лимоны, моченыя яблоки* 1787.15 СПб, *квашеной капусты* 1806.14 СПб, *клееной бумагой* (3 раза), *соленаго мяса* (2 раза), *соленую рыбу, соленыя сельди, моченая морошка, пиленыя дрова* 1812.1 СПб, *чесаной шерсти* 1812.14 СПб, *вареное мясо, вареная рыба, печеный хлѣбъ,* 1843.18 СПб, *топленаго сала, луженыхъ крашеных кадокъ, сѣяное сѣно, граненая посуда* 1840.48 СПб и др. (исключения

[3] Здесь и далее «Московские ведомости».
[4] Здесь и далее «Санктпетербургские ведомости».

редки: *клеенной бумаги* 1787.20 СПб; *пріуготовляетъ мороженныя* 1787.24 СПб).

Правописание кратких причастий через одну *н* в «Санктпетербургских ведомостях», а затем и в «Московских ведомостях» очень стабильно: *учинена* 1728.9, *поставлено* 1729.41, *усмотрены* 1729.6, *намѣрены, учинено, предложено* 1729.7, *погребены, получены* 1730.25, *проданы* 1735.57, *оставлены* 1735.103, *произведена, получена* (2 раза) 1746.47, *учинено, привезено* 1746.5, *прощены* 1746.70, *обнадежены* 1746.102, *наречены* 1751.10, *отправлены, присланы, допущенъ* 1751.11, *принуждены* 1751.57, *убраны, побуждены, приготовлены* 1751.58, *отягощены, одержаны, затоплены, умножено* 1758.3 СПб, *ранено* 1758.53 СПб, *поставлено, подчиваны, выпущены* 1758.53 СПб, *получено* 1758.94 СПб, *вывезены* 1771.52 СПб, *получено* (3 раза), *собраны, совершено, усмотрено* 1780.92 СПб, *предложены, показано, сдѣланы, повторены, умножены, написаны, нанесена, подтверждены, сочинены* 1780.93 СПб, *напечатано, отсрочены, привезены, прекращено, назначены* 1787.2 СПб, *вызолочен, вырезаны, назначены* 1787.15 СПб, *отпущены, покрадены* 1787.20 СПб, *написано, намѣрена, ограблены, получено* 1803.57 Мск, *решено* 1804.3 Мск, *повелѣно, отказано, определено, награжденъ, вывезено* 1806.8 СПб, *отряжена, поражены, прогнаны, гнаны на штыкахъ, помѣщено, встрѣчены, припечатано* 1806.14 СПб, *размещены, положено отчеканить* 1806.22 СПб, *изображено* (4 раза) 1806.30 СПб, *соединена, запрещенъ* 1806.30 СПб, *задержаны, нагружены, подписано, учиненъ, извѣщены, предварены* 1806.41 СПб, *наполнены, назначены, сказано* 1817.50 Мск, *подписано, назначены* 1830.20 Мск, *казнено* 1850.147 СПб и мн.др.

Таким образом, современная орфография отглагольных образований с одной и двумя *н* окончательно устанавливается в узусе еще в 1720-е гг. вопреки рекомендациям грамматики Смотрицкого и ее переизданий и с тех пор почти не знает исключений. Полные страдательные причастия и прилагательные от глаголов совершенного вида, а также от глаголов несовершенного вида с зависимыми словами пишутся с двумя *н,* а образования от глаголов несовершенного вида без зависимых слов – с одной *н*.

Однако грамматические сочинения даже в середине XVIII столетия предлагают руководствоваться совсем иными критериями. Так, М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» 1755 г. разграничивает страдательные причастия «славенские» на *-нный, -ннаго (питанный, вѣнчанный, писанный, видѣнный, написанный, написаннаго)* и «простые Российския», которые «приличнее на *ой*» *(качаной, мараной, замараной, замараного)* и которые «также и на конце один *н* имеют» [Ломоносов 1952: 548]. По-

казательно, что в тексте грамматики данное правило нередко не соблюдается, и количество *н* не определяется окончанием слова: *писаный – писаной, показанный – показыванной* [Там же: 498]. Замечание автора: «*ный* принимает к себе другой *н*, что в письме употребляется, например: *писанный*» [Там же] – скорее констатирует наметившуюся тенденцию, чем регламентирует правописание.

Авторы грамматических сочинений второй половины XVIII в. не идут дальше предшественников: А.А. Барсов заимствует формулировку Ломоносова о разделении причастий «славенских» и «российских» [Барсов 1981: 646], а Н.Г. Курганов повторяет правило Смотрицкого о том, что в прилагательных следует писать две *н*, а в причастиях – одну [Курганов 1769: 99]. Последний также пытается кодифицировать правописание всех кратких прилагательных и причастий через одну *н* [Там же]. Но впервые правило орфографии кратких форм в современном виде представлено в Академической грамматике 1802 г., где в причастиях рекомендуется писать одну букву *н (писанный – писанъ, писана, писано, писаны),* а в прилагательных сохраняется *нн,* кроме формы ед. ч. м. р. *(блаженный – блаженъ, блаженна, блаженно, блаженны)* [Российская грамматика 1802: 80].

В той же Академической грамматике 1802 г. впервые сформулировано правило, связывающее употребление одной или двух букв *н* с видом глагола: «Причастія прошедшіе совершеннаго залога страдательнаго кончающіеся на *ый* принимают по большей части предъ симъ слогомъ два *нн*, на прим: *избранный, почтенный, украшенный*, и проч. Напротивъ того причастія прошедшіе неопредѣленные произведенные отъ глаголовъ наипаче первообразныхъ удерживаютъ *н* одинъ, напр.: *сученый, писаный, ученый* и проч.» [Российская грамматика 1802: 29; см. также: Российская грамматика 1819: 25]. Показательно, что в тексте грамматики правило соблюдается непоследовательно: к примеру, в словах *писанный, читанный* употреблены две буквы *н* вопреки правилу [Российская грамматика 1802: 238]. Противоречива орфография подобных слов и в «Российской грамматике» 1811 г. (*посланый, крашеный – писанный*) [Российская грамматика 1811: 74], где нет правила правописания причастий и прилагательных.

Вариативность орфографии образований от глаголов несовершенного вида констатирует Н.Ф. Кошанский, отмечая, что страдательные причастия «прошедшіе неопредѣленнаго времени» пишутся «съ повтореніемъ буквы н или безъ повторенія: виделъ – виденный, звалъ – званый», причастія «прошедшіе однократные» пишутся «с повтореніемъ буквы н: «разорилъ – разоренный» [Кошанский 1809: 61].

Большинство же грамматик первой половины XIX в. рекомендует писать с двумя буквами *н* все причастия, независимо от вида: *писанный,*

черпанный, сеянный, скребенный, береженный, веденный, везенный, влеченный, двиганный, несенный, плетенный, балованный, конченный, чувствованный, канчиванный, черпыванный [Орнатовский 1810: 168–169; Княжев 1834: 48; Востоков 1835: 104]. Аналогичные написания находим и у Н.И. Греча: *береженный, верченный, виденный, вьюченный, говоренный, готовленный, деланный, деленный, еденный, жеванный, жженный, зренный, мщенный, мышленный, несенный, прошенный, прощенный, развеянный, чтенный, печенный.* Исключение составляет слово *браный* (образовано от «неправильнаго односложнаго глагола») [Греч 1834: 203], которое напоминает современное написание образований от односложных глаголов на *-ать*: *драный, званый, рваный, тканый.* Кроме того, Греч рекомендует отличать причастия от «произведенныхъ отъ нихъ прилагательныхъ, как-то: *ученый*» [Греч 1834: 486]. Греч считает важным, что отыменные прилагательные с суффиксами *-ан-/-ян-* следует отличать от причастий, имеющих на конце *-енный*: *серебр**ян**ый – серебр**енн**ый, посеребр**енн**ый* [Там же: 465]. Приведенный пример особенно показателен, ведь в Академических словарях и причастие, и прилагательное пишутся одинаково – **серебреный** [Словарь 1847, IV: 120; Словарь 1867–1868, IV: 249]. Однако видовую характеристику Греч в написании причастия не учитывает, а отражает существовавшую в то время тенденцию нормализовать все причастия через *нн*.

Дифференцировать написания *н* и *нн* в причастиях и отглагольных прилагательных стремится И. Давыдов в Академической грамматике 1849 г.: он предлагает писать страдательные причастия через *нн (принесенный),* а «прилагательные, от них произведенныя», – через *н (Заслуже́ный Профессор*, но: *заслу́женная пенсия)* [Грамматика русскаго языка 1849: 49–50].

Первая попытка нормализации употребления *нн* в образованиях от глаголов несовершенного вида с зависимыми словами сделана в Словаре 1847 г., где представлены следующие словарные статьи:

«ЗВАННЫЙ, ая, ое, -нъ, а, о, *прич. стр. гл.* звать. *Никто же самъ себѣ пріемлетъ честь, но званный отъ Бога, якоже и Ааронъ.* Евр. V. 4.

ЗВАНЫЙ, ая, ое, *пр.* 1) Приглашенный. *Званые гости.* 2) Сдѣланный по приглашенію. *Званый обѣдъ*» [Словарь 1847, II: 78].

При этом однокоренное причастие *названный* дано с двумя *н*, при этом в словарной статье приводится прилагательное *названый* с одной *н*: «НАЗВАННЫЙ, ая, ое, -нъ, а, о, прич. стр. гл. назвать. *Названый братъ, названая сестра.* Тотъ или та, кого по особенной дружбѣ назвалъ кто либо братомъ или сестрою» [Там же: 368].

Современное правило правописания одной и двух *н* в отглагольных образованиях впервые сформулировано Я.К. Гротом в «Русском правописании» 1885 г., где автор различает написания *обреченный, сделанный,*

снесенный и *вареный, жареный, суженый*. Последние автор называет причастиями «этой формы, которыя употребляются в значенiи именъ прилагательныхъ или существительныхъ (с утратою понятiя времени и действующаго лица на вопросъ “кем?”)» и при этом «не удвояютъ ***н***» [Грот 1885: 66–67]. Интересно, что в числе прилагательных, пишущихся с одной *н*, приведены слова, правописание которых вызывает трудности и по сей день: *береженый, званый, мороженое, названый, приданое, раненый, смышленый.* Грот замечает, что «по присоединенiи къ нимъ предлога, придающаго имъ значенiе причастiя, они обыкновенно получаютъ и двойное *н*, напр. *наученный, израненный, сотканный.* Нѣкоторые ходятъ въ двоякой формѣ (иногда съ различнымъ удареніемъ), смотря по тому, имеютъ ли они значенiе прилагательнаго, или причастiя: *назва́ный* (древ.) и *на́званный, положо́ный* и *поло́женный*» [Там же: 67]. Написание слов *бездыханный, данный, желанный, неустанный, подданный, окаянный* Грот рекомендует запомнить [Там же].

Кроме того, Грот обосновывает оппозиции *ветр**е**ный — ветр**я**ный, масл**е**ный – масл**я**ный* [Грот 1876: 255]. Например, о словах *ветр**е**ный – ветр**я**ный* он пишет следующее: «Вѣтреный 255 (причастiе-прилаг. отъ малоупотр. гл. *вѣтрить*). Подверженный дѣйствiю вѣтра, имѣющий къ нему отношенiе. На дворѣ вѣтрено. Вѣтреная рыба, вѣтреное мясо. Вѣтреный человѣкъ… Вѣтряный 255. Состоящiй изъ вѣтра, дѣйствующiй посредствомъ вѣтра. Вѣтряная мельница, труба. Вѣтряный мехъ. Прил. *вѣтряный,* какъ вещественное, не можетъ употребляться въ краткой формѣ. Нельзя сказать: мѣхъ ветрянъ» [Там же: 426]. О неустойчивости данного правила свидетельствует замечание Грота: «Примѣры на *вѣтреный* и *вѣтряный* въ Толк. словарѣ Даля приведены невѣрно» [Там же]. Действительно, у В.И. Даля в словарной статье **ВѢТЕРЪ** находим: «*Вѣтряная рыба, мясо, вяленое, провѣсное*» [Даль 1998: 335], что, очевидно, неправильно, т.к. это слово даже мотивировано отглагольным образованием *вяленое*.

Итак, современная орфография отглагольных образований с одной и двумя *н* устанавливается в узусе в 1720-е гг. Кодификация же, не говоря уже о теоретическом обосновании правила, значительно отстает от употребления, а нередко и противоречит ему, и даже в текстах самих грамматик не соблюдаются кодифицированные в них правила. Как и многие другие, данная орфограмма была впервые основательно проанализирована и подробно сформулирована Я.К. Гротом в «Русском правописании» 1885 г.

В ходе орфографического движения XX в. неоднократно высказывается мысль о том, что правило правописания *н* и *нн* в отглагольных образованиях слишком сложно. При этом делаются разные предложения, направленные на его упрощение. Одно из самых простых на первый

взгляд и трудно выполнимых на практике – писать одну или две буквы *н*, руководствуясь произношением. Первым его выдвигает и начинает использовать в своем словаре В.И. Даль в 1863 г., о чем пишет Я.К. Грот: «Он не сдваивает обыкновенно и буквы и в причастиях страдательных, исключая случаев, “где этого неуступчиво требует произношение”; так, он пишет: *определений, деланый, своевременый* и *данный, бездыханный, деревянный, совершенный, сокращенный*» [Грот 1876: 33–34]. В последний же раз оно прозвучало в рамках обсуждения проекта упрощения правописания в 1962 г. [Обзор 1965: 172].

Другое предложение, прозвучавшее в ходе орфографических дискуссий середины XX столетия, – «отказавшись от орфографического разграничения полных форм страдательных причастий и образовавшихся от них прилагательных, распространить на все случаи написания *нн*; писать: *раненный солдат, писанная красавица, груженные повозки* как *раненный в руку солдат, писанная маслом картина, груженная кирпичом машина* и как *израненный, нагруженный, написанный*» [Там же: 174]. В то же время высказывается и обратное предложение – во всех указанных случаях писать одну *н* [Там же: 176], а некоторые предлагают выбрать иные критерии для разграничения случаев употребления *н* и *нн* [Там же: 177–181]. Между тем выраженное участниками дискуссии пожелание не разграничивать отглагольные прилагательные и причастия уже исполнено существующими правилами, в которых от частеречной принадлежности зависит только количество *н* в кратких формах, в полных же критериями выбора *н* или *нн* являются вид производящего глагола и наличие зависимого слова.

Последняя по времени попытка значительно упростить рассматриваемое правило сделана в проекте Орфографической комиссии ИРЯ РАН 2000 г. В проекте предлагается избрать грамматический критерий глагольного вида единственным при написании одной или двух *н* в полных формах страдательных причастий прошедшего времени и соотносительных с ними прилагательных: «Новое правило основано на критерии видовой принадлежности глагола. Предлагаемое в нем изменение заключается в отказе от орфографического разграничения причастий и прилагательных (не на *-ованный, -еванный),* образованных от глаголов несовершенного вида; для тех и других принимаются написания с одним //. *жареная на масле картошка* и *жареная картошка, коротко стриженые волосы и стриженые волосы, гружёные дровами повозки и гружёные повозки.* Для образований от глаголов совершенного вида сохраняются единые написания с двумя *нн (брошенный, конченный, лишённый, решённый* и др.)» [Свод 2000: 379].

Предложенные изменения обоснованы следующими причинами: «По действующему правилу (свод 1956 г., §§ 62–63) орфографически разграничиваются причастия и прилагательные (кроме кончающихся на *-ованный, -еванный),* не имеющие приставки: *читанные на заседании доклады* и *читаная книга.* Фактически указанное орфографическое разграничение касается только глаголов несовершенного вида, образования же от немногочисленных бесприставочных глаголов совершенного вида пишутся только с двумя *ни (купленный вчера товар* и *купленный товар)*» [Там же].

В проекте назван еще один недостаток упрощаемого правила: «Старое правило представляет собой исключение среди тех правил, которые относятся к передаче буквенного состава слов, так как его применение требует обращения к контексту, синтаксического анализа. Оно является исключением еще и потому, что требует орфографического разграничения лишь в пределах одного разряда соотносительных причастий и прилагательных, тогда как подавляющее большинство полных форм причастий и прилагательных на *-нный* (они образованы от глаголов совершенного вида) передается на письме одинаково (не говоря уже о формах *-тый*)» [Там же: 379–380].

Выше нами отмечено, что действующее правило не разграничивает орфографию полных форм прилагательных и причастий. Об этом же говорится в обосновании проекта: «…это трудное для практического применения правило на деле приводит к орфографическому разграничению не причастий и прилагательных (как сформулировано в правиле 1956 г.), а форм с зависимыми словами и без них: первые пишутся с *нн*, вторые – с *н*. Но далеко не всякое зависимое слово означает, что перед нами причастие. Если в случаях типа *стриженные парикмахером волосы, много раз крашенные стены* (с зависимыми словами, обозначающими производителя действия или повторяемость его) употреблены причастия, то при других зависимых словах *(стриженные ежиком волосы, крашенные светлой краской стены* и т. п.) подобные образования скорее относятся к прилагательным: глагольность этих форм явно ослаблена. Таким образом, преодолевая значительные орфографические трудности, пишущий не отражает на письме заявленных в правиле языковых различий [Там же: 380].

По мнению авторов проекта, «существующее сейчас различие написаний с *нн* и *н* не поддерживается и произношением: в таких сочетаниях, как, например, *гружённые дровами повозки* и *гружёные повозки, плетённая из ивы корзина* и *плетёная корзина, тканная из шерсти материя* и *тканые изделия*, слова *гружён(н)ый, плетён(н)ый, ткан(н)ый* произносятся одинаково, с одним *н*, независимо от того, причастия это или при-

лагательные, или от того, имеются ли при них зависимые слова. Это хорошо видно при сравнении их с такими причастными формами глаголов совершенного вида, как *данный, решённый, прощённый*, где произносится удвоенное, долгое н. Следовательно, предлагаемое устранение орфографического различия написаний с *нн* и *н* типа *гружённый* и *гружёный* не означает "вмешательства в язык"» [Там же: 380–381].

Авторы проекта предупреждают о возможных трудностях применения нового правила, связанных с определением вида глагола. Однако, по их мнению, «есть возможность ориентироваться и на наличие/отсутствие приставки: все образования от глаголов несовершенного вида бесприставочные, в то время как бесприставочные глаголы совершенного вида представляют собой очень немногочисленную группу (образованные от них причастия перечислены в § 106, п. 1 данного проекта). С другой стороны, применение нового правила вовсе не требует постоянного обращения к видовой принадлежности глагола. Отмена основной трудности действующего правила (необходимости синтаксического анализа для установления написания слова) означает, что начинает действовать важный фактор – запоминание буквенных обликов слов» [Там же: 381]. На наш взгляд, бесспорным достоинством данного правила из отклоненного проекта 2000 г. является то, что новация эта оказалась хорошо забытым старым правилом, которое впервые появилось в «Российской грамматике» Академии наук 1802 г. и опиралось на существовавшую уже в то время узуальную норму. Однако развитие нормы пошло далее по другому пути, и вряд ли возможно теперь «изменить давно укоренившийся обычай» [Грот 1876: 260].

Литература / References

1. Вести-Куранты. 1600–1639 гг. Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина. Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1972. (В-К I)
2. *Всеволодова М.В.* О грамматике полных и кратких форм прилагательных и причастий в русском языке // Вопросы языкознания. 2013, № 6. С. 3–32.
3. Вѣдомости времени Петра Великаго. В память двухсотлѣтія первой русской газеты. Вып. 1, 2. М.: Синодальная Типографія, 1903–1906.
4. Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей *Е.А. Кузьминовой*. М.: МАКС Пресс, 2007.
5. Грамматика русскаго языка. Изданіе Втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. СПб.: Въ типографіи Императорской Россійской Академіи Наукъ, 1849.
6. Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е.А. Кузьминовой. Предисл. Е.А. Кузьминовой, М.Л. Ремневой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А–З. М.: Рус. яз., 1998.
8. *Княжев В.* Россійская грамматика, изданная В.К. М., 1834.
9. *Кошанский Н.Ф.* Начальныя правила русской грамматики. Въ пользу воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона. М., 1809.

10. *Кузьминова Е.А.* Научный комментарий // Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей *Е.А. Кузьминовой*. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 493–612.
11. *Курганов Н.Г.* Россійская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословіе. Издано во градѣ Святаго Петра, 1769.
12. *Ломоносов М.В.* Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: в 11-ти т. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 389–578.
13. Московские ведомости XVIII–XIX вв.
14. Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). М.: Наука, 1965.
15. *Орнатовскій И.* Новѣйшее начертаніе правилъ россіиской грамматики. Харьков, 1810 // Texts and studies on Russian universal grammar 1806–1812. Vol. 1. München, 1984.
16. Памятники московской деловой письменности XVIII века / Изд. подгот. А.И. Сумкина; под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1981. (ПМ XVIII)
17. *Поликарпо, Федор.* Технологіа. Искусство грамматики. Издание и исследование Е. Бабаевой. СПб.: ООО «ИНАПРЕСС», 2000.
18. Практическая русская грамматика изданная *Николаемъ Гречемъ*. СПб.: Въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1834.
19. Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академиею. СПб.: Печатано въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1802.
20. Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академиею. СПб.: Печатано въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1819.
21. Россійская грамматика. Издана от Главного правления училищ для преподавания в нижних учебных заведениях. СПб., 1811.
22. Российская грамматика *Антона Алексеевича Барсова* / Подготовка текста и текстологический комментарий М.П. Тоболовой. Под ред. и с предисловием Б.А. Успенского. М.: Изд-во Моск. университета, 1981.
23. Русская грамматика *Александра Востокова*, по начертанію его же сокращенной Грамматики полнѣе изложенная. СПб.: Въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1835.
24. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980.
25. Русское правописаніе. Руководство, составленное по порученію Второго отдѣленія Императорской Академіи наукъ академикомъ *Я.К. Гротомъ*. СПб.: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1885.
26. Санктпетербургские ведомости XVIII–XIX вв.
27. Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация: Проект. М.: Азбуковник, 2000.
28. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ: в 4 т. Т. II. СПб.: Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1847.
29. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ: в 4 т. Т. IV. СПб.: Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1847.
30. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Второе изданіе : в 4 т. Т. IV. СПб.: Изданіе Н.Л. Тиблена, 1867–1868.
31. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ. Филологическое разысканіе *Я. Грота* // Филологические разыскания. Т. 2. СПб.: Типографія Императорской Академіи наукъ. 1876.
32. *Черных П.Я.* Язык Уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 375 с.

DOI 10.29003/M144.LMC2018-60/102-113

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОМПРЕССИВНОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА НА УРОВНЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Л.П. Клобукова, Е.В. Клобуков

SOME PECULIARITIES OF THE REALISATION OF COMPRESSIVE LANGUAGE FUNCTION AT THE WORD-FORMATION LEVEL

L.P. Klobukova, E.V. Klobukov

ABSTRACT:
The article deals with the problem of realizing by derivational means the compressive language function which gives addressant an opportunity to economize his or her speech efforts. Theoretical theses of researches devoted to the problems in question are analysed and specified. A system of correlation between direct and reverse word-formation methods which allow derivational compression of text passages is offered. The theses are proved by functional analysis of modern Russian compressive derivatives.

Keywords: compressive language function; compressive derivatives; reduction as a main compressive word-formation method; addition in regard to compressive language function

АННОТАЦИЯ
В статье рассматривается проблема реализации словообразовательными средствами компрессивной функции языка, благодаря которой коммуникант получает возможность экономить свои речевые усилия. Анализируются и уточняются теоретические положения научных исследований, посвященных анализируемой в статье проблематике, предлагается система соотношения прямых и обратных способов словообразования, которые позволяют осуществлять деривационное сжатие фрагментов текста. Теоретические положения подтверждаются функциональным анализом современных русских компрессивных дериватов.

Ключевые слова: компрессивная функция словообразования; компрессивные дериваты; сокращение как основной компрессивный способ словообразования; сложение в его отношении к компрессивной функции словообразования

А.С. Пушкин сказал о М.В. Ломоносове: «Он создал первый университет [в России. – *Л.К., Е.К.*]. Он, лучше сказать, был первым нашим университетом» [Пушкин 1996: 249].

Понимая высоту планки, заданной этим образным сравнением, мы рискнём в дальнейших рассуждениях воспользоваться его логической

структурой. На наш взгляд, есть все основания утверждать, что Майя Владимировна Всеволодова, публикациями которой было инициировано создание масштабной функционально-коммуникативной лингводитактической модели языка (см. о ней подробнее: [Амиантова, Битехтина, Всеволодова, Клобукова 2001; Всеволодова 2017] и др.), уникальный исследователь и педагог, может быть уподоблена весьма логично организованной и эффективно работающей в нашем научном и образовательном пространстве академии функционально-коммуникативной грамматики.

В этой виртуальной (и в то же время вполне реально существующей) академии много разных подразделений. Есть, в частности, особый, фигурально выражаясь, «подготовительный факультет» – система исследований М.В. Всеволодовой, служащих целям подготовки студентов и аспирантов к функционально-коммуникативному изучению языка, которое требует пересмотра многих положений системного подхода к языку. М.В. Всеволодова убеждена, что без надёжных теоретических (в том числе типологических) сведений о механизмах русского языка невозможно описывать их функционально-коммуникативные возможности ([Всеволодова 2012а; 2013; Всеволодова, Ким Тэ Чжин 2008] и мн. др.). Но, разумеется, наибольшее внимание М.В. Всеволодова в течение нескольких десятилетий уделяет прежде всего синтаксическим и морфологическим, а также, лексическим, стилистическим и словообразовательным аспектам функционально-коммуникативного изучения русского языка ([Всеволодова 1975; 2010; 2011; 2012б; 2017; Всеволодова, Владимирский 2008; Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов 2013] и др.).

Словообразование всегда было одним из важных компонентов содержания обучения инофонов русскому языку ([Рожкова 1987: 98–125; Клобукова 1981а; 1981б; 1982; Красильникова 2011] и др.). Словообразовательный аспект постулируемой М.В. Всеволодовой лингводидактической модели представлен целым рядом исследований, в которых к анализу дериватов применяется не системно-описательный, а функциональный подход. Так, в монографии [Всеволодова, Мадаени 1988], выводы которой учтены, например, в авторитетном исследовании [Падучева 2004: 543], приставочные глаголы движения рассмотрены с точки зрения того, каким образом их словообразовательная семантика соотносится с категориями функционально-семантического синтаксиса. Анализируется, в частности, поведение глаголов движения с приставками *про-, в-, за-, под-, до-* в контексте ситуаций, реализующих категорию ‘директив-финиш’ [Всеволодова, Мадаени 1988: 41–80], в отличие от других производных глаголов данной лексико-семантической группы, которые коррелируют с иными категориями функционального синтаксиса – ‘директив-старт’ и ‘трасса’ [Там же: 81–135].

Нужно сказать, что подобный конкретный анализ непосредственной связи словообразовательной семантики деривата и семантических категорий предложения-высказывания, в рамках которого функционирует дериват, очень важен для комплексного функционального описания языка. К сожалению, именно данное направление было явно недостаточно представлено в отечественной теории функциональной грамматики; см. подробнее: [Кубрякова, Клобуков 1998].

В специальной литературе характеризовались и другие подходы к функциональному словообразованию [Красильникова 2011]. В нашей статье словообразовательный материал также рассматривается с функциональной точки зрения, при этом мы опираемся на исследования Е.А. Земской, которая разграничила пять основных функций, выполняемых деривационными средствами. Это такие функции, как номинативная (*космос* → *космодром*), экспрессивная (*старуха* → *старушенция*), конструктивная (служащая целям синтаксической деривации [Курилович 1962]: *гротесковый* → *гротесковость*), стилистическая (*сковорода* → разг. *сковородка*) и компрессивная (*старший помощник* → *старпом*) [Земская 2007: 8–12].

Мы рассмотрим особенности реализации в языке только одной – компрессивной – функции словообразования, т.е. функции сокращения в производной лексической единице некоторых элементов формального выражения производящей единицы (слова или сочетания слов), при этом семантика производящего полностью сохраняется в производном (***зам****~~еститель~~* → ***зам***; ~~*корпус*~~ ***гум****~~анитарных факультетов~~* → ***гум***).

Компрессивная функция словообразования в понимании Е.А. Земской коррелирует с установленной А.А. Леонтьевым диакритической функцией речи, т. е. функцией сжатия (компрессии) языковых единиц в процессе коммуникации [ЛЭС 1990: 565]. Благодаря диакритической (компрессивной) функции реализуется «принцип экономии в языке» [Мартине 1963: 532–538]. В исследованиях М.В. Всеволодовой рассмотрены многочисленные конкретные примеры компрессии в речи разноуровневых единиц синтаксической системы – словосочетаний, простых предложений, предикативных составляющих сложного предложения, текстовых частей [Всеволодова 2017: 264–294, 432–466, 522–645 и др.]. Таким образом, было показано, что в языке действует слаженный механизм, служащий целям экономии речевых усилий говорящего (пишущего), и в этом механизме есть особая подсистема компрессивной деривации, осуществляемой средствами производного слова.

Как показывают приведённые выше примеры компрессивного словообразования типа *зам* и *гум*, эффективным средством реализации компрессивной функции словообразования является деривационная операция формального сокращения производящей базы – производящего слова

или словосочетания. Другими словами, сокращение производящей базы может быть осуществлено не только на уровне производящего слова (*зам;* ср. также: *Зина* ← *Зин~~анда~~,* студ. жарг. *универ* ← *универ~~ситет~~*, муз. жарг. *фоно* ← *фо~~ртепиа~~но* и т.п.), но и на уровне производящих сочетаний слов.

Достаточно часто встречается также полное или частичное сокращение компонентов производящего словосочетания [Клобуков 2017], здесь возможны как неаффиксальные дериваты типа *гум*, так и отнесённые Е.А. Земской к сфере компрессивного словообразования случаи суффиксальной универбации, ср. разговорные производные слова типа *пятиэтажка* (← *пятиэтажный ~~дом~~*), *подсобка* (← *подсобное ~~помещение~~*) и т. п. [Земская 2007: 9].

И.С. Улуханов обозначает деривационную операцию сокращения производящей базы с помощью терминов «неморфемное», или «аббревиатурное», усечение [Улуханов 1996: 29–30, 33, 40 и др.]. Такое терминоупотребление может создать впечатление, что при сокращении производящей базы её обрыв происходит всегда без учёта границ между морфемами, морфема как бы режется «по живому» (*маг~~нит/о/фон~~* → *маг*). Однако в проведённом под руководством М.В. Панова коллективном исследовании [Словообразование 1968: 274–284] в качестве примеров приводятся не только «аморфемные» сокращения типа *маг* (ср. также *преф* ← *преф~~ерас~~*, *фокс* ←*фокс~~трот~~*), но и многочисленные дериваты типа *авто* (←авто~~/мобиль~~), *фото* (← *фото~~/граф/ия~~*), разг. *кило* (← *кило~~/грамм~~*), где сокращение производящей базы осуществляется по морфемному шву. Не случайно в [Немченко 1985: 194] проводится разграничение «аморфемных» и «морфемных» сокращённых дериватов; эти разные виды осуществления одной и той же деривационной операции сокращения, безусловно, необходимо последовательно дифференцировать.

Есть и иные признаки, позволяющие разграничивать разные типы операций деривационного сокращения. Так, виды сокращённых дериватов различаются по позиции применения операции сокращения производящей базы: в её начале (*Лина* ← *~~Анже~~лина*), в конце (*Вася* ← *Вас~~ний~~*), в конце и в начале одновременно (*Коля* ← *~~Ни~~кол~~ай~~*) или же в середине (школьн. жарг. *физра́* ← *физ~~культу~~ра*).

Кроме того, операция сокращения в одних случаях является самостоятельным, самодостаточным неаффиксальным деривационным средством (т.е. словообразовательным формантом операционного типа), как в разг. слове *шиза* ← *шиз~~офреник~~*, а в других – выступает как один из компонентов комплексного словообразовательного форманта, например «сокращение + сложение» (*МГУ*), или же «сокращение + суффиксация» (*телик* ← *тел~~евизор~~*) и т. п. (подробнее см. [Клобуков 2017]).

К сожалению, в рамках данной статьи невозможно детально рассмотреть вопрос о закономерностях вхождения сокращённых дериватов в такие комплексные единицы словообразования, как словообразовательная парадигма и словообразовательное гнездо. Особенность сокращённых дериватов в указанном аспекте состоит в том, что «чистые» сокращения типа *шиза* и сокращённо-суффиксальные дериваты типа *телик*, *общага* (← *общ~~ежитие~~*) номинативно тождественны своим производящим и потому не составляют в словообразовательном гнезде особой «семантической клетки». В то же время сокращённые дериваты отличаются от своих производящих экспрессивно-стилистическими коннотациями. Поэтому можно сделать вывод о том, что в семантическом отношении сокращённые дериваты не расширяют, но существенно «углубляют» словообразовательное гнездо (о понятии «глубины» парадигматических единиц словообразования см. [Клобукова 1981в; 1983]).

Как мы полагаем, при словообразовательном сокращении компрессивная функция словообразования предстаёт в наиболее наглядном виде, так как её реализация очевидна и не требует доказательства. Действительно, при тождестве номинативной семантики экспонент у производного короче, чем у производящего, поэтому формальная компрессия деривата по сравнению с производящей базой бесспорна. В этой связи не совсем понятно, почему первооткрыватель компрессивного вида словообразования Е.А. Земская в числе способов словообразования, обслуживающих компрессивную деривацию, называет сначала суффиксальную универбацию (*двухсменка* ‘работа в две смены’[1]), затем сложносокращённый способ (*завлаб* ← *зав~~едующий~~ лаб~~ораторией~~*) и лишь в конце – «аббревиацию», под которой она фактически понимает сокращение[2].

На наш взгляд, представление перечня компрессивных способов словообразования целесообразно начинать именно с сокращения. При этом мы, безусловно, согласимся с Е.А. Земской в том, что в этот перечень, входит и так называемая суффиксальная универбация, особенностью которой является усечение целых слов, входящих в производящую базу (***пятиэтажка*** ← ***пятиэтаж~~ный дом~~***) [Клобуков 2015].

Что касается сложносокращённого способа (*завлаб*), то здесь ситуация осложняется тем, что характерный для него словообразовательный

[1] Попутно отметим, что такое («словарное») толкование семантики деривата не оптимально со словообразовательной точки зрения, так как не отсылает к производящему прилагательному *двухсменный*. Корректнее было бы, на наш взгляд, дать собственно «словообразовательное» толкование деривата *двухсменка*: ‘двухсменная работа’.

[2] Использование Е.А. Земской термина «аббревиация» вместо термина «сокращение» представляется не вполне корректным. Дело в том, что термин «аббревиация» в последнее время обычно используется для обозначения сложносокращённого способа словообразования (см. в том числе и в работах самой Е.А. Земской [Земская 2002: 370–373]).

формант является не простым (как при сращении), а комплексным, он включает как деривационную операцию сокращения (явно компрессивную по своей сути: ***зав~~едующий~~***; ***лаб~~ораторией~~***), так и деривационную операцию сложения (*зав* + *лаб*). Получается, что при реализации компрессивной функции словообразования сложение (как деривационная операция со знаком «плюс» – операция **прибавления** одного компонента производящей базы к другому) вовсе не противодействует операции сокращения (деривационной операции со знаком «минус» – операции «**вычитания**» компонентов производящей базы), иначе Е.А. Земская не имела бы оснований включить сложносокращенный способ в число компрессивных способов словообразования.

Обсуждаемый вопрос можно поставить и в более жёсткой форме. Мы полагаем, что любое сложение (не обязательно аббревиатурное) служит целям сжатия, компрессии, производящей базы. Остановимся на этом подробнее.

На операции сложения (реже используется термин *композиция*)[3], базируются четыре различных способа словообразования [Клобуков 2009: 369–371]:

- чистое сложение основ: *пен*(*а*) + *бетон* → *пенобетон*;
- аббревиатурное сложение основ: *пен*(*а*) + *пласт~~масса~~* → *пенопласт*);
- сложение словоформ: *быстро* + *растворимый* → *быстрорастворимый;*
- сложение слов (сложносоставной способ словообразования): *музей* + *квартира* → *музей-квартира.*

Не может быть никаких сомнений в том, что если производящая база при любом способе сложения представляет собой сочетание двух или нескольких самостоятельных цельнооформленных слов (при сращении – словоформ), а дериват является целостной лексической единицей языка, то имеет место качественная компрессия речевого потока: на смену двух (иногда и более) сегментов лексического уровня приходит один цельноформленный сложный сегмент.

Таким образом, как видим, и в словообразовании противоположности могут самым парадоксальным образом сходиться. Как при сокращении производящей базы (операция деривационного «вычитания»), так и при сложении её элементов (операция деривационного «прибавления») на выходе наблюдаем один и тот же результат – дериват компрессивного типа.

---

[3] Ср. англ. *composition* ‘словосложение’ и рус. компози́та ‘сложное слово’ [Ахманова 1966: 202, 542].

Рассмотрим последний из ключевых вопросов теории словообразовательной компрессии. Речь идет о соотношении компрессивной деривации с двумя видами словообразования: прямым (базирующимся на операции прибавления каких-то компонентов к производящему) и обратным (основывающимся на противоположной операции – на вычитании некоторых компонентов из производящего).

Еще в 50-е годы прошлого века термин «обратное словообразование» был непривычен. Так, в вышедшей в 1956 году книге А.И. Смирницкого «Лексикология английского языка» при обсуждении примеров типа *chauffeur* ‘водитель’ → *to chauffe* ‘возить (в автомобиле)’ этот термин даётся в кавычках, подчёркивающих его новизну (ср.: [Смирницкий 1998: 64–66]).

В книге [Шанский 1968: 291–295] обратное словообразование обсуждается уже «без кавычек», при этом данной проблеме посвящен особый, заключительный, параграф в главе «Основные способы словообразования в русском языке». Автор книги уже самой композицией этой главы подчеркивает, что обратное словообразование (*русалка* → *русал*, неологизм Ю. Нагибина) противопоставлено всем остальным способам словообразования, установленным В.В. Виноградовым:

- лексико-семантическому (*трогать* ‘прикасаться к кому-л., чему-л.’ → *трогать* ‘волновать’),
- морфолого-синтаксическому (прил. *ротный* ‘имеющий отношение к роте’ → сущ. *ротный* ‘командир роты’),
- лексико-синтаксическому (словосоч. *ума лишённый* → прил. *умалишённый* ‘сумасшедший’),
- сложению (*лён* + *волокно* → *льноволокно*),
- сложносокращённому способу (*литературный факультет* → *литфак*),
- сокращению (*суперобложка* → *супер*),

а также различным видам аффиксации (*старый* → *старик; красавица* → *раскрасавица; новый* → *по-новому* и др.) и безаффиксному способу (*рассадить* → *рассада*).

В то же время группа способов словообразования, противопоставленных обратному словообразованию, не объединена в этой книге общим термином. Рассмотренные Н.М. Шанским «обратные» дериваты всегда являются результатом устранения (вычитания) из производящей основы суффикса (*телепередача* → *телепередать*, газ.) или суффиксоподобного элемента (*тарелка* → *тарел,* окказионализм А. Вознесенского), т. е. все они являются обратными фактически только по отношению к одному способу словообразования – к суффиксации.

Новый этап в изучении обратного словообразования представлен в исследованиях И.С. Улуханова, который терминологически противопоставил обратному словообразованию прямое [Улуханов 1996: 39], при этом обратное словообразование не сводится к устранению только суффикса (т. е. к десуффиксации). Так, префиксации (*правда* → *неправда*) противопоставлена в окказиональном словообразовании депрефиксация (*неразбериха* → *разбериха*), постфиксации (*учить* → *учиться*) – депостфиксация (*сложиться* → *сложить* ‘заставить сложиться – о жизни, обстоятельствах’: *Далее жизнь сложится так, как он ее сложит.* Газ.), субстантивации (прил. *рабочий, -ая, -ое* → сущ. *рабочий*) – десубстантивация (*Высоцкий* → прил. *высоцкий, -ая, -ое* ‘такой, как у Высоцкого’: *высоцкая лексика*) и т. п.

Наблюдения над стройной системой соответствий между способами прямого и обратного словообразования приводят И.С. Улуханова к выводу, что «всякое соотношение мотивированного и мотивирующего слова может быть прочитано не только слева направо, но и справа налево, т. е. потенциально может стать моделью для обратного словообразовательного процесса» [Там же: 39].

Неясно, однако, какие возможности включения в эту схему пропорциональных соответствий имеет подробно рассмотренное выше сокращение («аббревиатурное усечение») как явно обратный способ словообразования, базирующийся на деривационной операции «вычитания» части производящего. Каким образом можно на основании наблюдений над словообразовательной парой *заместитель* → *зам* представить себе некую операцию «наращения» сокращенного деривата *зам*, которая привела бы к образованию соответствующего узуального или окказионального «прямого» деривата?

Немало вопросов возникает и в связи с установлением обратных коррелятов к четырём указанным выше способам словообразования, которые основываются на одной и той же деривационной операции сложения компонентов неоднословной производящей базы. Для обозначения деривационной операции, обратной к сложению, И.С. Улуханов вводит термин «декомпозиция» [Там же: 41]. Разумеется, стремление расширить сферу обратного словообразования, представив все её сегменты, можно только приветствовать. Однако в связи с разработкой именно этой части теории обратного словообразования возникает немало проблем.

Представляется, что демонстрацию явления декомпозиции И.С. Улуханов начинает с не вполне удачных примеров. Из четырех прямых способов словообразования, базирующихся на деривационной операции сложения, внимание исследователя привлекает в первую очередь сраще-

ние словоформ, формирующих производящую базу, т. е. тот способ словообразования, который в принципе вряд ли может иметь корреляцию со сферой обратного словообразования:

животрепещущий → трепещущий живо (в разг. речи: *Это был вопрос, трепещущий весьма живо*);

свежевыкрашенный → [*Теперь беседку*] *свеже выкрасили* (Д. Гранин) [Там же].

Мы считаем, что ни в одном из приведенных выше примеров не отражён деривационный акт, целью которого всегда по определению является **появление деривата**. А словоформы *живо* и *трепещущий*, *свеже* и *выкрашенный* **не являются дериватами** от композитов *животрепещущий* и *свежевыкрашенный*. В указанных примерах вообще нет предмета для словообразовательной интерпретации – здесь наблюдается языковая игра с композитом, сознательное **разрушение** сращенного деривата, интенционально мотивированное возвращение к комплексной производящей базе.

Есть основания утверждать, что явление декомпозиции проще всего было бы продемонстрировать на примерах словообразования, обратного по отношению к сложению (композиции) в узком смысле, т. е. на чистом сложении производящих основ. Однако И.С. Улуханов таких примеров не приводит. В то же время они были обнаружены еще в 60-е – 80-е гг прошлого века Н.М. Шанским (без использования, естественно, термина «декомпозиция»), т. е. задолго до появления книги И.С. Улуханова: ~~электро~~*плитка → плитка* ‘электроплитка’; ~~пионер~~*вожатый → вожатый* ‘пионервожатый’; ~~хлебо~~*заготовки → заготовки* [Шанский 1969: 161; Шанский 1981: 70]).

Последний пример (появление сокращённого деривата *заготовки* в значении ‘хлебозаготовки’), был, вероятно, актуален в конце советской эпохи; в наши же дни слово *заготовка* / *заготовки* вряд ли связано именно с заготовкой хлеба, см. [БТС: 317]. Но два первых примера сокращения словообразовательной структуры композитов представляются бесспорными с точки зрения реализации в них деривационной операции декомпозиции, т. е. разложения композита с появлением в результате сокращенных дериватов, синонимичных исходным композитам.

Таким образом, декомпозиция – вполне реальное явление сферы обратного словообразования, которое вполне очевидно реализуется на уровне чистого сложения, но весьма проблематично в такой сфере сложения (в широком смысле), как сращение словоформ типа *свежевыкрашенный*. Вряд ли возможно также применение способа декомпозиции и к сложносоставным дериватам типа *музей-квартира, диван-кровать, костюм-платье, ракета-носитель*. Дело в том, что получаемые в результате разложения сложных слов данного типа лексемы *музей*, *диван* и т. п.

воспринимаются, на наш взгляд, не как дериваты от соответствующих композитов, а как «возвращённые» компоненты производящей базы, которые вовсе не синонимичны сокращаемым сложносоставным словам (*музей* в плане семантики ≠ *музей-квартира*, в отличие от членов словообразовательной цепочки *электроплитка* → *плитка₃* [БТС: 843]).

Таким образом, декомпозиция, бесспорна как коррелят композиции в узком смысле (деривационной операции «чистого» сложения основ). Бесспорна декомпозиция также в применении к аббревиатурам – дериватам, которые являются результатом сложения сокращённых основ. Этот вид декомпозиции вполне логично было бы назвать дезаббревиацией. Однако И.С. Улуханов не использует данный термин, когда вводит понятие декомпозиции на примерах типа *фин* (← *фининспектор*), *компра* (← *компромат*) и др. [Улуханов 1996: 42]. В то же время термин «дезаббревиация» появляется в рассматриваемой книге в конце перечисления способов словообразования – при рассмотрении «шутливо ложных расшифровок и переинтерпретаций аббревиатур» и псевдоаббревиатур, ср.: *ВЭФ* (марка радиоприёмника) – ‘вот это фирма!’; *студент* – ‘срочно требуется уйма денег, есть нечего, точка’ и т. п. [Улуханов 1996: 90]. Вряд ли такое использование термина «дезаббревиация» является удачным, поскольку при подобных переинтерпретациях аббревиатур и псевдоаббревиатур не происходит образования новых дериватов, говорящий лишь осуществляет псевдоэтимологизацию в отношении реальной или мнимой производящей базы слов, подвергающихся игровой «расшифровке». Термин же «декомпозиция» целесообразно использовать для обозначения деривационной операции разложения разных типов сложных слов.

Таким образом, компрессивная языковая функция находит широкие возможности для реализации в различных сегментах системы современного русского словообразования – в сфере образования сокращенных слов и композитов. При этом важно подчеркнуть, что рассмотренные в статье процессы «чистого» сокращения производящего (*зам*), а также деривационной композиции (сложения) и декомпозиции, несмотря на терминологическую антонимичность последних, с точки зрения языковой компрессии играют одну и ту же роль: способствуют сжатию текста (сокращению количества используемых лексических единиц или уменьшению их протяжённости) в целях экономии речевых усилий коммуниканта – говорящего или пишущего.

Литература / References

1. *Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П.* Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2001, № 1. С. 5–22.
2. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.

3. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. – [БТС]
4. *Всеволодова М.В.* Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.
5. *Всеволодова М.В.* Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010, № 4. С. 34–56.
6. *Всеволодова М.В.* К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2011, № 3. С. 5–1.
7. *Всеволодова М.В.* Словосочетание в новой парадигме грамматики // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2012, № 1. С. 12–30. (2012а)
8. *Всеволодова М.В.* Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 2. Фрагмент системы – мотивированные (вторичные) предлоги // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2012, № 6. С. 5–29. (2012б)
9. *Всеволодова М.В.* Категория количественности в славянских языках: числительные и квантитативы // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2013, № 6. С. 16–62.
10. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент функциональной прикладной (педагогической) модели языка. М.: URSS, 2017.
11. *Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: ЛКИ, 2008.
12. *Всеволодова М.В., Ким Тэ Чжин.* Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка). Фрагмент функционально-коммуникативной прикладной грамматики. М.: ЛКИ, 2008.
13. *Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн.1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. М.: URSS, 2013.
14. *Всеволодова М.В., Мадаени Али.* Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка). М.: Диалог-МГУ, 1988
15. *Земская Е.А.* Словообразование / Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. Изд. 3-е. М., 2002. С. 286–441.
16. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. Изд. 3-е. М.: URSS, 2007.
17. *Клобуков Е.В.* Словообразование // Современный русский литературный язык / Под ред. П.А. Леканта. М.: Высшая школа, 2009. С. 343–401.
18. *Клобуков Е.В.* Универбация в её отношении к системе способов современного русского словообразования // Язык. Литература. Культура. Вып. 11. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 68–80.
19. *Клобуков Е.В.* Сокращение производящей базы деривата как объект дериватологии // Рациональное и эмоциональное в русском языке. Сборник трудов Международной научной конференции. М.: МГОУ, 2017. С. 70–74.
20. *Клобукова Л.П.* Об изучении русского словообразования в иностранной аудитории // Русский язык для студентов-иностранцев. Сборник методических статей. Вып. 20. М.: Русский язык, 1981. С. 56–62. (1981а)
21. *Клобукова Л.П.* Об изучении глаголов с приставками *о-* и *об-/обо-* // Русский язык для студентов-иностранцев. Сборник методических статей. Вып. 21. М.: Русский язык, 1981. С. 34–41. (1981б)
22. *Клобукова Л.П.* Специфика парадигматических отношений в словообразовании (на материале словообразовательной парадигматики русских прилагательных) // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1981, № 6. С. 51–63. (1981в)
23. *Клобукова Л.П.* О словообразовательных дифференциальных признаках базовой лексики // Русский язык для студентов-иностранцев. Сборник методических статей. Вып. 22. М.: Русский язык, 1982. С. 35–43.
24. *Клобукова Л.П.* Словообразовательное гнездо и словообразовательная парадигма // Русский язык в школе. 1983, № 5. С. 27–35.

25. *Красильникова Л.В.* Словообразовательный компонент коммуникативной компетенции иностранных учащихся-филологов. М.: МАКС Пресс, 2011.
26. *Кубрякова Е.С., Клобуков Е.В.* Теория функциональной грамматики [в шести томах]. Л. (СПб.), 1987-1996 (обзор) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1998, том 57, № 5.
27. *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая // *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. С. 57–70.
28. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. – [ЛЭС]
29. *Мартине А.* Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. III. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. С. 366–566.
30. *Немченко В.Н.* Основные понятия словообразования в терминах. Красноярск: КГУ 1995.
31. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
32. *Пушкин А.С.* Путешествие из Москвы в Петербург // *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Том одиннадцатый: Критика и публицистика. М.: Воскресенье, 1996. С. 243–267.
33. *Рожкова Г.И.* Очерки практической грамматики русского языка. Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1987.
34. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Том I. М.: ИРЯ РАН, 2005.
35. Словообразование современного русского литературного языка / Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование / Гл. ред. М.В. Панов. М.: Наука, 1968.
36. *Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. Изд. 2-е. М.: Изд-во филол. фак-та МГУ, 1998.
37. *Улуханов И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: ИРЯ РАН, 1996.
38. *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968.
39. *Шанский Н.М.* Развитие словообразовательной системы в советскую эпоху // Мысли о современном русском языке / Под ред. В.В. Виноградова. М.: Просвещение, 1969.
40. *Шанский Н.М.* Словообразование // *Шанский Н.М., Тихонов А.Н.* Современный русский язык. Часть II: Словообразование. Морфология. М.: Просвещение, 1981.

DOI 10.29003/M145.LMC2018-60/114-130

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ГРАНИЦЫ СИНТАКСЕМ С КВАНТИТАТИВАМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М.И. Конюшкевич

THE EXTERNAL AND INTERNAL BOUNDARIES OF SYNTAXEMES WITH QUANTITATIVES IN RUSSIAN

M. I. Konyushkevich

ABSTRACT:
The article discusses means of extending external and changing internal boundaries of Russian quantitative syntaxemes. It is proved that the right boundary syntaxeme elements are included in the quantitative syntaxeme formant, and the left boundary is extended due to lexical composition of its nominal component. Changes in internal boundaries are stipulated by the position and semantics of structural components within the syntaxeme formant structure. The results show that seeing the quantitative as a morphosyntacic unity is parallel to the grammatical constructions theory and is promising as to specifying all the units in these constructions.

Keywords: preposition; preposition correlate; quantitative; syntaxeme; formant

АННОТАЦИЯ
В статье рассматриваются средства, за счет которых происходит расширение внешних и изменение внутренних границ квантитативных синтаксем русского языка. Доказывается, что при расширении правой границы синтаксемы происходит наращивание форманта квантитативной синтаксемы, левая же граница квантитативной синтаксемы расширяется за счет лексического наполнения ее номинативного компонента. Изменение внутренних границ обусловливается позицией и семантикой структурных компонентов в структуре форманта синтаксемы.

Ключевые слова: предлог; коррелят предлога; квантитатив; синтаксема; формант

Данная статья лежит в русле направления, инициированного профессором М.В. Всеволодовой в рамках межнационального проекта «Грамматика славянского предлога», в частности – проблематики, связанной с функционированием славянских квантитативов (сочетаний «числительное + существительное» типа *пять книг*), в том числе и в сочетании квантитативов с предлогами (включая параметрическую лексику, в терминологии М.В. Всеволодовой – корреляты предлога), образующими с квантитативами предложные сочетания. Названное направление уже полу-

чило отражение в ряде публикаций, включая и диссертационные исследования [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов 2014; Всеволодова 2010; Всеволодова 2013; Всеволодова 2017; Судзуки 2008]. В продолжение указанных публикаций, а также работ на эту тему белорусских участников межнационального проекта [Канюшкевіч 2014; Сентябова 2007; Плешкова 2008] в нашей статье речь пойдет об определении внешних и внутренних границ синтаксем, в которых, кроме квантитативов, употребляются и другие строевые элементы.

В предупреждение возможных вопросов читателя кратко изложим исходные постулаты, получившие обоснование в наших предшествующих публикациях, например, в [Канюшкевіч 2008–2010]. Предлог понимается нами как релятивная языковая единица, которая вместе с флексией или без нее образует синтаксему, является ее грамматическим формантом и вводит синтаксему в высказывание. Каждая синтаксема состоит из двух компонентов – грамматического (форманта) и номинативного, причем последний не обязательно должен быть представлен одним словом. Синтаксема занимает в высказывании только одну синтаксическую позицию (выполняет одну актантную роль), и это ее свойство является важным критерием для установления границ форманта синтаксемы: достаточно определить синтаксическую позицию синтаксемы, выделить ее номинативный (лексический) компонент, а все, что не входит в номинативный компонент синтаксемы, выполняет строевую функцию, т. е. является формантом синтаксемы. Поэтому в формант синтаксемы могут входить самые разные элементы, вплоть до знаменательных слов, которые, конечно, претерпевают грамматикализацию и приобретают иные свойства и функции, обусловленные рядом факторов – управляемым словом в высказывании и лексическим наполнением номинативного компонента синтаксемы.

Для основной группировки предложно-именных синтаксем с четкими внешними и внутренними границами синтаксемы правило одной синтаксической позиции обладает достаточной диагностической силой, даже если мы имеем дело не только с собственно предлогом, но и с аналогом предлога (аналогами предлога мы, по примеру «Русской грамматики» в отношении союзов, называем строевые единицы, изофункциональные предлогу, но претерпевшие разную степень опредложивания и не являющиеся собственно предлогом). В своих программных трудах М.В. Всеволодова распределила все предложные единицы по степени опредложенности на несколько зон по мере удаления от центра к периферии, но для задач нашей статьи данная дифференциация не является релевантной, поэтому все «не-предлоги» поля предлога мы называем аналогами предлога, а аналитические аналоги предлога – предложными сочетаниями.

Диапазон структуры формантов синтаксем с квантитативами колеблется от одного элемента до десяти и более, причем колеблется не только количество элементов, но и их позиция в предложном сочетании – она может быть фиксированной или меняться. Наша задача – проследить те участки границ (внешних и внутренних) синтаксемы, на которых проницаемость этих границ прозрачна, и выявить, с каким компонентом синтаксемы – формантом или номинативным компонентом – это движение границ связано. В своих рассуждениях мы будем оперировать в основном языковым материалом, извлеченным из Национального корпуса русского языка (НКРЯ); во избежание пестроты знаков в тексте данная аббревиатура при ссылках на автора примера опускается.

Первая проблема, с которой мы сталкиваемся, это сам статус квантитатива в таких предложно-квантитативных синтаксемах. М.В. Всеволодова предлагает «признать квантитатив морфосинтаксической структурой типа синтаксемы. И тогда получат свое обоснование членопредложенческие позиции, занимаемые такими составными единствами» [Всеволодова 2013: 59]. Традиционно статус квантитатива как единства, занимающего позицию одного члена предложения, признан давно. Иное дело, если учитывать вид и вектор внутренней связи между нумеративом и субстантивом – управление нумератива субстантивом в прямых падежах и согласование нумератива с субстантивом в косвенных, на чем даже в вузовской практике не всегда заостряется внимание.

Поэтому вполне правомерен поставленный М.В. Всеволодовой вопрос, что в таком сочетании является «словом» применительно ко всей падежной парадигме квантитатива. И решение этого вопроса неоднозначно. Так, П.В. Гращенков, видя в «количественной группе» (квантитативах. – *М.К.*) синтаксическую модель не Грамматики Зависимостей, а Грамматики Составляющих на том основании, что это «некоторый цельный комплекс, общие свойства которого не сводимы к сумме свойств составляющих его частей» (что созвучно мысли М.В. Всеволодовой о морфосинтаксической структуре квантитатива. – *М.К.*), в результате типологических исследований этой группы на целом ряде языков приходит к выводу, что эти именные группы являются «элементарными синтаксическими единицами, участвующими в построении предложения, демонстрируют внутреннее функциональное единство всех элементов и проявляют себя как **Составляющие**, в которых особый, выделенный статус **Вершины** имеет существительное» [Гращенков 2002: 117] (выделено в оригинале – *М.К.*). Как видим, обе точки зрения сходятся в том, что квантитатив – «внутреннее функциональное единство» (П.В. Гращенков), «морфосинтаксическая структура типа синтаксемы» (М.В. Всеволодова). Расхождение между ними видится в вопросе о вершине единства – чис-

лительное (к чему склоняется М. В. Всеволодова: «возможны случаи, когда во всех падежах «словом» остается числительное» (с. 58) или существительное (см. цитату выше).

Но в вопросе о квантитативах необходимо отметить еще один проблемный момент. Если признать квантитатив *пять книг* одной морфосинтаксической структурой типа синтаксемы, то что в этой синтаксеме является ее грамматическим формантом, а что номинативным компонентом? При этом, говоря о форманте синтаксемы, мы имеем в виду **все** ее возможные падежные словоформы (точнее – синтаксемоформы, и этим термином мы во избежание путаницы будем оперировать). Здесь возможны три варианта решения в зависимости от того, что принять в квантитативе за «слово», т. е. вершину.

Вариант первый: вершиной квантитатива является числительное. Следовательно, грамматическим компонентом (формантом) **всей** синтаксемы выступает флексия числительного *пять* во всех шести падежах, а флексии шести падежных форм существительного – это формы внутренних, пусть и разновекторных, связей числительного и существительного и эти связи не входят в состав грамматического форманта синтаксемы («вассал моего вассала не мой вассал»).

Тогда парадигма форманта квантитатива (флексий числительного) представлена следующими формами, в том числе омонимичными: две нулевые флексии в прямых падежах (*пять-0*), три флексии *-и* в род., дат. и предл. падежах (*пят**и***) и флексия *-ю* (*пят**ью***), а парадигма самого квантитатива имеет соответственно все шесть синтаксемоформ, причем их финали (субстантивные флексии) выступают как своего рода субстантивные суффиксы номинативного компонента квантитативной синтаксемы. То есть, квантитатив как синтаксема в своей синтаксемоформе *пяти книгам* структурно выглядит следующим образом: *пят-**и** книгам*, где *и* – формант этой словоформы, а все остальное входит в номинативный компонент синтаксемы, в том числе и флексия субстантива *-ам.*

Вариант второй: вершиной квантитатива является существительное, так как считаются все-таки предметы, а числительное выступает количественным показателем счета и его форма не является релевантной для грамматики существительного, подобно тому как формы числительных *двух* и *пяти* не релевантны для прилагательных *двухлетний, пятилетний.* Иначе говоря, в квантитативе *пять книг-**0*** грамматическим формантом выступает нулевая флексия существительного. Следовательно, парадигма синтаксемы будет иметь шесть синтаксемоформ, систему форм которых представляют нулевые флексии существительного в им., род. и вин. падежах, а также флексии *-ам*, *-ами* и *-ах.* Флексии числительного представляют собой застывшие окончания в структуре номинативного

компонента синтаксемы, подобно интерфиксам в словах *дв**ух**летний, пя**ти**летний.*

Вариант третий: грамматическим компонентом (формантом) квантитатива выступает единый комплекс из флексий и нумератива, и субстантива, некое подобие их синтаксического «конфикса», или сокращенно – «синплекса». Номинативный компонент синтаксемы составляют лексические значения числительного и существительного, а единый грамматический формант – «синплекс» из их флексий: *пять-**0** книг-**0** / пят-**и** книг-**0** / пят-**и** книг-**ам** / пять-**0** книг-**0** / пять-**ю** книг-**ами** / пят-**и** книг-**ах.***

На наш взгляд, третий вариант позволяет более адекватно анализировать случаи введения в высказывание квантитативных синтаксем с предлогом. Именно предлог или его аналог в контексте может актуализировать или нейтрализовать функцию того или иного внутреннего элемента «синплекса» – форманта синтаксемоформы в высказывании. Предлог выступает в роли форманта предложно-квантитативной синтаксемы, а «синплекс» синтаксемоформ собственно квантитативной синтаксемы – в роли ее субформанта.

Предлог как формант предложно-квантитативной синтаксемы выступает маркером ее внешних границ прежде всего по ее левой валентности в отношении к члену высказывания, управляющему ею. Покажем это на примерах.

(1) *На стене висит полка **с пятью книгами**.*

(2) *На стене висит полка **с пятитомником** Блока.*

Пример (1) показывает, что в предложно-квантитативной синтаксемоформе *с пятью книгами* ее субформант *«-ю + -ами»* актуализован не полностью: актуализована только вторая его часть, что доказывается заменой квантитативной формы формой композита *пятитомником* в примере (2). Первая флексия (*-ю*) данного субформанта, несмотря на ее формальное присутствие и даже совпадение по падежу, не актуальна, как это видно в словоформе *пятитомником.* Может быть, в неактуальности первой части субформанта заложен пусковой механизм типичного ненормативного употребления родительного падежа вроде *с пят**и** рублями*? Левая и правая границы предложно-квантитативной синтаксемоформы очевидны благодаря ее форманту, структура которого состоит из предлога *с* и актуализованной флексии «синплекса» *-ами* в субформанте квантитативной синтаксемы; ср.: *полка **с** посуд**ой***.

Изменим левую границу квантитативной синтаксемы путем прибавления к нему слова *более*:

(3) *На полке **более десяти книг**.*

(4) *На полке **более десятка** книг.*

(5) *Книг на полке **более десятка**.*

(6) *На полке **более чем десять книг**.*

(7) *Книг увеличилось* ***более чем втрое****.*

(8) *Надо выбрать* ***более выгодный*** *вариант.*

(9) *С ним хочется быть* ***еще более кокеткой****, взбалмошной, чарующей* (Экран и сцена; НКРЯ).

(10) *Он* ***более специалист****, чем ты* (Ю. Крелин).

(11) *Надо обсудить это* ***более подробно****.*

(12) *Сегодня он* ***более устал****, чем вчера.*

В примерах (3–12) использовано одно и то же слово *более*, но его функции в синтаксемах, при некотором сходстве, разные. Объединяющей все примеры функцией является роль интенсификатора-увеличителя, свидетельствующего о значении *более*: ‘некоторое превышение признака в *Б* по сравнению с количеством этого признака в *А*’, т. е. признак в *А* является исходным. Отсюда вытекает еще одна роль *более* – роль компаратора – показателя сравнения. О том, что роль интенсификатора-увеличителя и роль компаратора – разные роли, показывает наличие антонима *менее* – интенсификатора-уменьшителя с той же самой функцией компаратора, что и у компаратора *более*.

Рассмотрим подробнее другие функции слова *более*. В примере (3) *более* при квантитативе выполняет следующие функции. Во-первых, это функция аппроксиматора, указывающего на приблизительное количество предметов. И в этой функции *более* синонимично словам *свыше*, *сверх*, *около* и др. Во-вторых, это функция градуатора – показателя нижнего предела количества с точкой отсчета 10. Однако верхняя граница превышения десяти, несмотря на приблизительность, тоже не беспредельна: это может быть превышение в пределах лишь 1–2, т. е. до 12 книг, ибо количество 13 потребовало бы иной «круглой» номинации – *около 15 книг*. Поэтому градация в сочетании *более десяти* охватывает приблизительное количество от 11 до12.

В-третьих, *более* выполняет функцию предлога, причем эту функцию *более* унаследовало от формы компаратива – управлять только родительным падежом субстантива. Однако *более* управляет не любым существительным, а лишь его субститутом, который представлен квантитативом. И здесь опять же, как и в примерах (1–2), актуализируется флексия *-а* существительного, на что показывает пример (4), где, в отличие от примера (2), флексия числительного не просто не актуализирована – она отсутствует в основе словоформы *десятка*. Но для форманта *более* + *-а* в синтаксемоформе *более десятка* очень важна количественная сема, содержащаяся в номинативном компоненте данной синтаксемы – идее числа 10. Именно значение количества дает слову *более* силу предложного управления (примеры 3–4), поскольку в сочетании с другими словами,

несмотря на свою откомпаративную природу, *более* этой силой не обладает даже с существительными. Случаи такого употребления крайне редки, и то лишь в разговорном стиле (примеры 9–10).

Но даже эти редкие случаи стали возможны, как видим, только при употреблении *более* с признаковыми существительными, т. е. эту сочетаемость для *более* обеспечивает, с одной стороны, способность его как интенсификатора и градуатора (функция его как аппроксиматора сведена здесь до минимума), с другой, – признаковое значение самого существительного, сближающего субстантив с качественным прилагательным, для которых слово *более* служит граммемой при образовании сравнительной степени, равно как и для наречных дериватов (11).

Если вернуться к примерам (9 и 10), то в (9) форма тв. падежа существительного *кокеткой* обусловлена ее предикативной функцией и поддержана частицей *еще* (о частицах речь надо вести отдельно), а также ее местом в однородном ряду с качественными прилагательными *взбалмошной, чарующей.* В примере (10) функцию поддержки слову *более* для введения синтаксемы *более специалист* в высказывание берет на себя компаратор *чем*, который вместе с *более* (напомним – *более* тоже является компаратором) образует нечленимое компараторное сочетание (блок), используемое в роли экспликатора, обеспечивающего грамматическую связь в (7, 10, 12).

Сочетание *более чем* активно используется в коммуникации и, совпадая с одиночным *более* в выражении значения приблизительности и указания на нижнюю границу исчисления, вместе с тем образует с ним оппозицию: *более* выражает приблизительность с неопределенностью точки отсчета, а *более чем* фиксирует внимание на точке отсчета, отчего сильнее значение градации. Такая фиксация приближает сочетание *более чем* к градационным союзам.

Сравним ответы на вопрос в примерах (13) и (14).

(13) *Ты доволен? –* ***Более чем*** / *Я* ***более чем*** *доволен – я счастлив / Я* ***не просто*** *доволен – я счастлив.*

(14) *Ты доволен? –* ****Более*** / **Я* ***более*** *доволен – я счастлив.* Как видим, ответные реплики без *чем* в (14) некорректны.

Подведем первые итоги. *Более* – предлог-градуатор, сочетающийся только с квантитативом, образующий с ним предложно-падежную синтаксему с грамматической вершиной существительного. Однако управляющая сила данного предлога-градуатора распространяется только на им. и вин. падежи: ***Более миллиона человек*** *были вынуждены покинуть свои дома из-за тайфуна.* В других падежах градуатор *более* нуждается в поддержке экспликатора *чем,* который обеспечивает грамматический «шов» между предлогом *более*, откомпаративная природа которого огра-

ничена управлением только род. падежом, и квантитативом, грамматически гибким в склонении благодаря актуализации флексий числительного или существительного (второе очевиднее): ***Более чем полумиллиону человек*** *рекомендовано покинуть свои дома* (Известия, 25.06.14).

Поэтому мы не можем согласиться с утверждением, что «союз *чем* «**блокирует**» управление компаратива и **позволяет** числительному употребляться в форме, обусловленной требованиями другого компонента» [Судзуки 2008: 45]. Невозможно блокировать то, чего нет, и позволять то, что не запрещено: управлять другими падежами откомпаративный предлог *более* бессилен, он обречен на управление родительным падежом своей откомпаративной природой. Управление берет на себя валентность управляющего слова в высказывании, левого соседа синтаксемы, а *чем* эксплицирует грамматическую связь, подобно тому как это осуществляется им по отношению к наречию или глаголу в (7) и (12).

Таким образом, *чем* в предложно-квантитативной синтаксеме выполняет роль элемента ее составного форманта *более чем*, обеспечивающего функции экспликатора, компаратора и градуатора, причем его градационная функция сильнее той же функции градуатора *более* за счет точки отсчета, определяемой номинативным компонентом синтаксемы.

Расширим левую границу синтаксемы (примеры из НКРЯ):

(15) *«Пэтриот» может работать в условиях интенсивных отражений от земной поверхности на высотах* ***где-то более 50 метров****.*

(16) *После этого* ***почти более полувека*** *в России тема не имеет своего развития.*

(17) *В Тель-Авиве под лозунгом «Народ требует социальной справедливости» участвовало* ***аж более четверти миллиона человек****.*

Возникает вопрос: входят ли слова *где-то*, *почти*, *аж* в формант предложно-квантитативной синтаксемы или это автономные части речи, свободные от фиксированной позиции в высказывании, как-то: наречие (15–16), частица (17)? Ведь они могут употребляться и не только перед квантитативом: *где-то на севере, где-то под вечер, от смущения аж зарделась.* Думается, что ответ зависит от уяснения того, какую функцию выполняют подобные слова, попадая в препозицию к *более* + квантитатив. На управление падежом ни наречия, ни частицы не влияют.

Где-то, представленное как наречие с семантикой «в каком-нибудь месте, где-либо» [Словарь…, т. 1: 303], таковым в (15) не является; здесь оно выступает в качестве показателя неопределенности – маркера значения ‘говорящий в поисках того числового пространства, в котором находится число, называющее приблизительное количество предметов’, представленное предложно-квантитативной синтаксемой в целом. В силу этого позицию перед другими словами в данном высказывании слово *где-*

то занять не может. Следовательно, данное слово является принадлежностью предложно-квантитативной синтаксемы, по препозиции оно примыкает к ее форманту *более*, входит в его состав, и за счет его произошло наращивание форманта предложно-квантитативной синтаксемы.

Слово *почти* представлено в словаре как наречие с семантикой «около, без малого» [Словарь…, т. 3: 345] и в этом значении употребляется «со словами, обозначающими количество, меру» [Там же: 345]. В высказывании (16) *почти* служит аппроксиматором – показателем приблизительного количества, названного предложно-квантитативной синтаксемой, и входит в ее формант в качестве составного его элемента. Но, в отличие от *где-то* в (15), семантически *почти* принадлежит в то же время и номинативному компоненту предложно-квантитативной синтаксемы (ср. *более почти полувека*). Применительно к форманту *более* в предложно-квантитативной синтаксеме *где-то* и *почти* образуют оппозицию по близости к номинативному компоненту синтаксемы: неопределенность и поиск числового пространства в *где-то* – определенность этого пространства в *почти*, т. е. вблизи от количества, названного синтаксемой *более полувека*. Так же, как и с *где-то*, с *почти* произошло наращивание форманта синтаксемы, но вместе с тем и семантическое усиление ее номинативного компонента.

Толкование значения усилительной частицы *аж* («то же, что и даже» [Словарь, т. 1: 26]) дается путем отсылки к толкованию значения усилительной частицы *даже*, но и толкование последней тоже не дает ясности: *даже* «употребляется для выделения и усиления слова или словосочетания, к которому относится (ставится обычно перед выделяемыми словами» [Словарь…, т. 1: 362]. Выражение «усиление слова или словосочетания» не совсем корректно, ибо усилить можно только **значение** слова, поместив последнее в соответствующий контекст. Более того, даже интроспективно чувствуется различие между *аж* и *даже*: в первом отчетлива модальность говорящего, который либо сам удивляется, поражается слишком большому или слишком малому количеству предметов, либо ставит целью поразить этим реципиента.

В примере (17) *аж* выступает в высказывании не столько усилителем значения количества, обозначенного числовым номинативным компонентом синтаксемы (*четверти миллиона*), сколько показателем модальности говорящего – модализатором названного количества. Таким образом, частица *аж* по своей препозиции примыкает к форманту синтаксемы, но по модализации – к номинативному компоненту синтаксемы. По этой ее сочетаемостной амбивалентности не исключена и возможность ее позиции поближе к номинативному компоненту: *В митинге участвовало* ***более аж четверти миллиона человек***. Есть немногочис-

ленные примеры контактной позиции частицы *аж* с номинативным компонентом квантитативной синтаксемы: *Поднимали купола* ***с помощью аж трех*** *строительных* ***кранов*** (КП[1], 21.04.11). Ср.: *поднимали* ***аж с помощью трех кранов***.

Особенно легко происходит такое перемещение частицы *аж* к номинативному компоненту в синтаксемах с предложными сочетаниями и коррелятами предлога (примеры из НКРЯ редуцированы): *Заряда встроенного аккумулятора хватает на непрерывное укачивание* ***в течение аж четырех часов***. *...Для чего американцы пробурили скважину* ***глубиной аж в 800 метров***.

Еще один компонент, способный занять левую границу квантитативной синтаксемы – это слово, указывающее на точное количество предметов. К таким относятся слова типа *ровно, аккурат, ни много ни мало* и др., которые выполняют в синтаксеме роль проксиматоров (в противоположность аппроксиматорам как показателям приблизительного количества). Например: *А вот расходы на картошку, которой омич употребляет* ***ни много ни мало аж 150 килограммов****, выросли гораздо больше* (КП, 02.02.11). *Медаль отливают из настоящего серебра и таким весом, чтобы укладывался* ***аккурат в 30 сребреников*** (Родина, 2011; НКРЯ). *Путевка на два дня обойдется* ***ровно в 10 тысяч рублей*** (КП, 14.05.14).

Подведем промежуточные итоги. Квантитативные синтаксемы способны наращивать свою левую границу за счет а) предлога, б) градуатора, в) аппроксиматора, г) показателя неопределенности, д) модализатора, е) проксиматора. Одни из них могут выполнять две и более функций одновременно – предлога, аппроксиматора, компаратора и градуатора (*более*), другие – находиться в отношениях дополнительной дистрибуции: аппроксиматор и проксиматор (*более* и *ровно*), показатель неопределенности и проксиматор (*где-то* и *ровно*). Большинство из них входит в состав форманта предложно-квантитативной синтаксемы, другие тяготеют к ее номинативному компоненту, что влияет на конфигурацию ее внутренних границ.

Далее рассмотрим возможности движения строевых элементов внутри предложно-квантитативной синтаксемы.

(18) *Сейчас центр работает* ***с более чем 80 субъектами РФ*** (Известия, 26.03.14).

(19) *Международный аэропорт «Кольцово» сотрудничает* ***более чем с 50 российскими и зарубежными компаниями*** (РИА Новости, 24.04.14).

Примеры (18), (19) широко используются в коммуникации: в газетном корпусе НКРЯ вариант (18) имеет 260 документов, 261 вхождение, в

[1] КП – Комсомольская правда.

основном – 89 документов, 90 вхождений; вариант (19) в газетном корпусе – 115 документов, 117 вхождений, в основном – 53 документа, 57 вхождений.

Очевидно, что оба варианта конкурентноспособны, однако употребительнее те высказывания (18), в которых предлог *с* находится в начальной позиции синтаксемы, а его управляющая сила поддержана соагенсной или релянтной актантной ролью самой синтаксемы и лексическим значением управляющего глагола с акциональной или реляционной семантикой. При этом валентность глагола, ориентированная на позицию соагенса / релянта, настолько сильна, что позволяет предлогу дистантную позицию по отношению к глаголу, но контактную с квантитативом (19). Думается, эта позиция не случайна: передав управление глаголу, предлог в этой позиции поддерживает неактуализованность формы числительного (см. наши рассуждения в начале статьи). Именно эта позиция предлога – тревожный сигнал, предупреждающий о возможной ошибке в использовании флексии числительного, особенно в озвучивании цифрового написания.

Несколько иначе обстоит дело с введением в синтаксему предлога *в*.

(20) *Фонд входит в созданную Соросом сеть фондов, которая состоит из национальных и региональных фондов* ***в более чем 30 странах мира*** (РИА новости, 16.06.14).

(21) *Надземное метро используется* ***более чем в 160 городах*** *мира* (Инт.).

(22) *Говорят, сейчас боржоми поставляется* ***в более чем 40 стран*** *мира* (КП, 12.08.13).

(23) *В этом году в проекте примут участие более 30 тыс. человек* ***в более чем двухстах городах*** (Известия, 28.05.14).

(24) *АСВ оценило дыру в балансе кредитной организации* ***в более чем 4 млрд руб***. (РБК Дейли, 18.02.14).

(25) *Уровень знаний школьников падает, а затраты на проведение единого государственного экзамена выросли* ***более чем в два раза*** (Известия, 02.07.14).

При введении в синтаксему предлога *в* количественное соотношение вариантов (20) и (21) следующее: первый в газетном корпусе НКРЯ представлен 562 документами, 567 вхождениями, в основном – соответственно 94/98. Вариант (21) получил соотношение 3973 документа, 4204 вхождения в газетном корпусе и соответственно 1033 / 1226 в основном.

Как видим, в обеих парах высказываний с первичными предлогами *с* и *в* в синтаксемах получены разные предпочтения. В высказываниях с предлогом *в*, который в отличие от *с* управляет двумя падежами (вин. и предл.), актантные позиции синтаксемоформ с этим предлогом в началь-

ной позиции синтаксемы в основном представляют квантитативный директив-финиш (22), квантитативный локатив (20, 23) или квантитатив исчисления (24). Соотношение синтаксемоформ в вин. и предл. падежах в 10 высказываниях на одной странице НКРЯ примерно равно.

Вариант (21, 25) с контактной позицией предлога *в* с квантитативом, как видно из приведенных выше цифр, более продуктивен, причем число вхождений свидетельствует о его высокой частотности в пределах одного документа. Связано это с широким употреблением конструкций с отношением ‘во сколько раз А > Б или А < Б’, которые превалируют в высказываниях этого варианта. Соотношение в НКРЯ таких конструкций по сравнению с рассмотренными в (20, 22, 23, 24) составляет примерно 7:3 на одной странице. Таким образом, конструкция *более чем во столько-то раз* приняла уже вид устойчивого сочетания.

Аналогичное явление представляют высказывания с конструкциями, выражающими отношение ‘более чем на столько-то единиц’. Заметим попутно, что понимание отношения «больше *на*» и отношения «больше *в*» закладывается в учебную программу еще для младших школьников как базовое в математике. В современной коммуникации роль показателей количественных данных неизмеримо возросла по сравнению с прошлыми столетиями, если даже не десятилетиями, когда количественная информация не только сообщается, но и интерпретируется в СМИ.

Сравним употребительность высказываний с предлогом *на* в начальной и интерпозиции квантитативной синтаксемы по данным НКРЯ.

(26) *Концертный зал, рассчитанный* ***на более чем 600 мест****, был полон* (РИА Новости, 20.04.14).

(27) *Хостел рассчитан* ***более чем на 300 мест*** (Известия, 07.07.14).

С высказываниями типа (26) в основном корпусе НКРЯ обнаружено 78 документов, 78 вхождений, в газетном – соответственно 246 / 249, в то время как высказываний типа (27) в основном корпусе найдено 1146 документов, 1420 вхождений, а в газетном – соответственно 4936 / 5330. Как видим, высказывания с контактной позицией предлога *на* с номинативным компонентом (нумеративом) синтаксемы (28, 29) превалируют. В газетном корпусе большинство (соотношение 7:3 на страницу из 10 высказываний) высказываний этого типа по содержанию передают отношение «на», т. е. значение ‘на сколько единиц исчисления объект А > Б или А < Б’, причем заметно тяготение к выражению количества в процентах (28), нежели в единицах исчисления – рублях, тоннах и т. п. (29).

(28) *В понедельник индекс ММВБ упал* ***более чем на 10%****, а во вторник вырос на 5%* (РБК Дейли,11.03.14).

(29) *К 2020 году планируется увеличить число студентов-бюджетников* ***более чем на треть*** (Известия, 03.03.14).

Таким образом, внутренние границы предложно-квантитативных синтаксем подвижны в разной степени, и выявление закономерностей в их движении возможно, но для этого требуется перебрать все имеющиеся в речевой практике компоновки элементов в структуре предложно-квантитативных синтаксем, а таких компоновок множество, и они усложняются. Например, усложнение может происходить за счет совмещения в одном высказывании и отношения «в», и отношения «на» (30).

(30) *Чтобы построить литографический процесс* ***на более чем в 10 раз меньшей длине*** *волны, требуется пересмотреть всю технологию* (Вестник РАН, 2006).

Думается, что исследование квантитативов потребует обратить внимание не только на собственно языковые явления, но и на функционирование их в речи. Поскольку количественные показатели чаще всего встречаются в газетных, официально-деловых и научных текстах, то специфика каждого из текстов требует и определенной структуры квантитативных синтаксем. В языке средств массовой коммуникации, например, такие конструкции часто сопровождаются синонимичными средствами выражения тех же количественных данных – в целях большей ясности, конкретики, сравнения, воздействия, как в (31, 32).

(31) *Конюхов сумел превзойти этот результат* ***более чем на 100 дней****, пройдя через Тихий океан* ***за 159 дней, 16 часов и 58 минут*** (КП,17.06.14).

(32) *Выручка возрастет* ***более чем на 15%*** *–* ***до 5,5 трлн рублей*** (Известия, 27.06.14).

Некоторые квантитативные синтаксемы с предлогом *на* имеют ярко выраженные актантные позиции субстантива в высказывании, затрудняющие (33–36) или запрещающие (37) менять позицию предлога *на*.

(33) ***На более чем тысяче экземплярах*** *есть его пометки* (М. Захарчик. 22 января исполняется 85 лет со дня рождения писателя Петра Проскурина // КП, 21.01.13).

(34) *Мне стало казаться, что я приношу какую-то пользу. Свидетельство этому – 120 изданий* ***на более чем 30 языках мира*** (В. Некрасов).

(35) *Сейчас пшеница, гречиха, подсолнечник, горох, лен, – все это располагается* ***на более чем 2000 га земли*** (КП, 28.07.10).

(36) *Установление стартовых цен* ***на более чем 90% проведенных торгах*** *осуществляли аукционные комиссии* (Лесное хозяйство, 17.08.04).

(37) *Изначально МПС настаивало* ***на более чем 14-процентном повышении*** *цен* (Новая газета, 15.09.03).

Мы рассмотрели примеры только с тремя первичными предлогами – *с*, *в*, *на*, и только с одним предлогом-градуатором *более.* Если же в подобные высказывания вводить двухчастные предлоги типа *от… до*, вторичные предлоги типа *в течение* или предлоги, образованные на базе параметрических существительных, то увидим, что расширение границы квантитативных синтаксем может подвинуться влево еще на несколько слов, которые в той или иной мере будут менять соотношение грамматического и номинативного в синтаксеме.

Рассмотрим теперь, каким образом возможно расширение квантитативных синтаксем вправо. Казалось бы, в них закреплен жесткий порядок слов – «нумератив + субстантив», т. е. синтаксема заканчивается субстантивом, причем субстантив, напомним, является, с одной стороны, номинативным компонентом квантитативной синтаксемы, но его флексия является ее субформантом, а если та управляется предлогом, то входит и в формант предложно-квантитативной синтаксемы.

Однако нередко порядок следования компонентов квантитативной синтаксемы не только нарушается, но и сдвигается ее правая граница.

(38) *На полке* ***книг десять.***

(39) *На полке* ***книг с десять***.

(40) *Много не соберем, но* ***с тысячу человек*** *точно* (КП, 02.0712).

В примере (38) изменение порядка слов обусловило аппроксимацию количества. То же значение возникает и в примере (39) в связи с введением предлога *с.* Если в номинативном компоненте квантитативной синтаксемы ничего вроде бы не изменилось, то в ее форманте изменения существенные: синтаксема стала предложно-квантитативной, а вместо субформанта «*-0 + -0*» образовался формант «*-0 + с + -0*». Значит, добавился и некий квант смысла, ибо выразительные резервы языка кроются не в дублировании средств, а в их вариативности.

Интроспективно можем предположить, что предлог *с* привносит в синтаксему следующий смысл: говорящий мысленно «примеряет», сравнивает наличествующие книги с количеством 10, в то время как в конструкции *книг десять* таковой примерки, сравнивания нет, говорящий просто навскидку называет приблизительное число. Таким образом, предлог *с* привносит в синтаксему квант значения сравнения, что особенно заметно в (40), когда уже произведен примерный подсчет. Приведем полностью текст, в котором употреблено высказывание: *Я всем скажу: объявите общий сбор, поднимите записные книжки, базы, обзванивайте всех.* ***Много*** *не соберем.* ***Но с тысячу человек точно***. ***Уже собирали***. *Много лет назад. И* ***это мы сделали*** *в течение двух дней* (С. Чирков, Д. Свечков. В «Город без наркотиков» зашел СОБР // КП, 02.0712).

Дальнейшее расширение синтаксемы вправо видим в (41). Сочетание *и более* расширяет номинативный компонент синтаксемы, где *и* равно по

значению математическому действию «плюс», а функции *более* были проанализированы выше. Остается вопрос: содержит ли здесь *более* функцию предлога? Ведь субстантива при нем нет. Думается, что эта функция у него осталась как потенциальная, ибо позиция субстантива после *более* имеется, просто он в силу частотности случаев по закону экономии речевых усилий употребления элиминируется. Но его легко восстановить: *размер платы до 1 тыс. рублей и даже более тысячи*. Частотность элиминации субстантива вызвана в первую очередь вниманием говорящего к количеству, а не к считаемым предметам.

(41) *Размер платы за доступ в дом может составлять ежемесячно* ***до 1 тыс. и более рублей*** (Известия, 13.05.14).

Пример (42) показывает усложнение предложно-квантитативной синтаксемы еще одной добавочной квантитативной синтаксемой *в месяц* (число 1 в ней за ненадобностью элиминировано). Значение этой добавки ориентировано только на номинативный компонент основной синтаксемы, вся она – элемент номинативного компонента основной синтаксемы, в ее формант не входит даже предлог *в*, просто говорящему и реципиенту важно, из какого расчета названо количество в основной синтаксеме. Подобные уточнения номинативного компонента основной синтаксемы выходят не только за пределы синтаксемы, как *ежемесячно* в (41), но и даже за пределы высказывания, как в (43), когда в номинативный компонент втянута предложно-падежная синтаксема *включая РФ*.

(42) *Сейчас, чтобы оплатить детский сад, в некоторых регионах родителям приходится выкладывать* ***до 14 тыс. рублей и более в месяц*** (КП, 24.06.14).

(43) ***Международная лотерея проводится на территории двух и более государств, включая РФ*** (Известия, 01.07.14).

Усложнение институциональных и экономических отношений в современном обществе, развитие научной картины мира, дифференциация наук, технологические инновации привели и к развитию средств вербализации количественных показателей. Наблюдается континуумность вербального потока, взаимопроницаемость и усложнение или, наоборот, редукция языковых единиц, примером чему могут служить высказывания (44–49).

(44) *Россия с ноября ограничит экспорт зерна и введет пошлину* ***30 процентов от стоимости контракта*** (Труд-7, 25.09.07).

(45) *В Москве предлагается аренда торгового места на сельскохозяйственном рынке* ***стоимостью 2 тысячи долларов в год и даже более.***

(46) *Участки для многодетных москвичей могли бы разместиться* ***только на 15% территории*** *«новой Москвы», что составляет* ***около 22 тыс. га*** (Известия, 07.03.14).

(47) *Участки для многодетных москвичей могли бы разместиться* ***только на 15% территории*** *«новой Москвы», равной* ***около 22 тыс. га.***

(48) *Участки для многодетных москвичей могли бы разместиться* ***только на 15% территории*** *«новой Москвы», или* ***около 22 тыс. га.***

(49) *Участки для многодетных москвичей могли бы разместиться* ***только на 15% (около 22 тыс. га) территории*** *«новой Москвы».*

В свете сказанного перспективным видится, во-первых, исчисление всей параметрической лексики, способной образовать предложное сочетание с квантитативом (даже если это будет только одна синтаксемоформа). Такая инвентаризация предложных сочетаний с квантитативами помогла бы выявить степень системности и вариативности предложных сочетаний, установить разрешения и запреты в их деривации, стилистические предпочтения, тенденции развития, межъязыковые сходства и различия. Во-вторых, необходимо установление всех строевых единиц, втянутых в предложное сочетание, выявление их доли и роли в форманте и номинативном компоненте каждого предложного сочетания. Наконец, важен и нормативный аспект – установление факторов, влияющих на формирование падежных парадигм самих числительных в предложно-квантитативных синтаксемах.

Таким образом, инициированный профессором М.В. Всеволодовой проект по изучению славянского предлога в широком понимании его как морфосинтаксической категории, с привлечением более объемного языкового материала, вплоть до его периферийных средств, отражающих объективное состояние языка в его реальном употреблении, выступает прямой параллелью к теории, связанной с именем Ч. Филлмора, – теории, ориентированной на Грамматику конструкций, активно развиваемой в современном лингвистическом сообществе. Основная идея грамматики конструкций – принятие того, что конструкция из нескольких языковых единиц (не фразеологизм) может быть цельным языковым знаком, что «объяснение одного класса свойств, т. е. ограничений одного уровня, невозможно без обращения к другим уровням» [Рахилина 2010: 21] – находит свое отражение как во всей концепции предлога, так и в программе исследования квантитативов, предложенной М.В. Всеволодовой.

Литература / References

1. *Всеволодова М.В.* Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика, синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010, № 4. С. 3–26.
2. *Всеволодова М.В.* Категория количественности в славянских языках: числительные и квантитативы // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013., №. С. 17–62.
3. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М.: УРСС, 2017.

4. *Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2014.
5. *Гращенков П.В.* Родительный падеж при русских числительных: типологическое решение одной “сугубо внутренней проблемы” // Вопросы языкознания. 2002, № 3. С. 74–119.
6. *Канюшкевіч М.* Прыназоўнікавыя спалучэнні як фармант сінтаксем з квантытатывам у сучаснай беларускай мове // Мовний простір грамматики: актуальні студії: Донецьк: ДонНУ, 2014. С. 58–65.
7. *Канюшкевіч М.І.* Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 ч. Ч. 1: Дыяпазон А–Л. Гродна: ГрДУ, 2008. 492 с.; Ч. 2 : Дыяпазон М–П. Гродна: ГрДУ, 2010. – 619 с.; Ч. 3: Дыяпазон Р–Я. Гродна: ГрДУ, 2010
8. *Плешкова Л.* Предлоги с количественным значением в русском и белорусском языках // Лінгвістичні студії. Вип. 16. Донецьк: ДонНУ, 2008. С. 83–93.
9. *Рахилина Е.В.* Лингвистика конструкций. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010.
10. *Сентябова А.* Предложно-падежные синтаксемы с нумеративно-именным лексическим компонентом в русском и белорусском языках: сходства и различия // Лінгвістичні студії. Віп. 15. Донецьк: ДонНУ, 2007. С. 191–195.
11. Словарь русского языка. В 4 т. М.: Русский язык, 1981.
12. *Судзуки Р.* Русские атрибутивные конструкции со значением «параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (в зеркале японского языка): Дис. … канд. филол. наук. М., 2008.

DOI 10.29003/M146.LMC2018-60/131-139

О СИНТАКСЕМАХ В ПРИКАЗНОМ ЯЗЫКЕ XVII В.

Т.В. Кортава

ABOUT SYNTAXEMES IN THE CHANCELLERY
LANGUAGE OF THE XVII CENTURY

T.V. Kortava

ABSTRACT:
The article is devoted to the history of prepositional case system in the Russian language. Using the 17th century chancellery language which became the core of the new Russian literary standard, the author confirms M.V. Vsevolodova's idea of relativity meaning realization within a syntaxeme. The example of polyfunctional preposition «*отъ*» shows that its specific meanings could not be formed in conjunction with nouns alone but required a more substantial syntax support.

Keywords: chancellery language; prepositions; multifunction; relativity; syntaxeme

АННОТАЦИЯ
Статья посвящена истории предложно-падежной системы русского языка. На материале приказного языка XVII в., который послужил ядром нового русского литературного стандарта, автор подтверждает идею М.В. Всеволодовой о реализации значения релятивности в пределах синтаксемы. На примере полифункционального предлога «*отъ*» показано, что его конкретные значения не могли формироваться только в сочетаниях с существительными, но требовали более существенной синтаксической поддержки.

Ключевые слова: приказный язык; предлоги; многофункциональность; релятивность; синтаксема

Приказный язык занимает особое место в формировании нового русского литературного языка: вместе с гибридным церковнославянским он участвовал в формировании нейтрального ядра нового литературного стандарта. Восходя к языку устного обычного права, поначалу функционально и тематически ограниченный, в XVII в. он обнаружил тенденцию к расширению сферы своего применения. Наряду с административными и юридическими текстами появились оригинальные литературные произведения на приказном языке, переводы, сложилась «приказная школа стихотворства» [Панченко 1973].

Приказный язык − важный источник для исследования этапов становления нового русского литературного языка [Ремнёва 2003]. Это особый тип письменного языка, представленный в текстах публично-правового

и частно-правового характера [Кортава 1998]. К последним примыкает частная переписка, для XVI−XVII вв. явление довольно редкое по причине низкого уровня грамотности населения. В небольшом объеме частной переписки внимание историков русского языка давно привлекают «богохульные свитки» раскольников. В.В. Виноградов отмечал, что в раскольничьей среде культивировались и «охранялись» стили старомосковского книжно-славянского языка в сочетании со стилями разговорно-бытового языка [Виноградов 1938: 34–35].

В отличие от церковнославянского языка, приказному языку специально не обучались. Профессиональное мастерство составителей текстов передавалось, подобно семейному ремеслу, − «от отца к сыну». К началу XVII в., в период становления норм приказного языка, тексты публично-правовой сферы демонстрируют широкое жанровое разнообразие. Грамоты, тетради, связки, свертки, розни, столбцы, достигавшие иногда ста метров в длину, были стихийно регламентированы и писались по устоявшимся на практике формулярам.

Для историков языка особый интерес представляет обратная сторона этих текстов, предназначавшаяся «для рукоприкладств» челобитчиков, «послухов» и «видоков» (свидетелей). Там же ставились «пометы» (резолюции). Иногда в «чёрные списки» текстов «старый подьячий» добавлял собственные вставки. По этим крупицам можно восстановить некоторые черты живого разговорного языка того времени.

Но гораздо больший интерес для исторической русистики представляют материалы судебно-следственных дел: «сказки» (записи допросов), сыскные, пыточные, расспросные речи, особенно подробно зафиксированные в «делах о непригожих речах» на царя и членов его семьи. Вместе с частной перепиской они представляют ценность не только для историков языка, но и для преподавателей русского языка как иностранного, так как наблюдения за отдельными этапами формирования грамматической системы русского языка помогают объяснить трудности, которые появляются у иностранных учащихся.

Одна из наиболее проблемных зон для иностранцев связана с употреблением русских предлогов в словосочетаниях и предложениях.

В лингвистической литературе деление предлогов на унаследованные из общеславянского фонда непроизводные, или первообразные, состав которых оставался неизменным на протяжении истории русского языка, и производные, возникшие впоследствии на основе других частей речи, порождает непрекращающиеся дискуссии по основному вопросу теории предлога − о соотношении лексического и грамматического значений. Не утихают споры исследователей о наличии − отсутствии лексического значения у непроизводных предлогов. Как правило, в качестве аргументационной базы выступает материал современного русского языка, где

производных предлогов гораздо больше, чем непроизводных. Ученые убедительно доказывают, что и некоторые производные предлоги могут утратить лексическое значение производящего слова, став «десемантизированными», в отличие от других, «семантически весомых» [Виноградов 1947: 677].

Предлоги участвуют в формировании двусторонней синтаксической связи − с существительным и глаголом. Непроизводные предлоги в русском языке сохраняют поливалентность, а их категориальное значение − релятивность − проявляется в разных синтаксических позициях. Почти все непроизводные предлоги раньше использовались в роли приставок. И.И. Мещанинов считал предлог «агглютинативным префиксом косвенного объекта» [Мещанинов 1945: 296], и развитие предложно-падежной системы рассматривал как движение языка от флективности к агглютинативности.

Термин «предлог» (от лат. *predlogus* − «перед словом») принадлежит к числу ориентирующих и обозначает местоположение служебного слова по отношению к главному. Но это верно лишь применительно к синхронному срезу.

В истории языка известно и постпозитивное употребление предлога, часто вступающее в конкуренцию с препозицией: «Ты *чего для* поял стрелецкую жену?» [Переп. 1: 104], «И как *грехъ ради* наших поступил Бог на престол патриаршеский наскочити Никону» [Пуст. пр.: 174], «Ну прости же и ты меня, и молися *Бога для* о мне» [Пуст. пр.: 148], «А князя Володимера на царство *чего для* естя хотели посадити?» [Переп. 1: 104].

Вариативное употребление предлогов отметил в «Российской грамматике» М.В. Ломоносов: «предлог *ради* напереди и позади имени полагается; и ту же силу в обоих местах имеет» [Ломоносов 1755: 11]. И в современном русском языке постпозиция присутствует: *Бога ради / ради Бога*, «Изводишь / единого *слова ради* / тысячи тонн словесной руды» (В.В. Маяковский); *вопреки ожиданиям* / *рассудку вопреки; наперекор судьбе* / *судьбе наперекор; навстречу тебе / заре навстречу.*

Общеизвестно, что предложно-падежная система русского языка формировалась постепенно, и по сей день она продолжает свое развитие. Исследователи убеждены, что, поскольку в отношениях с окружающим миром для человека главной была ориентация в пространстве, вначале появились предлоги, с помощью которых обозначалось положение субъекта и объекта в локуме, а временные предлоги произошли позднее от пространственных [Якубинский 1953: 255]. Показательно, что немногочисленные для приказного языка XVII века производные предлоги *межу, промежь*, *чрез (через), вмѣсто, прѣдъ, середи* имеют пространственное значение.

В способах восприятия категории пространства у разных народов наблюдаются существенные отличия, обусловленные не только лингвистическими особенностями, но и экстралингвистическими, среди которых большую роль играет географический детерминизм. Иногда ландшафт местности задает более широкую зону выражения значения сопространственности / несопространственности. Локализация предмета внутри, на поверхности, напротив, рядом, далеко универсальна для всех языков. Между тем есть очевидные особенности в выражении пространственных отношений динамического характера (например, найти аналоги предлогов *из-под, из-за* в других языках нелегко). В некоторых языках (например, в фарси) пространственные отношения, выражающиеся с помощью предлога, поддерживаются еще и изафетной частицей.

История предложно-падежной системы русского языка связана с развитием способов уточнения положения предметов и субъектов, с появлением однозначных указателей, в роли которых выступают предлоги, производные от других частей речи (среди них древнейшие − наречные) и даже составные формы с редуплицированной семантикой: *вплоть до, следом за, навстречу к, вдоль по, из за, по за*, *по над.*

Приказный язык XVII в. отражает определенный этап в становлении современной предложно-падежной системы. В нем почти отсутствуют производные предлоги, зато отчетливо проявляется функциональная амбивалентность непроизводных. Предлоги выполняют морфологическую функцию, выражая вместе с существительным определенные падежные значения, и синтаксическую функцию, обеспечивая связи предложно-падежной формы с другими словами в словосочетании и предложении.

Наблюдения за употреблением первообразных предлогов в приказном языке позволяют предположить, что значения, в выражении которых они принимают участие вместе с существительными, местоимениями, числительными, формируются в пределах не только словосочетаний, но и предложений.

М.В. Всеволодова в работах по функционально-коммуникативному синтаксису наглядно доказала, что предложно-падежная конструкция не существует отдельно от синтаксического целого [Всеволодова 2000]. Возможно, на уровне синхронного среза с его разветвленной системой конкретных значений производных предлогов и четкой ориентацией непроизводных это не так очевидно. Но если оглянуться назад и посмотреть на более ранние этапы истории предлогов, идеи М.В. Всеволодовой становятся неопровержимыми.

Для понимания логики формирования синтаксической системы русского языка чрезвычайно продуктивной является идея М.В. Всеволодовой о предлоге как составной части формы слова и ее трактовка понятия синтаксемы как совокупности семантико-синтаксического потенциала

формы слова, которая реализуется в синтаксической парадигме [Всеволодова 2000: 155]. Понятие синтаксемы, введенное в лингвистику А.М. Мухиным, затем развито Г.А. Золотовой, в интерпретации М.В. Всеволодовой имеет существенные отличия. Классификация синтаксем, предложенная М.В. Всеволодовой, проливает свет на закономерности формирования предложно-падежной системы современного русского языка [Всеволодова 2000: 159−160].

В лингвистической литературе давно определены направления развития предложно-падежной системы, которые лежат на поверхности: постепенная замена беспредложных конструкций предложными, свидетельствующая об элементах аналитизма; освобождение первообразных предлогов от многофункциональности; развитие системы производных предлогов как реакция на необходимость появления более точных средств выражения значения релятивности [Виноградов 1947: 147, Черкасова 1967: 252]. Но понять глубинный смысл этих изменений можно только с опорой на понятие синтаксемы, в пределах которой формируется и репрезентируется значение релятивности: свободное, обусловленное или связанное − по аналогии с современным русским языком [Всеволодова 2000: 160−163].

Примеры из текстов, написанных на приказном языке, свидетельствуют о начале проявления основных тенденций в развитии предложно-падежной системы. Например, отмечается конкуренция предлогов *къ*, *у* и беспредложного употребления: *молить −/у, писать −/к, отвещать −/к, отписать −/к, прислать −/к, отлучить(ся) −/отъ, беречь(ся) −/отъ.*

Можно найти примеры беспредложного употребления, на месте которого в современном русском языке присутствуют предложные конструкции: «*говорить слезами*» [Переп. 2: 38], «*попекися* ты *душами* сирыми» [Там же: 40], «а во двор овчий не *дверию входятъ,* но *дирою влазят*» [Хр.: 131], «он не *умолчал ему*» [РИБ: 903].

Отмечаются случаи утраты современным русским языком предложного употребления: «*учити на добро*» [Переп. 2: 27], «*ведра де с три* выпили» [Рум.: 228], «не *отъ чего* будетъ *познать*» [Переп. 2: 29].

Фиксируются случаи замены прежних предлогов на другие в современном русском языке: «и почати бити челомъ, чтобъ къ Москвѣ *отпустити для* головной *болѣзни*» [Рум.: 228], «*плакать на томъ*» [Переп. 2: 31], «А донеле дух в теле нашем пребывает не престанем... меча вострова *на вас просити*» [ТОДРЛ: 324], «*прости въ томъ*» [Рум.: 211], «похваляемъ за твою *работу къ намъ*» [Рум.: 228], «и очи *мутны* стали *съ кричанія*» [Рум.: 166], «ныне священники не искусны, *ходят на кабак* напиваются» [Рум.: 239], «на что она *над крестьяны играетъ*?» [РИБ: 858].

Можно заметить и конкуренцию предлогов в одних и тех же синтаксемах: «бутте вы *до Гавриловны ласковы*» [Переп. 2: 32], «бутте вы *к Ывановнѣ ласковы*» [Там же: 24].

Современные лингвисты отмечают расширение сферы функционирования предлога *«о»* и увеличение количества речевых ошибок, типа *предполагать о том, что*; *убеждать о том, что; знать о том, что* – и даже в шутку просят «ввести административную ответственность за несанкционированное использование этого предлога» [ЭР: Северская 2008]. Писатель В. Аксенов в одном из интервью сравнил предлог *«о»* с колесом неисправного автомобиля, который создает аварийную ситуацию в грамматике современного русского языка [ЭР: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/...].

Однако следует заметить, что в XVII в. этот предлог употреблялся с бóльшим количеством глаголов мысли и речи, чем в современном русском языке. По наблюдениям З.Д. Поповой, в эту группу входили глаголы: *благодарить, хвалити(ся), поучати, указати, роптати, советовати* [Попова 1969: 175]. Расширение сферы функционирования современного предлога «*о*» можно рассматривать как воспоминание о некогда существовавшем более широком функциональном поле – не только субъектно-объектном, но и временном: «и *ворожила* де та баба *о сыне*» [Нов.: 26], «*о святой неделе* онъ коренья никакого не затыкивалъ» [Нов.: 102−103], «Чугурина расспросить подлинно, *о которую пору* и какими обычаями и какою порчею жены ихъ испорчены» [Нов.: 13].

Отдельных размышлений заслуживает самый употребительный в приказном языке XVII века и частной переписке того времени полифункциональный предлог *«отъ»*. Традиционная классификация его значений: действующего лица, источника действия, орудия, средства, цели − отражает его поливалентность, но не дает ответа на вопрос: почему именно этот предлог обнаруживает такую высокую активность?

Интересно отметить, что в исследуемых текстах, наряду с предлогом *«отъ»* для существительных мужского рода именительного – винительного падежей широко используются постпозитивные указательные частицы со значением определенности *«отъ»*, *«атъ», «етъ»*: «Материнъ больше у нея умъ-отъ» [РИБ: 849]; «выдавлю я из вас сокъ-отъ» [Зеньковский 1995: 367]; «Простой человек Яким-ат» [Там же: 365]. Для существительных женского рода используются частицы *«та»*, *«ту»*, для существительных множественного числа – *«те»,* для прилагательных – *«той», «тому», «тѣхъ»*. Постпозитивная частица *«от»* сохраняется в некоторых современных северновеликорусских говорах: «Нашел ножик − от я ведь» [Орлов, Кудряшова 1998: 111].

В исследуемом материале предлог *«отъ»* участвует в формировании синтаксем с широким семантическим потенциалом, включающим выражение разных отношений.

Наиболее частотно значение источника действия, исходившего непосредственно от агенса – активного субъекта: «почто и сами они, божии угодники, *охулены и презрены и уничтожены отъ никониан»* [Хр.: 107]; «какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и тебѣ бъ ходить къ сестрамъ и *спрашивать отъ меня* о здоровии» [Собр.:18]; «И далъ бы къ тебѣ *везти отъ своея царскія силы* острый мечь и неунятую свою саблю...» [Поп.: 449]; «И за то ей Феньке *отъ княжны* Катерина *было наказание*» [Нов.: 67]; «И учения святого *от уст* его *слышати* сподоби мя» [Пуст.пр: 188−189]; «Он Гришка *умирает отъ порчи* снохи своей, Лукиной жены, *отъ Фетиньицы»* [Нов.: 2], или результата его активности: «*Отъ мученья* и *отъ бою* его мужня *жить* какъ впреть не вѣдает» [Барс.:181]; причинные: «*И отъ пухоты разсѣдалась* на ногахъ моихъ кожа» [РИБ: 726]; «И *отъ* той сухотный *болѣзни* они *померли*» [Нов.: 99].

Отмечаются и временные значения: «Понеже азъ граматики и философии *от юности* моея *не учился*» [Пуст. пр: 189]; «...и ты бы невѣрный *отъ* того *дни* свое невѣрное державство *отставилъ*» [Поп.: 449]; и пространственные: «И *потекоша отъ очей* моихъ слезы на землю» [Пуст. пр: 177]; «*И отъ сердца* моего *отиде* тоска» [Пуст. пр.: 152]; «*разлучены отъ* живой *матери»* [Переп. 2: 27], «Какъ де Федька *пріехалъ* съ невестою *отъ* венчанія» [Нов.: 60].

Однако вдумчивое прочтение этих примеров оставляет впечатление целого комплекса смыслов или некоторой синкретичности выражаемых значений. Иногда трудно провести грань между агентивным и причинным значением. Наиболее очевидна разница между пространственным и временным. Можно предположить, что поливалентность этого предлога объясняется тем, что доминирующим его значением является значение отстраненности от субъекта, формирующего картину мира или воспринимающего ее как данность.

Нам представляется, что на фоне синкретичности комплекса смыслов, в формировании которых участвуют предлоги, идеи М.В. Всеволодовой о синтаксической парадигме слова получают новое наглядное подтверждение [Всеволодова 2000: 155−157].

Но если применительно к современному русскому языку синтаксическая парадигма слова может быть четко формализована, то для начального периода формирования русского литературного языка синтаксическая парадигма оказывается латентной, скрытой. Ее декодирование часто требует не словосочетания, а целого предложения.

Возможно, та генеалогия происхождения предлога, которую ранее определили историки языка: пространственные → временные → все другие, в действительности имеет не последовательное, а ядерное развитие. Из единого семантического комплекса, по мере развития грамматической системы языка, семантики глаголов движения, дифференциации способов глагольного действия и значения глагольных приставок шло постепенное развитие системы предлогов как формантов – конкретизаторов различных смыслов в пределах синтаксической конструкции.

Предлог *«отъ»* обнаруживает удивительную способность к неожиданному появлению, кажущемуся реинкарнацией. Так, например, в современных рекламных текстах появляются такие шедевры, как *консультации от ведущих специалистов*, *гастрономические сюрпризы от нашего шеф-повара*. Можно согласиться с тем, что это калька с английского, но и услышать в этом отголосок прошлого, когда функциональное поле этого предлога было более обширным. Ведь языковое развитие не всегда прямолинейно и однозначно, а значение релятивности тесно связано со значением определенности, конкретности.

По мере появления производных предлогов и развития конкретных значений семантическое поле релятивной определенности у непроизводных предлогов постепенно сужается, оставляя возможность для замещения появляющихся в новой экстралингвистической среде семантических пустот.

Небольшой сюжет из истории приказного языка в фокусе идей функционально-коммуникативной грамматики М.В. Всеволодовой позволяет уточнить общие представления о формировании системы предлогов в русском литературном языке.

Литература / References

1. *Астафьева Н.И.* Предлоги в русском языке и особенности их употребления. Минск: Вышейшая школа, 1974.
2. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Гос. учеб.-педагог. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1947.
3. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XVIII вв. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1938.
4. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
5. *Кортава Т.В.* Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.
6. *Кортава Т.В.* Экспрессивные функции частиц в посланиях и челобитных протопопа Аввакума. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2003, № 6, С. 138−145.
7. *Ломоносов М.В.* Российская грамматика. М.: Императорская академия наук, 1755.
8. *Ломтев Т.П.* Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956.
9. *Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. М.: Изд-ва АН СССР, 1945.

10. *Орлов Л.М., Кудряшова Р.И.* Русская диалектология: современные процессы в говорах / Орлов Л.М., Кудряшова Р.И. Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 1998.
11. *Панченко А.М.* Русская стихотворная культура XVII в. Л.: Наука, 1973.
12. *Попова З.Д.* Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII в. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1969.
13. *Ремнёва М.Л.* Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М.: Изд-во Моск. ун-та,, 2003.
14. *Черкасова Е.Т.* Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967.
15. *Шмидт С.О., Князьков С.Е.* Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв. М.: МГИАИ, 1985.
16. *Якубинский Л.П.* История древнерусского языка. М.: Гос. учеб.-педагог. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1953.

Электронные ресурсы

17. Телеканал «Культура», программа «Апокриф», выпуск «Птица-тройка» от 06 ноября 2007 г. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20860/episode_id/155748/video_id/1551267. Дата последнего обращения: 11.12.2017.
18. *Северская О.И.* Немного о том, что... / ж. «Русский язык». − 2008. №14. URL: http://rus.1september.ru/view_article.php?ID=200801412. Дата последнего обращения: 11.12.2017.

Источники

Барс. – *Барсков Я.Л.* Памятники первыхъ лѣтъ русского старообрядчества. СПб, 1912.
Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: Духовные движения XVII века. М., 1995.
Кунг. – Кунгурские акты XVII в. СПб, 1888.
Мат. − Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н.И. Субботина. СПб, 1875 − 1881. Т. 1−6.
Нов. −*Новомбергскій Н.Я.* Колдовство в Московской Руси XVII вѣка. СПб, 1906.
Переп. 1. − Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М: «Наука», 1981.
Переп. 2. − Переписка кн. Е.П. Урусовой съ своими детьми // ж. «Старина и новизна». 1916, кн. 20, С. 15−48.
Поп. – *Попов А.* Подложныя грамоты. М., 1869.
Пуст. пр. − Пустозерская проза. М., 1989.
РИБ – Русская историческая библиотека. Т. XXXIX: Памятники истории старообрядчества XVII в. Книга первая. Выпуск I, Л., 1927.
Рум. −*Румянцева В.С.* Народные антицерковные движения в России в XVII в. М., 1986.
Собр. – Собраніе писемъ царя Алексея Михайловича. М., 1856.
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1983, т. 37. −С. 318−325.
Хр. – Христианство и церковь в России феодального периода. Новосибирск, 1989.

DOI 10.29003/M147.LMC2018-60/140-152

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО МАТЕРИАЛА В ПРОГРАММАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ-ФИЛОЛОГОВ

Л.В. Красильникова

PRESENTATION OF WORD-FORMATION MATERIALS IN THE RUSSIAN LANGUAGE PROGRAMS FOR PHILOLOGY STUDENTS

L.V. Krasilnikova

ABSTRACT:
The article studies the ways of presenting word-formation materials in various Russian language programs for foreign students of philology. Comparative analysis revealed conceptual changes in word-formation materials presentation. Comparison of Russian as a Foreign Language (undergraduate and graduate) programs developed by MSU leading experts over a period of several decades shows the increasing importance of word-formation in the teaching process: more topics are covered; the authors have turned to its systematic representation; word-formation model but not a word-formation affix is used as a basic word-formation unit. The article puts a pertinent question of the need to develop new type programs taking into account not only traditional but also functional, communicative and cognitive approaches to language with the view to linguodidactics.

Keywords: word-formation teaching materials; Russian as a Foreign Language (RFL) program; basic Russia word-formation training unit; the need for a new type programs

АННОТАЦИЯ
Данная статья содержит сравнительный анализ словообразовательного материала, представленного в учебных программах (с 1976 по 2013 г.) по практическому русскому языку для иностранных студентов и магистрантов-филологов. Сопоставление учебных программ разных лет показало возрастающее значение русского словообразования в процессе обучения русскому языку иностранных учащихся, авторы стали представлять его более широко и системно, перейдя от словообразовательного аффикса в качестве базовой единицы обучения русскому словообразованию к словообразовательной модели. Автор статьи ставит вопрос о целесообразности разработки нового типа учебных программ по курсу практического русского языка для инофонов, опирающихся не только на структурно-семантическое, но и на функционально-коммуникативное и когнитивное описание русского языка в лингводидактическом аспекте.

Ключевые слова: учебный словообразовательный материал; программа по русскому языку как иностранному; единица обучения русскому словообразованию; необходимость программ нового типа

Русское словообразование представлено в курсе обучения иностранных студентов, магистрантов и аспирантов, а также на практических занятиях со стажерами и учащимися включенного обучения разного уровня владения языком. Между тем изучение истории вопроса свидетельствует о том, что словообразовательный материал не всегда был систематически представлен в учебных программах по русскому языку для иностранных учащихся-филологов. В Программе «Русский язык для иностранцев, обучающихся в вузах СССР» [Программа 1976] словообразовательный материал включен лишь фрагментарно, что дало право авторам Программы-88 сделать вывод об отсутствии в ней словообразовательного аспекта [Программа 1988: 6].

Кроме того, имеющийся в Программе-76 словообразовательный материал вызывает ряд вопросов. Так, в ней указано, что в списке лингвистических и литературоведческих терминов существительные объединены на основе общего суффикса: «С суффиксом -*ни*(*е*): *дополнение*, *заимствование*, *местоимение*, *наклонение*, *окончание*, *обращение*, *определение*, *отношения* (*индикативные*), *отрицание*, *подчинение*, *предложение*, *примыкание*, *словообразование*, *словосочетание*, *согласование*, *сочетание*, *сочинение*, *сравнение*, *суждение*, *ударение*, *утверждение*, *управление*, *чередование*, *языкознание*;

с суффиксами -*ти*(*е*), -*и*(*е*): *деепричастие*, *междометие*, *наречие*, *причастие*;

с суффиксом -*к*(*а*): *приставка*, *связка*;

с суффиксом -*ств*(*о*): *обстоятельство*;

с суффиксом -*ость*: *модальность*, *многозначность*, *переходность*, *предикативность*;

с суффиксами -*а/ция* (-*я/ция*): *артикуляция*, *интонация*, *палатализация*, *редукция*, *транскрипция*, *трансформация*, *функция*;

с суффиксом -*ик*(*а*): *грамматика*, *графика*, *лексика*, *лингвистика*, *стилистика*, *фонетика*» [Программа 1976: 49];

«с суффиксом -*ик*(*а*): *лирика*, *критика*, *публицистика*;

с суффиксом -*изм*: *абстракционизм*, *идеализм*, *импрессионизм*, *индивидуализм*, *классицизм*, *модернизм*, *натурализм*, *реализм*, *романтизм*, *сентиментализм*, *символизм*, *формализм*» [Там же: 51].

Однако в этот список включены термины, для которых невозможно указать производящие слова, т. е. они являются непроизводными, хотя в определенной степени членимыми, и поэтому в них не может быть выделен суффикс: *деепричастие*, *междометие*, *наречие*, *причастие*; *обстоятельство*, *функция*, *графика*, *лексика*. Например, термин «причастие»

старославянского происхождения. В старославянский язык слово вошло как калька с латинского *participium* (буквальный перевод – «участвующий»). Значение термина связано с тем, что причастие по своим свойствам «причастно» как к свойствам глагола, так и прилагательного. Однако в современном русском языке трудно видеть живые словообразовательные связи между словами *причастный* и *причастно*.

В Программе-76 выделены также имена существительные со значением лица мужского или женского пола с суффиксами *-к*(*а*), *-иц*(*а*), *-тель-ниц*(*а*), *-их*(*а*), *-ик*, *-чик*, *-ак*, *-тель*, *-арь* [Там же: 51]. Однако в некоторых случаях без указания на словообразовательную модель невозможно даже определить, о каком значении суффикса идет речь. Например, суффикс *-к*(*а*) представлен в различных словообразовательных моделях, по которым образованы производные, например, *варка*, *морковка* или *монголка*.

Отметим в то же время и содержащееся в данной Программе полезное в функциональном аспекте замечание о том, «что многие существительные, образованные от глаголов, обозначающих чувство или отношение, требуют после себя объекта в дательном падеже с предлогом *к*: *ненавидеть врага – ненависть к врагу*; *уважать учителя – уважение к учителю*» [Там же: 87].

При описании функционально-стилевых разновидностей русского языка в Программе-76 отмечается специфическое использование словообразовательных моделей в русской разговорной речи (которая рассматривается как функциональный стиль, а не как разновидность литературного языка), обилие в ней уменьшительных (с ласкательным и уничижительным оттенком) и увеличительных суффиксов, а также активность суффикса *-к*(*а*) (*зачетка*, «*Литературка*», *публичка*) [Там же: 159]. По поводу научного стиля указывается своеобразие способов словообразования, однако, к сожалению, примеры не приводятся [Там же: 160].

Таким образом, словообразование в Программе-76 представлено отдельными замечаниями, разбросанными по разным ее частям. Основной единицей выступает словообразовательный аффикс, в то время как словообразовательную модель демонстрирует в ряде случаев лишь иллюстративный материал.

Следует отметить, что в Программе-88 сделан значительный шаг вперед в описании словообразовательного материала для иностранных учащихся-филологов. В ней формулируются цели работы по словообразованию в рамках практического курса русского языка на основном этапе обучения:

«1) значительное расширение лексического запаса на базе знакомства с разными словообразовательными типами и закономерностями русского словообразования;

2) развитие навыка языковой догадки о значении мотивированного слова по значениям составляющих его компонентов;

3) развитие языковой интуиции на основе семантического анализа мотивированных слов и составляющих его мотивирующих компонентов;

4) овладение выразительными средствами словообразования русского языка» [Программа 1988: 37].

При этом подчеркивается, что на основном этапе обучения предусматривается «овладение словообразовательными навыками на материале наиболее продуктивных словообразовательных типов», в частности синтаксическими дериватами с процессным значением на **-ние, -ение** (*образование*), **-ация** (*конкретизация*); со значением отвлеченного признака с суффиксами **-ость** (*мягкость*), **-ота** (*доброта*), **-ство** (*богатство*); со значением лица с суффиксами **-тель** (*строитель*), **-ик** (*химик*), **-ник** (*лесник*), **-чик** (*летчик*), **-щик** (*каменщик*), **-ок** (*стрелок*), **-ак/-як** (*моряк*), **-атор** (*агитатор*), **-анин/-янин** (*крестьянин*), **-ист** (*материалист*), **-ец** (*испанец*)*;* с нулевым суффиксом (*обменять – обмен*, *доплатить – доплата*, *связать – связь*, *кричать – крик*, *уговорить – уговор* и др.) [Там же].

На завершающем этапе обучения иностранных учащихся-филологов в соответствии с Программой происходит закрепление словообразовательных навыков, выработанных на основном этапе, и дальнейшее развитие механизма антиципации. Предусматривается знакомство с широким кругом словообразовательных аффиксов, прежде всего с аффиксами, присущими лексическим дериватам, а также с суффиксами, содержащими в своем значении эмоциональную оценку, т. е. с суффиксами субъективной оценки. Кроме того, ставится задача осмысления стилистических особенностей словообразовательных аффиксов [Там же: 38].

В то же время Программа-88 в части, посвященной русскому словообразованию, также имеет ряд недостатков. Отметим те из них, которые мы считает наиболее важными.

1. В Программе используются термины «словообразовательный тип» и «словообразовательная модель», однако основной представленной в описании единицей выступает суффикс, который демонстрируется в сочетании с окончанием (напр.: *-ение*, *-ота*). Такое представление суффикса отражает его тесную функциональную связь с системой флексий производного слова. В то же время с учетом адресата Программы (иностранные студенты-филологи, а также преподаватели РКИ) нам представляется более продуктивным фиксировать форму самого аффикса, например: *-ениј*(э).

2. Использование аффикса в качестве единицы описания словообразования оставляет неясным, имеются ли в виду только те модели, которые иллюстрируются примерами. Если приведено слово *каменщик*, значит ли

это, что речь идет только об отсубстантивных моделях? Нужно ли изучать модели отглагольных производных типа *регулировщик*?

3. Для основного этапа обучения предлагается освоение словообразовательных типов существительных со значением отвлеченного действия, отвлеченного признака, имен лиц преимущественно со значением субъекта профессиональной деятельности (типа *летчик*), последователя идейного направления (*материалист*), а также характеристики лица по гражданству, национальности (*испанец*). Действительно, дериваты с такими значениями отвечают коммуникативным потребностям иностранных учащихся-филологов. Однако совершенно очевидно, что, как минимум, необходимо отметить образования существительных со значением лица женского пола, существительных со стилистическим суффиксом *-к*(*а*) и некоторых других. Суффикс *-анин*/*-янин* иллюстрируется членимым, но непроизводным в современном русском языке словом *крестьянин*, хотя данный суффикс более активен в именах, обозначающих лиц по их национальности или гражданству (*египтянин*). Значит ли это, что модели производных слов со значением предмета не изучаются? Кроме того, не все перечисленные модели являются продуктивными (например, модель производного *моряк*).

Мутационные дериваты по сравнению с транспозиционными и модификационными производными отличаются большей семантической (когнитивной) сложностью, что проявляется в более разнообразных семантико-словообразовательных правилах порождения таких номинаций и в более широком круге семантико-синтаксических условий их функционирования.

Поэтому транспозиты и модификаты ближе по своей специфике к грамматике языка, в то время как мутационные производные прежде всего являются единицами словаря. В Программе 1988 даже содержится вывод о том, что производные слова с ярко выраженной фразеологичностью семантики должны изучаться на лексическом уровне: *белый – белок*, *косой – косынка*, *теплый – теплушка* и т. д. [Там же: 39].

С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти, поскольку производные слова отличаются от непроизводных наличием «внутренней формы» и особыми связями с другими словами. Следовательно, своеобразие их языковой природы должно найти отражение и на занятиях по русскому языку как иностранному. Кроме того, мутационные производные различаются по степени своей фразеологичности. Так, среди них обнаруживаются и дериваты с низкой степенью фразеологичности: *хлебница*, *писака*. Рекомендации давать стилистически маркированные и эмоционально окрашенные слова в виде списков (например, группа производных существительных, образованных от глаголов при помощи суффикса *-ак*(*а*) и имеющих общее значение манеры поведения: *гулять – гуляка*, *кривляться*

– *кривляка*, *ломаться – ломака*, *бояться – бояка*, *курить – куряка*, *зевать – зевака*) [Там же], не отменяют необходимость демонстрации деривационной модели, по которой они построены.

Основной функцией мутационных дериватов является собственно номинативная функция, поэтому в практике преподавания русского языка как иностранного необходимо учитывать, что «разнообразные и сложные отношения между производящим и производным отражают не только сложнейшие механизмы словопроизводства, но и взаимоотношения, которые существуют между реалиями действительности, и <…> вербальное мышление его носителей» [Плотникова 1988: 61].

Необходимо отметить, что в самом учебном комплексе для студентов филологического профиля [Учебник 1981; Учебник 1982; Учебник 1980а; Учебник 1980б] словообразовательный материал представлен более объемно, чем в Программе-88 [Программа 1988]. В учебниках И.П. Слесаревой и Н.А. Лобановой в качестве единицы обучения русскому словообразованию выступает словообразовательный тип.

Данный учебный комплекс с успехом использовался при обучении иностранных студентов-филологов в России и за рубежом. Однако прошло уже более трех десятилетий с появления первого издания указанного комплекса, и «сегодня возникла потребность в обновлении учебников. Эта потребность диктуется рядом факторов, к числу которых относятся: 1) изменение мотивации (иностранцы-филологи больше, чем раньше, заинтересованы в хорошем общем владении языком, т. к. далеко не все они планируют в будущем заниматься узкоспециальной – научной или педагогической – деятельностью), 2) изменение контингента учащихся (в настоящее время это преимущественно представители стран Юго-Восточной Азии, т. е. носители языков, типологически отличных от русского, что создает дополнительные трудности при его изучении), 3) необходимость создания новой текстотеки в связи с социально-политическими изменениями, произошедшими в России в 90-е гг. XX в., 4) необходимость иного отбора материала и распределения его по курсам в связи с переходом на двухступенчатую систему обучения и сокращением учебного курса (четыре года, а не пять, как это было раньше), 5) необходимость соотнесения этапов обучения с существующей системой сертификационных уровней владения русским языком, заложенной в Государственных образовательных стандартах. Все эти факторы послужили импульсом к созданию на кафедре русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова нового учебного комплекса для иностранных студентов-филологов» [Красильникова, Маркова 2010: 183]. В комплекте учебников «Университет: Ступень» уже опубликованы учебник русского языка для иностранных

студентов-филологов 1 года обучения «Ступень 1» [Университет. Ступень 1 2010] и «Ступень 3», переработанный учебник для иностранных студентов филологов третьего года обучения [Университет. Ступень 3 2011], который после перехода на четырехлетнее обучение, охватывает весь завершающий этап (третий – четвертый курсы). Подготовлен к печати также учебник «Ступень 2», предназначенный для студентов-филологов 2 курса (т. е. 2-ой сертификационный уровень).

Учебники «Ступень 1» и «Ступень 2» создавались на основе «Программы по русскому языку для иностранных студентов-филологов. Практический курс. А.В. Величко, Л.В. Красильникова, В.А. Маркова, Т.Е. Чаплыгина, Л.П. Юдина [Программа 2011]. В качестве базовой единицы обучения иностранных учащихся-филологов русскому словообразованию в данных учебниках выступает словообразовательная модель, которая отражает формально-семантическую структуру готовых слов, что важно для развития рецептивных речевых действий иностранных учащихся, и является базой для построения потенциальных слов, обеспечивая репродуктивную и продуктивную речевую деятельность. Словообразовательный материал в программах по русскому языку как иностранному (общее владение) для студентов-филологов составляет часть учебного языкового материала, описание которого дается в структурно-семантическом плане. Кроме того, учитываются в определенной степени словообразовательные категории, которые составляют часть русской языковой картины и позволяют формировать ономасиологический путь выражения необходимого содержания с помощью производной номинации.

В качестве примера приведем модели производных существительных из словообразовательного материала, предлагаемого иностранным студентам для изучения в бакалавриате филологического факультета: «**1 курс** (**1 семестр**) Отглагольные существительные со значением действия и процесса с суффиксами **-ниj-, -ениj-, -тиj-** (*рисов**ани**е, изуч**ени**е, развит**и**е*), **-ациj-** (*организ**ац**ия*), **-к-** (*покупка*), **-тельств**(о) (*строит**ельств**о*) и нулевым суффиксом **(ø)** (*выход*). Отадъективные существительные со значением качества, свойства и состояния с суффиксом **-ость** (*мудр**ость***), **-иj-** (*трудолюб**и**е*), **-от**(а) (*добро**та***). Отглагольные и отадъективные существительные с суффиксом **-ств-** (*знаком**ств**о, производ**ств**о; упор**ств**о; дет**ств**о*). Отвлеченные (действие, процесс, качество, свойство, состояние) и предметные значения отглагольных и отадъективных существительных.

Существительные со значением мясо животного с **-ин(а)** (*баран**ин**а*).

1 курс (**2 семестр**) Образование наименования лиц по гражданству, национальности, месту жительства с суффиксами **-ец** (*испан**ец***; *итальян**ец***; *кубин**ец**, орлов**ец***),**-ан(ин)/-ян(ин)**; **-чанин** *(росс**ян**ин (россияне*),

парижанин, *киевлянин, мурманчанин)*; -ак/-як *(слов**ак**, пол**як**, туляк*, *сибир**як**).* Отдельные существительные со значением лица по отношению к стране: с суф. **-ин**, **-уз**, **-иот** и нулевым суффиксом (ø): *грузин*, *болгарин*, *француз*, *киприот*, *грек*; по отношению к городу, населенному пункту, региону: с суф. **-ич**, **-ит**, **-ат**: *москвич*, *одессит*, *азиат*.

Существительные со значением емкости с суффиксами **-ниц**(а) (*хлеб**ниц**а*), **-ник** (*чай**ник***). Существительные со значением детеныша с суффиксом **-онок/-ёнок** (*мыш**онок***, *кот**ёнок***).

Название науки с суффиксами **-ик**(а) (*фольклорист**ика***); **-ij**(а) (*морфолог**ия***), название языкового явления с суффиксом **-изм** (*англиц**изм***).

Отадъективные существительные со значением лица с суффиксами **--ец** (*хитр**ец***), **-ак/-як** (*бедн**як***), **-ик** (*стар**ик***, *волшебн**ик***). Отсубстантивные существительные со значением лица с суффиксом: **-ер/-ир** (*милицион**ер***, *банк**ир***). Отадъективные и отсубстантивные существительные со значением лица с суффиксами **-ач** (*бог**ач**, бород**ач***, *труб**ач***). Отглагольные существительные со значением лица **-ун** (*бег**ун***, *вр**ун***).

2 курс (**1 семестр**) Отадъективные существительные со значением качества и свойства с суффиксами **-ин**(а) *(шир**ин**а)*, **-изн**(а) (*бели**зн**а*), **-ев**(а) (*син**ева***) и нулевым суффиксом (*синь*). Отадъективные и отсубстантивные существительных со значением философского, общественно-политического или художественного (эстетического) направления с суффиксом **-изм**: *реал**изм***, *гуман**изм***, *идеал**изм***, *лир**изм***; *террор**изм***, *символ**изм***, *геро**изм***, *патриот**изм***, *цар**изм***.

Существительные со значением понятия (или явления), идейного учения с суффиксом **-щин**(а) (*Обломов – обломов**щин**а, Манилов – маниловщин**а**, Толстой – толстов**щин**а*).

Отглагольные существительные со значением лица **-ник** (*работ**ник***), **-ец** (*продав**ец***); со значением лица, реже предмета с суффиксами **-щик/-чик** (*танцов**щик**; доклад**чик**, груз**чик**, погруз**чик***), с суф. **-тель** (*писа**тель**; выключа**тель***); со значением предмета с суф. **-льник** (*буди**льник***). Отсубстантивные существительные со значением лица с суффиксами **-ист** (*журнал**ист***, *пушкин**ист***, *испан**ист)***; **-щик/-чик** (*барабан**щик***), **-ец** (*дум**ец***), лица и предмета с суффиксами **-ник** (*школь**ник***, *коров**ник**, виноград**ник***), **-ик/ник** (*хим**ик**, учеб**ник***).

Существительные со значением лица женского пола с суффиксами **-к**(а) (*испан**к**а*, *россиян**к**а*, *словач**к**а*, *москвич**к**а, журналист**к**а*), **-ниц**(а) (*писатель**ниц**а*, *работ**ниц**а*), **-щиц**(а) (*танцов**щиц**а*).

2 курс (**2 семестр**) Отглагольные и отсубстантивные существительные со значением лица с суффиксами **-ант/-янт** (*консульт**ант***; *музык**ант***), **-атор/-ятор** (*реставр**атор***; *иници**атор***; *губерн**атор***), **-ор/-ёр** (*инспект**ор***, *контрол**ёр***; *скульпт**ор**, шахт**ёр***). Отглагольные существительные со значением предмета с суффиксами **-атор/-ятор** (*классифик**атор***;

*вентил**ятор***); **-лк**(*а*) (*открывал**к**а*). Отглагольные существительные со значением предмета или отдельного акта действия с суффиксом **-ок** (*подар**ок***; *брос**ок***).

Существительные со значением ступени образования, общественного или должностного состояния, политической системы, учреждения с суффиксом **-ур**(а) (*аспирант**ура***, *магистрат**ура***, *диктат**ура***, *прокурат**ура***, *префект**ура***).

3 курс (**1 семестр**) Модели дериватов-существительных отсутствуют.

3 курс (**2 семестр**) Суффиксы субъективной оценки **-к-**, **-ок**/**-ёк**, **-ик**, **-чик**, **-очк-**/**-ечк-**, **оньк-**/**-еньк-**, **-ишк-**, **-ышк-**, **-ушк**/**-юшк-**, **-онк-**/**-ёнк-**, **-ц-**, **-иц-** **-ин-**, **-ищ-** **-ец** *(шуб**к**а, дуб**ок**, ча**ёк**, дом**ик**, стуль**чик**, звёз-д**очк**а*, *Над**енк**а, брат**ишк**а, дом**ишк**о, солн**ышк**о*, *голов**ушк**а, соба-ч**онк**а, лошад**ёнк**а, окон**це**, озер**цо**, луж**ица**, плат**ьице**, дом**ин**а, руч**ища**, брат**ец***). Существительные со значением лица женского пола с суффиксами **-ш-**, **-их-** (*кассир**ш**а*, *врач**их**а*).

4 курс (**1 семестр**) Отглагольные существительные со значением лица с суффиксами **-л**(*а*) (*запевал**а***); **-аг**(а)/**-яг**(а) (*работ**яга***), **-ак***(**а**)*/**-як***(**а**)* (*кривл**яка***), **-х**(***а***) (*растер**яха***); отглагольные и отсубстантивные существительные с суффиксом **-арь** (*звонарь, библиотекарь*). Отадъективные существительные с суффиксами **-юк**(*а*) (*злюка*); **-аг**(*а*), **-уг**(*а*), **-ул**(*я*), **-ух**(*а*) (*бедн**яга***, *симпат**яга***; *хитр**юга***; *чист**юля***; *тол-ст**уха***). Отсубстантивные существительные со значением лица с суффиксами **-мейстер, -смен** (*балетмейстер*, *яхтсмен*), **-ан** (*политикан*).

Отглагольные существительные со значением предмета с суффиксами **-ин**(*а*) (*царап**ина***); **-льн**(***я***) (*спа**льня***); **-ищ**(*е*) (*хранил**ище***, *паст-б**ище***); **-ниц**(*а*) (*гости**ница***); **-ат** (*дублик**ат***); **-арий/орий** (*планет**арий***, *лект**орий***), **-иад**(а) (*олимп**иада***); **-н**(*я*) (*кофей**ня***), **-ат** (*секретариат*).

Отадъективные существительные с предметным значением с суффиксами **-ятин**(*а*) (*кисл**ятин**а*); **-ость** (*наружн**ость***), **-иц**(*а*) (*тепл**ица***), **-ин**(***а***) (*равн**ина***), **-ец** (*багрян**ец***).

4 курс (**2 семестр**) Существительные со значением единичности: суффиксы **-ин-, -инк-** (*горош**ина**, ча**инк**а*). Существительные со значением собирательности: суффиксы **-j-, -ij-, -ик-, -ств**(о), **-тек**(а) (*з**верь**ё*, *интел-лигенц**ия***, *символ**ика***, *крестьян**ство***, *текст**отека***). Существительные со значением отвлеченного признака с суффиксами **-щин-**, **-изн-**, **-иц-** (*уголов**щин**а, деш**евизн**а, безработ**ица***)» [Программа 2011].

В программе «Практический русский язык. Общее владение: Программа курса для иностранных магистрантов-лингвистов [Практический русский язык 2013: 56–57, 151–121] учебный словообразовательный материал в соответствии со структурой книги распределен по двум концентрам. Например, в первом концентре изучаются следующие словообра-

зовательные модели, по которым образуются дериваты-существительные: «Отвлеченные отглагольные существительные с суффиксами **-ниј-** (*знать – зна-ниј-е*) /**-ениј-** (*изумлять – изумл-ениј-е*) / **-аниј-** (*окончить – оконч-аниј-е*) /**-тиј-** (*занятие – заня-тиј-е*); **-к**(а) (*поломать – полом-к-а*) и нулевым суффиксом (**ø**) (*переходить – переход-ø, беседовать – бесед- ø-а*).

Отвлеченные отадъективные существительные с суффиксами **-ость/ -есть** (*глупый – глуп-ость, свежий – свеж-есть*), **-от/-ет** (*добрый – добр-от-а, нищий – нищ-ет-а*).

Отглагольные и отыменные существительные со значением лица-производителя действия с суффиксами **-тель** (*писать – писа-тель*), **-чик/-щик** (*возить – воз-чик, выдумывать – выдум-щик, разведовать – развед-чик, мороженое – морожен-щик, доклад – доклад-чик*), **-льщик** (*болеть – боле-льщик*), **-ец** (*творить – твор-ец, продавать – продав-ец*), **-ник** (*лыжи – лыж-ник*,), **-ик** (*алкоголь – алкогол-ик*), **-ист** (*футбол – футбол-ист*).

Отыменные существительные со значением лица женского пола с суффиксами **-к**(а) (*студент – студентка*), **-ниц**(а) (*писатель – писатель-ница*), **-щиц**(а) (*мороженщик – морожен-щица*, *продавец – продавщица*)» [Там же: 56]. В данной работе предлагается также знакомить иностранных магистрантов с такими единицами системы словообразования, как словообразовательное гнездо, включающее в себя словообразовательную цепь и словообразовательную парадигму.

Отметим, что, естественно, приведенный словообразовательный материал, адресованный иностранным учащимся филологического факультета и распределенный по курсам и семестрам или годам обучения коррелирует с выделяемыми в современной методике уровнями владения русским языком как иностранным.

В качестве базовой единицы обучения иностранцев русскому словообразованию используется не словообразовательный тип, а словообразовательная модель, поскольку словообразовательная модель выделяется с учетом морфонологических процессов, происходящих на морфемных швах, при присоединении деривационных аффиксов, привлечение внимание к которым важно в иноязычной аудитории. Кроме того, слово **модель** понимается и в методическом плане, т. е. как возможность образования в упражнении производных слов по моделям-образцам.

Одной из первых работ для иностранных филологов, в которой описание языкового материала представлено в функционально-коммуникативном аспекте является «Программа по русскому языку для иностранных магистрантов-литературоведов (научный стиль речи)» [Программа 2000]. В ней словообразовательный материал последовательно вводится в качестве одного из синонимических средств выражения того или иного актуального

научного смысла, Так, в ней для значения ‘наличие’ наряду с синтаксическими моделями с определенным лексическим наполнением выделены собственно словообразовательные средства: наличие какого-либо внешнего отличительного признака (*усы – усатый*, *горб – горбатый*…); наличие какой-либо черты, свойства (*талант – талантливый*, *тоска – тоскливый*…) [Программа 2000: 45].

«Средства словообразования указаны и для значения качества:

– отвлеченный качественный признак (*сложный – сложность*, *лиричный – лиризм*) <…>;

– неполнота качества какого-либо признака (*сложный – сложноватый – сложновато*, *простой – простоватый – простовато*)» [Там же: 51].

Кроме того, в случаях перечисления моделей предложения, передающих определенное значение, в них выделяется словообразовательный компонент. Так, в модели, передающей значение качества, указывается наличие соответствующего (обычно производного) существительного: «кого/что (В. п.) + *отличает* + что (И. п.) (существительное с качественным значением): *Все перечисленные сюжеты отличает острая конфликтность*» [Там же: 46]. Отметим, что в «Программе-справочнике по русскому языку (научный стиль речи) для иностранных магистрантов-лингвистов, обучающихся на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова / Е.Л. Бархударова, О.К. Грекова, Л.Т. Калинина и др. [Программа-справочник 1998] отсутствует представление учебного словообразовательного материала. В данной программе содержится лишь терминологический минимум по словообразованию, связанный с обеспечением профессиональной компетенции будущего филолога-русиста [Программа-справочник 1998: 137–138].

Описание русского словообразования в речевом, функционально-коммуникативном плане содержится также в программе «Функциональное словообразование» в разделе, посвященном русскому языку как иностранному, в сборнике программ кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова «Русский язык и его история» [Всеволодова, Красильникова 2007]. В ней представлены словообразовательные операции, актуальные при обучении РКИ, а также семантика производных, образованных по определенной модели «в связи с использованием этих моделей при активных речевых действиях» [Всеволодова, Красильникова 2007: 316]. Например: от глагола образуются существительные со значением номинации «инструмента и средства по действию: *черпак*, *счетчик*, *терка*, *удочка*, *открывалка*, *каток*, *выключатель*, *свисток*, *отбеливатель*) [Там же: 317].

Данная программа адресована студентам, обучающимся на отделении «Русский язык как иностранный», в то время как необходимость и воз-

можность функционально-коммуникативного описания языкового материала с учетом когнитивного подхода (в отношении самого языкового материала или в лингводидактическом плане, а именно с позиции фреймового подхода) в программах по практическому русскому языку остается дискуссионной. Как известно, современные образовательные стандарты рекомендуют «мыслить» описание учебного языкового материала по практическому русскому языку (как и любому другому иностранному языку) в рамках системно-структурного подхода.

Литература / References

1. *Всеволодова М.В., Красильникова Л.В.* Функциональное словообразование // Русский язык и его история. Программы кафедры русского языка. 2 изд., М.: Изд-во МАКС Пресс, 2007. С. 314–327.
2. *Красильникова Л.В., Маркова В.А.* Новый учебный комплекс для иностранных студентов-филологов // Русский язык как иностранный в современной образовательной и геополитической парадигме: IV Международная научно-практическая конференция. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 18–19 ноября 2010 г.: Тезисы докладов. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 183–185.
3. *Плотникова Г.Н.* Лингвометодические основы обучения русскому словообразованию. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.
4. Практический русский язык. Общее владение: Программа курса для иностранных магистрантов-лингвистов / Л.В. Красильникова, О.М. Сергеева, А.Е. Евграфова [и др.]. М.: МАКС Пресс, 2013.
5. Программа «Русский язык для иностранцев, обучающихся на филологических факультетах вузов СССР» / Г.Н. Аверьянова, С.И. Андреева, Н.П. Кочеткова [и др.]. – 2-е изд., испр. М.: Русский язык, 1976.
6. Программа «Русский язык для студентов-иностранцев, обучающихся на филологических факультетах вузов СССР» / Э.И. Амиантова, Н.Д. Бурвикова, А.Н. Васильева [и др.]. 2-е изд., перераб. М.: Русский язык, 1988.
7. Программа по русскому языку для иностранных магистрантов-литературоведов (научный стиль речи) / Э.И. Амиантова, Е.Л. Бархударова, Л.В. Красильникова [и др.]. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
8. Программа по русскому языку для иностранных студентов-филологов. Практический курс / А.В. Величко, Л.В. Красильникова, В.А. Маркова [и др.]. М.:, МАКС Пресс, 2011.
9. Программа-справочник по русскому языку (научный стиль речи) для иностранных магистрантов-лингвистов, обучающихся на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова / Е.Л. Бархударова, О.К. Грекова, Л.Т. Калинина [и др.]; под ред. Ю.А. Тумановой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998
10. Университет. Ступень 1. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Первый год обучения / Л.В. Красильникова, В.А. Маркова, Е.В. Балдина [и др.]. М., МАКС Пресс, 2010.
11. Университет. Ступень 3. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов / Н.А. Лобанова, И.П. Слесарева. М., МАКС Пресс, 2011
12. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Основной курс (первый год обучения) / Е.И. Войнова, В.М. Матвеева, Г.Н. Аверьянова. М.: Русский язык, 1981.
13. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Основной курс (второй год обучения) / Е.И. Войнова, В.М. Матвеева, Г.Н. Аверьянова [и др.]. М.: Русский язык, 1982.

14. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Систематизирующий курс (третий год обучения) / Н.А. Лобанова, И.П. Слесарева; под ред. В.Г. Гака. М.: Русский язык, 1980а.
15. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Систематизирующий курс (четвертый-пятый годы обучения) / Лобанова Н.А., Слесарева И.П.; под ред. В.Г. Гака. М.: Русский язык, 1980б.

DOI 10.29003/M148.LMC2018-60/153-161

ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОДНОВИДОВЫХ И ДВУВИДОВЫХ ГЛАГОЛОВ И СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ВИДОВОЙ АСИММЕТРИИ

В.А. Кузьменкова

VERBAL ASPECT: FUNCTIONAL SPECIFICS
OF ONE- AND TWO-ASPECT VERBS AND
THE WAYS OF OVERCOMING ASPECT ASYMMETRY

V.A. Kuzmenkova

ABSTRACT:
The article deals with problems of aspectology. Special attention is given to functioning of verbs in science texts. Detailed discussion about verbal aspect dependence on the verb lexical meaning is presented from the perspective of pragmatics. This work provides recommendations on how to overcome asymmetry in texts of different style. The results of this research can be used in the practice of teaching the Russian language as a foreign language.

Keywords: verbal aspect; grammar of verbal aspect; aspect asymmetry of aspect; one-aspect verbs, two-aspect verbs, lexical-semantic variant; pragmatic approach; descriptive predicates; deverbative word; explicator verb; functional semantic field

АННОТАЦИЯ
Статья посвящена проблемам глагольного вида. Рассматриваются особенности функционирования видов глагола. В работе показана зависимость образования глагольного вида от лексико-семантического варианта, употребленного в данном контексте. Анализируются способы преодоления видовой асимметрии в текстах различных стилей. Результаты исследования могут использоваться в практике преподавания русского языка как неродного и как иностранного.

Ключевые слова: глагольный вид; грамматика глагольного вида; видовая асимметрия; одновидовые глаголы; двувидовые глаголы; лексико-семантический вариант; прагматический подход; описательные предикаты; девербатив; глагол-экспликатор; функционально-семантическое поле

Одна из отличительных особенностей М.В. Всеволодовой – это неустанная забота о тех, для кого русский язык не является родным.

Будучи разносторонним и многогранным учёным, М.В Всеволодова всегда бралась за исследование самых сложных вопросов в лингвистике,

её интересовали «белые пятна» на лингвистической карте. Вполне естественно, что она не могла пройти мимо проблем, связанных со спецификой глагольного вида. Об этом, в частности, свидетельствуют её статьи: «О семантическом согласовании глаголов и именных темпоральных распространителей» [Всеволодова 1979]; «К вопросу о семном составе славянского глагольного вида» [Всеволодова 1990]; «Русский (славянский) глагольный вид в рамках категории аспектуальности (грамматическая категория, не имеющая грамматических формантов)» [Всеволодова 2014]; «Глагольный вид и именная темпоральность: механизмы взаимодействия» [Всеволодова 2018].

По мнению М.В. Всеволодовой, «категория славянского глагольного вида (ГВ) – одна из труднейших для усвоения носителями других языков. Несмотря на богатейшую аспектологическую литературу, на блестящие работы и славянских, и неславянских аспектологов, у нас до сих пор нет настоящей грамматики ГВ» [Всеволодова 2014: 194]. В статье обозначен круг проблем, которые были не решены к началу XXI столетия. Некоторые из них не находят своего решения и по сей день. Говоря о достижениях в области аспектологии, М.В. Всеволодова отмечает, что наши изыскания «носят слишком общий характер, мы говорим о глаголах вообще», и призывает дать «адекватные алгоритмы употребления ГВ» [там же: 194]. Как нам представляется, М.В. Всеволодова имела в виду написание конкретных рекомендаций («инструкций») для иностранных учащихся, своеобразного «путеводителя» по употреблению видов.

М.В. Всеволодова разделяет понятия «аспектуальность» и «славянский вид». По её мнению, «категория аспектуальности – лингвистическая универсалия. Можно с уверенностью утверждать, что она представлена во всех языках и наречиях мира. Но о глагольном виде можно говорить только в случае, если для одного действия есть две лексемы типа *решать – решить, видеть – увидеть, говорить – сказать*» [Всеволодова 2012: 25].

О сложности категории вида, о специфике её употребления лингвисты не раз говорили на различных конференциях и симпозиумах, писали в многочисленных статьях, диссертациях и монографиях. Одно только перечисление трудов могло бы занять не одну страницу. Убедительное обоснование этого факта, на наш взгляд, представлено в одной из работ И.Б. Шатуновского. По его словам, категория вида – это «наиболее значимая категория русской грамматики, поскольку она отражает наиболее кардинальные аспекты устройства мира и его отражения и интерпретации в уме человека. Картина мира в русском языке представлена прежде всего через призму видовой системы. Это также категория, <…> устройство которой невозможно понять вне связи с прагматикой её употребле-

ния. И чем дальше продвигаются исследования вида, тем больше открывается новых проблем <…>. Это можно сравнить с подъёмом на гору, образованную нашими знаниями: чем больше мы знаем, чем выше мы поднимаемся, тем дальше раздвигается горизонт неведомого и, в конечном счёте, непостижимого. Но это не является основанием отказаться от подъёма» [Шатуновский 2009: 10].

Перефразируя часть приведённого выше высказывания, ещё раз подчеркнём, что наличие глубоких и серьёзных научных исследований по данной теме «не является основанием отказаться от подъёма» на гору, «образованную нашими знаниями» [там же: 10].

По словам М.А. Шелякина, « <…> релевантность лексического значения зависит от формы вида и наоборот: например, глагол *утвердить* в значении ‘официально оформить какое-либо положение, документ и др.’ имеет две формы вида (*Комиссия утверждала – утвердила кандидатуру на должность*), но в значении ‘настойчиво доказывать что-либо’ – только одну форму – несовершенного вида (*Он утверждал, что мы не правы*) [Шелякин 2008]. О взаимодействии видового и лексического значения глагола писала также О.П. Рассудова, отмечая, что оно «порой бывает сложным и многообразным» [Рассудова 1968: 8]. Приведённые высказывания подтверждают общепризнанное в настоящее время положение о том, что слово в предложении функционирует не как лексема во всех её значениях, а как конкретный лексико-семантический вариант (ЛСВ). О важности этого положения в функционально-коммуникативном синтаксисе не раз писали М.В. Всеволодова [Всеволодова 2000: 21] и её ученики [Дементьева 2008: 78].

В предлагаемой нами работе будут рассматриваться особенности функционирования видов глагола именно в рамках прагматического подхода к языковым явлениям. Мы ставим задачу представить некоторые глаголы в их контекстном, ситуативном и коммуникативном употреблении, опираясь при этом на положение о лексико-семантическом варианте. Как пишет И.Б. Шатуновский, «возможность замены совершенного вида (СВ) на несовершенный вид (НСВ) и наоборот является интуитивно очевидной только для носителей языка. С точки зрения практических потребностей обучения языку <…> наибольший интерес представляет как раз противоположная проблема: как, исходя из значений глагола (глаголов) определить, можно ли его заменить в данной позиции глаголом противоположного вида, какие отличия при этом имеют место и почему» [Шатуновский 2009: 16].

И.Б. Шатуновский обращает внимание также на принципиально важный факт, что необходимость и возможность замены в некоторых слу-

чаях не является правилом, напротив, правилом является «невозможность замены в одном и том же контексте или вообще, или без принципиального изменения значения» [Там же: 16].

В статье рассмотрим также некоторые языковые средства компенсации отсутствующих видовых форм в текстах разных стилей.

В соответствии с поставленной в статье задачей, дадим краткую характеристику одновидовых и двувидовых глаголов, покажем особенности их функционирования (на материале естественнонаучных текстов).

1. Одновидовые глаголы

Как мы знаем, одновидовые глаголы не имеют парного глагола по определению. Одна из причин частотности употребления одновидовых глаголов НСВ в языке науки, по-видимому, состоит в том, что в научных текстах доминируют глаголы, выражающие состояние, а глаголы состояния, как пишет Г.Р. Мелиг, «никогда не могут обозначать двух следующих друг за другом во времени событий и описывать развитие ситуации» [Мелиг 1985: 244].

В лингвистической литературе обычно описываются два типа одновидовых глаголов:

1) одновидовые глаголы НСВ, которые не направлены на достижение результата и не предполагают результативного исхода, например, *содержать, находиться, вращаться, сопротивляться.* Одновидовые глаголы НСВ наиболее употребительны в научных текстах;

2) одновидовые глаголы СВ. Они обозначают действия, которые не мыслятся в длительности и осуществляются обычно мгновенно, иногда неожиданно, например, *грянуть*. Заметим, что частотность их употребления в научных текстах невелика, поэтому мы не будем представлять их подробно.

Но существуют ещё глаголы, которые, вообще говоря, имеют соотносительный парный глагол (глагол в форме СВ), но в конкретном контексте – не имеют, так как употреблены в том ЛСВ, который «запрещает» образование парного глагола (СВ). Условно назовём их «контекстные» одновидовые глаголы.

Глаголы данного типа (одновидовые глаголы в условиях данного контекста) являются основным объектом нашего исследования, так как представляют особую трудность для не носителей русского языка.

Однако сначала рассмотрим первый тип одновидовых глаголов, у которых вообще не существует парных глаголов. Приведём примеры их функционирования в научных текстах:

а) глаголы со значением принадлежности, обладания: *принадлежать, обладать (свойствами), иметь: Электрон в атоме имеет ещё одну фундаментальную характеристику; Все микрочастицы обладают свойствами как частицы, так и волны;*

б) глаголы со значением зависимости объектов, явлений, фактов: *зависеть* (возможен ОП – *находиться в зависимости*)*: Химические свойства веществ зависят от электронной структуры составляющих их атомов; Свойства простых тел, а также формы и свойства соединений элементов находятся в периодической зависимости от атомных весов элементов;*

в) глаголы со значением структуры, состава: *состоять из*, *содержать, содержаться: Атом состоит из нуклонов и электронов; Нуклоны состоят из кварков; Большинство элементов, существующих в природе, состоит из устойчивых изотопов; Эта порода содержит очень много кварца*. Заметим, что в этом ЛСВ глаголы *содержать, содержаться, состоять из* имеют неполную грамматическую парадигму по категории лица в ед. и множ. числе (невозможно: **я содержу, *ты содержишь, *мы содержим, *вы содержите*);

г) глаголы, которые «являются естественно-языковыми эквивалентами квантора существования» [Мелиг 1985: 244]. К ним относятся с*уществовать, иметься, находиться: Кроме элементарных частиц, существуют античастицы*. (В ряде других классификаций по отношению к этим глаголам употребляется термин «бытийные глаголы»)*;*

д) глаголы, обозначающие различного рода взаимодействия: что *взаимодействует* с чем (возможен ОП – *происходит взаимодействие*): *Микрообъект взаимодействует с окружающим его миром*; *Взаимодействие происходит по донорно-акцепторному механизму;*

е) глаголы логического соотношения: что *соответствует* чему, что *равняется* чему, что *совпадает* с чем, что *означает* что (вин.п.): *Электрону соответствует позитрон; Номер периода совпадает с главным квантовым числом внешнего электронного уровня; Предполагается, что эти магические числа нуклонов соответствуют завершённым ядерным слоям; В этом случае знак «+» или «-» означает знак волновой функции.*

Таким образом, мы распределили одновидовые глаголы по нескольким группам (в самом общем виде) и рассмотрели их функционирование в научных текстах. Разумеется, данная классификация не является исчерпывающей. Следует заметить также, что разные авторы относят представленные в статье глаголы к разным классам. Но главное, что объединяет эти глаголы, – это традиционно называемое значение «неизменного длящегося состояния» [Шатуновский 2009: 101].

Теперь обратимся к условно названным «контекстным» одновидовым глаголам.

Как было сказано выше, данные глаголы в одном ЛСВ могут иметь видовую пару (глагол в форме СВ), но в другом ЛСВ – не имеют, так как те или иные контекстные условия «запрещают» образование парного глагола (СВ). К глаголам данного типа относятся:

а) глаголы, обозначающие различные функциональные связи между явлениями, состояниями, объектами: *обуславливать, определять, определяться* чем*, отличаться* от чего*, испытывать* (давление)*, влиять* на что*: Электронное строение атома определяется, в первую очередь, энергией электронов; Радиусы различных типов значительно отличаются друг от друга;*

б) глаголы со значением «характеристика субъекта или объекта через его принадлежность к некоторым множествам» [Всеволодова 2016: 375] в конструкциях: *являться* чем*, служить* чем*, представлять собой* что*, относиться* к чему: *Заряд ядра является основной характеристикой атома; К числу важнейших свойств элементов относятся радиусы, потенциалы ионизации, сродство к электрону;*

в) глаголы, которые потеряли своё категориальное значение действия и приобрели значение «выражение признака, свойства объекта», например, *отличаться* чем*, характеризоваться* чем. М.В. Всеволодова называет их «характеризационными предикатами» [Всеволодова 2016: 371]: *Каждая орбиталь системы характеризуется тремя квантовыми числами; Металл отличается высокой теплопроводностью*. (Невозможно: **Металл отличился высокой теплопроводностью*);

г) глаголы, которые обозначают не единичное действие, не развитие ситуации, но значение неактуальности ситуации или непрерывности процесса (так называемое «стативно-длительное значение») – ‘всегда, обычно так бывает’. Предложения с такими глаголами обозначают, скорее, признак или свойство объекта или явления: *разлагаться, распадаться, сталкиваться: Хлорид разлагается медленно; При данных условиях частицы распадаются* (возможен ОП – *происходит распад частиц*); *Частицы сталкиваются друг с другом* (*происходит столкновение*) – идёт постоянный, непрерывный процесс. Заметим, данный контекст запрещает употребление СВ (единичное действие): **Частицы распались* (ср. в другом контексте: *Машины столкнулись*);

д) глаголы со значением номинации объекта, явления: *называться, обозначаться*: *Атомы с одинаковым числом протонов, но различным числом нейтронов называются изотопами; В коротком варианте периодической таблицы периоды обычно обозначаются римскими цифрами, а в длинном – арабскими.*

2. Двувидовые глаголы

В «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка [Зализняк 1997] приведено около 950 двувидовых глаголов: *интерпретировать, исследовать, использовать, воздействовать, классифицировать кристаллизоваться* и др. Исследователи отмечают, что двувидовых глаголов в русском языке становится всё больше (данные о количестве двувидовых глаголов различаются в разных исследованиях). Мы наблюдаем, как пишет И.Б. Шатуновский, « <…> всё новые и новые вливания заимствуемых из языков среднеевропейского стандарта двувидовых, то есть фактически лишённых категории вида глаголов, постепенно «перевариваемых системой»» [Шатуновский 2009: 9].

В научных текстах, как и в текстах другого типа, двувидовые глаголы совмещают значения СВ и НСВ. Проявление одного из видовых значений зависит от контекстного окружения и ситуации.

Неопределённость, заложенная в двувидовом глаголе, может устраняться также при помощи описательных предикатов (ОП), при условии, если существует возможность образования девербативов от двувидовых глаголов (*исследовать – исследование*). В подобных случаях в рамках ОП значение вида передаётся при помощи глагола-экспликатора, например, *проводить – провести исследование*.

3. О некоторых средствах компенсации видовых значений

В категории вида, как и в любой грамматической категории, обнаруживаются «формальные лакуны, асимметрия форм» [Гак 2009: 150]. Асимметрия может быть на уровне формы и на уровне значения и, как правило, проявляется в дискурсе. Так, например, В.Г. Гак обнаружил, что стилистические нейтральные глаголы имеют обе видовые формы, как, например, *убивать – убить*, а их просторечные эмоционально-окрашенные синонимы часто не имеют видовой пары: глаголы *угрохать, укокошить, пристукнуть, пришить, кокнуть* употребляются только в форме СВ [там же: 150].

В.Г. Гак показал, что «помимо собственно глагольных форм вида язык располагает целым рядом средств, позволяющим выразить необходимое видовое значение» [там же: 156]. Мы разделяем его мнение и считаем, что значение вида выражается в «пространстве» предложения в целом, как происходит в языках, где нет «морфологического глагольного вида». В выражении отсутствующих видовых значений могут принимать участие, как пишет В.Г. Гак, различные средства, в том числе «глагольно-именные сочетания с предлогами и без предлогов» (в нашей работе для обозначения этой синтаксической единицы используется термин «описательный предикат» – ОП). Среди других средств компенсации можно

назвать слова-актуализаторы, показывающие, что речь идёт о повторяющемся, узуальном или длительном действии, кванторы всеобщности и неединичности (*всегда, никогда, всякий раз)* и др. Во многих случаях в качестве компенсационных средств могут быть использованы перифразы.

Рассмотрим функционирование одного из названных средств преодоления видовой асимметрии – ОП.

ОП являются одним из эффективных способов преодоления видовой асимметрии и компенсации недостающих видовых значений. Напомним, что в функционально-семантическом поле ОП в соответствии с семантической классификацией выделено 5 групп: ядерная, приядерная, фазисная, каузативная, экспрессивно-изобразительная. В научных текстах, как правило, используются ОП ядерной группы, в художественных текстах – ОП экспрессивно-изобразительной группы [Кузьменкова 2000].

Благодаря двучленной структуре (глагол + имя) ОП обеспечивают возможность различных трансформаций, например, введение в структуру ОП прилагательных, уточняющих значение именного компонента: *Маятник совершает колебания – Маятник совершает (гармонические, крутильные*) *колебания.*

В ситуации с одновидовыми глаголами при отсутствии соотносительного глагола СВ также существует возможность передать одно из аспектуальных значений при помощи ОП. Так, у глагола *восторгаться* не существует парного глагола СВ. Для передачи значения СВ можно использовать конструкцию ОП, где лексическое значение сосредоточено в именном компоненте, а видовое – в глаголе-экспликаторе: *Посетители выставки пришли в восторг от картин К. Брюллова*. В этом случае возможен также конверсив: *Картины К. Брюллова привели посетителей выставки в восторг*. Подобным образом можно передать значение СВ в режиме функционирования в случае с глаголами *недоумевать, сопротивляться* и др.*: Базаров взял на руки ребёнка, который, к удивлению Фенечки, не оказал никакого сопротивления и не испугался.* В.Г. Гак назвал такие пары «функциональными» или «речевыми» парами [Гак 2009: 152].

Сделаем некоторые выводы.

1. В статье проанализированы некоторые закономерности функционирования одновидовых и двувидовых глаголов в научном тексте.

2. На основе анализируемых примеров показано, что во многих случаях возможность образования НСВ или СВ определяется конкретным ЛСВ и зависит от контекста и ситуации.

3. Существующая асимметрия видовых значений в текстах различных стилей может быть преодолена в режиме функционирования с помощью

ряда средств (лексических и синтаксических), в том числе – описательных предикатов.

Многообразие способов отражения одной и той же ситуации открывает широкие возможности для сознательного и эффективного изучения русского языка и в немалой степени способствует расширению представлений о русской языковой картине мира.

Литература / References

1. *Всеволодова М.В.* О семантическом согласовании глаголов и именных темпоральных распространителей // Вопросы языкознания. 1979, № 1. С. 103–113.
2. *Всеволодова М.В.* К вопросу о семном составе славянского глагольного вида // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1990. С. 36–48.
3. *Всеволодова М.В.* Русский (славянский) глагольный вид в рамках категории аспектуальности (грамматическая категория, не имеющая грамматических формантов) // Труды и материалы V Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 194–196.
4. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М.: URSS, 2016.
5. *Всеволодова М.В.* Глагольный вид и именная темпоральность: механизмы взаимодействия // Вопросы языкознания. 2018, № 1. С. 91–104.
6. *Гак В.Г.* Языковые преобразования. Некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века. От ситуации к высказыванию. Изд. 2–е, испр. М.: Книжный дом «Либроком» / URSS, 2009.
7. *Дементьева О.Ю.* Семантический и синтаксический потенциал лексемы (на примере глаголов *встречать* и *встречаться*) // Язык – Культура – Человек: сборник научных статей к юбилею заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова М.В. Всеволодовой. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 78–88.
8. *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1980.
9. *Мелиг Ханс Р.* Семантика предложения и семантика вида в русском языке (к классификации глаголов Зино Вендлера) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. М.: Прогресс, 1985. С. 227–249.
10. *Рассудова О.П.* Употребление видов глагола в русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968.
11. *Шатуновский И.Б.* Проблемы русского вида. М.: Языки славянских культур, 2009.
12. *Шелякин М.А.* Категория аспектуальности русского глагола. М.: Изд-во ЛКИ / URSS, 2008.

DOI 10.29003/M149.LMC2018-60/162-170

К ВОПРОСУ ОБ АДРЕСАТЕ ГРАММАТИКИ М.В. ЛОМОНОСОВА

Е.А. Кузьминова

TO THE QUESTION OF LOMONOSOV'S GRAMMAR RECIPIENT

E.A. Kuzminova

ABSTRACT:
The article deals with linguo-didactic views of M.V. Lomonosov, reflected in "Russian grammar" (St. Petersburg, 1755). Analysis of the theoretical and linguistic material, ways of its organization and presentation leads to the conclusion that M.V. Lomonosov addressed his work not only to "Russian youth", but also to "foreign Russians". Analysis shows that Lomonosov's original aim to create a didactic grammar intended for language usage was not only declared but also successively realized in the "Russian grammar". His ideas are absolutely effective today and in full agreement with modern trends of RFL theory and practice.

Keywords: the history of the Russian grammatical tradition; grammar of Russian as a foreign language

АННОТАЦИЯ
В статье рассматриваются лингводидактические взгляды М.В. Ломоносова, получившие отражение в «Российской грамматике» (СПб., 1755). Анализ теоретического и языкового материала грамматики, способов его организации и презентации позволил прийти к заключению о том, что Ломоносов адресовал свой труд не только «Россійскому юношеству», но и «иностраннымъ Россіянамъ».

Ключевые слова: история русской грамматической традиции; грамматика русского языка как иностранного

1. Сегодня о «Российской грамматике» М.В. Ломоносова (СПб., 1755), казалось бы, должно быть известно всё. Однако каждое обращение к этому фундаментальному труду и его пристальный анализ под определенным, узконаправленным углом зрения выявляет новые сюжеты. Одному из таких сюжетов, созвучному ведущему направлению деятельности Майи Владимировны Всеволодовой – созданию функционально-коммуникативного описания русского языка в целях его преподавания иностранцам, и посвящена данная статья.

Вопрос об адресате «Российской грамматики» Ломоносова ни в одном из известных автору исследований, посвященных как филологиче-

скому наследию Ломоносова, так и истории русской грамматической традиции в целом, ранее специально не поднимался, Априорно постулировалось, что «грамматика Ломоносова написана по-русски и для русских» [Живов 2017: 1059]. Между тем из текста «Российской грамматики» со всей очевидностью следует, что ее автор адресует свое произведение не только «Россійскому юношеству», но и «иностраннымъ <…> Россіянамъ», «которые Россійской языкъ не очень твердо знаютъ» (§ 338) [Ломоносов 1755: 123–124][1]. Ориентация Ломоносова как на носителей русского языка, так и на инофонов, апелляция к их языковому опыту прослеживается на протяжении всего текста грамматики. Так, уже в предисловии, содержащем апологию «повелителя многихъ языковъ языка Россійскаго», Ломоносов подчеркивает, что величие «Россійскаго языка» покажется «невѣроятно <…> *иностраннымъ* (выделено нами – *Е.К.*), и нѣкоторым природнымъ Россіянамъ» [Ломоносов 1755: 5–6].

Обращение Ломоносова в том числе и к иностранной аудитории вполне объяснимо. В его время в России «ученое сословие состояло исключительно из немцев» [Толстой 1883: 6]. «Почти вся состояла из иностранцев» [Демков 1897: 148] учрежденная Петром I Императорская Академия наук. Из 110 служивших в ней на протяжении XVIII в. академиков и адъюнктов было 67 немцев, 7 швейцарцев, 5 французов, 2 шведа, 1 англичанин, 1 испанец. Отечественные ученые, которые стали избираться в Академию лишь с середины XVIII в., составляли менее одной пятой (всего 27) [Толстой 1883: 8–10; Демков 1897: 172–188]. Академия воспринималась как «немецкая», и вся её текущая документация как до, так и длительное время после Ломоносова велась исключительно на иностранных языках. Со дня основания в 1724 г. и до 1733 г. протоколы Академии велись на латинском языке, в 1734–1741 гг. – на немецком, в 1742–1766 гг. – вновь на латинском, в 1767–1772 гг. – вновь на немецком, а с 1773 г. – на французском [Алексеева 2007: 296].

В XVIII в. Императорская Академия наук представляла собой научно-учебный центр, включающий помимо собственно Академии наук Академический университет, ректором которого с 1758 по 1765 г. был Ломоносов. Соединение в одном государственном учреждении научных и образовательных функций было предпринято Петром I из-за отсутствия в России отечественных ученых. Их и были призваны подготовить приглашенные из государств Западной Европы члены Академии, в обязанности которых входило преподавание в университете. Поскольку все лекции читались на латинском языке – языке европейской науки того времени, знание латыни было необходимым и обязательным условием для поступле-

[1] Здесь и далее при цитировании грамматики Ломоносова воспроизводится орфография и пунктуация ее первого издания 1755 г.

ния в Академический университет. Среди российского юношества знатоков латыни было совсем немного. Именно потому не только среди академиков и адъюнктов, но и среди академических студентов преобладали иностранцы – дети иностранных дипломатов, купцов и тех, кто состоял в России на государственной службе [Пекарский 1870: 29–30].

Об адресованности «Российской грамматики» иностранному читателю свидетельствует и то обстоятельство, что сам Ломоносов стремился к её скорейшему изданию на немецком языке. Перевод на немецкий «Rußische Grammatick verfaßet von Herrn Michael Lomonoßov» был выполнен под его личным «смотрением» академическим архивариусом И.-Л. Стафенгагеном и издан в Петербурге в 1764 г. [Макеева 1961: 56–59].

2. Ориентация Ломоносова не только на русскую, но и на иностранную аудиторию проявляется в отборе теоретического и языкового материала грамматики, в способах его систематизации и презентации.

2.1. Описывая различные языковые явления, Ломоносов прибегает к межъязыковым сопоставлениям, которые, очевидно, адресованы именно иностранным учащимся, поскольку для носителя русского языка они лишены какой бы то ни было объяснительной ценности и, соответственно, методической целесообразности. Так, например, нет никакой необходимости объяснять носителю русского языка произношение русских звуков с опорой на немецкий или французский язык. Ср.: «§ 89. *Е* в *единъ* произносится, какъ у нѣмцовъ *je* в *jeder*, *ю* въ *юношествѣ*, какъ *ju* в *Jugend*, *я* въ *яблоко*, какъ *ja* в *Jahr*… *Е* в *небо*, какъ *e* в *Nebel*, *ю* въ *лютость*, какъ у Французовъ *u* въ *lutter*, *luster*, *я* въ *погоня*, какъ *a* въ *il gagna*» [Ломоносов 1755: 44–45]. Для изучающего русский язык как иностранный, напротив, подобные инструкции крайне важны, и они активно используются преподавателями практической фонетики русского языка как иностранного (РКИ) как отправная точка при постановке произношения. Ср., например, рекомендации одного из авторитетных пособий по русской звучащей речи для иностранных учащихся И.В. Одинцовой: «При произношении русского гласного [и] следует опираться на произношение английского долгого гласного [i:] <…> В связи с тем, что русские согласные [м], [п], [б], [ф], [в] по своей артикуляции почти не отличаются от соответствующих английских согласных, постановку мягкости рекомендуется проводить на этих согласных» [Одинцова 2017: 19, 22].

О несомненном учете потребностей иностранной аудитории свидетельствует и избранный Ломоносовым способ семантизации глаголов *слушаю* и *слушаюсь*. Различия в их значениях Ломоносов демонстрирует с помощью латыни: «§ 358. <…> *Слушаю* съ приложеніемъ *сь* со всѣмъ въ другомъ разумѣ употребляется. *Слушаю* значитъ *audio*, а *слушаюсь*, *obedio, повинуюся*» [Ломоносов 1755: 136]. Перевод на латынь, вполне

уместный в обучении иностранца, выглядел бы, по меньшей мере, странно, если бы грамматика была обращена исключительно к русским. Необходимость дифференциации этих глаголов обусловлена стремлением Ломоносова предотвратить многочисленные ошибки, состоящие в употреблении глагола *слушаться* как производного от *слушать* в пассивных конструкциях. Причиной их появления, по мнению Ломоносова, является языковая интерференция – влияние латинской языковой модели: «Весьма обманывались многіе, употребляя возвратной глаголъ вмѣсто страдательнаго, ибо они думали, что *сь* или *ся* всегда туже силу имѣетъ, какъ Латинское *r*, что весьма неправедно» [Там же]. Выявленный Ломоносовым механизм порождения таких ошибок однозначно указывает, что они могли быть засвидетельствованы только в речи инофонов.

Таким образом, подход Ломоносова отвечает одному из требований, предъявляемых к грамматике РКИ, которая «должна представить специфику русского языка “в зеркале других языков”. Постоянное наложение русского материала на иноязычный дает богатейшие возможности для определения и описания специфики русского языка во всех аспектах – от фонетического до когнитивного» [Всеволодова 2003: 66].

2.2. Вряд ли носитель русского языка произнесет звук [в] в слове *овца*, звук [ж] в слове *книжка*, звук [з] в слове *низко* и т. п. Предлагаемые Ломоносовым правила об ассимиляции согласных по глухости/звонкости (в тексте ломоносовской грамматики использованы иные термины: звонкие согласные называются мягкими, а глухие – твердыми) нужны иностранцу, который учится читать по-русски: «§ 98. Всѣ согласныя мягкія буквы и плавныя, когда стоятъ передъ твердыми, или на концѣ реченія, не имѣя послѣ себя самогласной [т. е. гласной. – *Е.К.*], выговариваются твердо, то есть *б* какъ *п, в* какъ *ф, г* какъ *к* или *х, д* какъ *т, ж* какъ *ш, з* какъ *с*, напримѣръ: *Обсылаю, дубъ, добръ, справка, овца, здоровъ, ногти, другъ, Богъ, надпись, плодъ, мужъ, книжка, низко, звѣздъ* выговариваютъ: *спрафка, офца, здорофъ, нохти, друкъ, Бохъ, натпись, плотъ, мушъ, книшка, ниско, звѣстъ*. Напротивъ того твердыя мягкими умягчаются. *Отъ горы, къ добру;* произносятъ*: одгоры, гдобру*» [Ломоносов 1755: 47–48]. Русским же требуются совершенно другие правила – не о том, как произносить эти слова, а о том, как их правильно писать.

В этом отношении вызывают интерес виды грамматических правил, использованных Ломоносовым. Наряду с презентацией грамматической системы русского языка и правилами-обобщениями он дает «особливые» правила-инструкции, алгоритмы образования форм, в которых не нуждался бы носитель русского языка (своды таких правил представлены после всех парадигм склонения и спряжения). Например,

– о продуцировании форм род.п. мн.ч. существительных ж.р. с беглыми *о* или *е*: «§ 158. Родительной падежъ множественнаго числа хотя

по большой части отъятіемъ буквы *а* производится; однако изъ сего вычесть должно кончащіяся на *ка* съ предъидущею согласною, гдѣ передъ *к* вмѣщается *о: трубка*, *трубокъ*; *дѣвка*, *дѣвокъ; молодка*, *молодокъ*; *перевозка*, *перевозокъ*; *полка*, *полокъ*; *котомка*, *котомокъ*; *перепонка*, *перепонокъ*; *бурка*, *бурокъ*; *подвѣска*, *подвѣсокъ; утка*, *утокъ*. Но когда передъ *к* стоитъ *ж*, *ч*, *ш*, тогда вмѣсто о полагается *е*. *Кружка*, *кружекъ*; *бочка*, *бочекъ*; *пушка*, *пушекъ*»;

– о чередовании согласных при образовании глагольных форм настоящего времени и форм сравнительной степени прилагательных: «§ 285. Простые глаголы перваго спряженія, кончащіеся на *гу* и *ку*, во второмъ и третьемъ лицѣ единственнаго, и в первомъ и во второмъ лицѣ множественнаго числа перемѣняютъ *г* на *ж*, *к* на *ч*, напр.: *стригу*, *стрижешь*, *стрижетъ*, *стрижемъ*, *стрижете*, *стригутъ*; *пеку*, *печешь*, *печетъ*, *печемъ*, *печете*, *пекутъ*»; «§ 214. [прилагательные,] кончащіяся на *дъ* и *гъ* перемѣняютъ оныя на *же: худъ*, *хуже*; *молодъ*, *моложе*; *тугъ*, *туже*; *дорогъ*, *дороже*; *строгъ*, *строже*; *твердъ*, *тверже*»;

– о механизмах образования форм инфинитива («неопредѣленнаго наклоненія») от форм прошедшего времени путем замены *л* на *ть*: «§ 382. Отъ прошедшаго неопредѣленнаго производится наклоненіе неокончательное, неопредѣленное чрезъ перемѣнение *лъ* на *ть: бранилъ*, *бранить*; *сидѣлъ*, *сидѣть; гнусилъ*, *гнусить*; *грезилъ*, *грезить*; *двоилъ*, *двоить*; *мостилъ*, *мостить*; *низилъ*, *низить*» [Там же: 79, 92, 111, 144] и др.

2.3. В основу грамматики М.В. Ломоносова положено описание синтаксического строя русского языка. Такой подход перекликается с признанием в функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка ведущей роли «синтаксиса как системы, синтезирующей и организующей все другие уровни языка» [Амиантова и др. 2001: 220]. Функциональность явно выражена в способе представления грамматической семантики: крупные грамматические категории, такие, как части речи, получают у Ломоносова не дедуктивные семантические характеристики, а функциональные, определяющие не значение категории, а ее функцию: «§ 46. По сему слово человѣческое имеетъ осмь частей знаменательныхъ. 1) *Имя,* для названія вещей. 2) *Мѣстоименіе,* для сокращенія именованій. 3) *Глаголъ,* для названія дѣеяній. 4) *Причастіе* для сокращенія, соединеніемъ имени и глагола въ одно реченіе. 5) *Нарѣчие,* для краткаго изображенія обстоятельствъ. 6) *Предлогъ,* для показанія принадлежности обстоятельствъ къ вещамъ или дѣяніямъ. 7) *Союзъ,* для изображенія взаимности нашихъ понятій; 8) *Междуметіе,* для краткаго изъявленія движеній духа» [Ломоносов 1755: 26].

Языковой материал в «Российской грамматике в целом ряде случаев организован на функционально-семантической основе (подобно тому,

как это делается сегодня в грамматиках РКИ), и в ней учащемуся предоставляются сведения о правилах выбора языковых средств для выражения определенных смыслов.

Например, в §§ 520–525 сгруппированы различные способы выражения временных отношений в простом предложении. Ломоносов дает предписания, которые полностью соответствуют инструкциям, содержащимся в современных учебных пособиях по РКИ. Для обозначения «количества», то есть времени, полностью занятого действием, требуется использовать винительный беспредложный; «срок», в течение которого сохраняется результат действия, выражается конструкцией «на + вин.п.»; части суток и времен года – формами типа *днем*, *ночью*, которые в середине XVIII в. интерпретировались как формы творительного падежа: «§ 520. Времена, количества знаменующія, требуютъ именъ числительныхъ въ винительномъ безъ предлога: *жилъ девяносто лѣтъ; десятую зиму доживаю въ удаленіи отъ дому*. § 521. Ежелижъ значитъ срокъ, прилагается предлогъ *на*: *поѣхалъ въ чужіе краи на пять лѣтъ; занялъ денегъ на два мѣсяца* <…> § 525. Части дней и года главныя творительнаго требуютъ безъ предлога: *днемъ работать, ночью почивать*; *весною посѣять, осенью собрать*» [Там же: 209].

§§ 506–516 посвящены выражению пространственных отношений. Ломоносов рассматривает частные значения «места», «старта» и «финиша»; приводит семантические группы слов, требующие предлога *в* или *на* в конструкциях «в + п.п.» // «на + п.п.», обозначающих местоположение; устанавливает соотношение предлогов «старт» – «финиш» (*из – в*, *с – на*); устанавливает соответствие предлогов, обозначающих «финиш», предлогам, обозначающим «место»:

«§ 506. Въ разсужденіи обстоятельствъ мѣста, на вопросъ *гдѣ* имена земель и городовъ требуютъ предлога *въ*: *родился въ Москвѣ; жилъ въ Кіевѣ; учился въ Германіи, Франціи и Англіи*. Предлогъ можетъ ко всѣмъ стекшимся именамъ мѣстъ быть приставленъ: *въ Германіи, во Франціи, въ Англіи науки процвѣтаютъ*.

§ 507. Имена городовъ, по рѣкамъ проименованныхъ, полагаются въ предложномъ падежѣ съ предлогомъ *на*: *на Дону жить прохладно, на Москвѣ весело*.

§ 508. Сему послѣдуютъ имена улицъ горъ, поль, морей, острововъ: *живетъ на Покровкѣ*, *гульбище на трехъ горахъ*, *на Дѣвичьемъ полѣ*, *на Куростровѣ*, *буря была на Каспійскомъ морѣ*.

§ 509. Именамъ приходовъ приличествуетъ *у*, съ родительнымъ: *у Ильи Пророка на Воронцовскомъ полѣ; у Успенья на Покровкѣ; у Николая подкопая* <…>

§ 512. На вопросъ *куда* требуется падежъ винительной съ предлогомъ *въ*, когда имя есть нарицательное, или собственное государства, города, монастыря, деревни и всѣхъ тѣхъ, которые требуютъ на вопросъ *гдѣ* предложнаго, съ предлогомъ *въ*: *въѣхать въ Кіевъ; отправиться въ Польшу*.

§ 513. Которые на вопросъ *гдѣ* предложный имѣютъ съ предлогомъ *на;* тѣ на вопросъ *куда* требуютъ винительнаго съ тѣмже предлогомъ: *ѣхать на вятку*, *на покровку*, *на охту*.

§ 514. Имена сочиняющіяся на вопросъ *гдѣ* съ предлогомъ *у* и съ родительнымъ, на вопросъ *куда* сочиняются съ винительнымъ и съ предлогомъ *къ*: *плыть къ городу орхангельскому* (так!); *послать къ соли камской*; *итти къ казанской молиться*.

§ 515. а вопросъ *откуда* слѣдуютъ тѣ имѣна, которыя на вопросъ *гдѣ* въ предложномъ падежѣ съ предлогомъ *въ* употребляются, въ родительномъ падѣжѣ съ предлогомъ *изъ*: *возвратиться изъ Германіи, вызвать изъ Франціи*.

§ 516. *На* требующіе къ вопросу *гдѣ,* принимаютъ на *откуда* родительной съ предлогомъ *съ: съ вятки хлѣбъ и мѣдъ, съ волги рыбу привозятъ*» [Там же: 206–208].

2.4. Когда М.В. Ломоносов говорит о богатстве, выразительности и мощи русского языка, он представляет его как «едва предѣлы имѣющее море» [Там же: 7–8]. Это представление напрямую связано с задачей преподавателя РКИ – помочь иностранному учащемуся стать хорошим «пловцом» в этом безбрежном море, овладеть русским языком, в котором «тончайшія философскія воображенія и рассужденія, многоразличныя естественныя свойства и перемѣны, бывающія въ семъ видимомъ строеніи мира, и в человѣческихъ обращеніяхъ, имѣютъ <…> пристойные и вещь выражающія рѣчи» [Там же: 7]. Отмеченная М.В. Ломоносовым способность языка отражать национально-специфический взгляд на окружающую действительность лежит в основе не так давно осознанной необходимости знакомства инофонов с русской языковой картиной мира, что, в свою очередь, является основой формирования «русского» взгляда на окружающую действительность [Дунаева и др. 2011: 169]. «Принципиально важной для функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка, и в первую очередь для функционально-коммуникативной грамматики, является изучение семантического пространства языка, денотативных смыслов и их национально детерминированных интерпретаций на сигнификативном уровне» [Амиантова и др. 2001: 218]. В задачу преподавателя РКИ входит также помочь иностранцу освоить

русский язык настолько, чтобы использовать его «для сообщенія съ другими своихъ мыслей» [Ломоносов 1755: 20], чтобы реализовать свои коммуникативно-личностные потребности на русском языке.

Следует особо подчеркнуть, что в истории русской грамматической мысли именно Ломоносов первым противопоставляет грамматику описательную, академическую, которую он называет «общей», грамматике практической, дидактической, «особливой» [Там же: 40]. Его российская грамматика – грамматика «особливая» – учит «говорить и писать», то есть активно пользоваться языком: «§ 83. <…> Особливая, какова Россійская Грамматика, есть знание, какъ говорить и писать чисто Россійскимъ языкомъ по лутчему, разсудительному его употребленію» [Там же]. Этому же требованию – «обучить носителей других языков активному владению русской речью» [Всеволодова 2003: 59] – должно удовлетворять грамматическое описание, положенное в основу учебников РКИ.

Как мы видим, исходная установка Ломоносова – создание грамматики не только нормативной, но и дидактической, нацеленной на обучение «Россійскаго языка» «употребленію» в том числе и «иностранныхъ Россіянъ», – была не только декларирована, но и реализована в самом содержании «Российской грамматики». Отраженные в ней лингводидактические взгляды Ломоносова сохранили свою безусловную актуальность до настоящего времени и во многом коррелируют с современными концепциями теории и практики преподавания русского языка как иностранного.

Литература / References

1. *Алексеева Е.В.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2007.
2. *Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П.* Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2001, № 6. С. 215–233.
3. *Всеволодова М.В.* Фундаментальная прикладная грамматика русского языка как основа для создания учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному // Сопоставительная филология и полилингвизм: Сборник научных трудов. Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. С. 59–66.
4. *Демков М.И.* История русской педагогии. Ч. 2. Новая русская педагогия (XVIII в.). СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1897.
5. *Дунаева Л.А., Красильникова Л.В., Кузьминова Е.А.* Лингводидактические концепции М.В. Ломоносова в современной теории и методике преподавания языковых дисциплин // Ломоносов: патриот, творец, просветитель / Под ред. Н.Х. Розова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 167–182.
6. *Живов В.М.* История языка русской письменности: В 2 т. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. Т. 2.
7. *Ломоносов М.В.* Россиійская грамматика. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1755.

8. *Макеева В.Н.* История создания «Российской грамматики» М.В. Ломоносова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
9. *Одинцова И.В.* Звуки. Ритмика. Интонация: учебное пособие. 6-е изд. М.: Флинта: Наука, 2017.
10. *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1870.
11. *Толстой Д.А.* Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1883.

DOI 10.29003/M150.LMC2018-60/171-184

СИНТАКСЕМНОЕ ОПИСАНИЕ ВВОДНЫХ ОБОРОТОВ ТИПА «*К СЧАСТЬЮ*»

О.В. Кукушкина, В.В. Каприелова

SYNTAXEME DESCRIPTION OF INTRODUCTORY CLAUSES OF THE "*K SCHAST'YU*" TYPE

O.V. Kukushkina, V.V. Kaprielova

ABSTRACT:
Russian introductory clauses such as *"k schast'yu"*, *"k neschast'yu"*, *"k sozhalenyu"* etc. are investigated. The aim of this research is to describe the semantics and functional peculiarities of these clauses on the basis of "syntaxeme" approach. The paper deals with theoretical issues related to this notion as developed in the works of G.A. Zolotova and M.V. Vsevolodova. The application of syntaxeme description allowed to specify semantics of those clauses and their syntaxeme status. The paper also contains quantitative data about usage frequency of certain lexical items within these clauses. Data obtained on the basis of investigating text corpuses allowed to make some comparative conclusions. The investigation confirmed the efficiency and perspectives of syntaxeme description.

Keywords: functional grammar; connection between vocabulary, syntax and morphology; syntaxeme; proposition; denotative roles; modus; text corpus

АННОТАЦИЯ
Цель исследования – синтаксемное описание одного из типов русских вводных оборотов. В рамках этого описания проводится пропозитивный анализ их семантики, определяется синтаксемный статус, а также, на основе материала корпусов текстов, созданных в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова, анализируется состав и частотность употребления в них конкретных лексем. В статье также затрагиваются некоторые теоретические вопросы, касающиеся понятия «синтаксема».

Ключевые слова: функциональная грамматика; связь лексики, синтаксиса и морфологии; синтаксема; пропозиция; денотативные роли; модус; корпус текстов

Синтаксемное описание единиц, принципы которого были разработаны в трудах Г.А. Золотовой и продолжают совершенствоваться М.В. Всеволодовой, позволяет по-новому и более системно взглянуть на традиционные для лингвистики объекты. Понятие «синтаксема» оказалось востребованным в таких описаниях русской грамматики, которые

носят обобщающий и при этом ярко выраженный функциональный характер. И это не случайно, так как оно дает возможность эффективно анализировать и инвентаризировать явления того «бермудского треугольника», в котором действуют устойчивые связи между синтаксисом, морфологией и лексикой, но которые нельзя описать ни в рамках синтаксиса, ни в рамках лексики, ни в рамках морфологии. В данной статье представлены некоторые результаты синтаксемного описания конкретного языкового материала. Одновременно в ней затрагиваются теоретические вопросы, возникающие при таком описании. При их обсуждении мы опираемся на работы М.В. Всеволодовой, в которых «синтаксема» выступает как один из краеугольных камней функционально-коммуникативного исследования русского языка.

В заглавии данной статьи объект описания охарактеризован как «вводные обороты типа *к счастью*». Этого вполне достаточно, чтобы носитель языка сразу понял, о чем идет речь, и включил в данный тип *к несчастью*, *к сожалению*, *к обиде*, *к неудовольствию* и т. п. Это говорит о том, что в языковом сознании присутствует некая обобщающая единица, позволяющая рассматривать такие лексически разные единицы как тождественные, относящиеся к одному и тому же типу. Два общих параметра этого типа заданы в нашем описании в явном виде. Это 1) синтаксическая позиция, в которую помещено существительное (вводная), и 2) его морфологическая форма («*к* + дат.п.»). Третий параметр – это характер значения, передаваемого рассматриваемыми оборотами. Оно описано с помощью лексического значения существительного *счастье*, выступающего в данном случае как семантический эталон. Этот эталон сразу позволяет отсечь случаи типа *к дождю*, *к болезни* и др. как неподходящие, не относящиеся к нужному типу.

Таким образом, наше описание активизирует в сознании носителя русского языка знания о слове особого рода: как его нужно оформить, чтобы оно могло выступать в определенной синтаксической позиции с определенным значением; а также о том, может ли оно вообще делать это. То есть наше описание является, по сути дела, синтаксемным. Именно понятие «синтаксема» позволяет свести эти знания в одно «триединое» целое и выделить такой особый аспект описания слова, как его синтаксические формы.

«Триединство» синтаксемы хорошо эксплицируется в следующем определении, данном М.В. Всеволодовой: «это морфологическая форма слова, для существительного – включая предлог или частицу, если они есть (ср. *Мне не до смеха*, *До смеха ли мне*), или словоформу строевого слова, например, связки <…>, с учетом значения, определяемого классом слов, ее образующих, и способности занять определенные позиции в синтаксических построениях» [Всеволодова 2016: 225].

Целесообразность выделения особого синтаксемного языкового уровня (подуровня) признается далеко не всеми лингвистами. Так, «Русская грамматика» под ред. Н.Ю. Шведовой обходится, как известно, без него, описывая особенности лексемного наполнения и морфологического оформления разных компонентов синтаксических конструкций в рамках комментариев к отдельным схемам предложений. Однако если наши знания и реализующие их языковые модели носят особый, промежуточный, не укладывающийся в основные уровни языка характер, то выделение «промежуточных» уровней может оказаться правомерным и эффективным. Оно создает новые объяснительные возможности и делает описание более точным.

Так, например, в настоящее время все более укрепляется мысль о том, что для русского слова нужно выделять не только морфемный, но и более низкий, субморфный уровень членения (см. [Чурганова 1973]). Это связано с тем, что в русском языке, как и в других языках флективно-фузионного типа, в слове постоянно протекают процессы опрощения и переразложения, а это неизбежно приводит к появлению составных, то есть формально разложимых, но семантически единых морфем. И адекватная теория не должна и не может запрещать носителю языка видеть и выделять морфемоподобные сегменты в единицах типа *огур~ец*, *буж~ен~ин(а), ~ч~он~ок* и т. п. Такая теория должна максимально учитывать все виды языкового знания, которыми он обладает, в том числе и умение видеть формальную разложимость морфем и производить их формальное членение. Для этого может потребоваться введение нового, пусть и вспомогательного уровня описания, в данном случае субморфного (см. подробнее [Кукушкина 2016]) .

Какие преимущества дает нам введение особого синтаксемного уровня описания? Как уже говорилось выше, оно позволяет в большей степени учесть различие в поведении слов разных типов в синтаксических построениях. Кроме того, синтаксемный подход позволяет расширить понятие «морфологическая форма слова» и в полной мере включить в эту форму синтагматические способы грамматического оформления лексемы. Это особенно важно для предлогов, поскольку предложно-падежные формы не включаются в парадигму существительных, т. е. практически не попадают в морфологию, но также не являются словосочетаниями, в результате чего им не находится законного места и в синтаксисе. При этом предлоги, в сочетании с падежом и типом семантики стержневого существительного, передают важнейшую грамматическую информацию. При расширенном понимании «морфологической формы слова», которое мы находим в работах М.В. Всеволодовой, предлог рассматри-

вается как компонент единой предложно-падежной формы (см. определение синтаксемы, приведенное выше), включаемой вместе с беспредложными формами в единую морфологическую парадигму слова.

Члены морфологической парадигмы слова, по М.В. Всеволодовой, можно описывать с помощью понятия «словесная форма слова». Оно определяется следующим образом: «это морфологическая форма слова, включая предлог для имен существительных, если он есть, или словоформу связки “быть”, **без указания на лексику**, образующую форму» [там же: 224] (выделено мною. – О.К.). Очевидно, что носитель русского языка имеет дело со словесной формой, «очищенной» от лексики, лишь в специфических ситуациях (например, при склонении слова). Отвлечься от лексической семантики ему достаточно трудно, если не невозможно. Введение понятий «синтаксическая форма» и «синтаксическая парадигма слова» помогает описать те «неочищенные» от лексики единицы, которыми реально оперирует наше языковое сознание и с помощью которых слова функционируют. Именно они, судя по всему, и составляют «элементарные единицы синтаксиса» [Золотова 1988].

М.В. Всеволодова определяет синтаксическую парадигму слова двояко. Во-первых, как набор конкретных форм конкретного слова, с учетом их синтаксических функций. Ср.: синтаксическая парадигма слова – «набор словоформ, реально участвующих в синтаксических построениях» [там же: 222], т. е. это, практически, набор синтаксических форм слова. Во-вторых, синтаксическая парадигма рассматривается как набор синтаксем. Ср.: «Члены синтаксической парадигмы данного слова и суть его синтаксемы» [там же: 225]. В связи с этим возникает вопрос о соотношении синтаксических форм слова и синтаксем. Между ними обычно ставится знак равенства. Однако представляется, что за этими двумя терминами стоят тесно связанные, но разные явления.

Использование «эмического» суффикса ставит синтаксему в один ряд с такими единицами, как лексема, субморфема (субморф), морфема и граммема. Общим их свойством является двусторонний (наличие формы и содержания) и обобщающий характер. Он предполагает наличие неких вариантов, которые языковое сознание отграничивает от всех остальных и воспринимает, несмотря на различия, как тождественные в формальном и семантическом отношении.

Синтаксема, как эмическая единица, тоже должна описывать некий комплексный двусторонний объект, имеющий конкретные реализации. В качестве такого объекта, согласно определению синтаксемы, выступает одинаковый морфологический способ выражения одного и того же значения у некоей совокупности лексем. И способ морфологического выражения, и общее значение этого объекта могут в какой-то степени варьи-

роваться в зависимости от конкретных лексем. Так, например, М.В. Всеволодова описывает предлог *на* в директивных сочетаниях типа *на Украину*, *на Кавказ* как вариант предлога *в* [там же: 225]. Основанием для этого, как и при сведении звуков в фонему, морфов в морфему, является очевидная позиционная обусловленность выбора конкретного предлога, его лексикализованность. Это позволяет говорить о существовании единой синтаксемы «*в/на* + вин.п.» с директивным значением, имеющей лексемно обусловленные конкретные реализации. Данный случай можно рассматривать как пример внутрисинтаксемного варьирования.

Для описания такого варьирования удобно использовать термин «синтаксическая форма слова», который, в силу своей внутренней формы, отсылает нас к конкретной лексеме, а не к целому их классу. Это позволяет терминологически разграничить обобщенную единицу и ее конкретные реализации (ср. аналогичное разграничение: звук и фонема, алломорф и морфема, словоизменительный вариант и граммема). В этом случае можно было бы говорить о том, что синтаксическая парадигма слова состоит из синтаксических форм этого слова, представляющих разные синтаксемы.

«Эмическое» понимание синтаксемы вводит ее в такой традиционный круг вопросов, как определение инвариантного значения, границы формального варьирования, характер связей с другими синтаксемами (полисемия и омонимия), первичные и вторичные позиции и функции; лексические ограничения, реальный лексический состав, исторические видоизменения и др. Оно также имеет и очевидное практическое следствие: помогает осознать необходимость лексикографического описания синтаксем. Как показал опыт «Синтаксического словаря» Г.А. Золотовой, синтаксемная лексикография – это задача вполне решаемая и очень перспективная [Золотова 1988].

Исходя из всего сказанного, попробуем описать синтаксему, к которой относятся синтаксические формы типа *к счастью* во вводной позиции. Первый вопрос, который здесь возникает – имеем ли мы дело с какой-то особой синтаксемой или перед нами некая синтаксема, просто перемещенная во вводную позицию. За этим вопросом стоит базовая проблема – критерии разграничения синтаксем.

Имеющийся опыт синтаксемных описаний показывает, что совокупность «морфологическая форма + тип лексического значения» (т. е. синтаксема) маркирует в первую очередь не синтаксическую позицию, а денотативную роль, которую выполняет смысловой компонент в ситуации. Эта роль может сохраняться в разных синтаксических позициях (см. понятие «свободная синтаксема» у Г.А. Золотовой). Таким образом, главный критерий при выделении и разграничении синтаксем – тип передаваемого грамматического значения. Синтаксическая форма вписывает

лексическую единицу в высказывание, актуализируя ее значение, а именно – приписывая слову определенную денотативную роль, а с ней и возможные синтаксические позиции. В связи с этим представляется абсолютно правильной и очень важной точка зрения М.В. Всеволодовой, которая прямо связывает значение синтаксем с денотативными ролями и пишет: «Следует отметить, что в любой позиции синтаксема, в том числе связанная, – исполнитель некоторой денотативной роли» [Там же: 259].

Таким образом, отправной точкой для синтаксемного описания является определение той денотативной роли, которую приписывает синтаксическая форма слова выражаемому этим словом смыслу. Если эта роль сохраняется в разных синтаксических позициях, значит, перед нами одна и та же синтаксема. Если же она изменяется, то можно говорить о разных синтаксемах. Если же мы имеем разные роли при одной и той же морфологической форме в одной позиции, то перед нами, очевидно, синтаксемная омонимия, связанная с различием в семантике лексем (ср.: *читать книгу* и *читать час*).

Классификация денотативных ролей (ДР) занимает очень важное место в модели функционально-коммуникативного синтаксиса М.В. Всеволодовой. Вопрос о количестве, составе и названиях этих ролей в настоящее время еще дискутируется, но основные их виды уже можно считать выделенными; семантика уже описанных синтаксем в целом укладывается в эти виды, соответствует им.

Поскольку вводные обороты типа *к счастью* содержат явный следственный семантический компонент, сравним их с аналогами, выступающими в других позициях. М.В. Всеволодова характеризует «*к* + дат.п.» в (1) *К моему удивлению, все прошло спокойно* как каузальный сирконстант следственного типа, а конкретно, консеквентив-1 [там же: 213]. Эта же роль приписывается форме «*к* + дат.п.» от слова *беда* в (2) *К беде неопытность ведет*. Каузальный сирконстант следственного типа представлен и в случае (3) *Вороны сильно каркают – к дождю*. Но здесь он отнесен к близкой, но иной роли – консексентив-2**,** с помощью которой выражается «логически выводимое следствие» [там же]. В этом случае распространяемая сирконстантом ситуация выступает лишь как внешняя примета наступления «счастья», но не как его источник.

Таким образом, морфологическая форма «*к* + дат.п.» у существительного *счастье* может рассматриваться как омоним: она представляет собой минимум две синтаксические формы, реализующие разные синтаксемы с близкой, но различающейся семантикой следствия. Ср: *Это не привело к их счастью* и *Посуда бьется к счастью*.

Однако между вводным употреблением (1) *К моему счастью, все успокоилось* и (2) *Это не привело к их счастью* ощущается большое се-

мантическое различие. В связи с этим возникает стандартная для эмических единиц проблема: связано ли это различие только с позицией (контекстом) или же перед нами разные единицы (синтаксемы), именующие разные роли. Как и в случае разграничения обобщающих единиц другого типа, вопрос этот часто невозможно решить однозначно. Но важно то, что синтаксемный подход дает возможность ставить его и обсуждать.

В пользу того, что перед нами не простая транспозиция (*Все прошло успешно, и это привело (их) к их счастью > К их счастью, все прошло успешно*), а разные синтаксемы, говорит то, что во вводной позиции, происходит резкое сужение семантического класса существительных, способных передавать значение следствия. Ср., например, невозможность этого для наименований природных состояний: *Климат изменяется, что приводит к постоянным дождям > *К постоянным дождям, климат изменяется*. То есть в присентенциальной, вводной позиции представлены только определенные виды следствий. Что касается денотативной роли, то она существенно осложняется.

Это связано с тем, что вводная позиция наделяет смысл самостоятельным пропозитивным статусом, т. е. превращает его в средство обозначения особой, отдельной ситуации. В нашем случае мы имеем дело с модусным смыслом. В связи с этим возникает вопрос о соотношении денотативных ролей и модуса. М.В. Всеволодова, поднимая этот вопрос, пишет следующее: «Интерпретация модусного смысла не сопряжена с той или иной ДР. Наиболее корректно, по всей вероятности, он выражается в так называемой модальной рамке предложения…» [Там же: 428]. Представляется, что здесь говорится не о том, что модус не может быть описан через денотативные роли, а именно о том, что, приобретая модусный статус, смысл начинает сам обозначать целую пропозицию, а значит, не может быть описан как отдельная роль. Ср.: «Фактически модусные смыслы выражают целые пропозиции, но это уже пропозиции некоторого третьего порядка, и на модусном уровне их нельзя представить в виде конфигурации ролей» [там же: 429].

Поскольку всякая пропозиция соединяет что-то с чем-то, модусная пропозиция также разложима на компоненты с различающимися ДР. Задача синтаксемного описания – установить, какую пропозицию обозначает вводное *к счастью* и какую денотативную роль в ней обозначает морфологическая форма стержневого существительного. Обязательным компонентом модусной пропозиции, как отмечает М.В. Всеволодова, отграничивающая авторизацию от модуса, является говорящий. К модусу, по мнению М.В. Всеволодовой, в отличие от авторизации, также регулярно представленной во вводной позиции, имеет смысл относить только

те смыслы, которые «идут от говорящего» [Там же: 424]. Именно говорящий является субъектом модусной пропозиции. Что именно делает говорящий, используя оборот типа *к счастью*?

Есть все основания говорить о том, что с помощью данного оборота говорящий квалифицирует основное положение дел на основе его последствий. То есть стержневые существительные выполняют в этой модусной пропозиции роль квалификативного предиката. Их анализ показывает, что здесь есть два класса случаев. В первом случае с помощью синтаксической формы существительного производится негативная или позитивная оценка последствий. Эта оценка может быть следующих типов:

I. Аксиологическая оценка:

а) ситуация очень плохая (*к несчастью*, *к ужасу* и т. п.),

б) ситуация очень хорошая (*к счастью*, *к восторгу* и т. п.),

в) ситуация не очень хорошая (*к сожалению*).

II. Утилитарная оценка: ситуация хорошая, так как выгодная (*к пользе*, *к выгоде*).

Во втором случае говорящий также оценивает ситуацию, но через указание на ее несоответствие ожиданиям (*к удивлению, к недоумению* и т. п.). Такую «эпистемическую» оценку, при известном огрублении, тоже можно рассматривать в рамках шкалы «позитивность / негативность» и относить к «непозитивной» сфере оценки (‘отсутствие позитивной оценки’). Ср.: *К ее удивлению, она выиграла* – при явной позитивности ситуации, оборот указывает на отсутствие позитивных эмоций там, где они должны были бы быть (ср.: *К ее радости, она выиграла*).

Таким образом, можно сделать следующий вывод: с помощью рассматриваемого оборота говорящий в общем случае оценивает ситуацию как негативную, позитивную или непозитивную по ее последствиям (‘*Я оцениваю ситуацию Р как …*’). Характер последствий при этом, как уже говорилось, ограничен. На это указывает лексический состав существительных, способных выступать в таких оборотах. В роли квалификативного (оценочного) предиката передаваемой ими модусной пропозиции используются такие существительные, лексическое значение которых способно именовать **эмоциональные** последствия. Это прежде всего названия реактивных эмоциональных состояний, имеющие явный негативный или позитивный компонент (*восторг, недоумение, возмущени*е и т. п.). Помимо этого здесь используются существительные *счастье, несчастье, беда*, описывающие хотя и не состояние, а целую ситуацию, но с позиции ее эмоционального восприятия. На периферии находятся имена утилитарной оценки (*польза, выгода*). Они дальше всего отстоят от эмоциональной сферы, но связаны с ней тем, что описываемый ими вид оценки связан с однозначной позитивной эмоциональной реакцией.

Во всех случаях оценка может сопровождаться показателями большой степени (интенсификаторами), оформляемыми атрибутивно. Ср.: *К моему огромному сожалению, восторгу, недоумению, выгоде* и т. п.).

Таким образом, прототипическое лексическое значение стержневого существительного в оборотах типа *к счастью* может быть охарактеризовано как позитивное или негативное эмоциональное состояние-реакция. Физиологические состояния, эстетические оценки, ответные действия, постоянные состояния, мало связанные с конкретными внешними обстоятельствами, в норме не могут иметь синтаксическую форму этого типа. Ср., например:

**к нашему голоду, продукты нам не подвезли;*

**к ее красоте, она сходила в парикмахерскую;*

**к его наглости, он посмел нас обмануть;*

**к угрозе нам, они нас окружили;*

** к лучшему, ситуация сильно изменилась*.

У эмоциональных состояний всегда есть субъект-носитель (лицо, совокупность лиц или существо). Поэтому имена, их обозначающие, имеют обязательную субъектную валентность. Этот носитель является самостоятельным участником описываемой модусной пропозиции. Именно с точки зрения последствий для него говорящий оценивает ситуацию. Он может быть не кореферентен ни самому говорящему, ни одному из компонентов оцениваемой ситуации. Ср.: *Он очень плохо все организовал, но, к счастью* ***для него****, все уехали вовремя*.

Субъект реактивного состояния вводится в модусную пропозицию как распространитель синтаксемы существительного и морфологически оформляется с помощью местоименного прилагательного (притяжательного, возвратного, взаимно-возвратного) или форм «род.п.», «*для* + род.п.» существительного или местоимения-существительного. При любом способе оформления данный смысловой компонент выполняет одновременно две денотативные роли и входит в две разные пропозиции. Во-первых, в модусной пропозиции оценки он выполняет роль своего рода критерия (говорящий заявляет: '*Я оцениваю ситуацию Р с позиции Х*'). Здесь можно видеть аналог роли «ситуант, уточняющий используемый критерий оценки». Ср.: «Критерий (критерий оценки у Г.А. Золотовой) – лицо, предмет или явление, по отношению к которому устанавливается соответствие / несоответствие некоторых параметров…» [там же: 210]. С другой стороны, здесь есть и признаки актанта типа «бенефициенс» (лицо, заинтересованное в «осуществлении ситуации и получающее в результате осуществления / неосуществления ее моральную выгоду или ущерб» [там же: 209]), правда, без необходимой адресатной составляющей. Во-вторых, распространитель одновременно выступает в роли субъекта описываемого стержневым словом состояния

(*к его радости*, *ужасу, восторгу* и пр.), через которое оценивается ситуация.

Таким образом, вводные обороты типа «*к счастью*» полипропозитивны. Они содержат в себе не только собственно модусную пропозицию, осложненную распространителем в роли критерия оценки / бенефициенса (‘Я *оцениваю эту ситуацию с точки зрения ее последствий для X*’), но и пропозицию, в которой оформляемое с помощью «*к* + дат.п.» существительное описывает состояние X (‘*Состояние X такое-то*’). А поскольку описываемое состояние представляется как следствие из основной пропозиции, в семантику рассматриваемых оборотов нужно включить и третью пропозицию – логическую. Она выражается с помощью значения предлога *к* и указывает на то, что это состояние является реакцией на оцениваемую ситуацию (‘*Данное состояние X вызвано положением дел P*’). В этой сложной полипропозитивной структуре собственно модусный смысл действительно выступает как пропозиция «некоторого третьего», если не четвертого порядка (см. изложенное выше мнение М.В. Всеволодовой).

Можно ли всю эту структуру включать в значение одной синтаксемы? Сама по себе морфологическая форма «*к* + дат.п.» у слов типа *счастье* с синтаксической и ролевой точки зрения неоднозначна. Так, в изолированной позиции она прочитывается как обозначение цели (*Вперед! К счастью!*) или же «приметы» (консексентив-2: *Чашка разбилась*! *К счастью*!). В припредикатной позиции эта форма может обозначать разные роли, в том числе и последствия, но при этом ограничение на тип последствий сразу снимается, и семантика оценки произошедшего устраняется. Ср.: *Это не привело его к счастью*, *к пониманию ситуации, к изменению поведения* и т. п.

В той же вводной позиции у слов иного семантического типа та же морфологическая форма может передавать иное, целевое значение. Ср.: *к вашему сведению, к ее чести, к примеру.* Таким образом, значение, которое выражается во вводной позиции с помощью данной формы и определенного круга лексем, уникально. Все это позволяет говорить о том, что в русском языке выработана специальная присентенциальная модусная синтаксема со значением «оценка говорящим ситуации через описание ее эмоциональных последствий, эмоциональной реакции на нее некоего лица (существа)». Наличие специальной синтаксемы для выражения негативной / позитивной оценки ситуации с точки зрения ее эмоциональных последствий лишний раз показывает, какую роль играют эмоции в жизни человека.

Важнейшим свойством данной синтаксемы можно считать обязательность ее распространения (*к счастью кого, для кого, чьему*). Однако име-

ются существительные, которые могут выступать и без лица-распространителя. Это *к сожалению*, *к счастью* и *к несчастью*. В связи с этим возникает вопрос о том, имеет ли здесь место разрешенный эллипсис (нуль-форма), или же перед нами особая единица другой части речи. Без лица-распространителя значение состояния-последствия ослабляется, и оборот из описания реактивного состояния превращается в простую, оторванную от носителя состояния оценку ситуации говорящим. Ср.: *К сожалению, он не смог им помочь* (= '*Это не очень хорошо / плохо, что…*', и *К его сожалению, он не смог им помочь* (= '*Он испытывал сожаление из-за того что*'). Поэтому представляется, что здесь нужно говорить о фразеологизации сочетания, и не о синтаксической форме существительного, а о переходе этой формы в слово особой части речи. См. описание переходов существительных в модальные (вводные) слова в [Виноградов 1972].

Опущение лица-распространителя в остальных случаях воспринимается как явный эллипсис, причем нарушающий грамматичность. Ср.:

Должен, ***к стыду****, признаться, что «Кандида» я прочитал только после этих статей…* [НКРЯ. И.Г. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книга 2 (1960–1965)];

Их старались распылить французы, большевистская пропаганда и… ***к стыду****, часть эмиграции и русской прессы* [НКРЯ. П.Д. Долгоруков. Великая разруха (1922–1924)];

Что же было огнем этих дымов почтенной газеты, о которых прочла вся Россия и которых, ***к стыду****, не прочел, наверное, ты?* [НКРЯ. Андрей Белый. Петербург (1913–1914)];

Николай Аполлонович вознамерился двинуться вниз, чтоб достойно, по-аблеуховски, ввести в лаковый дом щепетильного гостя; но, ***к досаде****, его меховая туфелька соскочила с ноги; и босая ступня закачалась из-под полы халата* [НКРЯ. Андрей Белый. Петербург (1913–1914)].

Говоря о лице-распространителе, нужно отметить, что второе лицо (собеседник) используется здесь ограничено и регулярно сопровождается неким прагматическим негативным смыслом, который можно охарактеризовать как 'неразделение говорящим чувств собеседника'. Ср.:

К твоему несчастью, ты не в моей вкусе!

К твоему несчастью, я здесь верховный король.

К твоему сожалению, автобус все-таки пришел.

К твоей радости, мы явно опаздываем.

Это связано, очевидно, с тем, что описание адресату его собственного эмоционального состояния имеет смысл в особых коммуникативных ситуациях, например, при речевом акте типа «упрек».

Лексемы, используемые в той или иной синтаксеме, могут существенно различаться по степени активности. В связи с этим закономерно возникает вопрос о лексическом ядре конкретной синтаксемы. Здесь

очень полезен количественный корпусной анализ, который может показать, какие лексемы наиболее активно используются в той или иной синтаксической форме. В нашем случае это дает также представление о том, какие именно эмоциональные последствия наиболее важны для оценки ситуации.

В корпусе текстов Пушкина Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (ЛОКЛЛ) мы имеем следующую картину (в скобках дано количество употреблений):

1. *к несчастию(ью)* (32),
2. *к сожалению* (24),
3. *к счастию(ью)* (23),
4–5. *к досаде*, *к удовольствию* (4),
6–7. *к радости*, *к утешению* (3),
8–13. *к беде*, *к изумлению*, *к огорчению*, *к печали, к стыду, к удовлетворению* (1).

В корпусе «Художественные произведения Чехова» ЛОКЛЛ имеем в той же вводной позиции следующие существительные:

1. *к счастью(ию)* (29),
2. *к сожалению* (28),
3. *к несчастью(ию)* (22),
4. *к удивлению* (19),
5. *к удовольствию* (9),
6. *к ужасу* (7),
7. *к досаде* (4),
9. *к неудовольствию* (2),
10–16. *к горю*, *к конфузу* (*к великому конфузу своей дамы*), *к огорчению, к омерзению* (*к великому омерзению Коврина*), *к радости, к стыду* (1).

В газетном корпусе ЛОКЛЛ частотный список анализируемых единиц выглядит следующим образом:

1. *к сожалению(ью*) (146),
2. *к счастью* (57),
3. *к удивлению* (6),
4. *к радости* (5),
5. *к несчастью* (4),
6. *к удовлетворению* (3),
7–8. *к изумлению*, *к ужасу* (2),
9–13. *к восторгу*, *к гордости* (*к гордости персонала*), *к невыгоде* (*к своей полной невыгоде*), *к пользе* (*к обоюдной пользе выяснилось*), *к разочарованию*, *к удовольствию* (1).

Как можно видеть, из всего возможного набора существительных, обозначающих негативные и позитивные эмоциональные реакции, реально в данной синтаксической форме используется сравнительно небольшое количество. При этом во всех корпусах лидируют слова, способные функционировать как вводные без распространения[1]. Обращает на себя внимание то, что в газетных текстах абсолютный лидер – *к сожалению*, что является, очевидно, признаком информационно-публицистического жанра. У Пушкина преобладает *к несчастью*, а у Чехова лидирует *к счастью*.

Интересно, что «баланс» негативных и позитивных последствий во всех трех случаях сильно сдвинут в сторону негатива. Если не считать существительных, обозначающих неожиданность, то соотношение количества негативных и позитивных словоупотреблений оказывается таким: 154 / 69 (газетный корпус), 64 / 34 (Пушкин), 63 / 39 (Чехов).

Обращает на себя внимание также тот факт, что в текстах Пушкина рассматриваемая синтаксема употребляется столь же активно, как и в более поздних. То есть можно говорить о том, что к началу XIX века она уже вполне сформировалась. От современных отличаются лишь используемые Пушкиным показатели интенсивности. Ср.: *к горчайшему несчастью*; *к неписанной радости*, *огорчению*.

В силу сложности своего устройства, рассматриваемая синтаксема мало используется в устной речи. Она не зафиксирована в паремиях и принадлежит к сфере письменного общения. Однако производные от нее вводные слова достаточно активно входят в зону официальной устной речи говорящего.

Синтаксические формы, представляющие рассматриваемую синтаксему, имеют у отдельных существительных свои особенности, требующие индивидуального описания. Так, например, некоторые существительные плохо допускают распространение *для* + род.п. (ср.: **к смущению, ярости для него* и т. п.). Семантика стержневого существительного может модифицировать основное значение синтаксемы и привносить в него дополнительные прагматические смыслы. В этом отношении обращает на себя особое внимание существительное *стыд*. Оно способно обозначать не просто эмоциональные последствия, но и «должное состояние», т. е. такое состояние, которое должен испытывать, по мнению говорящего, участник негативно оцениваемой ситуации. В контекстах, где говорящий излагает «постыдные» факты, оборот *к стыду* одновременно может выражать и желаемую цель речи – пристыдить какого-то участника (*X должен из-за этого стыдиться*). Ср.:

[1] Употребления с распространением и без не разграничивались.

К стыду многих *следует сказать, что есть у нас единомышленники, которые, хотя и исповедуют наши идеи, тем не менее, под влиянием тяжелой разрухи, слишком ушли в себя, отошли в сторону от общей работы, не участвуя в ней ни делом, ни материальной помощью* [НКРЯ. Обращение Съезда Хозяйственного Восстановления России ко всем русским (1921)];

К стыду рабочих *надо сказать, что нигде наушничество и доносы на товарищей не развиты так, как в больших фабричных предприятиях, где работают рабочие различных разрядов, различных специальностей, с весьма различной оплатой труда рабочих* [НКРЯ. По фабрикам и заводам (1912.02.14) // «Московская газета копейка», 1912];

К стыду России *рабство в ней еще существует* [НКРЯ. Александр Архангельский. Александр I (2000)].

Говорящий с помощью данной синтаксической формы слова *стыд* пытается произвести определенный психологический эффект, воздействовать на участника оцениваемой ситуации, заставить его почувствовать свою вину.

Особый аспект синтаксемного описания – анализ синонимических отношений. Рассматриваемая синтаксема имеет у некоторых существительных аналоги с предлогом «*на* + вин.п.», ср.: *на его радость, горе, беду, несчастье, удивление*. У слов *горе* и *беда* предлог *на* является основным средством оформления во вводной позиции. Как показывает предварительный анализ, «*к* + дат.п.» представляет намного большие возможности для интенсификаторов, чем «*на* + вин.п.». Последний же способ оформления более частотен у данных слов при отсутствии интенсификатора, ср.: *к его большому горю* и *на его горе.*

Принципы синтаксемного описания находятся еще в процессе формирования, а само понятие «синтаксема» нуждается в дальнейшем осмыслении. Но совершенно очевидно, что это понятие перемещает фокус нашего внимания на те реальные функциональные единицы, которые мы используем при построении высказывания и текста. Как отмечает М.В. Всеволодова, «некоторые аспекты этой категории еще требуют дополнительного анализа, но сама по себе синтаксема – это единица, участвующая в формировании речевых построений» [Всеволодова 2016: 224].

Литература / References

1. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). Издание второе. М.: Высшая школа, 1972.
2. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М.: УРСС, 2016.
3. *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988.
4. *Кукушкина О.В.* Морфонология современного русского литературного языка. М.: МАКС Пресс, 2016.
5. *Чурганова В.Г.* Очерк русской морфонологии. М.: Наука, 1973.

DOI 10.29003/M151.LMC2018-60/185-191

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБОЗНАЧЕНИЯ РЕАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

П.А. Лекант

LEXICAL AND GRAMMATICAL MEANS OF EXPRESSING REAL TIME

P.A. Lekant

ABSTRACT:
The article defines and describes the means of expressing real (and not grammatical!) time. These means are created by the names of time – nouns that denote periods of time: *утро (morning)*, *осень (autumn)*, *час (hour)*, *год (year)*, *век (century)*, etc. – and by formal words, primarily prepositions. The role of adverbs is also noted. The article analyses the imagery, the metaphorism of expressing real time in a literary text. Thus, both the names of time and formal words in the Russian language are clearly organized, and form a system. The diminutives of the names of time constitute the periphery. This is a special aspect of the study.

Keywords: names of time; analytical forms; formal words; repetitions; metaphor

АННОТАЦИЯ
В статье определяются и описываются средства выражения реального (а не грамматического!) времени. Эти средства создаются именами времени – существительными, которые называют отрезки времени: *утро, осень, час, год, век* и пр. – и формальными словами, в первую очередь, предлогами. Отмечается участие наречий. Рассматривается образность, метафоричность передачи реального времени в художественном тексте. Таким образом, как имена времени, так и формальные слова в русском языке чётко организованы, образуют систему. Периферию составляют диминутивы имён времени. Это особый аспект исследования.

Ключевые слова: имена времени; аналитические формы; формальные слова; повторы; метафора

Сразу отметим, поясним, что речь пойдёт не о сочетании лексических и грамматических средств обозначения времени грамматического, как в предложениях: *Снег падал. – Снег падал, падал. – Снег всё падал, падал* – где значение прошедшего времени получает оттенок длительности и оттенок непреклонной длительности; не о словах, *называющих* время: *всегда, сегодня, завтра, вчера, опять* и пр. – наречиях времени. В статье будут рассмотрены особые аналитические формы, а также фраземы **имён времени**, т.е. не грамматического времени, а реального, которое *идёт, течёт, летит, мчится, скачет…*

Для описания этих форм необходимо остановиться на статусе предлогов (эта проблема очень близка М.В. Всеволодовой). Эти служебные, формальные слова занимают в грамматическом строе русского языка очень важное положение как участники «роста аналитизма» [Виноградов 1947: 37]; см. также: «Повышение роли предлогов в выражении синтаксических отношений принято расценивать как развитие аналитизма» [Рихтер 1952: 12].

Предлоги глубоко вросли в грамматическую систему существительного, а также местоимения. «…В русском языке предлоги в большей своей части ещё не вполне утратили лексическую отдельность и ещё не стали простыми падежными префиксами. <…> степень формальности, отвлечённости и лексической весомости разных предлогов различна» [Виноградов 1947: 677].

Предлоги оказались на своеобразном перекрёстке, где сошлись имена и наречия, причём сами предлоги в сочетании с падежными формами существительных стали участниками образования наречий. «Главное, что определяет переход различных форм, и в том числе падежных и предложно-падежных, в наречия, – это употребление их в обстоятельственной функции» [Шапиро 1947: 32].

Переход наречий в предлоги мотивирован необходимостью передать некие специфические отношения, особенно из состава временных и пространственных. По Виноградову, это «наречные предлоги». «Они обычно совмещают функции двух категорий: наречия и предлога (а иногда и трёх, включая союз). Предлоги *вместо, вопреки, кроме, среди, близ* в литературном языке уже не употребляются в качестве наречий. <…> Наречные предлоги: *вне, внутри, возле, кругом, около, после, прежде, сквозь, средь* и др.» [Виноградов 1947: 677].

По мнению Н.А. Каламовой, такие «парные» *и наречие и предлог* несколько различаются: «значения наречий более конкретны, более вещественны, чем значения предлогов» (см.: *вокруг, около, вдоль, вслед, после, прежде* и пр.) [Каламова 1955: 111]. Конечно, нужно иметь в виду и некоторые исторические нюансы, а также пристрастия авторов. П.Я. Черных, определяя *около* как наречие и предлог с род. пад. «возле», «поблизости», отметил *устар.* «вокруг» [Черных, I 1993: 595]; см. у А.С. Пушкина «Дубровский»: *Лицо Кирила Петровича стало мрачнее ночи, он с презрением улыбнулся, грозно взглянул на дворню и поехал шагом* ***около*** *двора.* Ср.: *Ты небо недавно* ***кругом*** *облегала, И молния грозно тебя обвивала…* (А. Пушкин).

Е.Т. Черкасова, характеризуя соотношение наречий и отнаречных предлогов, подчёркивает: «Тождество слова не нарушается: способность одного и того же слова регулярно выступать то в качестве наречия, то в

качестве предлога к распаду этого слова на омонимы не приводит» [Черкасова 1967: 32]. Ср.: *И дик и чуден был* ***вокруг*** *Весь божий мир* (М. Лермонтов) – наречие; *Но вглядитесь ближе в лица этих людей, движущихся* ***вокруг*** *вас, и вы поймёте совсем другое* (Л. Толстой) – предлог; *Смотри:* ***вокруг*** *тебя Всё новое кипит, былое истребя* (А. Пушкин) – предлог.

Степень «лексической весомости» (по Виноградову) предлогов исконных поддерживается и варьируется метафоричностью художественного текста; ср. употребление предлога *без*: «*Без, безо предлог с род. п.* – обозначает отсутствие, неимение, нехватку чего-л. [Черных, I 1993: 82] – *На воздушном океане,* ***без*** *руля и* ***без*** *ветрил, Тихо плавают в тумане Хоры стройные светил* (М. Лермонтов); ***Без*** *вас – хочу сказать вам много,* ***При*** *вас – я слушать вас хочу: Но молча вы глядите строго, И я, в смущении, молчу!* (М. Лермонтов) – значение предлога соотнесено с пространством и со временем в метафорическом контексте; ср. аналогичное употребление наречного предлога *средь*: ***Средь*** *полей необозримых В небе ходят* ***без*** *следа Облаков неуловимых Волокнистые стада* (М. Лермонтов); *На кровле, устланной коврами, Сидит невеста* ***меж*** *подруг:* ***Средь*** *игр и песен их досуг Проходит* (М. Лермонтов). «Метафора лаконична. <…> Она избегает объяснений и обоснований. <…> Метафора образна, но она не описывает частностей» [Арутюнова 1999: 354–355].

Именами времени мы называем номинативно ограниченный класс слов, категориально и формально представляющих часть речи – имя существительное. Они называют отрезки времени, определяемые природой планеты Земля *(сутки, день, ночь, утро, вечер; лето, осень, зима, весна; год),* календарное деление времени *(месяц; век; час, минута, секунда).* Существительные, имена времени, по синтаксическим законам русского языка входят в структуру словосочетаний и предложений: *Ах, он любил, как в наши* ***лета*** *Уже не любят…* (А. Пушкин); *Какое горькое томленье Всю жизнь,* ***века*** *без разделенья И наслаждаться и страдать…* (М. Лермонтов); *Снова быть* ***зиме****, а потом* ***весне****, и восходит вновь солнце рыжее…* (Р. Рождественский); ***День*** *и* ***ночь*** *в боях сменяя,* ***В месяц*** *шапки не снимая, Воин твой, защитник-сын Шёл, спешил к тебе, родная…* (А. Твардовский); ***К вечеру*** *эти облака исчезают…* (И. Тургенев).

К основному классу имён времени примыкает, условно говоря, периферия. Это слова, детализирующие основные разряды (названия дней недели, месяцев), а также варьирующие отдельные обозначения с учётом образа жизни человека или его восприятия, так сказать, «пульса времени»: *полночь, полдень, рассвет, закат, вечность, миг, мгновение.* Они отчасти дублируют парадигматику основного класса, но в целом они непродуктивны: *И в праздник,* ***вечером*** *росистым, Смотреть* ***до полночи*** *готов На пляску с топаньем и свистом…* (М. Лермонтов); *Не думай о секундах свысока. Наступит время – сам поймёшь, наверное: свистят*

они, как пули у виска, - ***мгновения, мгновения, мгновения*** (Р. Рождественский).

В употреблении имён времени совокупно представлены объективное и субъективное, рациональное и эмоциональное. Объективны прямая, первичная номинация фрагментов времени и их соотношение. «Время отделимо от человека, но человек неотделим от времени» [Арутюнова 1999: 688]. У этой «неотделимости» необычайно широкий и яркий спектр проявления и представления – чётко упорядоченный.

Во-первых, человек (лицо говорящее) *выбирает* из имён времени нужное для обозначения бытия, продолжительности действия, постоянство признака и пр.: *Снаружи стояла осенняя* ***ночь*** (К. Паустовский); ***Ночь****. Улица. Фонарь. Аптека…* (А. Блок); ***Под вечер*** *иногда сходилась соседей добрая семья* (А. Пушкин); *Давно отверженный блуждал В пустыне мира* ***без*** *приюта:* ***Вослед за веком век*** *бежал, Как* ***за минутою минута****, Однообразной чередой (М. Лермонтов).*

Во-вторых, человек выражает своё отношение не только к событию, но и ко времени, когда оно происходит: *В один прекрасный летний* ***день*** *барыня с своими приживалками расхаживала по гостиной* (И. Тургенев); ***Во дни*** *блаженства мне в раю Одной тебя недоставало* (М. Лермонтов).

В-третьих, именно человек, русский человек развивает, совершенствует систему форм имён времени и даже её украшает эмоционально: *ноченька, денёк, часок-другой, зорька, на недельку* и т. д.

Проблема форм имён времени, их парадигмы очень сложна. Конечно, она включена в общую проблематику единства слова, его форм, его лексического тождества. Больше того, **грамматическая** форма слова так или иначе предопределяет и реализует его валентность. «В понятие грамматических форм слова включаются не только разновидности его морфологической структуры, но и различные сочетания его с другими формами слов или словами» [Виноградов 1975: 48]. ***С каждым часом ночь*** *холодеет* (К. Паустовский); ***Всё утро*** *я ловлю рыбу* (К. Паустовский) – окружение (синтагматика) имён времени не только детализирует, но и нейтрализует омонимию падежных форм.

Вообще употребление падежных, а тем более, предложно-падежных форм имён времени в значительной мере и мотивируется, и реализуется строением словосочетания и предложения. «…Именно подчинение выстраивает словоформы в иерархически организованную структуру, т. е. создаёт предложение как таковое» [Норман 1994: 141]. В предложении ***Через несколько дней*** *я проснулся* ***среди ночи*** *от раскатов грома* (К. Паустовский) словоформа *среди ночи* мотивирована значением глагола, но выбрана из группы*: ночью, в середине ночи, в полночь, около полуночи,* а синтаксическая предложно-падежная словоформа *через несколько дней* имеет своё собственное структурно-смысловое значение.

Особого внимания заслуживают предложно-падежные формы имён времени. Ср.: *И* ***перед утром*** *сон желанный Глаза усталые смежил…* (М. Лермонтов); ***По утрам*** *воздух на Прорве пахнет горьковатой ивовой корой* (К. Паустовский). Если в первом тексте обозначен относительно определённый момент времени, то во втором тот же временной отрезок представлен как неоднократно повторяющийся; см. также: ***По ночам*** *холодный ветер дул с гор <…>* (отметим неупотребительность *по дням*); а также: ***По вечерам*** *мы собирались около радио и слушали сводки о боях в Испании* (К. Паустовский); ***По дням*** *вот волки одолевают* (Д. Мамин-Сибиряк).

Итак, уже при первоначальном обращении к проблеме парадигматики имён времени приходится отметить некоторые причуды и шалости русской грамматики.

В.В. Виноградов, рассмотревший всесторонне вопрос о формах слова, пришёл к решительному выводу: «С грамматической точки зрения целостность и единство слова оказывается в значительной степени иллюзорным» <...>. Отчасти этот вывод связан с тем, что он различает «синтетические и аналитические формы словоизменения» [Виноградов 1975: 44].

Имена времени в полной мере обладают этими формами словоизменения: *Я каждым* ***утром*** *пробуждён Для сладкой неги и свободы* (А. Пушкин); *И уже обыкновенно То, что минул целый* ***год****, Точно* ***день*** (А. Твардовский); *И я ушёл* ***к зиме****, на север, И целый* ***день*** *бродил в лесах* (И. Бунин); *Каждый* ***день к вечеру*** *Шацкий ходил на ливенскую почту…* (К. Паустовский); *Но* ***в*** *наше* ***время*** *решено, Что всё старинное смешно* (М. Лермонтов); ***До*** *самого* ***вечера*** *барыня была не в духе* (И. Тургенев).

Самыми продуктивными аналитическими формами имён времени являются предложно-падежные.

Предложно-падежные формы имён времени имеют собственное структурно-смысловое содержание, благодаря значению предлогов: *Люблю я больше* ***год от году****, Желаньям мирным дав простор, Поутру ясную погоду,* ***Под вечер*** *тихий разговор* (М. Лермонтов); ***По вечерам*** *кромешная темнота окружает дом* (К. Паустовский); *За тобой* ***через года*** *иду, не колеблясь* (Р. Рождественский); *Срок ли приблизится часу печальному,* ***В утро*** *ли шумное,* ***в ночь*** *ли безгласную…* (М. Лермонтов); *Концерты происходили* ***по ночам*** (К. Паустовский).

Особая форма имени времени – сочетания с местоимениями *весь, каждый*, представляющими смысл всеохватности: *Чтоб,* ***всю ночь, весь день*** *мой слух лелея, Про любовь мне сладкий голос пел…* (М. Лермонтов); «*Ну что же, – подумал Потапов, –* ***с каждым днём*** *делаешься взрослее»* (К. Паустовский); *Шли мы лесами* ***весь день*** *и почти* ***всю ночь*** *без дорог*

(К. Паустовский); *Впервые* ***за всё лето*** *на душе было легко и спокойно* (В. Белов).

Свойством **воспроизводимости** обладает синтаксема, включающая одинаковые формы имён времени *день* и *ночь.* Однако отнести её к фразеологии нет оснований: слова не утратили прямое лексическое значение; но синтаксема в целом имеет добавочный смысл **длительности**. Этот смысл, так сказать, «дозирован». Ср.: *Но, Боже мой, какая скука С больным сидеть* ***и день и ночь*** (А. Пушкин) – долго; *Начался листопад. Листья падали* ***дни и ночи*** (К. Паустовский) – непрерывно; ***День и ночь*** *роняет сердце ласку,* ***День и ночь*** *кружится голова…* (П. Герман) – постоянно; *Где в трясине, в ржавой каше, Безответно – в счёт, не в счёт – шли, ползли, лежали наши* ***днём и ночью*** *напролёт* (А. Твардовский) – очень долго, бесконечно; *На войне встречали люди Долгий счёт* ***ночей*** *и* ***дней*** (А. Твардовский) – очень долго, бесконечно.

Особым и важным аспектом времени, выражаемого именами, является смысл расширения, движения – «бег времени». Русский язык имеет специальную форму, можно сказать, модель в виде повтора имени времени с участием предлогов: *день за днём, год от года, изо дня в день* и под.: *Увы, наш круг* ***час от часу*** *редеет* (А. Пушкин); *Грустно в нашем саду. Он* ***день ото дня*** *краше* (Б. Пастернак); *А завтра снова мир залить вставало солнце ало. И* ***день за днём*** *ужасно злить меня вот это стало* (В. Маяковский); *Между тем здоровье Андрея Гавриловича* ***час от часу*** *становилось хуже* (А. Пушкин); *Его* [Андерсена] *страсть к путешествиям усиливалась* ***изо дня в день*** … (К. Паустовский).

В реализации этого смысла участвует окружение (глаголы, компаративы и пр.). Мы полагаем, что эти формы можно назвать ***фраземами***: они обладают цельностью, непроницаемостью, воспроизводимостью. Однако, в отличие от фразеологизмов, лексемы не утрачивают и не изменяют номинативного значения; добавочный смысл принадлежит форме [Лекант 2015: 31].

Указанные формы отмечены М.В. Всеволодовой [Всеволодова 1975: 191].

Имена времени нашли место и в системе фразеологии – «ближе всего» в ***формах-идиомах***: *на время, в пору* (вводное слово); *на часок, на минутку: Любить… но кого же?..* ***на время*** *– не стоит труда…* М. Лермонтов). Более сложно квалифицировать такие наименования времени, как *день-деньской, во веки веков, денно и нощно* и пр.

Наша идентификация имён времени с частью речи именем существительным несколько условна. Конечно, данные **фразеологизмы** теряют связь с именем существительным.

Имена времени входят в свободные словосочетания с прилагательными: *поздняя осень, ясный полдень, «утро туманное, утро седое»*

(И. Тургенев) и даже *ночное время;* с местоимениями: *этот день; «Полно, Таня,* ***в наши лета*** *мы не слыхали про любовь»* (А. Пушкин); с существительными: «*Час разлуки, час свиданья…»* (М. Лермонтов); ***Дни осени*** *бранят обыкновенно*… (А. Пушкин).

Формы согласования имеет слово *самый.* Например: ***До самого вечера*** *барыня была не в духе* (И. Тургенев); *Скамеечка стояла* ***у самой воды****, между густыми кустами молодого ивняка* (А. Чехов).

Виноградов определил особенное положение этого слова. По отношению к разряду «местоимённо-указательных имён прилагательных» «остаются обособленными формальные слова *самый* и *который*»; <...> формальное слово *самый* в составе сложной, аналитической формы превосходной степени – *самый неприятный*; ср. вообще для обозначения степени: *по самому верху*» [Виноградов 1947: 201].

В приведённых текстах формальное слово *самый* выражает грамматическое значение *предельности* пространства и времени [Лекант 2015: 36]. Значение предельности см.: ***В самый полдень*** *Марьяна сидела в своём саду* (Л. Толстой); *Мать просидела* ***до самого света****, вовсе не была утомлена* (Н. Гоголь); ***Перед самым рассветом*** *он увидел во сне раннее весеннее утро, красную зарю над землёй и низкий ароматный луг* (А. Куприн); *Но солнце уже высоко, теперь* ***самое время*** *сделать привал, закусить* (Б. Пантелеймонов).

Самое время закончить наш грамматический очерк и пожелать Майе Владимировне Всеволодовой доброго здоровья и творческого долголетия!

Литература / References

1. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1999.
2. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1947.
3. *Виноградов В.В.* О формах слова / Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 33–50.
4. *Всеволодова М.В.* Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.
5. *Всеволодова М.В., Лим Су Ён* Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов. М.: Макс Пресс, 2002.
6. *Каламова Н.А.* Переход наречий в предлоги // Вопросы языкознания. Книга 1. Львов, 1955. С. 11–125.
7. *Лекант П.А.* Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке. М.: МГОУ, 2015.
8. *Норман Б.Ю.* Грамматика говорящего. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994.
9. *Рихтер Г.И.* Синтаксис предлогов в современной русской публицистике. Автореф. дис. … канд. филол. наук, 1952.
10. *Черкасова Е.Т.* Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967.
11. *Шапиро А.Б.* Об образовании наречий в современном русском языке // Русский язык в школе. 1947, № 1. С. 32–43.
12. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М.: Русский язык, 1993.

DOI 10.29003/M152.LMC2018-60/192-200

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЕ *ОБОНПОЛ* КАК ПРЕДЛОЖНАЯ ЕДИНИЦА В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н.В. Николенкова

CHURCH SLAVONIC «ОБОНПОЛ» / "OBONPOL" AS A PREPOSITIONAL UNIT IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

N.V. Nikolenkova

ABSTRACT:
The article is devoted to the history of the obsolete token "обонпол" which in Church Slavonic grammatical system functioned as an adverb and a preposition. In the language of the XVIIIth – beginning of the XXth centuries the token was used as an archaic, with adverbial application being, in our opinion, more active. Historical dictionaries do not always precisely define the semantics of "обонпол" in its propositional function. The article proposes a more accurate definition, based on the analysis of "обонпол" usage specifics in old texts.

Keywords: historical lexicography; Slavic pretext; pretext semantics

АННОТАЦИЯ
Статья посвящена истории употребления устаревшей лексемы «обонпол», функционировавшей как наречие и как предлог в системе церковнославянского языка. В языке XVIII – начала XX вв. лексема уже использовалась как архаичная, при этом наречное употребление, на наш взгляд, оказалось более активным, тогда как употребление в роли предлога постепенно сужалось. Исторические словари не всегда точно определяют семантику «обонпол» как предлога, в статье будет предложено более точное значение, основанное на анализе характера употребления лексемы «обонпол» в памятниках письменности.

Ключевые слова: историческая лексикография; славянский предлог; семантика предлога

Исследование славянского предлога как в синхронном, так и в диахроническом аспектах уже давно входит в сферу научных интересов М.В. Всеволодовой. Объектом исследования стали как единицы, традиционно выделяемые в качестве предлогов, так и единицы, которые в рамках традиционного подхода таковыми не считались. Предлог как часть речи, по определению М.В. Всеволодовой, служит «средством выражения семантико-синтаксической роли существительного в высказывании

и средством введения припредложных единиц в предложение» [Всеволодова и др. 2003]. Результатом плодотворной работы Майи Владимировны и ее многочисленных учеников и последователей, как российских, так и зарубежных, стало создание реестра русских предлогов и средств предложного типа.

Безусловно, что в рамках функционально-грамматического описания реального употребления [Всеволодова и др. 2014] многие предложные сочетания, не использующиеся сегодня в русском языке, описаны меньше. Мы хотим рассмотреть одну из устаревших лексем – «обонопол», ее функционирование в функции предлога в текстах разных жанров и определить как можно точнее значение единицы.

В современных словарях лексема *обонпол* практически не встречается: как устаревшее оно было отмечено в 17-томном словаре русского языка (БАС); Т.Ф. Ефремова определяет лексему как устаревшее обстоятельственное наречие места, но примеров употребления (что характерно для словарей данного автора) не приведено [Ефремова 2004: 406]. Поиск в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) показывает, что редкая лексема (всего 9 вхождений) перестала употребляться в текстах еще в 40-е годы XX в. (в произведениях В.Я. Шишкова).

В Словаре русских говоров *обóнпол* как наречие и предлог с род. пад. зафиксирован в значении ‘по ту сторону, на ту сторону, по ту сторону чего-либо’ [СРНГ 1987: 170]. Лексема встречается, по данным словаря, в Рязанской губернии. На Рязанскую губернию указывает и словарь В.И. Даля, где *обонпóлъ* (с этим вариантом ударения) характеризуется как наречие со значением ‘по ту сторону чего, по другую, противную сторону’, хотя иллюстрация Даля указывает на употребление лексемы именно в качестве предлога (*обóнполъ* рѣки, дороги, лѣсу; ударение в примере отличается от данного в опорном слове) [Даль 1979: 610]. Поиск по диалектному подкорпусу НКРЯ не дал результата.

В словаре Даля есть еще одна помета – слово охарактеризовано как «церковное». То же отмечаем в Словаре 1847 года: «*обонпóлъ* – нар., церк. По ту сторону какого либо мѣста, на другой сторонѣ. Путь моря *обонполъ* Іордана. Матѳ IV. 15» [Словарь 1947: 27]. Словарь Академии Российской в качестве единого образования слово не рассматривает, хотя дает лексему *полъ* в значении ‘берег, сторона’ и с примером из Мк 6:45 «пріидоша на онъ полъ моря» [САР: 985]. Таким образом, лексикография конца XVIII – XIX вв. относит *обонпол* к церковнославянской лексике, опираясь на использование лексемы (или словосочетания) в текстах Священного Писания.

В исторических словарях русского языка видим такую картину. Словарь XI–XIV вв., фиксируя образование *обонъпольный* в значении ‘состо-

явшийся по ту сторону моря' [СДРЯ XI–XIV, 5: 517] как перевод греческого περαματικος [Lampe 1961: 1060] (единственный пример в составе Ефремовской кормчей XII в.), тот же пример приведен в словаре И.И. Срезневского [Срезневский 1902: 534]. В обоих словарях как единое слово *обонпол* отсутствует, дается отсылка к сочетанию «объ онъ полъ».

В словарной статье «полъ» Словаря XI–XIV вв. выделяется сочетание *об онъ полъ* со значением 'на другой стороне (другую сторону), на другом берегу (другой берег)' [СДРЯ XI–XIV, 7: 103]. Словосочетание активно используется в разных памятниках, как в переводных (Ефремовская кормчая, Пролог, Хроника Георгия Амартола, Пандекты Никона Черногорца), так и в оригинальных – летописях. Примеры показывают, что употребление аналогично именно современному предлогу: «*об онъ полъ* морѧ, вавилона, иѥрдана, города, града, рѣкы»; в большинстве памятников опорным греческим словом будет περαν – предлог с род. пад. в значении 'по ту сторону, на ту сторону' [ДГРС]. Современные публикации славянских текстов с их греческими оригиналами дают ту же картину. Скажем, в Софийском прологе сочетание *об онъ полъ* отмечено дважды [Пролог 2011: 208], есть примеры и в других списках Пролога [Там же: 402], все случаи использования опираются на греческое περαν [Там же: 604].

Как наречие *обонполъ* отмечено однократно, в примере из Хроники Георгия Амартола: «жены же ихъ *ѡб онъ полъ* соуть рѣкы Гала», где в греческом оригинале использовано наречие ἐντεῦθεν – наречие 'оттуда, здесь, там, с этого времени' и т. д. [Там же].

Словарь XI–XVII вв. выделяет как отдельную лексему наречие и предлог *обонъполъ,* предлагая и вариант написания *обонъ полъ* [СлРЯ XI–XVII, 12: 124]. Как наречие слово употреблено в «Похождении в Святую землю князя Радивила Сиротки», переведенном с польского оригинала около 1628 г.: «увидѣли есмы *обонполъ* трехъ бандитовъ».

Частотнее использование лексемы как предлога, помимо примера из Ин 1: 28 «обонъполъ Иордана» (περαν τοῦ Ἰορδάνου), для периода XV – XVII вв. пример использования есть в «Повести об избавлении града Устюга Великого от безбожные литвы» 30–40-х гг. XVII в.: «отъидоша от града в весь, зовому Алмешь, и обночевастася по селом, об он пол [так в изд.] рек, глаголемых Югу и Сухоны» [Там же].

Как единое образование дана рассматриваемая лексема в словаре XVIII века. Наречное употребление сопровождается пометой «слав.»: «И скорби слѣдовал внезапный лучь отрады, Еще велика рать, еще об он пол грады» из сочинений В. Петрова 1782 г. Чаще лексема употребляется как предлог с родительным падежом в значении 'позади чего-л., на другой стороне чего-л.': «обонъпóл рѣки Истра» у Димитрия Ростовского (1711); или в значении 'за пределом какого-л. времени, срока': «О, друг мой

ослѣпленный! или забыл ты, что есть об он пол нашего гроба, есть спокойное и блаженное жилище, безопасное невинности убѣжище?» («Иосиф» в переводе Д.И. Фонвизина 1769 г.); «Их дух превыше человѣка; Их рѣет жизнь об-он-пол вѣка» («Херсонида» Семена Боброва) [СРЯ XVIII: 41].

Все словари содержат ссылки на употребление искомого слова (или сочетания слов) в текстах Священного Писания. Скажем, в Мф 4:15 *ѡб онъ полъ* сохраняется и в современном церковнославянском тексте (Синодальный перевод использует предлог «за», в тексте Вульгаты употребляется trans) [Евангелие 1993: 21]. То же употребление в Библии 1663 года [Библия 1663: 833] и в стоящей особняком редакции Чудовского Нового Завета [ЧНЗ 2001: 33, 135]. Чуть большую вариативность отмечают исследователи в чтении Ин 1: 28, где возможен вариант «об онѫ странѫ» [Евангелие 1998: 5]. Иное видим в переводе Нового Завета, осуществленном в 70-е гг. XVII в. Епифанием Славинецким и его учениками [Исаченко 2004]: и в чтении Мф 4:15, и в Ин 1:28 предложен предлог «за» – «за Іорданомъ» [Там же: 10, 234].

Изучение переводческой практики киевского ученого, приехавшего в Москву в 1649 г. [Кузьминова, Литвинюк 2008], показывает, что революционное решение и изменение чтения, в результате которого церковнославянскому образованию *обонполъ* Славинецкий предпочел простой предлог «за», не было связано с отсутствием последнего в церковнославянском языке киевской редакции («об онъ полъ Іорданѧ/а» читается в указанных выше евангельских стихах в Острожской библии [Библия 1580: 3, 44]). Лексему использует Славинецкий для латинского *trans* в Лексиконе латинском, переведенном в первые годы его деятельности [Німчук 1973: 401]. Однако в основной фонд церковнославянского языка он ее не вносит – «обонпол» отсутствует в Лексиконе словено-латинском того же времени [Там же: 478].

В конце 50-х гг. XVII в. Епифаний Славинецкий и его товарищи осуществляют (вероятнее всего, для патриарха Никона) перевод географического сочинения, изданного в Амстердаме в 1645 г. голландскими книжниками Вильгельмом и Иоанном Блау, – Theatrum orbis terrarium, sive Atlas novus [Blaeu 1645]. Церковнославянский перевод носит название «Позорище всея вселенныя или Атласъ новый въ немже начертанія и ѡписанія всѣх странъ издана суть» [Николенкова 2016]. По нашему мнению, язык сочинения – ученый церковнославянский – обеспечил этому переводу место одного из первых научных текстов в истории русского литературного языка [Николенкова 2013; Кузьминова, Пентковская 2016].

В переводе очень широко употребляется образование *обонполъ*. Очевидно, что данный церковнославянизм использован Славинецким с опорой на его употребление в тексте Священного Писания. Все встреченные

нами примеры связаны только с одним контекстом – *обон(ъ)/полъ* (отмечается и слитное, и раздельное написания; при этом и черновик – рукопись ГИМ Син. 779, и беловик – рукопись ГИМ Син. 19 – последовательно используют раздельное написание с последующим словом, хотя саму лексему *обонполъ* пишут вариативно) употреблено только с названием рек.

Приведем примеры из перевода Атласа. В главе «Полония» читаем: «наветхія Германіи земли *обонполъ Вислы* положена есть» (л. 64; все примеры из беловой рукописи Син. 19 в упрощенной орфографии без диакритики, однако со строгим соблюдением словоделения), в латинском оригинале – «in veteris Germaniæ solo citra Vistulam sita est» (л. 31a). Латинский предлог «citra» (cum acc.) имеет значение ‘по эту сторону, на этой стороне’ [БЛРС].

Тот же предлог использован в главе «Моравия»: «*обонъ полъ Алби*» (86; латинское «ultra Albim», 8a), далее в главе «Силезия»: «*обон полъ рѣки* Оли» (88; латинское «trans flumen Olam», 9b). Латинское «ultra» имеет значение ‘по ту сторону’, «trans» – «за пределами» ([БЛРС]).

В главе, которая содержит описание реки Эльба («Алба»), находим несколько примеров использования сочетания «обонполъ Алби» (к примеру, л. 113; латинское «trans» 14b), «обонполъ Дуная» использовано в главе «Описание Склавонии» (л. 72об; латинское «ultra», 34b); «обонъ полъ Рина» – в главе «Германия ветхая» (193об, латинское «trans»).

Таким образом, книжники, встречая в латинском оригинале предлог, всегда переводили его сочетанием *обон/полъ,* используя два варианта его написания. Если же в оригинале было словосочетание, рассматриваемая лексема не вводилась в текст: «in opposite ripæ parte» (глава «Алба река», 24d) передается как «напротивоположеніи брега части» (114об).

Анализируя приведенные выше примеры из исторических словарей, мы можем заметить, что в подавляющем большинстве случаев исследуемый предлог также оказывается в сочетании с названиями водных артерий. Поэтому выскажем гипотезу, что именно *полъ* в значении ‘берег’ сохранялся в семантике предложной единицы вплоть до XVII – начала XVIII вв.

По данным исторических словарей *полъ* в значении ‘одна из двух сторон чего-л., берег’ выделяется в первую очередь для переводных памятников древнейшего периода (Синайский Патерик) и русских летописей [СлРЯ XI-XVII, 16: 188]. «Онъ полъ» – название правобережной, торговой части Новгорода, противоположной левобережной, где находился Кремль (примеры из Новгородской I и II летописи [там же]; сочетание «об онъ полъ» выделяется в рамках именно этого значения). В [СДРЯ XI-XIV, 7: 103] примеров больше: «на ѡнъ полъ езера» (Житие Феодора Студита), «на ѡнъ полъ рѣки» из I Новгородской летописи. Одно из значений

указательного местоимения «оный» – другой, противоположный [СлРЯ XI-XVII, 12: 377], среди примеров отмечены уже приведенные нами выше.

Таким образом, значение *обонполъ* складывалось из значения частей – местоимения и существительного, пока они осознавались носителями языка. Мы полагаем, что для раннего периода русской письменности (XIV-XV вв.) данное образование выступало в роли предложной единицы с прозрачной семантической структурой (то есть единица была мотивированной), вводящей следующую форму имени существительного в определенной падежной форме (род. пад.). С течением времени значение отдельных корней переставало осознаваться носителями языка, а само сочетание превратилось в единый предлог.

При этом, вероятно, первым утратилось соотнесение со значением «другой», что подчеркивается слитным написанием элемента «обон», тогда как «полъ» может быть написан и слитно, и раздельно. Материал, полученный нами в результате исследования перевода Атласа Блау, также подтверждает гипотезу: «обонполъ» использован для перевода как trans (‘за, за пределами’) и ultra (‘по ту сторону’), так и citra (‘по эту сторону’). Различия ‘тот далекий’ и ‘этот’, которые были актуальными для указательных местоимений в ранний период письменности [Хабургаев 1986: 157], постепенно переставали осознаваться носителями языка.

Интересные данные о значении предлога, использованного в греческом тексте Евангелия (то есть предлога περαν), дает нам привлечение источников из других языков. Так, в переводе приведенных выше евангельских стихов на английский язык был использован предлог *beyond* [Lampe 1961: 1060], в Мф 4:15: The land of Zabulon, and the land of Nephthalim, by the way of the sea, *beyond Jordan*; в Ио 1:28: These things were done in Bethabara *beyond Jordan*, where John was baptizing.

Семантику данного предлога для современного английского языка исследователи описывают в сопоставлении с лексемами *in front (of), ahead (of)* и *behind*, отмечая важность для этих единиц указания на ориентацию объектов в пространстве [Маляр 2000: 263]. Предлог *beyond* указывает на то, что «факты, о которых идет речь в предложении, существуют вне границ, за пределами того, что обозначено обстоятельством» [там же: 291]. Референтной точкой служит позиция наблюдателя, а наблюдаемое пространство делится на «последовательные пространственные пояса с опорой на расположенные там объекты» [там же: 292]. Предлог *beyond,* по мнению исследователей, указывает на то, что описываемый объект находится в самом дальнем от наблюдателя пространственном поясе [там же: 295]. Это значение указывается как первое и в словаре современного английского языка: «at or to the further side of (beyond the river)» [OER].

Вероятно, в XVII в. то же значение имел и предлог «обонполъ», в этом значении он использовался в текстах XVIII в. (см. приведенные примеры из Словаря XVIII в.). При ориентации Епифания Славинецкого (основного переводчика Атласа Блау) в работе над научным географическим текстом на стандартный церковнославянский язык его позднейший отказ использовать *обонполъ* в переводе Нового Завета можно объяснить только одним: ученый книжник основывался еще и на грамматиках, изданных в Юго-Западной Руси и в Москве в первой половине XVII в., в которых в списке предлогов *обонполъ* отсутствует, но есть «за».

Отметим также, что именно во второй половине XVII в. предложная единица *обонполъ,* по всей видимости, начинает восприниматься как лексема вне основного фонда стандартного церковнославянского языка, ее употребление оказывается маркированным. Так, ученики Епифания Славинецкого (например, чудовский монах Исайя), продолжая переводить Атлас Блау, изредка включают в перевод предлог *обонполъ,* при этом употребляя его в более широком значении – ‘по другую сторону’. Все случаи связаны с переводом поэтических строк, включенных в научный текст. Например, в главе «Италия»: trans Cottianorum juga/, trans & Pyrenas ninguidas (5a; jugum в значении ‘горная цепь, кряж, хребет’ встречается у Тита Ливия, это употребление можно считать метафорическим). В переводе Исайя употребил рассматриваемую нами предложную единицу: «обонъ полъ коттианскихъ гор обонъполъ пѵренских снѣжных» (л. 14 рукопись Син. 204, беловик).

Примеры эпизодического использования описываемого слова в XIX и начале XX в. дает нам Национальный корпус русского языка (6 вхождений). Лексема употребляется как наречие в значении ‘там, с той стороны (берега); туда, на ту сторону (берег)’: «переправлюсь обонпол», «отыду от вас обонпол» (В.Я. Шишков); «перевозят обонпол», «переплывали обонпол» (П.И. Мельников-Печерский). В значении предлога: «обонпол улицы» (А.Ф. Вельтман), «обонпол Яровой» (Д.Н. Мамин-Сибиряк). В последнем примере отмечаем значение ‘на другом берегу (реки)’, реконструированное нами для памятников XVII в.

Таким образом, необходимо отказаться от характеристики лексемы *обонпол* как диалектной, признать ее включение в Словарь русских говоров ошибочным [СРНГ 1987: 170]. Это устаревший церковнославянизм, основным значением которого на протяжении истории языка было именно предложное – ‘на другом берегу (другой стороне) с род.пад.’. Такое конкретное значение дало словосочетанию возможность употребляться и в функции наречия. Типичного перехода наречия в предлог в данном случае история русского языка не выявляет.

Литература / References

1. Библия. Острог. 1581.
2. Библия. Москва. Печатный двор. 1663.
3. Большой латинско-русский словарь (по материалам словаря И.Х. Дворецкого). [Электронный ресурс.] URL: http://linguaeterna.com/vocabula/. Дата последнего обращения – 10.12.2017.
4. *Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2003, № 2.
5. *Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматичекому описанию реального употребления. Кн.1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. М.: Книжный дом «Либроком», 2014.
6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Том II. М.: Русский язык, 1979.
7. Древнегреческо-русский словарь. [Электронный ресурс.] URL: http://www.вокабула.рф/. Дата последнего обращения – 26.11.2017.
8. Евангелие от Матфея на греческом, церковнославянском, латинском и русском языках с историко-текстологическими приложениями. М.: Гнозис, 1993.
9. Евангелие от Иоанна в славянской традиции. СПб.: Российское библейское общество, 1998.
10. *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: АСТ, 2004
11. *Кузьминова Е.А., Литвинюк Е.Е.* Епифаний Славинецкий // Православная энциклопедия. Т.18. С. 552–556. – [Электронный ресурс.] URL: http://www.pravenc.ru/text/190087.html. Дата последнего обращения – 04.12.2017.
12. *Кузьминова Е.А., Пентковская Т.В.* Пути формирования русского научного дискурса в XVII в. // Мир науки, культуры, образования. № 4 (59), 2016. С. 221–229.
13. *[Німчук В. В.]* «Лексіконъ латинский» Є. Славинецького. «Лексикон словено-латинський» Є. Славинецького та А. Корецького. Сатановського. Київ: 1973.
14. *Маляр Т.Н.* Пространственные концепты в семантике английских предложно-наречных слов и словосочетаний in front (of), ahead (of), behind, beyond // Исследования по семантике предлогов. М.: Русские словари, 2000. С. 263–295.
15. *Николенкова Н.В.* Стратегии формирования церковнославянского языка как языка науки в XVII в. (на примере перевода Атласа Blaeu) // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2013. С. 590–609.
16. *Николенкова Н.В.* Русская географическая терминология во «Ввождении в Космографию»: Лингвистический аспект // Историческая география. Т. 3. М.: Аквилон, 2016. С. 108–145.
17. Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. II: Указатели. Исследования / Изд. подгот. В.Б. Крысько, Л.В. Прокопенко, В. Желязкова, И.М. Ладыженский, А.М. Пентковский. М.: Азбуковник, 2011.
18. Словарь Академии Российской. Часть IV. СПб.: при Императорской Академии наук, 1793.
19. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). Т. 1 и далее. М., 1988 – наст.вр.
20. Словарь русских народных говоров. Выпуск 22. Ленинград: Наука, 1987.
21. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1 и далее. М., 1975 – наст.вр.
22. Словарь русского языка XVIII века. Вып 16. СПб.: Наука, 2006.

23. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. 3. СПб.: в типографии Императорской Академии наук, 1847.
24. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II. СПб.: типография Императорской Академии наук, 1902.
25. *Хабургаев Г.А.* Старославянский язык. М.: Просвещение, 1986.
26. Чудовская рукопись Нового Завета 1354 года. М.: Северный паломник, 2001.
27. A Patristic Greek Lexicon. Edited by G.W.H.Lampe. Oxford: Clarendon Press, 1961.
28. Neues Testament in der Übersetzung des Priestermönchs Jepifanij Slavynec'kij. Faksimile. Herausgegeben von Tat'jana A. Isačenko. Paderborn – München – Wien – Zürich, 2004.
29. Oxford English Reference (Толковый словарь английского языка) [Электронный ресурс.] URL: http://www.вокабула.рф/словари/толковый-словарь-английского-языка. Дата последнего обращения – 13.12.2017.
30. Theatrum orbis terrarium, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum. Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu. Amsterdami. Anno 1645.

DOI 10.29003/M153.LMC2018-60/201-216

АНАЛИЗ И СИНТЕЗ: КАК ЗАСТАВИТЬ СТУДЕНТА ДУМАТЬ О СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ ВСЕРЬЕЗ?

М.Ю. Сидорова

ANALYSIS AND SYNTHESIS: HOW TO MAKE STUDENTS THINK ABOUT SYNTACTIC STRUCTURES SERIOUSLY?

M.Yu. Sidorova

ABSTRACT:
The aim of the article is to demonstrate the effectiveness of Prof. M.V. Vsevolodova's anthropocentric pedagogical system in application to teaching Russian syntax to students majoring in foreign languages and literatures. Theoretical fundamentality, practical value and orientation towards linguistic and communicative realities are the main principles of this system. Being combined with the active learning approach they allow students to arrive by using critical thinking, former knowledge and logical reasoning to attain deeper understanding of basic syntactic concepts such as sentence, grammatical rule, grammaticality, etc. We provide examples of tasks fulfilled by the students and describe the course of discussion the teacher should lead to arrive to achieve proper understanding of the given concepts. This understanding based on active investigation of linguistic facts rather than passive perception of lectured material will naturally be communicative and functional. But, moreover, as we demonstrate in the end of the article, the communicative grammar itself can be challenged by this investigation which provides a stimulus for its further development.

Keywords: the Russian language; instructional design; active learning; syntax; grammar; sentence; rules

АННОТАЦИЯ
В статье обосновываются и демонстрируются на примерах принципы преподавания синтаксиса русского языка студентам, специализирующимся по зарубежной филологии, разработанные автором под влиянием антропоцентрической педагогической системы проф. М.В. Всеволодовой: теоретическая фундаментальность, прикладная значимость, ориентация на языковую и коммуникативную реальность. Методы активного обучения, опирающиеся на указанные принципы, позволяют дать филологам-зарубежникам, для которых русский язык не является основным предметом, современные теоретические представления о таких базовых понятиях синтаксиса, как «предложение», «грамматическое правило» и «грамматичность» и т. п., формируя в то же время навыки научного мышления о языковых явлениях. Доказательная демонстрация объяснительной силы коммуникативно-функциональной грамматики сочетается при таком подходе с критическим осмыслением положений самой коммуникативно-функциональной теории (в

частности представления о синтаксисе как уровне языка, интегрирующем средства всех остальных уровней), что создает предпосылки для ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: русский язык; методика преподавания; активное обучение; синтаксис; грамматика; предложение; правила

Miss Tooley. How do you think we ought to start?

J.D. O'Connor. My idea is this. Suppose we just say a few ordinary sentences. After that we'll go back again and notice how we've said them and what sort of tune we've used, and then we'll try to make some clear and general rule about them.

A Course of English Intonation
by J. D. O'Connor

Проф. М.В. Всеволодова не только большой ученый и учитель многих поколений филологов-русистов, основатель оригинальной дидактически ориентированной школы функционально-коммуникативной грамматики. Неоценим вклад Майи Владимировны в методику преподавания русского языка, базирующийся на трех важнейших компонентах ее лингвистического мировоззрения. Во-первых, проф. Всеволодова всегда стремилась поставить лингводидактику на твердую научную основу, аргументировать самыми современными достижениями фундаментальной лингвистической мысли. Во-вторых, предметом обучения, по М.В. Всеволодовой, должен быть реальный, а не «дистиллированный», или синтезированный лабораторно, русский язык. Наконец, эффективность методического подхода проф. Всеволодовой объясняется его уникальной антропоцентричностью: и содержание, и приемы обучения должны определяться его целями, которые понимаются не формально и самодостаточно, а как истинные цели обучаемых – необходимые им для дальнейшего роста и развития знания, умения и навыки. Никогда для Майи Владимировны абстрактные системы и парадигмы не заслоняли реальную фигуру носителя языка – будь то родной язык или изучаемый, в котором говорящий еще делает только первые шаги. Этому проф. Всеволодова учит не только своих непосредственных учеников, но и всех коллег, которым повезло соприкоснуться с ней в своей профессиональной деятельности. Принципы преподавания синтаксиса русского языка нерусистам, излагаемые в этой статье, (теоретическая фундаментальность, прикладная значимость и ориентация на языковую и коммуникативную реальность) не могли бы сформироваться и быть успешно реализованы без влияния педагогической системы Майи Владимировны. И эти принципы, как нам представляется, весьма актуальны для нашего времени.

Изменения в научной парадигме и на рынке труда, произошедшие в последнее десятилетие, заставляют задуматься над обоснованием казавшихся прежде очевидными компонентов системы фундаментального филологического образования. Дело не только в том, что в ограниченное количество учебных часов приходится «втискивать» как традиционные дисциплины, так и новые, порожденные потребностями информационного общества. Дело в прагматической ориентации самих студентов, которая вполне оправдана: любая дисциплина рассматривается под углом ее полезности для будущей профессиональной деятельности. Эта ориентация, если ее правильно использовать, является не помехой, а хорошим основанием для формирования профессионала-филолога, обладающего, среди прочих, развитыми навыками критического, аналитического и синтезирующего мышления. Ответ на вопросы «Зачем фонетика?», «Зачем морфология?», «Зачем синтаксис?» должен даваться не только на первой лекции по соответствующим предметам в стандартной рубрике «Цели и задачи изучения дисциплины», но на каждой лекции, на протяжении всего курса – самим ходом совместной исследовательской деятельности преподавателя и студентов, а не простым предъявлением суммы формулировок, которые «надо выучить». Особенно значим этот подход при обучении русскому синтаксису студентов, специализирующихся по зарубежной филологии, иностранным языкам и т.п. Специфика этой аудитории заключается в следующем.

1) Ей, еще больше, чем студентам-русистам, не хватает контролируемой и критически осмысливаемой продуктивной деятельности на родном языке под руководством специалистов по родному языку.

2) Ни один из бакалавров отделения «Зарубежная филология» или аналогичных направлений подготовки не собирается преподавать русский язык в школе или вузе, поэтому использование синтаксиса или любой другой дисциплины в рамках системного курса русского языка для компенсации, «освежения» и развития знаний по русскому языку, входящих в школьную программу, нецелесообразно. Вместо этого будущие филологи-зарубежники и переводчики должны получить знания по русскому синтаксису, которые будут полезны в их собственной профессиональной деятельности. В связи с этим растет роль сопоставительного компонента, который выполняет на занятиях по русскому синтаксису как мотивирующую, так и собственно познавательную функцию. Не потеряли актуальности положения, высказанные в 1947 г. Л.В. Щербой в работе «Преподавание иностранных языков в средней школе». С одной стороны, «никто не сомневается в большом общеобразовательном значении изучения родного языка, и едва ли могут быть также большие сомнения в том, что это значение оно имеет, если теоретическая часть уроков в ос-

новном сводится к осознанию бессознательных механизмов языка, к осознанию всех тех понятий, которые выражаются языком как в области грамматики, так и в области лексики <…>, а также средств этого выражения» [Щерба 1974: 44]. С другой стороны, сопоставительный анализ синтаксических структур русского и изучаемого языка приводит к тому, «что учащиеся понемногу всем ходом занятий приучаются не скользить по привычным им явлениям родного языка, а подмечать разные оттенки мысли, до сих пор ими в родном языке не подмечавшиеся. Это можно назвать преодолением родного языка, выходом из его магического круга» [Там же].

3) Для обсуждаемой аудитории в курсе русского синтаксиса должны акцентироваться теоретические аспекты, позволяющие использовать полученные знания в качестве общей синтаксической теории, демонстрирующие успехи русской лингвистики в интерпретации синтаксического строя языка в целом. В то же время должны активно привлекаться основополагающие труды по синтаксису и грамматике в целом, созданные крупнейшими мировыми учеными. Это позволяет сформировать не изоляционистский, а интегративный взгляд на русский синтаксис, включающий его в парадигму общего синтаксиса и позволяющий провести параллели между его проблематикой, методами, объектами, задачами и проблематикой, методами, объектами, задачами синтаксиса изучаемого студентами иностранного языка.

В статье [Сидорова 2015а] мы сосредоточились на прикладных аспектах данного курса, демонстрируя реализацию в нем через «активное обучение» [Bruner 1966] базового принципа – «к изучению любого объекта синтаксической науки (будь то синтаксические связи, модели предложений или порядок слов) мы не подступаем раньше, чем убедимся в его практической значимости». Здесь мы остановимся на теоретическом содержании курса, на том, как активное формирование обучающимися новых идей и понятий, отбор и переработка информации, построение гипотез, принятие решений на основе имеющегося знания и другие виды деятельности, входящие в понятие «активного обучения», позволяют им не только освоить предметное содержание курса, но и получить навыки научного мышления, которые у значительной части современных студентов отсутствуют вплоть до окончания вуза, в чем мы видим существенную проблему.

Между теоретической и практической ориентацией университетского курса синтаксиса нет противоречия. «Как грамматику, так и словарь можно рассматривать с двух различных точек зрения, в зависимости от того, занимается ли лингвист *анализом* («распознаванием») корпуса высказываний или *синтезом* («образованием») грамматически правильных

предложений», – пишет Дж. Лайонз во «Введении в теоретическую лингвистику» [Лайонз 1978]. Эффективная синтаксическая концепция должна создавать теоретическую основу и практический инструментарий и для анализа, и для синтеза связной речи. Поэтому принципиально важно с самого начала работать со студентами не только на предъявляемых им примерах – сконструированных или взятых из реальных текстов, но и на примерах, ими порождаемых. При этом будущие филологи должны понимать, что пример примеру рознь. Целесообразно действовать путем, предлагаемым в фрагменте классического курса английской фонетики, вынесенном в эпиграф статьи: сначала мы «произносим» несколько обыкновенных предложений, затем анализируем, как мы это сделали, затем пытаемся сформулировать «четкие общие правила».

Возьмем ряд теоретических положений, без которых немыслим раздел синтаксиса в общем курсе «Современный русский язык». ***Предложение*** *– центральный объект синтаксиса. Если слово является единицей называния – номинативной единицей, то предложение служит единицей общения-сообщения –* ***коммуникативной единицей****. Мы общаемся не отдельными предложениями, а связными текстами, но именно предложение считается первой пригодной для коммуникации единицей, которая образуется говорящим из единиц докоммуникативного уровня с определенной* ***коммуникативной целью*** *(сообщение, вопрос, побуждение).* Все эти утверждения можно предложить студентам принять на веру как таковые или посредством обоснований и доказательств, приводимых преподавателем. Можно, однако, сделать так, чтобы молодые филологи пришли к их осознанию самостоятельным путем, параллельно сформировав у обучаемых понимание того, что такое синтаксический анализ и синтаксический синтез и как они соотносятся.

Начнем с задания 1. *Составьте из слов предложение. От слов можно образовывать требующиеся морфологические формы. Можно добавлять предлоги и союзы. Список слов:* ***дерево, книга, мальчик, рука, трава, футболка, яблоко, лежать, читать, маленький, полосатый****. Проанализируйте последовательность ваших действий. Сравните ваше предложение с тем, что получилось у других студентов. Объясните сходства и различия. Можно ли сказать, что, составляя предложение из этих слов, вы симулировали реальную языковую деятельность? Почему?*

Организуемое преподавателем обсуждение должно включать следующие стадии.

А. Предъявление студентами вариантов предложения. Отсев неправильных (не все слова использованы, добавлены другие слова и т. п.). Обсуждение различий между правильными вариантами. Различия эти, как

легко догадаться, будут состоять прежде всего в способах оформления предикаций, выраженных глаголами *лежать* и *читать*, и в порядке слов.

Б. Констатация того, что составить из слов предложение оказалось не просто.

В. Сопоставление с реальной речевой деятельностью:

1) мы постоянно в речи строим куда более сложные предложения, не испытывая подобных трудностей;

2) мы их строим по-другому – в соответствии с реальной коммуникативной целью, в определенной коммуникативной ситуации и не из заданного набора лексем;

3) мы в принципе не строим в реальной устной коммуникации таких предложений (то, что у нас получилось, вряд ли может быть произнесено в обыденном диалоге, хотя может быть частью драматургической ремарки или описания картины в искусствоведческой монографии).

Завершается эта часть обсуждения вопросом, можно ли использовать анализ процесса составления нами предложения и само это «искусственное» предложение для того, чтобы получить научное знание о русском синтаксисе.

Г. Анализ процесса порождения предложения, непременно включающий следующие констатации:

1) мы (подавляющее большинство студентов делают именно так) сразу находим «главного героя» референтной ситуации, личного субъекта – *мальчик*;

2) мы находим для него глаголы – предикаты – и ставим в определенную форму; частично эта форма зависит от «главного героя» (лицо и число в настоящем времени или род и число в прошедшем), частично – определяется нами в зависимости от того, в каком времени мы локализуем картинку – в настоящем или в прошедшем, и от того, в равноправные или нет отношения мы хотим поставить предикаты (*лежит и читает, лежащий… читает, лежит читающий, лежа читает, лежит… читая*);

3) мы находим для этих глаголов те распространители, которые подсказывает семантика глаголов, и ставим их в определенную предложно-падежную форму, причем для слова *книга* форма выбирается «по заказу глагола», а для слов *трава* и *дерево* - в соответствии с теми пространственными отношениями, которые мы себе представили (ср. *под деревом*, *за деревом*, *у дерева*);

4) мы распределяем оставшиеся слова между уже имеющимися у нас компонентами предложения как их предметные и признаковые распространители, например, слово *футболка* ставим в нужной предложно-падежной форме в соответствии с тем, как мы представляем эту ситуацию

(здесь невозможно **без полосатой футболки*, только *в*), слово *полосатый* изменили по роду, числу и падежу, согласовав с существительным, слово *маленький* изменять не потребовалось.

В процессе обсуждения у студентов активизируются уже имеющиеся у них синтаксические знания и добавляются новые. В частности вводятся понятия **коммуникативной цели** (понимаемой вслед за А.Н. Леонтьевым аналогично цели любой деятельности как переход от ситуации не-А к ситуации А посредством речевой коммуникации [Леонтьев 1974]), **коммуникативной ситуации** и **референтной (денотативной) ситуации**. Раскрываются принципиальные различия между синтаксисом устной и письменной речи [Выготский 1999], обусловленные различием коммуникативных ситуаций, в которых устная и письменная речь реализуются. Формируются представления о взаимодействии лексики, морфологии и синтаксиса при построении предложения, а также о системных синтаксических потенциях слов языка.

Эти знания развиваются и укрепляются при выполнении задания 2. *Опишите одним предложением то, что вы видите на картинке.* (Предъявляется картинка, изображающая ситуацию, аналогичную той, которая описывалась в предыдущем предложении, например: ***Маленький мальчик с яблоком в руке сидит на лестнице и читает книгу*** или ***Молодой парень в красной рубашке лежит под деревом и разговаривает по телефону***). *Проанализируйте последовательность ваших действий. Сравните ваше предложение с тем, что получилось у других студентов. Объясните сходства и различия. Можно ли сказать, что вы симулировали реальную языковую деятельность? Почему?*

В обсуждении студенты констатируют, что эта ситуация речепорождения была ближе к реальной. У нас по-прежнему не было реальной коммуникативной цели и адресата, к которому мы обращаем речь и который может находиться в разном отношении к денотативной ситуации, описываемой в предложении [Сидорова 2015б] [Сидорова, Роговнева 2015]. Однако появилась возможность выбрать те компоненты ситуации, которые мы хотим отразить, и выбрать для них номинации: *маленький мальчик – мальчик, лежит – валяется, дерево – береза, смотрит в книгу – читает книгу* и т. п. Важнейшими из этих операций оказываются опять же определение «главного героя» ситуации, которым в случае присутствия на картинке личного субъекта будет этот субъект, и формирование предложения путем приписывания этому субъекту одного из его признаков как основного – сопрягаемого с ним предикативной связью. Субъект и предикат (носитель признака и приписываемый ему признак) начинают реально восприниматься как главные члены предложения и с языковой, и с «психологической» (А.А. Шахматов) точек зрения. Вряд ли мы получим при описании подобной картинки предложение типа *Яблоко в руке у*

мальчика, лежащего под деревом и читающего книгу, красное, хотя оно и вполне грамматично. У студентов создается основа для осмысленного восприятия формулировок Р.О. Якобсона, характеризовавшего «две основные операции, используемые в речевом поведении» как «селекцию и комбинацию» языковых единиц [Якобсон 1975: 204], и В.В. Виноградова, использовавшего в том же смысле триаду «подбор, осмысление и расположение <…> речевых элементов» [Виноградов 1959: 35].

Аналогичным образом мы действуем и дальше, приводя в ходе выполнения следующих заданий студентов к пониманию коммуникативной роли и сущности предложения как синтаксической единицы, формируемой говорящим и соотносящейся с двумя ситуациями: денотативной (референтной) – ситуацией, обозначением которой служит предложение, и коммуникативной – ситуацией, в которой оно функционирует. Формальный синтаксис интересуется только соотношением структуры предложения с денотативной ситуацией, поэтому может работать со сконструированными примерами. Функциональный синтаксис всегда рассматривает предложение в соотношении с коммуникативной ситуацией и работает только с реальными примерами или с примерами, для которых моделируется реальная коммуникативная ситуация. Соответственно, у формального и функционального синтаксиса разные критерии грамматичности и принципы классификации предложений.

Понятия **грамматичности** и **приемлемости** предложений заимствуются нами из [Лайонз 1978] и включаются в тот раздел курса, в котором определяется место синтаксиса как составной части грамматики. Важное место в этом разделе (в отличие от традиционного университетского курса синтаксиса русского языка для русистов) занимает формирование представления о синтаксисе как о «науке о правилах». Логика здесь чрезвычайно проста. Синтаксис вместе с морфологией образуют грамматику. Грамматика и словарь – два способа организации языковой системы и представления ее в лингвистике. **Грамматика** описывает **правила**, действующие для **классов** языковых единиц, **словарь** – это **список индивидуальных** единиц. Синтаксические, и в целом грамматические, правила соответствуют двум значениям слова «правило» в толковом словаре:

1. Положение, выражающее определенную закономерность, постоянное соотношение каких-либо явлений.

2. Принцип, служащий руководством в чем-либо [Ефремова 2000].

Соответственно синтаксические правила выражают закономерности образования связной речи, выявленные учеными, и служат для говорящих руководством к построению и восприятию синтаксических конструкций.

Восприятие принципиального различия между словарем и грамматикой опирается у студентов, специализирующихся по зарубежной филологии, на их опыт изучения двух или нескольких иностранных языков, демонстрирующий принципиальные различия между освоением лексики и грамматики. При **практическом** изучении **словаря** какого-либо языка мы должны запомнить каждую единицу (слово) в отдельности. При **практическом** изучении **грамматики** какого-либо языка мы выучиваем правило и применяем его для всех единиц, на которые оно распространяется. Например, при изучении русского языка иностранцам, чтобы употреблять прилагательные в речи, следует выучить правила согласования прилагательных в позиции определения и сказуемого с существительными, знать, что прилагательное-атрибут ставится в русском языке перед существительным, понимать различие в функционировании между полными и краткими формами прилагательных и т. п. Все эти правила действуют не для отдельного слова, а для грамматических классов слов. Поэтому особое значение приобретает функционально обусловленная классификация слов различных частей речи, составляющая основу синтаксиса слова при коммуникативно-функциональном подходе. К правилу могут быть сформулированы исключения, например: аналитические (неизменяемые) прилагательные не согласуются с существительными в роде, числе и падеже – они примыкают к определяемому существительному и ставятся после него (ср. *длинная юбка бордо, в длинной юбке бордо, длинные юбки бордо, длинный жакет бордо*; *вкусный соус бешамель, с вкусным соусом бешамель*). Правила образуют систему: они могут взаимодействовать и конкурировать.

При **теоретическом** изучении **грамматики** лингвисты стремятся установить набор правил, закономерностей, характеризующих грамматическую систему данного языка и позволяющую строить на нем правильные высказывания: «Описывая конкретный язык, лингвист должен так или иначе установить пределы грамматичности» [Лайонз 1978]. Для каждого правила, помимо собственно формулировки (1), должны быть определены условия и границы его применения:

– множество (класс) единиц, на котором действует правило (2),

– исключения из правила (3),

– взаимодействующие (соседние) правила (4).

Это касается правил как формальной, так и функционально-коммуникативной грамматики.

	Правило формальной грамматики	Правило функционально-коммуникативной грамматики
(1)	Прилагательное согласуется с существительным в роде, числе и падеже	Если говорящему требуется сообщить о действии лица, но у него нет желания, необходимости или возможности назвать

		действующее лицо (действующих лиц) в предложении, он может использовать конструкцию без имени субъекта, поставив глагол-сказуемое в форму 3 лица множ. числа в настоящем или будущем времени или в форму множ. числа в прошедшем времени.
(2)	Прилагательные в позиции определения	Глагольные предложения, обозначающие действия лиц (невозможно для предложений, обозначающих функционирование предметов типа *Все компьютеры работают* и действия животных типа *Бобры построили на реке плотину* [Всеволодова 2000: 48].).
(3)	Аналитические прилагательные	???
(4)	Прилагательное в роли сказуемого согласуется с существительным или местоимением -подлежащим в роде и числе.	Тем же способом возможно образование не неопределенно-личных, а обобщенно-личных конструкций типа *Рыбу ножом не едят*.

Изменение одного из компонентов правила влечет за собой модификацию и другого/других. Например, если в приведенном примере правила формальной грамматики добавить в формулировку уточнение «изменяемое», то сузится множество единиц, охватываемых правилом, и при этом исчезнет необходимость указывать на аналитические прилагательные как на исключение. Если же мы захотим расширить сферу действия приведенного правила функционально-коммуникативной грамматики на предложения, в которых действие выражено существительным (*И вдруг прыжок…*), то у нас соответственно изменится и формулировка. Более подробно см. [Сидорова 2016].

По Лайонзу, **грамматичность** определяется с точки зрения той или иной теории, описывающей язык, и задача любой синтаксической теории состоит в том, чтобы максимально сблизить свои правила грамматичности с существующими в языке границами приемлемости высказываний, соблюдая при этом закон «рентабельности»: сложность и количество правил не должны препятствовать их производительности. Сам Лайонз демонстрировал разные степени приближения к «правильному правилу» синтаксиса на примере анализа номинативно-глагольных предложений типа:

(1) *The dog bites the man – Собака кусает человека*.
(2) *The chimpanzee eats the banana – Шимпанзе ест банан*.
(2) *The wind opens the door – Ветер распахивает дверь*.
(4) *The linguist recognizes the fact – Лингвист признает факт*.

(5) *The meaning determines the structure – Значение определяет структуру*.

(6) *The woman undresses the child – Женщина раздевает ребенка*.

(7) *The wind frightens the child – Ветер пугает ребенка*.

(8) *The child drinks the milk – Ребенок пьет молоко*.

(9) *The dog sees the meat – Собака видит мясо* [Лайонз 1978].

Попытка сформулировать правило, выделяя классы слов, на которых оно действует, на уровне частей речи (N = {собака, человек, шимпанзе, банан…} и V = {кусает, ест, открывает…}), приводит к формулировке: «К существительному-подлежащему (в Имен. пад.) присоединяется глагол-сказуемое (в личной форме)». Однако это правило разрешает нам образовывать предложения типа **Банан пугает лингвиста; *Банан кусает значение; *Структура пьет шимпанзе; *Собака раздевает ветер*, т. е. неприемлемые. Если же мы попробуем сформулировать не одно правило, а набор правил на уровне функционально-семантических разрядов глаголов и существительных, то количество неприемлемых предложений, ими разрешаемых, уменьшится, т. к. будет введен, например, запрет на сочетаемость классов N_3 и V_1:

N_1 = {собака, человек, шимпанзе, лингвист, ребенок, ветер…}

N_2 = {банан, дверь, молоко, мясо…}

N_3 = {факт, значение, структура...}

V_1 = {ест, кусает...}

V_2 = {признает...}

V_3 = {определяет...}.

Таким образом, первое правило (соединяем любое существительное-подлежащее с любым глаголом-сказуемым и получаем предложение) и набор правил, учитывающих семантику существительного и глагола, поразному проводят границу между грамматичными и неграмматичными предложениями языка. Как пишет Лайонз: «Имеет значение вопрос о том, дает ли лингвисту именно одна, а не другая классификация возможность сформулировать серию правил таким образом, чтобы общее множество предложений, порождаемых грамматикой, включало максимальное число приемлемых предложений и минимальное число неприемлемых предложений» [Лайонз 1978].

Как методически осуществляется движение студентов к пониманию синтаксиса (и грамматики в целом) как науки о правилах, сути грамматических правил, целей и принципов их формулирования и применения? Для этого служит система заданий, включающая:

1) анализ синтаксических правил (вычленение в них указанных четырех компонентов);

2) модификацию синтаксических правил (изменение одного из компонентов правила, наблюдение за тем, как при этом изменяются другие);

3) корректировку синтаксических правил (для этого можно использовать приведенный выше материал из книги Лайонза: очевидно, что объединение личных существительных и названий природных феноменов типа *ветер* даст менее эффективную систему правил, чем выделение личных существительных в отдельный класс);

4) формулировку собственных правил, например, путем ответа на вопрос: «Какие правила должны быть в синтаксической концепции, чтобы адекватно отразить приемлемость или неприемлемость в русском языке предложений *Шимпанзе пьет дверь* и *Гора родила мышь*?»;

5) общую характеристику правил как а) формальных / функционально-коммуникативных; б) определяющих «обязанности» отправителя сообщения (без их выполнения конструкция будет грамматически неправильной) или его возможности (какие языковые средства ему следует применить, чтобы достигнуть наилучшего результата) [Сидорова 2016].

Разнообразный, детально проработанный и систематизированный перечень грамматических правил для этой системы заданий содержится в [Всеволодова 2000]. Например, весьма удобен для использования в указанных целях раздел, посвященный синтаксическому функционированию кратких и полных прилагательных.

В итоге, помимо собственно предметного знания, у студентов формируется важная идея о неизбежной дистанции между материалом и научными представлениями о нем. Между синтаксисом как наукой и реальным синтаксисом языка всегда есть некоторый разрыв: мы стремимся описать устройство и функционирование синтаксической системы как можно более точно, но только бесконечно приближаемся к такому описанию. Поэтому и коммуникативно-функциональный подход должен восприниматься не как окончательная и непогрешимая замена формального, а как живая, развивающаяся теория, требующая уточнений и доработок.

Использование принципов активного обучения по отношению как к прикладным аспектам курса, так и к теоретическим помогает не только оснастить студентов современными и полезными знаниями, но и предвидеть и корректировать те сложности и неверные толкования, которые может породить сам коммуникативно-функциональный подход. В заключение статьи проиллюстрируем это на примере одного из положений коммуникативной грамматики, которое является в ней настолько общим местом, что по нему молодые ученые часто «скользят мыслью», не считая необходимым в него вдумываться.

В современной коммуникативной грамматике типичен подход к синтаксису как к интегрирующему уровню языковой системы, то есть как к уровню, на котором объединяются средства лексики, словообразования,

морфологии, фонетики, используемые говорящим / пишущим для построения связной речи в процессе коммуникации, а слушателем / читателем – для декодирования, интерпретации сообщения: «Ориентация данного подхода на непосредственный выход в коммуникацию обусловила ведущую роль синтаксиса как системы, интегрирующей все другие уровни и единицы языка» [Копров 2010: 7]. На первый взгляд, кажется, что эта формулировка достаточно понятна. Однако задав студентам вопрос «Значит ли это, что синтаксис как наука занимается всем тем же, что и лексикология, словообразование, морфология и фонетика?» и получив неуверенный ответ «Наверное, нет», хочется сформировать у них более четкое представление о том, что именно в «предыдущих» уровнях языка синтаксис интересует, а что нет и почему.

Для этого мы рассматриваем два примера:

А) *Жили-были дед и баба. Была у них курочка Ряба. Снесла раз курочка яичко. Не простое яичко, а золотое. Хотел дед разбить яичко. Бил-бил – не разбил. Баба била-била – не разбила*.

Б) *В отношении дипломатическом, Наполеон призывает к себе ограбленного и оборванного капитана Яковлева, не знающего, как выбраться из Москвы, подробно излагает ему всю свою политику и все великодушие и, написав письмо к императору Александру, в котором он считает своим долгом сообщить своему другу и брату, что Растопчин дурно распорядился в Москве, он отправляет Яковлева в Петербург* (Л. Толстой).

Каждый из этих фрагментов, несомненно, является примером русской связной речи, которая и является главным предметом изучения в курсе русского синтаксиса. В каждом из них рассказывается о последовательности действий некоторых лиц. При этом между ними обнаруживаются явные различия.

1) Пример А состоит из 32 слов, которые объединены в 7 предложений. Пример Б состоит из 55 слов, объединенных в одно предложение.

2) В примере А в 4 предложениях из 7 сказуемое стоит перед подлежащим. В примере Б во всех частях сложного предложения подлежащие стоят перед сказуемым.

3) В примере Б представлены слова грамматических и семантических классов, которых нет в примере А: причастия и деепричастия, абстрактные существительные, подчинительные союзы и союзные слова.

4) В примере А использованы глаголы только в прошедшем времени (несовершенного и совершенного вида), в примере Б глаголы-сказуемые употреблены как в прошедшем, так и в настоящем времени.

5) Пример А маркирован (отмечен) для любого носителя русского языка как начальный фрагмент текста, причем текста определенного

жанра (народной сказки) – конструкция с *Жили-были*… Пример Б очевидно извлечен из середины текста.

6) В примере А все знаменательные слова начинаются с согласных фонем. В примере Б есть знаменательные слова, которые начинаются с гласных фонем.

7) В примере А нет заимствованных слов. В примере Б есть слова с заимствованными основами.

8) В примере А есть разговорные слова. В примере Б таких слов нет, зато есть слова и выражения, свойственные высокому стилю.

Стоит вместе со студентами поразмышлять, какие из перечисленных различий входят в компетенцию синтаксиса. Эти размышления могут развиваться примерно следующим образом.

Безусловно, компетенции синтаксиса принадлежит различие первое. Наука о синтаксисе должна уметь объяснить не только, как строятся в русском языке предложения – от самых простых и коротких до самых многословных, со сложной разветвленной конструкцией, но и в каких случаях, для чего используются в речи те и другие.

Второе различие связано со свободным порядком слов в русском языке. Недостаточно констатировать, что сказуемое в русском предложении может стоять перед подлежащим или после него, а определение (как в предложении про *не простое яичко, а золотое*) – до или после определяемого слова. Требуется описать и объяснить эти и другие закономерности порядка слов.

Третье различие отражает тот факт, что различные классы слов в системе языка (знаменательные и служебные слова, части речи, семантические разряды в каждой части речи) имеют разные **синтаксические потенции**, то есть предназначены для выполнения разных функций (ролей) в составе предложения и в тексте. Синтаксические потенции разных классов слов, их возможность участвовать в формировании предложений и текстов разных типов – это тоже предмет внимания синтаксистов.

Четвертое различие демонстрирует существующую в русском языке возможность выражать последовательность действий (строить повествовательный текст) с помощью глаголов не только прошедшего, но и настоящего времени. Синтаксис изучает закономерности построения текстов различных типов: описания, повествования, рассуждения, инструкции.

Пятое различие имеет отношение к синтаксической композиции текста. Как отдельные слова выполняют определенные функции в составе предложения, так и каждое предложение играет свою роль в синтаксическом единстве высшего порядка – тексте. Изучая синтаксис, мы должны научиться определять эти роли и диагностировать, правильно ли составлено предложение, подходит ли оно для выполнения той роли в тексте, которую ему предназначил говорящий.

Различия (6–8) не являются предметом интереса синтаксиса. То, с какой фонемы начинается слово, как и происхождение и стилистическая окраска слова, не влияет на его роль в предложении. Личное существительное может быть подлежащим в предложении со сказуемым – глаголом действия независимо от того, с гласной или согласной оно начинается, заимствованное оно или исконно русское, разговорное или книжное. Звуковая сторона языка интересует синтаксистов только в аспекте интонационного оформления синтаксических конструкций (интонация завершенности / незавершенности высказывания, вопроса, побуждения, эмоционально-оценочной реакции и т. п.). С лексикой синтаксисты работают на ином уровне абстракции, чем лексикологи, - на уровне, который релевантен, значим для формулировки синтаксических правил.

Таким образом, эвристическая ориентация преподавания синтаксиса, основы которой были заложены еще в работе Ф.И. Буслаева «О преподавании отечественного языка» (1844) и развиты в различных направлениях современного коммуникативно-функционального подхода в российской лингвистике, находит себе применение не только в методике РКИ, но и в методике преподавания русского языка как родного, причем как в практической, так и в теоретической части курса. Хотя сама М.В. Всеволодова в аннотации к [Всеволодова 2017] характеризовала свою модель как «модель открытого типа», скромно объясняя это тем, что «автор широко использует результаты других направлений и других моделей», наш опыт подтверждает: лингводидактическая модель Майи Владимировны является моделью открытого типа еще и потому, что ее результаты могут широко использоваться **для** «других направлений и других моделей».

Литература / References

1. *Виноградов В.В.* Изучение языка художественной литературы в советскую эпоху (Приемы, вопросы, итоги) // О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. С. 5–84
2. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
3. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М.: URSS, 2017.
4. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.
5. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2006.
6. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Русский язык, 1982.
7. *Копров В.Ю.* Сопоставительный синтаксис русского и английского языков: Учебное пособие. Воронеж: «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2010.
8. *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978.
9. *Леонтьев А.А. (ред.)* Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974
10. *Сидорова М.Ю.* Русский синтаксис для студентов отделения «Зарубежная филология» // Известия Южного федерального университета, Филологические науки. 2015, № 1. С. 58–76. (2015a)

11. *Сидорова М.Ю.* Система коммуникативных регистров и типология коммуникативных ситуаций // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XI Международной научной конференции (Владимир, 29 сентября – 1 октября 2015 года). Владимир: Транзит-ИКС, 2015. С. 480–484. (2015б)
12. *Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка и мировая экспериментальная когнитивистика: потенциал взаимодействия // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года) / Ред. кол.: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др. Т. 8. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 278–285.
13. *Сидорова М.Ю., Роговнева Ю.В.* Грамматика ситуаций и лингвистический эксперимент – новое поле коммуникативной грамматики // Gramatyka a tekst. Red. Henryk Fontański, Jolanta Lubocha-Kruglik. Oficyna Wydawnicza WW Katowice. 2015. T. 5. C. 8–21.
14. *Сидорова М.Ю.* Грамматические правила и коммуникативно-функциональный подход // Семантико-функциональная грамматика в лингвистике и лингводидактике. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. С. 137–144.
15. *Щерба Л.В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М.: Высшая школа, 1974
16. *Якобсон Р.О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975 С. 193–230.
17. *Bruner J.* Toward a Theory of Instruction. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1966 [Электронный ресурс.] URL: www.infed.org. Дата последнего обращения – 20.09.2016.
18. *Halliday M.A.K.* Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. London: EDWARD ARNOLD, 1978. .
19. *Martinet A.* A Functional View of Language. Oxford: CLARENDON PRESS, 1962.

DOI 10.29003/M154.LMC2018-60/217-225

О ЧЁМ ГОВОРЯТ ЧИСЛА? К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СИНТАКСИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

А.В. Ситарь

WHAT DO THE NUMBERS STAND FOR?
INTERPRETING THE RESULTS OF THE STATISTICAL ANALYSIS OF SYNTACTIC IDIOMS

H.V. Sytar

ABSTRACT:
The article is devoted to interpreting the results of Ukrainian syntactic idioms statistical analysis based on the Ukrainian National Linguistic Corpus by calculating the MI (mutual information) association measure. These results show that all models of syntactic idioms under consideration have a high degree of non-random combination of word forms − from 9.35 to 50.31. The results quantitatively confirm the stability of links between word forms within the constant component of the constructions. A statistically possible correlation is found between the number of word forms and the frequency of the construction: the greater the number of word forms (and, consequently, the higher the MI coefficient), the smaller frequency of the construction. It seems reasonable to introduce the notion of a "basic range of the association measure", which represents the core of the analyzed constructions. The results of the study can be used to create a computer program for identifying syntactic idioms in the corpus of texts.

Keywords: construction; statistic-linguistic analysis; association measure; syntactic idiom; Ukrainian

АННОТАЦИЯ
Статья посвящена статистическому анализу синтаксических фразеологизмов украинского языка путем расчёта меры ассоциации MI (mutual information) на материале Украинского национального лингвистического корпуса. Целью статьи является интерпретация результатов статистического анализа синтаксических фразеологизмов, согласно которым все исследованные модели синтаксических фразеологизмов имеют высокую степень неслучайности соединения словоформ в составе постоянного компонента − от 9,35 до 50,31. Полученные результаты являются количественным подтверждением устойчивости связи словоформ в составе постоянного компонента конструкций. Представляется обоснованным ввести понятие «основного диапазона меры ассоциации», отображающего ядро анализиру-

емых конструкций. Полученные результаты могут быть использованы для создания компьютерной программы идентификации синтаксических фразеологизмов в корпусе текстов.

Ключевые слова: конструкция; лингвостатистический анализ; мера ассоциации; синтаксический фразеологизм; украинский язык

Как известно, фразеологизация охватывает широкий круг языковых единиц разных уровней. На уровне предложения фразеологизация приводит к появлению синтаксических фразеологизмов − предложений особого типа, состоящих из постоянной и переменной (изменяемой) частей, характеризующихся идиоматической связанностью компонентов, ослаблением или утратой на современном этапе развития языка синтаксических связей и прямых лексических значений слов, фиксированным порядком слов, функционированием преимущественно в текстах разговорного, художественного и публицистического стилей ([Величко 1996; Всеволодова, Лим Су 2002; Всеволодова 2014; Русская грамматика 1980] и др.). Своеобразие синтаксической фразеологии как неотъемлемой составляющей грамматики языка подчёркнуто в работах М.В. Всеволодовой ([Всеволодова, Лим Су 2002; Всеволодова 2014] и др.), квалифицирующей синтаксические фразеологизмы как лингвистическую и национально характеризованную универсалию, важность изучения которой для полноценного овладения языком как его носителями, так и инофонами, сложно переоценить.

Целью статьи является интерпретация результатов статистического анализа синтаксических фразеологизмов современного украинского языка, выполненного на материале Украинского национального лингвистического корпуса (далее УНЛК), созданного коллективом Украинского языково-информационного фонда НАН Украины и размещенного по адресу http://unlc.icybcluster.org.ua/virt_unlc/.

Всего обследовано 79 моделей синтаксических фразеологизмов: 39 − с двухчленным постоянным компонентом, 28 – с трёхчленным, 10 – с четырёхчленным и 2 – с пятичленным. Поскольку в составе модели может быть несколько вариантов – числовых, родовых, а также связанных с чередованиями *і//й, у//в* и др., имеющих разные частотные характеристики, вычисления производились отдельно для каждой зафиксированной последовательности словоформ. С учётом этого расчёты выполнены для 212 постоянных компонентов, из них 92 варианта двухчленных компонентов, 89 – трёхчленных, 29 – четырёхчленных и 2 − пятичленных. Отметим, что анализом остались не охвачены синтаксические фразеологизмы с повторами словоформ и однокомпонетной постоянной частью (*Закон є закон. Жінка як жінка. Відпочивати так відпочивати. Кохати*

– *це кохати. Герой над героями* и др.), поскольку в УНЛК пока не предусмотрена возможность поиска подобных конструкций вне их конкретного лексического наполнения.

В современной статистике используют ряд статистических критериев (коэффициентов), обозначаемых термином «показатели ассоциации» (англ. association measures, measures of association). Согласно Кембриджскому словарю статистики Брайана Эверитта (Brian S. Everitt), «показатели ассоциации − числовые индексы, вычисляющие силу статистической зависимости двух или более квалитативных переменных» [Everitt 2002: 241].

Как правило, в лингвистике показатели ассоциации применяют с целью автоматического выделения коллокаций или конструкций в тексте (корпусе текстов) на основании определения случайности или неслучайности некоторой последовательности слов, а также для установления особенностей сочетаемости слов. Такие исследования выполнены на материале английского, немецкого и русского языков [Залесская 2014; Хохлова 2010; Ягунова, Пивоварова 2014; Church, Hanks 1990; Evert 2004; Stubbs 1995 и др.].

Считаем, что вычисление мер ассоциации можно применить для изучения фразеологических единиц разных типов, в частности, для «количественного подтверждения правомерности квалификации некоторой модели предложения как идиоматической (фразеологизованной, связанной) с опорой на определение коэффициента / коэффициентов, отражающего / отражающих степень случайности / неслучайности (зависимости / независимости) определенной последовательности слов в тексте» [Ситар 2017: 276]. Иными словами, вычисление показателей ассоциации позволяет подтвердить или опровергнуть так называемую «статистическую связанность» конструкции [Ситар 2016].

Среди более 50 мер ассоциации (см. [Evert 2004; Seretan 2011; Pecina 2009]) для статистического анализа синтаксических фразеологизмов выбрана мера ассоциации MI (или MI-score, Pointwise mutual inf.) – коэффициент, отображающий неслучайность (зависимость) определённой последовательности слов в тексте. Понятие MI (англ. mutual information – взаимная, общая, полная информация) предложено в теории информации Робертом Марио Фано (Robert Mario Fano) [Fano 1961]. В лингвистику формулу для вычисления MI ввели Кеннет Ворд Чарч (Kenneth Ward Church) и Патрик Хенкс (Patrick Hanks) [Church, Hanks 1990].

Выбор именно коэффициента MI обусловлен тем, что он «учитывает все важные параметры употребления конструкции (частоту конструкции, частоту каждой словоформы в ее составе) и размер корпуса, в рамках ко-

торого осуществляется статистическое исследование. Безусловным преимуществом этой меры ассоциации является возможность осуществления вычислений для любого количества словоформ» [Ситар 2015: 254].

Достоверность полученных результатов обеспечена выбором меры ассоциации, отвечающей цели исследования, и обращением к большому и репрезентативному корпусу текстов – УНЛК. Данный корпус является динамичным, на момент выполнения расчётов объём УНЛК составлял 180 000 000 словоупотреблений.

Для последовательности двух слов (биграмм) формула MI имеет следующий вид:

(1)

$$MI\,(x,y) = log_2 \frac{f(x,y) \times N}{f(x) \times f(y)},$$

где x – первая лексическая единица;

y – вторая лексическая единица;

$f(x,y)$ – абсолютная частота употребления биграммы xy в корпусе текстов (с учётом порядка единиц в составе конструкции);

$f(x)$ – абсолютная частота x в корпусе;

$f(y)$ – абсолютная частота y в корпусе;

N – общее количество словоформ в корпусе;

$\log_2$ – логарифм числа по основанию 2.

Так, для модели *Що за* N_1 Cop_f в УНЛК получены такие данные: абсолютная частота постоянного компонента *що за* − 2646, абсолютная частота *що* – 4843, абсолютная частота *за* – 4831; подставив их в формулу (1), получаем MI = 14,31.

Для конструкций с многочленным постоянным компонентом используем формулу (2), представленную в работе [Ягунова, Пивоварова 2014: 586]:

(2)

$$MI = log_2 \frac{f(c_1,c_2,\ldots,c_i) \times N^{(i-1)}}{f(c_1) \times f(c_2) \times \ldots \times f(c_i)},$$

где i – количество компонентов конструкции;

c_1 – первая лексическая единица;

c_2 – вторая лексическая единица;

c_i – i-ая лексическая единица;

$f(c_1,c_2,\ldots c_i)$ – абсолютная частота употребления конструкции $c_1, c_2, \ldots, c_i$ в корпусе текстов (с учётом порядка единиц в составе конструкции);

$f(c_1)$ – абсолютная частота c_1 в корпусе;

$f(c_2)$ – абсолютная частота c_2 в корпусе;

$f(c_i)$ – абсолютная частота c_i в корпусе;

N – общее количество словоформ в корпусе;
log_2 – логарифм числа по основанию 2.

Например, УНЛК для модели *Де вже там* N_1/Adj/Adv_{praed} Cop_f/Inf даёт такие данные: абсолютная частота постоянного компонента *де вже там* – 59, абсолютная частота *де* составляет 4349, *вже* – 3946, *там* – 3326. Подставив полученные частоты в формулу (2), имеем результат MI, равный 25.

Ключевым моментом интерпретации полученных результатов является контрольная величина MI, после которой последовательность словоформ считается не случайной. Кеннет Ворд Чарч и Патрик Хенкс определили, что к неслучайным, «представляющим интерес» для исследователя последовательностям слов относятся те, для которых результат MI > 3 [Church, Hanks 1990: 24].

Представляется, что контрольная величина MI индивидуальна для каждого корпуса текстов. Используя формулу (3), можна условно разделить формулу (1) на две части: в одной остаётся размер корпуса, в другой – частоты. Соответственно логарифм от размера корпуса составляет постоянную величину.

(3)

$$\lg(a \times b) = \lg a + \lg b$$

Поскольку объём УНЛК на момент произведения расчётов составлял 180 000 000 словоупотреблений, получаем:

$$\mathrm{MI}\ (\mathrm{x,y}) = log_2 \frac{f(\mathrm{x,y}) \times\ 180 \times 10^6}{f(\mathrm{x}) \times\ f(\mathrm{y})}$$

$$= log_2 180 + + log_2 \frac{f(\mathrm{x,y})\ \times 10^6}{f(\mathrm{x}) \times\ f(\mathrm{y})}$$

Поэтому контрольная величина – число, начиная от которого последовательность словоформ считаем не случайной, для данного исследования составляет:

$$log_2 180 = 7{,}492691 \approx 7{,}49$$

Анализ результатов вычисления меры ассоциации MI для синтаксических фразеологизмов украинского языка позволил выявить следующие закономерности.

1. Имеет место статистически достоверная связь между количеством словоформ конструкции и величиной ассоциации MI: чем больше словоформ в составе постоянного компонента синтаксического фразеологизма, тем выше коэффициент MI. Для синтаксических фразеологизмов

с двучленным постоянным компонентом MI составляет от 9,35 (*які уже*) до 16,14 (*ати-бати, йшли*), для моделей с трёхчленным компонентом − от 19,86 (*куди вже їм*) до 28,26 (*ось вам і*), для моделей с четырёхчленным компонентом – от 34,36 (*ну й що за*) до 41,5 (*що ж то за*), с пятичленным − от 49,73 (*ну й що ж за*) до 50,31 (*що ж це воно за*).

2. Зафиксирована статистически достоверная связь между количеством словоформ и абсолютной частотой конструкции: чем больше количество словоформ (и соответственно выше коэффициент MI), тем меньше частота конструкции. Так, модели с пятичленным постоянным компонентом имеют очень низкие показатели частоты: *Ну й / і що ж за* N_1Cop_f употребляется 1 раз на 180 000 000, а модель *Що ж це воно за* N_1 Cop_f − 2 раза.

3. Родовые или числовые варианты модели имеют близкие показатели MI (например, ***він*** *і в Африці* − 39,18; ***вона*** *і в Африці* – 39,13; ***вони*** *і в Африці* – 38,32; вариант ***воно*** *і в Африці* имеет абсолютную частоту 0, поэтому расчёт MI не производился), что является аргументом в пользу их квалификации именно как вариантов моделей, а не отдельных моделей. В то же время для вариантов моделей предложения, связанных с введением частиц в состав постоянного компонента, то есть с увеличением количества словоформ, характерен значительно больший коэффициент MI (ср.: *ось вам* − 32,91*, ось тобі* − 32,69, *ось вам* ***і*** − 41,83; *ось тобі* ***й*** − 41,53).

Кроме того, представляется правильным выделить так называемый «основной диапазон меры ассоциации», охватывающий бóльшую часть проанализированных моделей, которые, очевидно, можно интерпретировать как ядро синтаксических фразеологизмов, или 100%-ные синтаксические фразеологизмы (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Мера ассоциации MI для синтаксических фразеологизмов по данным УНЛК

Результаты для синтаксических фразеологизмов с двухчленным постоянным компонентом		Результаты для синтаксических фразеологизмов с трёхчленным постоянным компонентом		Результаты для синтаксических фразеологизмов с четырёхчленным постоянным компонентом	
MI	Количество обследованных вариантов постоянного компонента	MI	Количество обследованных вариантов постоянного компонента	MI	Количество обследованных вариантов постоянного компонента
9	4	19	2	34	2
10	8	20	5	35	4
11	**17**	21	5	36	2
12	**34**	22	**18**	37	**6**
13	**21**	23	**14**	38	**5**
14	4	24	**12**	39	**5**

15	3	25	**16**	40	2
16	1	26	**9**	41	3
		27	6		
		28	2		

В таблице 1 представлены данные, показывающие, что основной диапазон меры ассоциации MI для синтаксических фразеологизмов с двучленным постоянным компонентом составляет [11 ÷ 14), т. е. от 11 до 14, не включая 14, что составляет 78,26% всех исследованных единиц. Для конструкций с трёхчленным постоянным компонентом основой диапазон − [22 ÷ 27); с четырёхчленным − [37 ÷ 40), что охватывает 77,53% и 55,17% единиц соответственно. В таблице 1 основной диапазон выделен полужирным шрифтом.

Обращают на себя внимание случаи самых низких и самых высоких значений MI. Рассмотрим их подробнее.

Прежде всего, отметим, что самое низкое значение MI, равное 9,35, имеет последовательность *які* ***уже***, нарушающая литературную норму чередования *у//в* в украинском языке, но несмотря на это имеющую в УНЛК абсолютную частоту 47, не позволяющую игнорировать эту единицу. Ср.: соответствующая нормативная единица *які* ***вже*** имеет абсолютную частоту 861 и MI, равное 13,16.

Среди конструкций с двучленным постоянным компонентом самое высокое значение MI (16,14) зафиксировано для последовательности *ати-бати, йшли*, представляющей собой «синтаксический прецедент» (термин И.В. Богдановой [Богданова 2016: 149]), или прецедентную модель предложения, т. е. зону пересечения прецедентных феноменов и синтаксических фразеологизмов. В данном случае прецедентным выражением является название художественного фильма «Аты-баты, шли солдаты» режиссёра Леонида Быкова, последний компонент которого может заполняться материалом, отличным от общеизвестного, ср.: *Ати-бати, йшли дебати; Ати-бати, йшли в мери кандидати; Ати-бати, йшли магнати; Урсус, або як Ати-бати, йшли знімати* и под. Очевидно, такой высокий результат MI объясняется статусом прецедентного феномена как одного из типов фразеологических единиц в широком понимании: лексические фразеологизмы имеют более высокие показатели MI, чем синтаксические фразеологизмы [Ситар 2017: 351 и далее].

В группе единиц с трёхчленным постоянным компонентом самый низкий показатель MI установлен для последовательности *куди вже їм* (19,86), что можно объяснить низкой абсолютной частотой самой конструкции (1). В случае с конструкцией *оце вам й* (20,85) действует тот же фактор, обусловленный нарушением чередования *і//й* (ср. нормативное *оце вам і:* абсолютная частота – 24, MI − 25,42). Подобную тенденцию наблюдаем и в группе с четырёхчленными постоянными компонентами,

где наименьшее значение MI имеет последовательность *ну й що за*, употреблённая в УНЛК 1 раз и являющаяся контаминацией *ну й + що за* (т. е. моделей *Ну і / й* N_1Cop_f/V_f и *Що за* N_1Cop_f). Интересно, что наибольшие значения MI в данной группе характерны для моделей, производных от нефразеологизированных вопросительных предложений: *чому б вам не* (41,21), *що ж це за* (41,27) и *що ж то за* (41,5).

Мера ассоциации MI для конструкций с пятичленным постоянным компонентом вполне прогнозируемо имеет самые высокие результаты в силу их многокомпонентности: 49,73 (*ну й що ж за*) до 50,31 (*що ж це воно за*).

Таким образом, для корректной реализации статистического исследования важны не только постановка задач, выбор репрезентативного материала исследования и адекватных статистических критериев анализа, но и выявление различных взаимосвязей и закономерностей, поиск направлений интерпретации полученных результатов.

Перспективой данного исследования является создание компьютерной программы автоматической идентификации синтаксических фразеологизмов в корпусе украинских текстов.

Литература / References

1. *Богданова І.В.* Сугестивний потенціал прецедентних одиниць в українському медійному дискурсі початку XXI ст.: Дис. … канд. філол. наук. Вінниця, 2016.
2. *Величко А.В.* Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев: Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.
3. *Всеволодова М.В.* Уровни фразеологизации в языке и некоторые проблемы перевода фразеологических единиц на другие языки // Frazeologia a przekład / red. W. Chlebda. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2014. S. 73–91.
4. *Всеволодова М.В., Лим Су Ён.* Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: на материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки. М.: МАКС Пресс, 2002.
5. *Залесская В.В.* Программа выявления в тексте двучленных статистически значимых осмысленных коллокаций (на материале русского языка) // Технологии информационного общества в науке, образовании и культуре: сборник научных статей. Труды XVII Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2014), Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2014 г. Санкт-Петербург: Ун-т ИТМО, 2014. С. 283–289.
6. *Русская грамматика*: В 2-х т. Т. 2: Синтаксис / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.
7. *Ситар Г.В.* Статистичні критерії аналізу синтаксичних фразеологізмів // Вісник Донецького національного університету. Серія Б. Гуманітарні науки. Вінниця: ДонНУ. 2015, № 1–2. С. 245–256.
8. *Ситар Ганна.* Обчислення показників асоціації як метод установлення ступеня зв'язаності компонентів мікросинтаксичної конструкції // Зборник Матице српске за славистику. Книга 90. Нови сад, 2016. С. 161−175.
9. *Ситар Г.В.* Синтаксичні фразеологізми в розрізі конструкційної граматики: монографія: [наук. і відп. ред. А.П. Загнітко]. Вінниця: ТОВ «Нілан-ЛТД», 2017.
10. *Хохлова М.В.* Исследование лексико-синтаксической сочетаемости в русском языке с помощью статистических методов (на базе корпусов текстов): Автореф. дисс. … канд.

филол. наук. СПб, 2010.
11. *Ягунова Е.В., Пивоварова Л.М.* От коллокаций к конструкциям // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 2. Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Ред. тома С.С. Сай, М.А. Овсянникова, С.А. Оскольская. СПб: Наука, 2014. С. 568–617.
12. *Church K., Hanks P.* Word Association Norms, Mutual Information, and Lexicography // Computational Linguistics. 1990, № 16(1). Pp. 22–29.
13. *Everitt B.S.* The Cambridge Dictionary of Statistics. 2nd edition. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
14. *Evert S.* The Statistics of Word Cooccurrences: Word Pairs and Collocations [On-line resource]: PhD dissertation, IMS, Univ. of Stuttgart, 2004 (Published in 2005). URL: http://purl.org/stefan.evert/PUB/Evert2004phd.pdf. Last access. 20.10.2016.
15. *Fano Robert M*. Transmission of Information: A Statistical Theory of Communications. The Technology Press, M.I.T. and John Wiley & Sons, Inc., NY, 1961.
16. *Pecina Pavel*. Lexical Association Measures. Collocation Extraction. Volume 4 of Studies in Computational and Theoretical Linguistics. Prague: Institute of Formal and Applied Linguistics, 2009.
17. *Seretan V.* Syntax-Based Collocation Extraction // Text Speech and Language Technology. Series Editors Nancy Ide, Jean Véronis. Volume 44. Dordrecht – Heidelberg – London – NY: Springer, 2011.
18. *Stubbs Michael.* Collocations and Semantic Profiles: On the Cause of the Trouble with Quantitative Studies // Functions of Language. 1995, 2 (1). Pp. 23–55.

DOI 10.29003/M155.LMC2018-60/226-234

КОРПУС ЖИТИЙ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ «ЖИТИЙ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ XX ВЕКА МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ»): СОСТАВ И ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ, ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Е.В. Суровцева

CORPUS OF NEW MARTYRS' AND CONFESSORS' LIVES (BASED ON THE "LIVES OF XX CENTURY RUSSUAN NEW MARTYRS AND CONFESSORS OF MOSCOW DIOCESE"): COMPOSITION AND PREPARATION OF TEXTS, LEXICAL FEATURES

E.V. Surovtseva

ABSTRACT:
The article deals with the problem of lexicographical analysis of a specific modern Russian literature genre, the life of the martyrs. Nowadays a text corpus of the new martyrs and Confessors of Russia of the XX century of Moscow Diocese is being compiled. Markings of the corpus include text number, full name of the Saint, his memory day in the old and modern style, month in the old style, month in the modern style, martyrologist, the Saint's name, type (order of Holiness). Semantic fields such as religious vocabulary, proper names, tserkovnoslavyanizms and quotes from Scripture, compound words, abbreviations, and acronyms are to be identified and analyzed. A comprehensive study of the material – linguistic, literary, historical, theological – is proposed in the study.

Keywords: genre; hagiography; Russian literature; computational linguistics; martyrs; semantic groups

АННОТАЦИЯ
Нами поставлена проблема лексикографического анализа такого жанра современной русской литературы, как житие новомучеников. В настоящий момент идёт работа над созданием корпуса новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии. Разметка корпуса включает в себя несколько типов информации: номер текста, полное имя святого, дата его памяти по старому стилю, дата его памяти по новому стилю, месяц по старому стилю, месяц по новому стилю, составитель жития, имя, тип (то есть чин святости). Среди лексем корпуса должны быть выделены и проанализированы такие семантические поля, как религиозная лексика, имена собственные, церковнославянизмы и цитаты из Священного Писания, сложные слова, аббревиатуры и сокращения. В предлагаемом нами исследовании мы предполагаем комплексное исследование материала – лингвистическое, литературоведческое, историческое, богословское.

Ключевые слова: жанр, житие; русская литература; компьютерная лингвистика; новомученики; семантические группы

Одним из перспективных направлений современного литературоведения является изучение литературных жанров, в том числе – жанра жития XX–начала XXI века. К сожалению, даже среди специалистов-литературоведов бытует мнение, что житийный жанр – особенность исключительно Древней Руси, что является в корне неверным (см., напр., [Володина 2008]). Иные учёные полагают, что «в церковной практике житие как жизнеописание подвижника – местночтимого или канонизированного церковью – сохраняется до нового времени …» [Гладкова 2003: стлбц. 269], однако пишут свои статьи исключительно на древнерусском материале и не ставят вопроса о необходимости изучения житий нового времени. Жанр жития существует и успешно развивается и в современной русской словесности, и при этом надо учесть, что церковная литература является не менее значимой – и художественно, и идеологически, – нежели литература светская, разумеется, по праву занявшая одно из ведущих мест в литературе мировой[1]. По житиям XX века защищены три диссертации [Иванова 2004; Лоевская 2005; Полетаев 2007] (отметим: увы, не литературоведческие), однако это только начало исследования этого богатейшего материала.

Подхватывая наметившуюся лингвистическую традицию изучения житийного жанра, в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии (ЛОКЛЛ) филологического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова приступили к работе над корпусом современных житий, а именно – такой разновидности этого жанра, как житие новомучеников и исповедников.

---

[1] В интервью журналу «Православное обозрение» авторитетный учёный-гоголевед В.А. Воропаев отметил: «Между прочим, в русской словесности (это слово точнее и органичнее для церковной традиции, чем слово “литература”) до революции не было разделения на светскую и духовную. Был единый литературный процесс. Вспомним стихотворную переписку Пушкина со святителем Филаретом, митрополитом Московским. Или тот факт, что “Ветка Палестины” Лермонтова написана на квартире Андрея Николаевича Муравьёва, автора “Путешествия в Иерусалим”. Качественный (и количественный) перевес был на стороне духовной словесности. Подлинно народными писателями были не Пушкин и Гоголь, а святитель Тихон Задонский и святитель Димитрий Ростовский, жития святых которых читала вся грамотная Россия. Тот же Андрей Николаевич Муравьёв, известный русский духовный писатель, при жизни издал более 50 книг. Похожая ситуация и в исторической науке, русская история неотделима от Церковной истории» [Воцерковление творчества 2012: 23]. Принимая во внимание данную точку зрения, будем придерживаться определения «светская литература» и «духовная литература» в качестве условных рабочих терминов.

СОСТАВ КОРПУСА

На настоящий момент мы ограничились восемью томами «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии» [Жития новомучеников 2001–2005]. Всего в издание входит 341 текст, созданный 12 составителями (в основном священнослужителями), что составляет примерно 390 000 словоупотреблений.

Таблица 1.

Составители и количество написанных ими текстов.

№№	Составитель	Количество текстов
1.	Е.С. Полищук	1
2.	И.Г. Менькова	2
3.	И.И. Ковалева	1
4.	игумен Дамаскин Орловский	195
5.	издательство «Даниловский благовестник»	1
6.	Н.М. Новиков	1
7.	С.Н. Романова	5
8.	священник Александр Короленков	1
9.	священник Афанасий Гумеров	2
10.	священник Игорь Бычков	1
11.	священник Максим Максимов	106
12.	священник Олег Митров	25
	Общий итог	**341**

ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ И РАЗМЕТКА КОРПУСА

Все типы информации, которыми будет размечен корпус, помещены в так называемый паспорт, который имеет следующий вид:

Ном#: #
Святой#: #
ДатаСтСт#: #
ДатаНовСт#: #
МесяцСтСт#: #
МесяцНовСт#: #
Составитель#: #
Имя#: #
Тип#: #

В графе «Ном#: #» стоит номер текста. В графе «Святой#: #» стоит полное имя мученика (с фамилией). В графах «ДатаСтСт#: #» и «ДатаНовСт#: #» указывается дата, под которой в сборник включено житие того или иного мученика – как по старому, так и по новому стилю. Особо выделен месяц, под которым в сборник вошло житие – также и по старому, и по новому стилю («МесяцСтСт#: #» и «МесяцНовСт#: #»). По-

добная разметка позволяет, допустим, составлять списки имён новомучеников, прославленных в какой-то определённый день или месяц. В графу «Составитель#: #» вносим имя составителя жития (отметим, что в сборнике фигурирует слово «составитель», а не «автор»). В графе «Имя#: #» указано имя мученика – (например, *Василий*, *Ирина*, *Ольга* и пр. – для поиска списка людей по какому-то имени, что может быть важно в том случае, если пользователь корпуса задался целью найти своих небесных покровителей). В графе «Тип#: #» указан чин святости (*мученик*, *преподобноисповедник*, *преподобномученик*, *священноисповедник*, *священномученик*). Каждый тип святости должен быть прокомментирован. Например, следует пояснить, кто такой священномученик: «Так называется пресвитер, ещё чаще епископ, положивший жизнь за Иисуса Христа» [Христианство 1993–1995, т. 2: 529]. Преподобномученик – «название преподобного, подвергшегося мученичеству за Христа» [Христианство 1993–1995, т. 2: 387]. Исповедники – это «сонм святых, прославляемых Церковью за открытое исповедание во время гонений своей веры во Христа и в Его истинное учение; к числу И. причислялись те христиане, к-рые, претерпев мучения, остались в отличие от мучеников в живых и умерли позже естественной смертью. В Православии И. из числа священнослужителей называют священноисповедниками, из числа монахов – преподобноисповедниками» [Православная энциклопедия 2000, т. 27: 605].

Таблица 2.

Типы святости и количество соответствующих им персон

№№	**Тип святости**	**Количество персон**
1.	Мученик	51
2.	Преподобноисповедник	5
3.	Преподобномученик	73
4.	Священноисповедник	9
5.	Священномученик	247
	Общий итог	**385**

Предложенные нами типы информации позволяют анализировать тексты как с литературоведческой, так и с лингвистической точек зрения.

При паспортизации текстов встала необходимость раздельного анализа житий, помещённых составителями под одной датой в рамках одного текста (для большего удобства поиска в корпусе). Таким образом, после разделения некоторых текстов их количество достигло 373.

Впрочем, далеко не всегда удаётся «расчленить» жития – в некоторых случаях мы имеем дело не с разными текстами, расположенными подряд, а с изложением жизнеописания разных людей в рамках одного и того же текста. Это, например, житие Афанасии Лепешкиной и Евдокии Бучиневой (7 февраля по новому стилю), Марии Грошевой и Матроны Грошевой (20 марта по новому стилю), Александра Смирнова и Феодора Ремизова (14 ноября по новому стилю), Владимира Медведюка и Татианы Фомичевой (3 декабря по новому стилю), Сергия и Варвары Лосевых (29 сентября по новому стилю), Георгия Колоколова, Назария Грибкова и Петра Царапкина (9 декабря по новому стилю) и другие.

В целом ряде «разделяемых» житий мы столкнулись с необходимостью обработки общей преамбулы и/или общего заключения. В таких случаях мы преамбулу/заключение условно относим к первому из житий, а в последующих – дублируем, но ставим особую помету – решётку, чтобы обеспечить режим чтения, но не включать дубликаты в подсчёт частотности словоупотребления. Например, в житии Сергия Лебедева, Димитрия Гливенко, Алексия Смирнова и Сергия Цветкова (22 марта по новому стилю) имеются общее вступление: «В январе 1938 года власти арестовали священников Ухтомского благочиния Московской епархии» [Жития новомучеников 2001–2005, т. 1: 193] и общее заключение: «15 марта 1938 года Тройка НКВД приговорила священников Сергия Лебедева, Димитрия Гливенко, Алексия Смирнова и Сергия Цветкова к расстрелу. 22 марта 1938 года протоиерей Сергий Лебедев и священники Димитрий Гливенко, Алексий Смирнов и Сергий Цветков были расстреляны и погребены в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой» [Жития новомучеников 2001–2005, т. 1: 208].

В житии Евдокии Архиповой, Ольги Жильцовой и Василия Архипова (14 марта по новому стилю) есть общее заключение: «После допроса в тот же, то есть в день ареста обвиняемых, следователь закончил дело и составил обвинительное заключение. 27 февраля некто из начальников рассмотрел материалы дела и на обложке написал: “Доследовать. Надо следствием установить контрреволюционную деятельность каждого обвиняемого. По делу не видно, в чем заключается антисоветская деятельность Жильцовой. По вопросу о нелегальном собрании обвиняемые не допрошены. Не надо заострять вопросы только на сборе денег для ремонта церкви. Несомненно, у этой группы была организованная деятельность”.

Однако найти других свидетелей не удалось. Дело было направлено на рассмотрение тройки НКВД, которая 8 марта 1938 года приговорила их к расстрелу.

Послушницы Казанского Явленского Рязанского женского монастыря Евдокия (Архипова) и Ольга (Жильцова) и псаломщик Василий Архипов

были расстреляны 14 марта 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребены в безвестной общей могиле» [Жития новомучеников 2001–2005, т. 7: 132].

Кроме того, надо учитывать необходимость обозначения типов святости унификации по роду – так, составители книги обозначают преподобномучеников как «преподобномученик» и «преподобномученица» и т. д.

Лексический анализ корпуса

Среди лексем корпуса следует особо выделить и проанализировать такие семантические поля, как:

1. Религиозная лексика, обозначающая богословские понятия Православия, реалии церковной жизни, названия православных праздников, прецедентных имён из Священного Писания, богослужебных текстов, обрядов, богослужебной утвари и многое другое, что даёт выход на тему «словесность и богословие» (*адвентист*, *акафист*, *апостол*, *богомолье*, *Богоотроковица*, *венчание*, *Вознесение*, *гомилетика*, *диакон*, *Евангелие*, *епитрахиль*, *заговенье*, *иеромонах*, *иордань*, *клир*, *ладан*, *митрополит*, *мощи*, *обет*, *обновленцы*, *паломник*, *Пасха*, *приход*, *псаломщик*, *ризница*, *священник*, *семинария*, *Таинство*, *утреня*, *хоругвеносец*, *часовня*, *эдикт*). По предварительным подсчётам (на настоящий момент мы вынуждены называть примерные цифры, так как лемматизация и, соответственно, разметка пока не закончены) в корпус входит более 10 000 подобных слов.

2. Так называемые советизмы – слова, обозначающие советские реалии, что даёт выход на тему «словесность и история» (*бухаринец*, *махаевщина*, *НКВД*, *колхозник*, *контрреволюционная деятельность*, *парторг*, *Райфо*, *сельсовет*, *служитель культа*, *тройка*, *фракция*). В изучении этого материала неоценимую помощь окажет словарь советизмов [Мокиенко, Никитина 1998]. На настоящий момент в корпусе нами обнаружено более 1 500 советизмов.

3. В отечественной русистике активно изучается такой пласт языка, как имена собственные. На наш взгляд, дальнейшему развитию этого научного направления окажет неоценимую услугу корпусная лингвистика. В настоящий момент нами ведётся работа по созданию корпуса житий новомучеников и исповедников Московской Епархии. Анализируемый нами материал содержит множество самых разных имён собственных. В их число входят:

(1) имена, отчества, фамилии;

(2) географические названия: губерния (*Московская*, *Рязанская*, *Тверская*); область (*Тульская*, *Ульяновская*, *Архангельская*); округ (*Винницкий*, *Северо-Кавказский*, *Армавирский*); волость (*Глебовская*,

Лунинская, *Михневская*); земство (*Корчевское*); город (*Москва*, *Зарайск*, *Истра*); посёлок (*Алабино*, *Вострякова*, *Немчиновка*); деревня (*Акатово*, *Дубовицы*, *Кишкино*); станица (*Барсуковская*, *Воздвиженская*, *Ново-Александровская*); село (*Карпово*, *Горки*, *Воинова Гора*); селение (*Дьяковское*, *Гарутино*, *Парфеньково*); улица (*Тверская*, *Большая Дорогомиловская*, *Красносельская*); переулок (*Большой Левшинский*, *Саввинский*, *Печатников*); слобода (*Алексеевка*, *Подлесная Слобода*, *Старая Слобода*); река / речка (*Талица*, *Яла*, *Фонтанка*). К этой же группе лексем относятся названия лагерей (*Амурлаг*, *Бамлаг*, *Бурлаг*, *Дальлаг*).

(3) По нашему мнению, к именам собственным относятся названия таких мест, как: укрепление (*Чикишляр*); застава (*Семёновская*, *Смоленская*, *Покровская*); местечко (*Замостье*, *Миляновичи*); станция (*Усад*, *Лобня*, *Медвежья Гора*); ущелье (*Коркучи*).

(4) К именам собственным относятся также наименования следующих учреждений: фабрика (*Павлово-Посадская*, *«Москва»*); завод (*«Искра»*, *Симский*); училище (*Муромское Духовное училище*, *Мариинское епархиальное училище*, *Хамовническое попечительское училище*); школа (*Городищевская школа*, *Московская городская школа*, *Введенская земская школа*); гимназия (*Ставропольская мужская гимназия*, *4-я Московская гимназия*, *1-я Тифлисская мужская классическая гимназия*); суд (*Верховный суд СССР*, *Московский губернский суд*); колхоз (*Иванисовский колхоз*, *колхоз имени Седьмого Съезда Советов*, *«Заря»*); пункт (*почтовый пункт Сеннуха*, *Чураковский ссыпной пункт*); участок (*Березники*, *Первый Хамовнический участок*); дивизия (*Инзинская*, *11-я Сибирская стрелковая дивизия 43-го стрелкового полка*); артиллерия (*Ковенская крепостная аритиллерия*); отделение (НКВД) (*Свердловское районное отделение НКВД города Москвы*, *Каширское районное отделение НКВД*, *Красногорское отделение НКВД*).

(5) И, наконец, отдельную группу имён собственных составляют наименования, относящиеся к Русской Православной Церкви: церковь (*Петропавловская церковь*, *Духосошественская церковь*, *церковь Спаса Нерукотворного*, *церковь Живоначальной Троицы*, *Космодамиановская церковь*); собор (*Архангельский собор*, *Елоховский Богоявленский собор*, *Троицкий собор*, *Собор Василия Блаженного*, *Кронштадтский Андреевский собор*); храм (*храм Ризоположения*, *Успенский храм*, *храм великомученика Никиты*, *Храм Христа Спасителя*, *храм Рождества Христова*, *храм святителя Николая*, *Богородице-Рождественксий храм*, *храм Петра и Павла*, *Крестовоздвиженский храм*); часовня (*часовня Иверская*, *часовня Пантелеимоновская*); мо-

настырь (*Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь*, *Понетаевский монастырь*, *Николо-Угрешский монастырь, Чудов монастырь*, *Леснинский Богородицкий монастырь*); лавра (*Троице-Сергиева Лавра*, *Александро-Невская Лавра*); епархия (*Московская*, *Костромская*, *Смоленская*, *Владимирская*, *Рязанская*); пустынь (*Троице-Одигитриевская Зосимова пустынь*, *Саровская пустынь*, *пустынь Параклит*, *Свято-Введенская Оптина пустынь*); икона (*Казанская икона Божьей Матери*, *икона Божьей Матери «Всех скорбящих Радость»*, *Грузинская икона Божьей Матери*, *икона Божьей Матери Косинская (Моденская)*); епископия (*Яранская*). Имена собственные – самая многочисленная семантическая группа в корпусе – даже по предварительным подсчётам в ней насчитывается более 12 000 единиц.

4. Церковнославянизмы, цитаты из Священного Писания. В основном они встречаются в цитируемых в житиях письмах и речах новомучеников. Например, в житии Иллариона Троицкого (28 декабря по новому стилю) приводится речь Иллариона, произнесённая им при наречении его во епископа (28 мая 1920 года) и обращённая к Патриарху Тихону и присутствовавшим здесь архипастырям: «Буди имя Господне благословенно и за то, что не имел я изнеженного воспитания в детстве своем, вырастая среди лугов, полей и лесов моей родины в любезной простоте трудового быта, почему если и стыжуся просити, то копати могу (Лк. 16, 3), и требованию моему могут послужить мне руки мои сии (Деян. 20, 34). <…> Благо мне, яко смирил мя еси, Господи, яко да научуся оправданием Твоим (Пс. 118,71), ибо горд я был и скор на гнев судити чужд ему рабу (Рим. 14, 4), и Господь, Который вся ходящия в гордости может смирити (Дан. 4, 34), вразумил меня грешных людей понимать, грешным людям сострадать, грешных людей прощать» [Жития новомучеников 2001–2005, т. 5: 100–101]. Ещё пример: в житии священномученика Арсения Троицкого (17 ноября по новому стилю) цитируется его проповедь, произнесённая во время литургии в храме Трёх святителей в Твери (30 января 1903 года): «Для чего же мы совершаем это воспоминание? Если скажем, что для того, чтобы прославить и возвеличить имя их, то они уже прославлены и возвеличены не только на земле, но и на небе, не только от человек, но и от Бога, ибо они уже не странны и пришельцы, но сожителе святым и приснии Богу (Еф. 2, 19). К чему же тогда настоящее торжество в память их? Ответим на это словами апостола Павла: да взирающе на скончание жительства, подражаем вере их (Евр. 13, 7), то есть чтобы мы, чтущие память их, поучались примером их добродетельной жизни, подражали вере их, благодаря которой они содеяли правду, получили обетования, стяжали себе неувядаемые венцы жизни вечной» [Жития новомучеников 2001-2005: т. 4, с. 63–64].

5. Сложные слова. В житиях встречается довольно много самых разных слов с дефисным написанием: *активист-колхозник*, *архиерей-друг*, *библиотекарь-инструктор*, *величаво-спокойно*, *духовно-просветительский*, *изба-читальня*, *историко-богословский*, *камера-одиночка*, *капиталист-раскольник*, *коммунист-антихрист*, *лектор-антирелигиозник*, *молебен-параклис*, *нравственно-церковный*, *отец-кормилец*, *поп-обновленец, старообрядец-беспоповец*, *уголовник-рецидивист*, *холмик-кафедра*, *храм-здание*, *церковник-антисоветчик*, *церковно-монархический*. По предварительным подсчётам в корпусе содержится более 150 сложных слов.

6. Аббревиатуры, сокращения. По предварительным подсчётам в корпус входит более 1700 таких лексем. Аббревиатурами обозначены, например, наименовании архивов (*ГАКО*, *ГАРФ*, *ОР РГБ*, *ЦА*, *ЦГАЛИ*), советских учреждений (*ВЦИК*, *ГПУ*, *МГБ*, *НКВД*, *ЦИК*, *ЧК*).

В предлагаемом нами исследовании мы предполагаем комплексное исследование материала – лингвистическое, литературоведческое, историческое, богословское.

Литература / References

1. *Володина Н.В.* Метафоризация жанра как явление литературного процесса (на материале жанра жития) // Литературные жанры: теоретические и исторические аспекты изучения. Материалы международной научной конференции «VII Поспеловские чтения» (Москва, 2005). Под ред. М.Л. Ремнёвой и А.Я. Эсалнек. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 76–83.
2. Воцерковление творчества. Интервью с В.А. Воропаевым // Православное обозрение. 2012, Апрель. С. 17–23.
3. *Гладкова О.В.* Жития // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2003. Стлбц. 26–270.
4. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии. В 8 томах. Тверь: Булат, 2002–2005.
5. *Иванова Т.А.* Лексические особенности жизнеописаний новопрославленных святых Русской Православной Церкви. Дис. … канд. филол. наук. М., 2004.
6. *Лоевская М.М.* Русская агиография в культурно-историческом контексте переходных эпох. Дис. … докт. культурол наук. М., 2005.
7. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
8. *Полетаев Л., священник.* Современная агиография и русская житийная традиция. Диссертация на соискание учёной степени кандидата богословия. СПб., 2007.
9. Православная энциклопедия / Под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000.
10. Христианство. Энциклопедический словарь. Гл. ред. С.С. Аверинцев. В 3 томах. Том 1 (А–К). М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. Том 2 (Л–С). М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. Том 3 (Т–Я). М.: Большая Российская энциклопедия, 1995.

DOI 10.29003/M156.LMC2018-60/235-247

УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛОВ ЭМОЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ)

О.В. Чагина

USE OF RUSSIAN VERBS OF EMOTIONS
(FROM THE EXPERIENCE OF WORK WITH A FOREIGN AUDIENCE)

O.V. Chagina

ABSTRACT:
Structures comprising verbs with emotional meaning are analyzed in the article. It also defines the main difficulties typical for foreign students in using words of this type. An account of some observations connected with the usage of Russian emotional verbs in the speech of foreign students is given. It shows difficulties and mistakes made by the students, explains the cause of these mistakes.

Keywords: verb; semantics; government; inner structure of a word; synonymy; text

АННОТАЦИЯ
В статье рассматриваются структуры, организуемые глаголами со значением эмоций. Описываются трудности, с которыми встречаются иностранные учащиеся при употреблении этих глаголов. В предлагаемой статье изложены некоторые наблюдения над употреблением глаголов эмоций в речи иностранцев, изучающих русский язык, показаны возникающие при этом трудности и ошибки, объясняется природа этих ошибок.

Ключевые слова: глагол; семантика; управление; внутренняя структура слова; синонимия; текст

Тридцать лет назад в книге «Языковая системность при коммуникативном обучении», вышедшей в издательстве «Русский язык», была опубликована статья М.В. Всеволодовой «Основания практической функционально-коммуникативной грамматики русского языка», прозвучавшая как манифест принципиально нового направления в описании русского языка как иностранного. Потребность в создании грамматики такого рода была вызвана практикой преподавания русского языка в иностранной аудитории и отражала назревшую необходимость по-новому взглянуть на язык, по-новому представить языковые факты.

Излагая в своей статье принципы и методологические основы изучения и преподавания языка, М.В. Всеволодова прежде всего исходила из необходимости учета его фундаментальных характеристик. Среди этих характеристик М.В. Всеволодова называет «наличие в языке материальной субстанции – лексики, выступающей в различных формах и передающей в той или иной ипостаси те или иные отношения <…>, системную устроенность <…>, коммуникативную направленность» [Всеволодова 1988: 36].

В изучении лексики как составляющей функционально-коммуникативной грамматики, «грамматики речи», значительная часть работ М.В. Всеволодовой посвящена глаголу. Она рассматривает глагол в разных аспектах, о чем говорят уже сами названия ее работ: «Аспектуально значимые лексические и грамматические семы русского глагольного слова» [Всеволодова 1997а], «Синтаксические классификации лексики» [Всеволодова 1997б], «Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка)» [Всеволодова, Мадаени 1998]. Во всех ее работах красной нитью проходит мысль о том, что синтаксическая парадигма глагольного предложения в значительной степени определяется семантикой его глагольного ядра.

В предлагаемой статье изложены некоторые наблюдения над употреблением глаголов эмоций в речи иностранцев, изучающих русский язык, показаны возникающие при этом трудности и ошибки, объясняется природа этих ошибок.

Единой классификации глаголов эмоций, как известно, не существует, и вряд ли возможно ее установить, поскольку авторы любой из них исходят из своих определенных целей и задач [Апресян 1967; Васильев 1981; Ломтев 1969; Крючкова 1979].

В большой мере потребностям преподавания РКИ соответствует классификация М.Л. Крючковой, используемая в ряде пособий по русскому языку [Чагина 2009, 2010]. М.Л. Крючкова выделяет 9 семантических классов глаголов и устанавливает прямую зависимость управления глагола от его семантики. Перечислим эти классы с тем, чтобы прокомментировать далее трудности в восприятии некоторых глаголов в иностранной аудитории.

1. Глаголы ‘увлечения’ (***увлекаться, интересоваться, восхищаться, восторгаться, наслаждаться, любоваться, очаровываться, упиваться, пленяться, умиляться, воодушевляться, вдохновляться, гордиться, удовлетворяться, возмущаться***). Модель управления – **имя в Твор. п. без предлога**.

2. Глаголы ‘удивления’ (***удивляться, дивиться, поражаться, изумляться, радоваться, умиляться, улыбаться, ужасаться***). Модель управления – **имя в Дат. п. без предлога**.

3. Глаголы ‘любви и ненависти’ (***любить, обожать, боготворить, уважать, почитать, чтить, ценить, ненавидеть, презирать, жалеть).*** Модель управления – **имя в Вин. п. без предлога.**

4. Глаголы ‘преклонения и самоуничижения’ (***преклоняться, теряться, тушеваться, унижаться, пресмыкаться, благоговеть, трепетать, робеть, трусить, пасовать, дрожать, угодничать, заискивать, лебезить, юлить***). Модель управления – предложно-падежная форма **перед + Твор. п.**

5. Глаголы ‘насмешки и издевательства’ (***смеяться, ухмыляться, насмехаться, потешаться, издеваться, измываться, глумиться, куражиться, шутить, трунить, хохотать, иронизировать, язвить, зубоскалить, лютовать***). Модель управления – предложно-падежная форма **над + Твор. п.**

6. Глаголы ‘недовольства’ (***плакаться, жаловаться, обижаться, дуться, сердиться, злиться, ругаться, гневаться, злобиться, сетовать, роптать, пенять, досадовать, негодовать***). Модель управления – предложно-падежная форма **на + Вин. п.**

7. Глаголы ‘боязни’ (***бояться, опасаться, остерегаться, страшиться, ужасаться, стыдиться, стесняться, смущаться, конфузиться, совеститься, сторониться, дичиться, чураться, чуждаться, избегать***). Модель управления – **имя в Род. п. без предлога**.

8. Глаголы ‘беспокойства’ (***беспокоиться, волноваться, тревожиться, бояться, опасаться, страшиться, пугаться, переживать, дрожать***). Модель управления – предложно-падежная форма **за + Вин.п.**

9. Глаголы ‘заботы, волнения и печали’:

а) (***заботиться, печься*** *(разг.),* ***волноваться, тревожиться, беспокоиться***). Модель управления – предложно-падежная форма **о + Предл. п.**;

б) глаголы «грустной» семантики ***(печалиться, кручиниться, скучать, тосковать, грустить, горевать, скорбеть).*** Модель управления – предложно-падежная форма **о + Предл. п.** или **по + Дат. п.**

С местоимениями 1-го и 2-го лица мн.ч. ***Мы*** и ***Вы*** модель управления с этими глаголами– предложно-падежная форма **по + Предл. п.** *(по нас, по вас).*

Перечень тематических групп, приведенный М.Л. Крючковой, может быть дополнен еще одной группой глаголов – назовем их «глаголами завышенной самооценки». Из обширного списка глаголов этой семантики (подробно они рассматриваются Л.И. Богдановой [Богданова 1998]) приведем наиболее употребительные: *хвастаться, хвалиться* (разг.), *зазнаваться, кичиться, чваниться* (разг.), *храбриться, хорохориться* (разг.), *пыжиться* (разг.), *рисоваться, красоваться, кривляться, ломаться*

(разг.), *выпендриваться* (разг., ирон.), *важничать, пижонить* (разг.), *щеголять, кокетничать, умничать, воображать* и др.

Модель управления – предложно-падежная форма *перед* + *Твор. п.*: *Наталья Подольская похвалилась перед читателями успехами сына* («7 дней»). Предложения с глаголами этой семантики означают эмоциональную реакцию субъекта на свои поступки и (или) достоинства; при этом предполагается наличие в описываемой ситуации еще одного участника – зрителя, или адресата.

В плане преподавания РКИ целесообразно обратить внимание на некоторые структурно-семантические особенности предложений с глаголами этой семантики. В них наиболее часто описываются ситуации, где представлен объект в форме Твор. п. и «зритель»-адресат, позиция которого выражена предложно-падежной группой **перед + Твор. п.** Это глаголы, обозначающие высокую оценку субъектом отдельных его достоинств: *Раз я хотел похвастаться перед ними своими знаниями в литературе, особенно французской, и завёл разговор на эту тему* (Л. Толстой).

Позиция «зрителя»-адресата может быть выражена метонимически: *Там дамы щеголяют модами, Там каждый лицеист остер* (А. Блок).

Если в предложении употреблен глагол со значением высокой оценки субъекта в целом, то позиция объекта остается закрытой, а позиция адресата может быть выраженной или невыраженной:

После смерти бабушки, я замечал, младший Ивин дичился нас и как будто важничал (Л. Толстой).

Родителей беспокоило, что после победы на конкурсе юных талантов девочка стала зазнаваться перед подругами.

Типичные ошибки изучающих русский язык:

**Он зазнается своей славой.*

* *Магда воображает новой машиной.*

Не открывается позиция объекта при глаголах, внутренняя форма которых содержит указание на свойства субъекта, которые он выставляет напоказ:

храбриться (от прилаг. *храбрый*);
скромничать (от прилаг. *скромный*);
умничать (от прилаг. *умный*);
бодриться (от прилаг. *бодрый*);
прибедняться (от прилаг. *бедный*).

Позиция адресата в предложениях с этими глаголами может быть выраженной или не выраженной:

Заяц ***храбрился*** *перед волком.*
Анна Сергеевна чувствует себя неважно, но ***бодрится****.*

Ошибочны предложения:

**Заяц храбрился своей смелостью.*
**Что ты умничаешь своей эрудицией!*
**Тетя Таня прибеднялась своей бедностью перед соседями.*

При глаголах *хвалиться* и *хвастаться*, имеющих значение ‘выражать высокую самооценку в речевой форме’, наряду с предложно-падежной формой адресата **перед + Твор. п.** может употребляться и форма **Дат. п.**:

*Андрей похвастался **перед нами** новой машиной*;
*Андрей похвастался **нам** новой машиной.*

Глаголы, выражающие высокую самооценку не в речевой форме, не допускают позиции адресата в Дат. п., поэтому ошибочны построения:

**Он важничал нам, что его отец занимает высокую должность в министерстве*;
**Он гордился нам, что победил в конкурсе.*

Некоторые глаголы могут выступать в разных семантических классах. Так, например, обстоит дело с глаголами ***беспокоиться, волноваться, тревожиться.*** Выступая в составе семантического класса глаголов ‘заботы, волнения, печали’, они сочетаются с именами, передающими содержание эмоционального отношения (по терминологии Г.А. Золотовой – делиберативами [Золотова 1988: 374–375]). В этом случае они имеют модель управления ***беспокоиться о ком***.

Те же глаголы могут относиться и к семантическому классу глаголов ‘беспокойства’. Здесь на значение делиберативa наслаивается еще и значение каузатора [Золотова 1988: 362], повода какого-то чувства, и глагол в этом случае управляет формой **за + Вин. п.**: *беспокоиться, тревожиться, волноваться за дочь*; ср. также: *страшиться за дочь, испугаться за дочь* (но **пугаться о дочери, *опасаться о дочери*).

Разные семантические варианты имеет и глагол *бояться*. В одном случае он входит в класс глаголов ‘боязни’ и имеет при себе объект в форме **Род. п. без предлога** со значением источника опасности, того, что может причинить вред: *бояться собак, холода, грозы.* В другом случае он входит в класс глаголов ‘беспокойства’ с управляемой формой **за + Вин .п.**, имеющей значение ‘предмет беспокойства’, или ‘то, чему может быть нанесен вред’. Ср.: *Я боюсь мороза. – Я боюсь за свое горло.* Следует отметить, что за именем, выступающим в данной структуре в форме **Вин. п. с предлогом *за***, скрывается целая ситуация. Обозначаемое им понятие имеет непосредственно отношение к субъекту, составляет предмет его заинтересованности: *Я боюсь за свое горло* (= У меня больное горло, и я боюсь, что могу простудиться); *Я боюсь за свою сумку* (= Я могу потерять, забыть, испачкать, порвать сумку). Определить принадлежность глагола к тому или

иному семантическому классу и уяснить таким образом модель управления иностранец сможет без труда, если предложить ему сопоставить объекты двух родов, относящихся к глаголу ***бояться***: (*мороз – здоровье, дождь – белье на балконе, засуха – урожай* и т. п.).

В семантическом классе глаголов ‘заботы, волнений и печали’ слова «печальной» семантики (*соскучиться, печалиться, кручиниться*) имеют вариант управления **по + Дат. п.** (*соскучиться по дому*): *Я приехал сюда недавно, но уже соскучился по дому*. Следует также обратить внимание учащихся на аномалию видовой пары *скучать – соскучиться*, где возвратным является только глагол совершенного вида, а соотносительный с ним видовой коррелят несовершенного вида представлен невозвратным глаголом. Учет этого факта дает возможность предотвратить частые в речи иностранцев ошибки типа **Я скучаюсь по дому*.

* * *

Многие глаголы эмоций имеют внутреннюю форму, которая помогает студенту понять мотивировку названия действия или состояния, обозначенного этим словом, вызывает связанные с ним ассоциации и отражает культурно-исторические представления.

Обратимся, например, к непонятному для иностранца глаголу *чураться.* В его внутренней структуре содержится отголосок древних славянских языческих представлений. В списке языческих богов упоминается имя *Чур*, которому приписывалась функция хранителя домашнего очага, оберегающего границы территории, принадлежащей племени. В толковых словарях русского языка объясняется также значение слова *чурка*, образованного суффиксальным способом от слова *чур*: ‘кол, отмечающий границу, край’ [Шанский и др. 1971: 456]. Эта двойная ассоциация определила значение слова *чураться*, мотивированного данными существительными: ‘сторониться, чуждаться’ [Александрова 1975: 173]. Рудименты обращения к Чуру как к защитнику и своего рода «гаранту безопасности» сохранились в выражении «чур меня!». Считалось, что если человек, выходящий за пределы своего жилища, «зачурается», то опасности обойдут его стороной. Следы «заклинательной» функции имени *Чур* мы встречаем в детских играх: *Чур, мое! Чур, не я!* И сегодня, сами того не подозревая, мы порой поминаем Чура в выражениях: *Ну, это уж чересчур!* или *Это чересчур много.*

Возьмем другой пример. Глагол *тушеваться* в его современном значении ‘стараться не обращать на себя внимание, испытывать неловкость’ имеет относительно недавнюю историю. Сначала в словаре В. Даля в 1882 году был зафиксирован глагол *тушевать* с производной от него страдательной формой с частицей *-ся*. Этот глагол объяснялся как термин, применяемый в черчении: «отделывать тушью, оттенять, класть

тени без красок» [Даль 1882: 446]. Современное же значение глагола *тушеваться* возникло еще раньше. Оно связано с Ф.М. Достоевским, с годами его пребывания в Инженерном училище в Петербурге, где это слово стало употребляться среди однокурсников будущего писателя как своего рода сленг. Вот как вспоминает об этом сам писатель:

«Мне, в продолжение всей моей литературной деятельности, *всего более* нравилось в ней то, что и мне удалось ввести совсем новое словечко в русскую речь. <…> Слово “стушеваться” значит исчезнуть, уничтожиться, сойти, так сказать, *на нет*... Похоже на то, как сбывает тень на затушёванной тушью полосе в рисунке, с черного постепенно на более светлое и наконец совсем на белое, *на нет.* Стушеваться <…> означало тут удалиться, исчезнуть, и выражение было взято именно с отушёвывания, то есть с уничтожения, с перехода с темного *на нет*». [Достоевский 1984: 66–67].

Исследователь языка Ф.М. Достоевского И.В. Ружицкий прослеживает употребление глагола *тушеваться* в произведениях писателя, начиная с повести «Двойник», и приходит к выводу, что «уже вслед за Достоевским *стушевываться* стали использовать его однокурсники по Инженерному училищу, другие писатели XIX века, например, А.Н. Островский и М.Е. Салтыков-Щедрин» [Ружицкий 2015: 218–219].

Так, пройдя цепь преобразований: чертежный термин → студенческий сленг → литературный язык, глагол *стушеваться* получил современное значение и вошел в русскую речь.

Внутренняя форма глагола *пасовать* становится ясной иностранному учащемуся, стоит лишь напомнить ему, как в футболе называется передача мяча партнеру по команде. «*Пас*», – уверенно ответит англоговорящий, поскольку по-английски “pass” значит «передавать». А для француза это слово скорее будет ассоциироваться с карточной игрой, когда игрок отказывается от продолжения игры и тем самым признает себя проигравшим: *(je) passé – (я) пропускаю (игру)*. *«Я – пас»*, – произносит иной раз русский за праздничным столом в ответ на предложение выпить еще чарку или съесть еще пирожок. Отсюда студенту нетрудно сделать вывод о переносном значении слова *пас*: это положение, когда человек, будучи не в силах выполнить что-либо, вынужден отказаться от попыток сделать это. Мотивированный же этим словом глагол *пасовать* имеет значение ‘признать невозможность для себя справиться с чем-либо и отказаться от этого’.

Для иностранных учащихся ценность такого рода коннотаций состоит в том, что они придают языковой единице дополнительную окраску – эмоциональную, оценочную, стилистическую, расширяют круг культурно-исторических представлений, связанных с ее возникновением и

употреблением, – и это, несомненно, повышает интерес к данному пласту лексики.

* * *

Немаловажным аспектом в обучении РКИ является изучение глагольной синонимии. Учитывая профессиональные потребности филологов – будущих переводчиков, преподавателей, журналистов, при ознакомлении учащихся с синонимическими рядами глаголов необходимо обращать их внимание на различия в стилистической окраске этих глаголов (книжная, разговорная или стилистически нейтральная) и, кроме того, раскрывать перед ними многообразие смысловых оттенков членов синонимического ряда. Недостаточно ограничиваться только доминирующими ядерными компонентами значения глаголов; необходимо учитывать также их дифференциальные семантические признаки.

Например, в группе глаголов «недовольства» слова *жаловаться* и *сетовать* различаются не только тем, что первое нейтрально, а второе имеет книжную окраску. Глагол *сетовать* (от старославянского *сѣта* – ‘печаль, скорбь’) значит ‘жаловаться грустно, печально’. Комический эффект произвела прозвучавшая в одной из телевизионных программ 90-х годов фраза, комментирующая инспекционную поездку по гарнизонам тогдашнего министра обороны: «Министр посетовал, что офицеры давно не получают зарплаты».

Другой пример: имеющий разговорную окраску глагол *измываться*, который в словарях синонимов стоит рядом со стилистически нейтральным *издеваться*, употребляется, как правило, в случаях, когда требуется подчеркнуть особо изощренный, длительный или часто повторяющийся характер издевательства:

> *Я поняла, что хватит* ***измываться*** *над организмом, и потихоньку прокралась в кухню, где сделала из бутылки с вермутом три глотка.* (Н. Никольская)
>
> *Он* [режиссер. – *О.Ч.*] *хоть не* ***измывается*** *над смыслом классических пьес, ставя дурацкие эксперименты.* (Ф. Раневская)

Требуют внимания в иностранной аудитории глаголы *презирать* и *ненавидеть.* Так, при чтении романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» студентов ставит в тупик диалог Печорина и Грушницкого. В ответ на слова Грушницкого, сказанные им по-французски: «Милый мой, я ненавижу людей, чтобы их не презирать <…>», Печорин парирует: «Милый мой, я ненавижу женщин, чтобы их не любить <…>». Употребленные в диалоге глаголы *ненавидеть, презирать* и *не любить* в восприятии иностранных учащихся объединяются в одном семантическом поле ‘нелюбовь’, различаясь, по их мнению, только степенью выражения этого чувства. (Тонкий анализ языковой игры в романе, основанный, в

частности, на сопоставлении значений этих глаголов, осуществлен А.В. Хлопьяновым [Хлопьянов 2014: 176–177]). Между тем глаголы *презирать* и *ненавидеть* принадлежат к разным семантическим полям. Семантику глагола *презирать* учащийся может выявить сам, обратившись к его морфемному анализу: приставка *пре-* имеет значение ‘чрезмерно высокая степень действия, превышение нормы’; значение корня *зир-* (однокоренные слова *зрение, зеркало, зрачок, призрак, невзирая на…, прозрачный, зоркий, созерцать*) связаны со зрением. Отсюда *презирать* означает буквально: ‘смотреть сверху вниз’ с оттенком нравственного осуждения, иными словами – ‘относиться с презрением, считать не заслуживающим уважения’.

Глагол *ненавидеть* имеет значение: 1) питать ненависть к кому-либо или чему-либо; 2) испытывать отвращение к чему-либо («Ненавижу всяческую мертвечину, обожаю всяческую жизнь» – В. Маяковский). Если в глаголе *презирать* доминирующей является сема подчеркнутого презрения, пренебрежения, то *ненавидеть* означает активное неконтролируемое чувство, что проявляется в его сочетаемости: *ненавидеть всеми силами души; люто.* Невозможно сказать: **Я решил его ненавидеть*; **Буду его ненавидеть*. Приведем пример из фильма «Суета сует». Основа сюжета: молодая женщина уводит мужа из семьи, где он прожил 19 лет. Между нею и дочерью героя происходит следующий диалог:

> *– Вы правы, Наташа. Мне кажется, вы должны немножечко меня ненавидеть.*
>
> *– Ненависть – сильное чувство. По отношению к Вам я испытываю отрицательные эмоции, не более.*

* * *

Глаголы эмоций часто употребляются в языке фольклора, например, в таких его жанрах, как сказки и былины, а также в литературных произведениях при обращении к фольклорной стилистике. Продемонстрируем это на примере употребления в этих жанрах глаголов «грустной» семантики. Одна из особенностей употребления этих глаголов – повторы.

Наиболее распространенный тип повтора – глагол + глагол. Это могут быть:

а) *два однокоренных глагола*:

- «**Погоревали-погоревали** купцы, подняли паруса и отправились, куда им было надобно» («Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что»);

б) *два синонимичных или близких по значению разнокоренных глагола*:

- «**Погоревал, потужил** Иван-царевич и снарядился в путь-дорогу» («Марья Моревна»).

- «Ступай, – солнце, месяц и ветер говорят – будешь ты искусным плотником, и все тебя станут **почитать, уважать**» («Семен солдат – скорый гонец»).
- «Разбудила Марья Моревна Ивана-царевича, стала ему **пенять, выговаривать**» («Марья Моревна»).
- «Старуха **тужит, сетует**: «Век свой промаялась, кто нашу старость покоить будет» («Ивашко и ведьма»).
- «Дрозд **горевать**, дрозд **тосковать**, как лисицу рассмешить» («Звери в яме»).
- «**Погоревали, поплакали**, да делать нечего, надо отдавать царевича; отвезли его на взморье и оставили одного» («Морской царь и Василиса Премудрая»).
- «Заторопился Иван к Елене Прекрасной на широкий двор, сел на крылечко и крепко **призадумался, пригорюнился**» («Елена Прекрасная»).

в) *отглагольное наречие + глагол* (*гневом гневаться, стоном стонать, похвальбами похваляться, плачем плакать, криком кричать*)

- «И услышав то, царь Иван Васильевич / **Прогневался гневом**» (М.Ю. Лермонтов «Песня про … купца Калашникова»).
- «Как все на пиру напивалися, / На почестном все наедалися, / **Похвальбами** они все **похвалялися**» (Былина «Илья и Соловей»).
- «… детки твои малые / **плачем плачут**, не унимаются» (М.Ю. Лермонтов, «Песня про … купца Калашникова»).
- «У клуба **стоном стонала** земля. Такого многолюдья она давно уже не видела в своей деревне» (Ф. Абрамов).

г) *существительное в Вин. п. + глагол НСВ* (*горе горевать, думу думать, разговоры разговаривать, шутки шутить*):

- «Стал он **думу думать**» («Марья Моревна»).
- «Не **шутки шутить**, не людей смешить / К тебе вышел я на бой» (М.Ю. Лермонтов, «Песня про … купца Калашникова»).
- «Полно **разговоры разговаривать**, пора за дело приниматься» («Иван-царевич и серый волк).
- «Полно **горе горевать**, слезами делу не поможешь» («Марья Моревна»).

Слух иностранца особенно чутко настроен на восприятие звуковой стороны чужого языка. Звуковая ощутимость слова еще больше подчеркивает его семантическое и грамматическое своеобразие, повышает его эмоциональное воздействие.

В повторах на фонетическом уровне иностранца привлекает прежде всего их звуковая сторона. Столкновение, повторение одинаковых звуков

в тексте усиливают его привлекательность: *ГНЕВом проГНЕВался; ГОРЕ ГОРЕвать; ПОХВАЛьбами ПОХВАЛялися.*

Каждый из повторов может иметь свой ритмический рисунок:

– ударение на первом слоге в каждом из членов глагольной пары: *тýжит-сéтует;*

– ударение на последнем слоге: *погоревáл-потужúл*; *почитáть-уважáть.*

На морфологическом уровне в каждом из глаголов в составе пары может наблюдаться:

– повтор приставок (***при****горюнился-****при****задумался;* ***по****горевал-****по****тужил*);

– повтор суффиксов (*гор****ева****ть-тоск****ова****ть; почит****а****ть-уваж****а****ть*).

Повторы в сказках и былинах проявляются не только в языке. Они могут определять характер сюжета. Один из центральных фольклорных мотивов – столкновение героя со сложными жизненными обстоятельствами, из которых он должен выйти победителем, трижды преодолев все препятствия. Каждый раз, узнав о предстоящих испытаниях, удрученный герой приходит домой, и жена встречает его вопросом:

– «*О чем, милый, закручинился*? Аль невзгода какая?» («Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что»).

– «*О чем пригорюнился, добрый молодец?»* («Елена Премудрая»).

– «*О чем, добрый молодец, запечалился?* Али услышал от царя кручинное слово?» («Морской царь и Василиса Премудрая»).

– *«О чем плачешь, сердечный друг?* Разве тебе кто обиду нанес, или государь чарой обнес?» («Марья Моревна»).

Заметим, что во всех этих вопросах при глаголе эмоций употребляется только форма *о + Предл. п.*, однако учащиеся, ориентированные на то, что при глаголах «горестного чувства» допустимы варианты *о + Предл. п.* и *по + Дат. п.,* при пересказе могут совершать ошибки: **По чему ты запечалился? *По чему ты плачешь?*

Думается, что в этих случаях можно сделать уточнение, обратившись к классификации Ш. Балли, разграничивающего два типа вопросов: диктальные и модальные [Балли 1955: 47–48]. Вопросы, прозвучавшие в речи жен героев, можно отнести к диктальным, т. е. к вопросам с вопросительным словом. В них возможна лишь форма *о + Предл. п.* В модальных же вопросах, т. е. в вопросах без вопросительного слова возможны оба варианта.

Пример из интервью с актером А. Адоскиным:

– *А о прошлом вы грустите?*

– *Бывает…* («Южные горизонты»).

В этом вопросе без ущерба для смысла можно употребить также форму *по+Дат. п.: А по прошлому вы грустите?*

Ср. также:

Вы скучаете по дому / о доме?
Она тоскует по родным местам / о родных местах?

* * *

Сложность и многообразие системы русских глаголов в преподавании РКИ требует детального описания каждого ее звена. Поэтому при определении значений и условий употребления лексико-семантической группы глаголов эмоций необходимо учитывать самые разные факторы – и данные словарей, и разного рода парадигматические (включая деривационные) и синтагматические связи этих глаголов. Именно такой подход продуктивен при описании глагольной лексики для работы с иностранными учащимися, изучающими русский язык.

Литература / References

1. *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л.А. Чешко. М.: Русский язык, 1975.
2. *Апресян Ю.Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967.
3. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1955.
4. *Богданова Л.И.* Эмоциональные концепты и их роль при описании глаголов с позиций «активной» грамматики // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1998. Вып. 3. С. 36–43.
5. *Васильев Л.М.* Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981.
6. *Всеволодова М.В.* Аспектуально значимые лексические и грамматические семы русского глагольного слова. (Закон семантического согласования, валентность, глагольный вид) // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. Т. 1. С. 19–36. (1997а)
7. *Всеволодова М.В.* Основания практической функционально-коммуникативной грамматики русского языка // Языковая системность при коммуникативном обучении. М.: Русский язык, 1988. С. 26–36.
8. *Всеволодова М.В.* Синтаксические классификации лексики // Конференция «Теория и практика русистики в мировом контексте». Симпозиум «Теоретическая лингвистика и преподавание русского языка как иностранного». 30 лет МАПРЯЛ. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 53–56. (1997б)
9. *Всеволодова М.В., Мадаени А.А.* Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка). Монография. М.: Диалог-МГУ, 1998.
10. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.-М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. Т. IV.
11. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30-ти томах. М.: Наука, 1984. Т. 26.
12. *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988.
13. *Крючкова М.Л.* Особенности глагольного немотивированного управления в современном русском языке / Под ред. О.А. Лаптевой. М.: Русский язык, 1979.

14. *Ломтев Т.П.* Парадигматика предложений на основе конвертируемости предложений // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М.: Наука, 1969. С. 104–115.
15. *Ружицкий И.В.* Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос. Монография. М.: ЛЕКСРУС, 2015.
16. *Хлопьянов А.В.* Языковая игра как стилистический прием в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Слово. Грамматика. Речь. Сборник статей. М., 2014. Вып. 15. С. 174–178.
17. *Чагина О.В.* Возвратные глаголы в русском языке. Описание и употребление. М.: Русский язык. Курсы, 2009.
18. *Чагина О.В.* Как сказать иначе? Синтаксическая синонимия в обучении иностранцев русскому языку. 2-е изд. М.: URSS, 2010.
19. *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971.

DOI 10.29003/M157.LMC2018-60/248-258

О ГЕТЕРОГЕННЫХ ПРЕДЛОГАХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Т.Е. Чаплыгина

ABOUT HETEROGENEOUS PREPOSITIONS IN RUSSIAN

T.E Chaplygina

ABSTRACT:
The article is devoted to the description of complex heterogeneous prepositions "*не до*" and ""*до ... ли*". Analysis of the linguistic material from the Russian National Corpus enables to state that syntactic idioms with prepositions "*не до*" and "*до ... ли*" can be considered as a contamination of structural-semantic and grammatical modifications of the prototype sentence. Changes in components of the syntactic idioms and increments of meaning are also discussed.

Keywords: preposition; particle; heterogeneous preposition; syntaxeme; syntactic idioms; modification of the sentence

АННОТАЦИЯ
В статье рассматриваются структурно-сложные гетерогенные предлоги «*не до*» и «*до ... ли*». Анализ языкового материала показал, что синтаксические фразеологизмы, в которых "работают" синтаксемы с предлогами «*не до*» и «*до ... ли*», представляют собой контаминации структурно-семантических и грамматических модификаций прототипического предложения. Рассматриваются возможности варьирования состава компонентов данных синтаксических фразеологизмов и связанные с этим приращения смысла.

Ключевые слова: предлог; частица; гетерогенный предлог; синтаксема, синтаксический фразеологизм; структурно-семантическая модификация предложения

В работах последних лет Майя Владимировна Всеволодова представила стройную функционально-грамматическую систему предложных единиц, согласно которой ядро грамматического поля предлога составляют два разряда: немотивированные, первичные (центр ядра) и мотивированные, вторичные предлоги (приперифериийная зона ядра). Немотивированные предлоги, образуя «сложную иерархизованную систему», включают в первом разбиении монолексемные и полилексемные предлоги. Монолексемные, в свою очередь, подразделяются на простые и структурно-сложные. Структурно-сложные монолексемные предлоги помимо базовой единицы могут включать в свой состав как однородные

единицы (другие предлоги), образуя т. н. гомогенные предлоги, например, *из-за, из-под, вовне*, так и разнородные единицы (предлог + частица), тем самым образуя гетерогенные предлоги (***не до*** *кого-чего*, ***до*** *кого-чего* ***ли***, ***не по*** *кому-чему,* ***не без*** *кого-чего*). Майя Владимировна указала на то, что гетерогенные единицы являются системными образованиями, хотя и не фиксируются словарями и грамматиками как самостоятельные единицы; см.: [Всеволодова и др. 2003; Всеволодова 2010, 2012; Всеволодова и др. 2014].

Немотивированные структурно-сложные гетерогенные предложные единицы ***не до*** *кого-чего* и ***до*** *кого-чего* ***ли***, представляющие собой сочетание частицы и предлога, и вызвали наше желание узнать больше об особенностях функционирования данных предложных единиц.

АГ-80 относит модели, содержащие в своем составе сочетания ***не до*** и ***до ли***, к синтаксическим фразеологизмам, определяя их значение как ‘несвоевременность чего-л., обусловленная тем или иным состоянием субъекта’ [Русская грамматика 1980: 217]. (Анализу фразеологизированных структур русского предложения посвящены работы [Величко 1996, 2009, 2016]).

Нас же заинтересовали данные единицы в их предложной функции, а точнее – функционирование синтаксем, формируемых этими предлогами.

Следует заметить, что сочетания частицы и предлога, выступающие единым образованием, далеко не всегда выполняют предложную функцию. Например, в предложениях: *А* ***что за*** *прелесть были путевые альбомы моего отца* (А.Н. Бенуа)[1]; *И если б ты слышал, как она горячо, как прекрасно все это говорила! Боже мой,* ***что за*** *девушка!* (Ф.М. Достоевский); *Остальное* — *либо метафизика* — ***до чего*** *она сложна!* — *либо политика* — ***до чего*** *она пуста!* (Д. Самойлов), – ***что за***, ***до чего*** тоже выступают как единое целое, но в функции частицы. (О функциональных сочетаниях частиц с другими классами слов см. [Стародумова 2002]). Предлоги ***за*** и ***до*** в этих сочетаниях не управляют формой припредложного имени, тем самым теряя свою «предложную» функцию, и становятся частью составных частиц.

Очевидно, что сочетания ***не до*** *кого-чего*, ***до*** *кого-чего* ***ли*** могут выступать в разных ипостасях:

1) как две самостоятельно функционирующие единицы, например, при выражении разной степени проявления признака: *Голова просветлела. Но* ***не до*** *кристальной ясности* (А. Волос); или временной последовательности событий: *Скидки молодожены получат* ***не до*** *свадьбы, а после* (Инт.). Элиминация частицы ***не*** в этих случаях меняет смысл, но не

[1] Все приводимые в статье примеры взяты из Национального корпуса русского языка, за исключением некоторых, найденных прямым поиском в интернете.

разрушает предложение. Ср.: *Голова просветлела до кристальной ясности; Скидки молодожены получат до свадьбы.*

2) как функционально единое образование, передающее определенный смысл только при наличии всех компонентов: *Он богатеет, занят делом, ему* ***не до*** *меня* (А.П. Чехов); *Там люди занятые, им* ***не до*** *анонимок!* (Ю. Домбровский); ***До*** *меня* ***ли*** *тебе: у тебя жена молодая* (А. Н. Островский); ***До*** *чумы* ***ли*** *нам сейчас? – спросил Глеб*. (А. Иванов); ***До*** *коньячка* ***ли*** *ему, Ломакину, было в Баку, когда съемки пошли*! (А. Измайлов).

Структурная облигаторность всех компонентов рассматриваемых гетерогенных предлогов очевидна. Достаточно в ***не до*** *кого-чего* и ***до*** *кого-чего* ***ли*** убрать частицу или предлог, как функциональное единство компонентов разрушается, и предложение теряет смысл. Ср.: **Он богатеет, занят делом, ему до меня. *Там люди занятые, им не анонимок! *Меня ли тебе... *До меня тебе...* .

При этом, функционируя в составе предлога, оба компонента не теряют свое «предназначение». Частица ***не*** вносит значение отрицания, частица ***ли*** − значение вопросительности, предлог ***до*** управляет формой род.п. зависимого припредложного имени существительного. Можно также заметить, что предлог ***до*** сохраняет ассоциативную связь с ЛСВ ‘объект заинтересованности’, который выявляется при выражении реляционных отношений: *Очень кстати заехал, как бишь тебя зовут; мне* ***до*** *тебя нужда* (А.С. Пушкин); *Вячеслав Илларионович ужасный охотник* ***до*** *прекрасного пола...* (И.С. Тургенев). (Ср.: *Мне не до тебя; Вячеславу Илларионовичу не до прекрасного пола.*) Вместе с тем очевидно, что смысл предложения гораздо шире.

Анализ синтаксической устроенности предложений с описываемыми предложными единицами показывает, что данные предложения строятся всегда по одной модели, в которой синтаксемы с участием ***не до*** *кого-чего* и ***до*** *кого-чего* ***ли*** формируют предикативные сочетания, структурно организующие данные модели. См. возможность построить предложения с предикативом без имени субъекта: *Сейчас* ***не до громких заявлений****, сейчас* ***не до пиар-речей у микрофонов****...* (Инт.); ***До книг ли****… Вот женитесь, так узнаете, какие такие книги…* (Г.И. Успенский); ***До музыки ли теперь?*** *Жизнь так переиначилась, все на глазах меняется* (В. Быков). Предложения, в которых рассматриваемые синтаксемы «работают» предикативами, построены по модели с типовым значением ‘Субъект и его эмоционально-психическое (вызванное некоторыми обстоятельствами) состояние, в котором он не способен выполнять указанные действия’ (см. [Всеволодова, Го Шуфень 1999: 128]). Убедится в этом помогает сравнение с синонимичными предложениями, в которых этот смыл эксплицирован: *Ни ему, ни мне было не до квартиры* (А. Рыбаков). − *Ни*

он, ни я были ***не в состоянии*** *думать о квартире / заниматься квартирой.* Субъект состояния (экспериенцер по классификации денотативных ролей М.В. Всеволодовой [Всеволодова 2017: 206]) выражен именем существительным или местоимением в форме дат. п.: − *Некоторое время проходит в молчании, но я слышу, что и мой сосед не спит, − чуется, что и* ***ему не до сна****, что и в его голове бродят какие-то мысли* (В.Г. Короленко); ***Начальству не до "метафор" и "тавтологий"****...* (А. Мильчин); *Нет,* ***Марине не до воспоминаний****, она торопится* (В.П. Катаев); ***Ей не до гулянок и не до игры****...* (Инт.); − *Но* ***до рассудка и до раздумья ли*** *было* ***князю****, когда он видел перед собою обаявшую его женщину...* (В. Крестовский); ***До Афоньки ли ей,*** *когда кругом столько нужных людей!* (Ф. Абрамов); ***До футбола ли*** *было самим* ***игрокам****?* (С. Пряхин); ***До политики ли им****, когда на улице такая благодать?* (Л. Рябков); *Итак,* ***до театров ли нам****,* ***до картежных ли игр, до лакомств ли****?* (Инт.)

Обращает на себя внимание "многослойность" семантики данных моделей. Предложения, построенные по модели *кому* ***не до*** *кого-чего,* представляют собой структурно-семантические модификации первичных предложений, а именно контаминацию отрицательной и модальной модификаций. Ср.: *Я сплю. − Мне не до сна*. (='Я не могу / не в состоянии спать') ***Самим футболистам*** *сейчас, правда,* ***не до призовых***. (='Сами футболисты сейчас не могут/не в состоянии думать о призовых')

Предложения, построенные по модели ***до*** *кого-чего* ***ли*** *кому*, также представляют собой семантически сложную структуру, являясь контаминацией отрицательной, вопросительной и модальной модификаций: *До сна ли мне*? (='я не могу / не в состоянии спать' + 'Как я могу спать?')

Как показал анализ языкового материала, модель ***до*** *кого-чего* ***ли*** *кому* не всегда оформляется вопросительным предложением, отмечены восклицательные: *До грусти ли, когда такой голод!* (В. Аксенов); *Да что Вы, Тамара Александровна! До вкуса ли тут! Ах!* (Д. Хармс); и повествовательные предложения: *– Ах,* ***до невест ли теперь****, – раздражительно воскликнул Мухортов* (А.К. Шеллер-Михайлов); *Естественно, о заезжем актере, с которым мы случайно столкнулись в удушливом холле казанской гостиницы, я быстро забыл –* ***до него ли мне было*** (Л. Зорин). Акцент в таких предложениях смещается от риторического вопроса к экспрессивной или более нейтральной констатации положения дел. При любом варианте оформления предложения, построенные по модели ***до*** *кого-чего* ***ли*** *кому*, остаются отрицательно-модальной модификацией.

Предложения с синтаксемами ***не до*** *кого-чего* и ***до*** *кого-чего* ***ли*** в предикатной функции занимают свое место в синтаксической парадигме прототипического предложения наряду с другими модификациями, как в

примере с предложением *Я сплю; Я не сплю; Я не могу спать; Мне не спиться; Я не в состоянии спать; Мне не до сна; До сна ли мне!*

Как можно заметить, предложения модели ***до*** *кого-чего* ***ли*** *кому* по своей семантике близки к предложениям модели *кому* ***не до*** *кого-чего*. Ср.: *Но* ***до*** *науки* ***ли*** *было ему тогда*! (И.А. Бунин) − *Ему тогда было* ***не до*** *науки!* Тем не менее данные модели не являются полностью синонимичными. В предложениях с ***до*** *кого-чего* ***ли*** *кому* "градус экспрессивности" гораздо выше и ощутимее, чем в предложениях с *кому* ***не до*** *кого-чего*, поэтому корректной передаче их смысла способствуют наречия степени: ***совершенно, абсолютно, точно*** и под.: *Машина остыла, надо было включить автозапуск заранее.* ***До того ли ей было****!* (А. Кириллин) (='Ей было ***абсолютно / совершенно*** не до того!') *Но* ***до*** *науки* ***ли*** *было ему тогда*! (='Ему тогда было ***абсолютно / совершенно*** не до науки!')

Анализ языкового материала показал, что для данных моделей достаточно частотно отсутствие субъекта-экспериенцера: *Нет, Андреич,* ***не до чаю****, еду на свидание* (А. Солженицын); *Так что* ***не до улучшения*** *– не сделали бы хуже* (Инт.)*;* ***До еды ли,*** *когда, того гляди, повесят!* (Д.Н. Мамин-Сибиряк); *Я из Севастополя эвакуировался с маленьким ручным чемоданчиком…* ***До дуэльных ли*** *тут* ***пистолетов****!* (А. Аверченко).

Субъект-экспериенцер часто отсутствует в полипропозитивных предложениях, в которых ***не до*** *кого-чего* и ***до*** *кого-чего* ***ли*** соседствуют с ситуацией, поясняющей причину, обоснование состояния субъекта. Эта поясняющая ситуация может быть представлена развернуто − придаточным предложением с союзами ***когда*** и ***если***: *Что же касается артбатареи, то телефон просто единственная связь:* ***когда ведешь огонь,*** *не до расшифровки радиограмм* (А. Рыбаков); ***Когда жизнь идет на минуты****, тут уже не до интернета* (Инт.); *Но* ***если ребенок заболеет —*** *не до жалости* (Инт.); ***Когда совершаются космические перемены****, до старух ли?* (Г. Бакланов); *До грусти ли,* ***когда такой голод****!* (В. Аксенов); *До литературы ли тут,* ***когда поесть путем времени нет?*** (М.Е. Салтыков-Щедрин); *Но до чтения ли, до письма ли было тут,* ***когда душистые черемухи зацветают, когда пучок на березах лопается****…* (С. Аксаков).

Поясняющая ситуация может быть представлена и в свернутом виде − обстоятельственным компонентом в составе простого предложения: *Но* ***на фронте*** *не до анкеты, воевали люди, а не анкеты…* (А. Рыбаков); *…* ***в войну*** *– не до собак* (М. Ахмедова); ***В страшных хлопотах*** *не до принципов, лишь бы довести дело до новой наемки* (А.А. Фет); *Согласитесь:* ***на пустой желудок*** *не до развлечений* (А. Коткин); *До творческой ли работы* ***при такого рода тяжелой обязанности****?* (П.И. Чайковский); *До молитв ли* ***в такой обстановке?*** (Б. Грищенко).

Субъект в подобных предложениях может легко восстанавливаться: *Но на фронте* ***солдатам (военным, всем)*** *не до анкеты; В войну* ***людям***

(всем) *не до собак; На пустой желудок* ***человеку (любому)*** *не до развлечений.* Отметим, что в обстоятельстве зачастую имеет место контаминация нескольких значений: *на фронте* − место и время; *в войну* − место, время, причина; *на пустой желудок* − время, условие, причина. Данные предложения представляют собой результат действия одного из коммуникативных механизмов – свертывания информации полипропозитивной ситуации до уровня простой путем номинализации. М.В. Всеволодова определяет номинализацию как "вмещение в рамки простого предложения (ПП) информации, изосемическое представление которой требует СП или нескольких ПП" [Всеволодова 2017: 595].

В предложениях модели *кому* ***не до*** *кого-чего* проявляется действие еще одного коммуникативного механизма, детально описанного М.В. Всеволодовой. Это возможность актуализации или дезактуализации имен участников ситуации путем постановки их в позиции членов предложения разного коммуникативного ранга. Наиболее высоким рангом в этой концепции обладает позиция подлежащего, далее располагаются субстантивное сказуемое, дополнение, остальные типы сказуемых, логические обстоятельства, определения и связки [Всеволодова 2017].

В моделях *кому* ***не до*** *кого-чего* возможна дезактуализация субъекта путем перевода его имени на позицию члена предложения с более низким коммуникативным рангом, а именно: из позиции дополнения на позицию обстоятельства места: ***В городе*** *не до человека. Людей нет, есть функции: почтальон, продавец, сосед, который мешает. Человеком дорожишь в пустыне* (А. де Сент-Экзюпери) (='Горожанам не до человека'); ***В школе*** *не до скуки* (='Школьникам не до скуки'); *Летом* ***в деревне*** *не до отдыха.*

Другой особенностью данных моделей является способность предлога ***не до*** выступать в составе предикативных устойчивых оборотов *кому* ***не до того,*** *кому* ***не до этого,*** в которых предлог ***не до*** управляет формой род. п. указательных местоимений ***тот, этот:*** − *Кланялись вам Мойсей Ильич и велели вам зараз приходить к ним.* ***Якову было не до того****. Ему хотелось плакать* (А.П. Чехов); *Но в тот момент я не мог оценить пикантности ситуации* − ***мне было совсем не до того*** (В. Белоусова); *Тогда же мне было просто* ***не до этого****, я обходил этих людей* (Ю. Домбровский). Местоименные компоненты в составе данных оборотов указывают на анафорическую связь предложения с предшествующим текстом. Частотны случаи выноса данных оборотов в самостоятельное предложение: *Прежде он не скучал по Москве.* ***Не до того было.*** *Теперь ему снилась Остоженка, Арбат, московские переулки* (Д. Гранин); *Риэлторская жизнь вообще не предполагает долгих раздумий и глубокого анализа.* ***Не до того*** (А. Волос); *Посягая на титул короля, он вовсе не собирается карать тех, кто причинил ему боль.* ***Ему не до этого*** (И. Золотусский).

Оборот ***не до того*** теряет функцию анафоры, выступая в сложных предложениях с союзом ***чтобы*** в придаточной части. Придаточное предложение в данном случае служит развернутым представлением ситуации, в которой фигурирует семантический объект: *Сейчас не до того,* ***чтобы*** *взять и реставрировать колокольни из чисто эстетических соображений* (В. Солоухин); *В бою мне было не до того,* ***чтобы*** *смотреть, какой патрон и на кого в патронник вгоняю* (В. Астафьев); *Но теперь Тане было не до того,* ***чтобы*** *вспоминать старые обиды* (Д. Емец). Ср.: *Сейчас не до колоколен / не до реставрации колоколен; Тане было не до старых обид*. ***Не до того*** в этих предложениях сочетает предикатную функцию с функцией выражения синтаксического подчинения.

Анализ языкового материала позволил увидеть, что описываемые модели *кому* ***не до*** *кого-чего*, ***до*** *кого-чего* ***ли*** *кому* активно образуют временные модификации. Что касается фазисных, то они нашлись только у модели *кому* ***не до*** *кого-чего*: *Приходили к нему, справлялись о нем, утешали его; но к вечеру ему* ***стало*** *не до утешений* (Ф.М. Достоевский); *Да и мне скоро* ***сделалось*** *не до книг* (В. Астафьев); *Павел снова сморщился и стал сгибаться, и тут я понял, что его время от времени прихватывает какая-то боль, и тогда ему* ***становится*** *не до улыбок* (А. Волос). Примеров фазисной модификации модели ***до*** *кого-чего* ***ли*** *кому* найти пока не удалось.

Для актуализации временной соотнесенности используются формы прош. и буд. времени глагола ***быть:***

− *кому* ***не до*** *кого-чего*: *Я не возражал, мне* ***было*** *не до возражений* (А.Н. Апухтин); *Но Чертопханову* ***было*** *не до дьякона; он едва отвечал на его поклон ...* (И.С. Тургенев); *На заре Лизе* ***было*** *не до стихов: она еще спала* (М.С. Аромштам); *Я понял, что начались трали-вали и теперь ему* ***будет*** *не до плиты* (Ф. Искандер); *В ближайшие годы японцам* ***будет*** *не до России*;

− ***до*** *кого-чего* ***ли*** *кому*: *Да и до писания ли* ***было*** *в той кипучей моей жизни!* (В.А. Гиляровский); *Да и до чая ли нам* ***было****?* (В. Баевский); *У всех пламенем горела душа, до плоти ли* ***было****!* (Г. Щербакова); *... до новостей ли* ***будет*** *новым героям неведомого мне супербоевика?Но если это случится, до экологии ли* ***будет*** *"АЛРОСА*"?

В рассматриваемых модификациях активно используются наречия времени ***тогда, теперь, сейчас***. Как показал анализ языкового материала, в модели *кому* ***не до*** *кого-чего* все три наречия отмечены с глаголом ***быть*** и в прошедшем, и в будущем времени: *... Цветаевой* ***тогда было*** *не до сладостных воспоминаний* (Инт.); *Лучший способ поднять иммунитет − это влюбиться, потерять голову, и* ***тогда будет*** *не до простуд, болячек и прочих неприятных моментов нашей жизни;* ***Теперь*** *мне* ***было*** *не до всех этих детских мечтаний* (Л.К. Чуковская); *Весна? Ах,* ***теперь***

мне ***будет*** *не до сна; Да, гробовщику* ***было сейчас*** *не до сердечной беседы* (А.Г. Малышкин); *Так вот что:* ***сейчас*** *ему* ***будет*** *не до гостей, я − брат жены, я к нему с невеселой вестью* (В.В. Набоков).

Указанные наречия в предложениях модели ***до*** *кого-чего* ***ли*** *кому* отмечены с глаголом ***быть*** только в прошедшем времени: *До картин ли* ***было*** *нам* ***тогда****! Но вот оказалось, что до картин* (И.А. Бунин); *До них ли* ***было теперь*** *при таком блеске, при таких очаровательных дорогах, открытых на все стороны каждому умственному и нравственному побуждению и даже всякому капризу мысли*! (П.В. Анненков); *Но до того ли* ***было сейчас*** *эмиру!* (Л.В. Соловьев).

Как мы можем видеть, в рассматриваемых предложениях значение времени, вносимое глагольным временным модификатором, доминирует над лексическим значением наречий ***сейчас, теперь,*** которые выступают только в роли актуализаторов соотнесенности ситуации с определенным моментом времени, ориентиром в прошлом или будущем: *Без кино Клава не могла, однако* ***сейчас*** *ей было не до этого* (В. Чивилихин) (Ср.: ... однако ***именно в тот момент / именно в этот момент*** ей было не до этого); *Однако выпускница в ответ на это даже не краснела —* ***сейчас*** *ей было не до лирических мыслей* (= в тот момент, в той ситуации); *Паскаля у меня нет, и я знаю его по отрывкам с университетского курса Пако. До Паскаля ли* ***тогда*** *было?* (А.А. Фет) (=‘в той ситуации, в тех условиях ’)

Отметим, что наречия ***теперь, сейчас, тогда*** могут присутствовать в предложениях и без временного глагольного модификатора: *Когда возникает психологическая зависимость друг от друга,* ***тогда*** *не до разводов, даже если нет зависимости материальной* (В. Шахиджанян); *До кошек ли* ***теперь****? Всюду голод, самим есть нечего, а тут котов корми* (Б.С. Житков); ***Теперь*** *тебе не до стихов…* (Ф. Тютчев); *Ах, до дождя ли мне* ***сейчас****! Решается вопрос жизни!* (В. Розов)

Как показали наблюдения, в рассматриваемых моделях указателем соотнесенности с определенным ориентиром во времени или сложившимися в определенный момент времени условиями может служить наречие ***тут*** в его темпоральном варианте: *До лыж ли* ***тут****! Что сделалось с погодой?* (Б. Пастернак) (Ср.: *До лыж ли теперь! До лыж ли в таких условиях*!); *Ася опять пожала плечами: до обиды ли* ***тут****!* (Л.Р. Кабо). *Бери, хватай!* ***Тут*** *не до чести. С идеями и принципами потом разберемся* (Д. Гранин); *Казалось бы, производство, график, план −* ***тут*** *не до шуточек и не до сантиментов* (В. Аксенов). В предложениях с предлогом ***до*** *кого-чего* ***ли*** в подобной функции отмечено наречие ***здесь***: *До книг ли* ***здесь,*** *горько размышлял я, нацепив наушники и проникаясь хриплым*

надрывом какого-то неизвестного мне уголовного шансонье (А. Рубанов). Ср.: *До молитв ли* ***в такой обстановке****? Вот уж воистину библейское: «Суета сует»…* (Б. Грищенко).

В предложениях с предлогом ***не до*** *чего* наречие ***тут*** может сопровождаться усилительной частицей ***уж: Тут уж*** *не до славы. Спасибо, что вообще печатают* (С. Довлатов); *У меня дрожали колени, и мне было неудобно* ***— тут уж*** *было не до пения* (И. Архипова); *Карабкается из ямы вверх и тянет за собой внучку.* ***Тут уж*** *не до политеса* (В. Токарева).

Как показали наблюдения, предложения с предлогом ***не до*** *чего* могут "впускать" в свой состав и другие усилительные частицы: *Он сморщился, согнулся − и по тому, как неловко топырилась в его пальцах сигарета <...>, я понял, что ему сейчас* ***даже*** *не до сигареты* (А. Волос); *Ей* ***даже*** *не до ревности стало!* (А. Берсенева); *А мне* ***вот*** *не до шуток* (С. Довлатов); *А нам* ***вот*** *не до прогулок* (А.Н. Островский, П.М. Невежин). Синтагматическое членение данных предложений показывает, что эти частицы примыкают к разным компонентам предложения. Частица ***вот*** «отходит» к имени субъекта-эксперименцера, а частица ***даже*** – к предикативу: *А мне* ***вот*** */ не до шуток. Ей /* ***даже*** *не до ревности стало!*

Для повышения экспресивности предложения модели ***до*** *кого-чего* ***ли*** *кому* не «впускают» частицы, но используют возможности порядка слов. В том случае, когда объект сопровождается согласованным определением, которое необходимо акцентировать, имя объекта выносится за пределы предложной группы и встает после частицы ***ли***: ***До больших ли*** *им сражений, когда маленьких невпроворот?* (Г. Щербакова); ***До горевшего ли*** *дома мне было, когда у меня в груди горело полтораста домов?* (А.П. Чехов); ***До высокого ли*** *творчества в такой круговерти, до слез ли, до смеха зрителей?* (НКРЯ)

Анализ актуализационных возможностей линейно-интонационной структуры данных предложений показал, что наречия ***теперь, сейчас, тогда,*** находясь в начале предложения, могут быть акцентированы и отмечены восходящим движением тона: *Так что ↗сейчас ей было / ↘не до предсказаний о будущем России...* (В. Михальский); *↗Теперь Аракчееву / ↘было не до «обожаемого» государя* (Г.И. Чулков); *↗А тогда ребятам / ↘было не до смеха* (С. Баймухаметов). В фокусе ремы, несущем фразовое ударение, находится синтаксема ***не до*** *чего***,** которая может поменяться местами с именем субъекта в парентезе, переместившись, таким образом, ближе к началу предложения, к фокусу темы: *Сейчас ↘не до экзотики людям* (Инт.). Имя субъекта сохраняет безударную позицию.

В состав предложения могут входить только актуализированные компоненты – наречие и предикатив: *Сейчас не до громких заявлений...* (Инт.). Такого типа предложения произносятся как с синтагматическим

членением: ↗*Сейчас* / ↘*не до громких заявлений,* так и нерасчлененно, как одна синтагма: *То есть сейчас не до* ↘*имиджа* .

Позицию фокуса темы может занять и актуализированное имя субъекта-экспериенцера, переместившееся в абсолютное начало предложения. Фокус ремы при этом сохраняет за собой предикатив ***не до*** *чего*. Не отмеченное восходящим движением тона наречие в этом случае оказывается в парентезе: *Да,* ↗*гробовщику было сейчас* ↘*не до сердечной беседы* (А.Г. Малышкин): ↗*Сочинителю было сейчас* ↘*не до правил приличья или правдоподобья* (Л.М. Леонов); ↗*Ему теперь* ↘*не до девок* (Е. Носов).

В позицию абсолютного начала предложения может быть вынесена рема, в фокусе которой продолжает оставаться синтаксема ***не до*** *кого-чего*: ↘*Не до смеху было чопорной англичанке* (А.С. Пушкин); ↘*Не до песен было в степи* (А. Сорокин); ↘*Не до того было светлейшему князю Потемкину-Таврическому* (Дон Аминадо).

Таковые пока лишь некоторые наблюдения за «поведением» гетерогенных предлогов в предложениях, на которые нас вдохновили идеи Майи Владимировны Всеволодовой. Идеи, открывающие глаза на интереснейшие факты языка и позволяющие приблизиться к пониманию природы языковых явлений.

Литература / References

1. *Величко А.В.* Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование: Монография. М.: МАКС Пресс, 2016.
2. *Величко А.В.* Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев: Учебное пособие. М., 1996.
3. *Величко А.В.* Фразеологизированные структуры русского предложения // Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / Под ред. А.В.Величко. – 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. С. 38–54.
4. *Всеволодова М.В.* Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010, № 4. С. 3–26.
5. *Всеволодова М.В.* Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 2. Фрагмент системы – немотивированные (первообразные) предлоги // Вестник Московского университетата. Сер. 9. Филология. 2012, № 6. С. 9–51.
6. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М.: УРСС, 2017.
7. *Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн.2: Реестр русских предложных единиц: А – В (объективная грамматика). М.: УРСС, 2018.
8. *Всеволодова М.В., Го Шуфень* Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка). М.: АЦФИ, 1999.
9. *Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2003, № 3. С. 17–59.

10. *Всеволодова М.В. Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. М.: Книжный дом «Либроком», 2014.
11. *Всеволодова М.В., Лим Су Ен.* Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов со значением оценки. М.: МАКС Пресс, 2002.
12. *Всеволодова М.В., Панков Ф.И.* К вопросу о категориальном характере актуального членения и его роли в русском высказывании. Статья первая: Общие проблемы // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2008, № 6. С. 9–33
13. *Всеволодова М.В., Панков Ф.И.* К вопросу о категориальном характере актуального членения и его роли в русском высказывании. Статья вторая: Коммуникативная парадигма слова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2009, № 1. С. 9–33
14. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М.: Рус. яз., 2000.
15. *Кузнецов С.А.* Современный толковый словарь русского языка. М.: Норинт, 2008.
16. Русская грамматика. Том II / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. – [АГ-80].
17. *Стародумова Е.А.* Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002.

DOI 10.29003/M158.LMC2018-60/259-277

ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКОВ

В.Л. Чекалина

SPATIAL CATEGORIZATION THROUGH THE LENS OF RUSSIAN AND LATVIAN LANGUAGES

V.L. Chekalina

ABSTRACT:
The article touches upon the subject of spatial relations expressed by means of noun groups with locative meanings in Russian and Latvian languages. We focus only on the adjacent relations between the object and the reference point in static and dynamic situations, i.e. the object and the reference point are either in contact presently, were in contact or will be in contact at a certain moment of time Analysis is based on the materials collected obtained by text-corpus method, from dictionaries and on the data collected with the help of topological relations images (the BowPed Project). The research utilizes functional approach to language using the binary opposition theory to mark spatial concepts, for example, containment vs. surface opposition. The research demonstrated that similar semantic fragments of spatial relation in Russian and Latvian can be structured differently, for example, in order to express the position of the object on a non-horizontal surface, Latvian speaker has to take into consideration more spatial parameters than Russian. The outcome of the research provides a deeper outlook into the spatial cognition that can be understood through grammar analysis.

Keywords: spatial relation; functional aspect of grammar; field approach; functional-semantic fields; noun groups with locative meaning; object and place; reference point; binary opposition; the adjacent relation between objects

АННОТАЦИЯ
В статье анализируются особенности устройства функционально-семантического поля локативности в русском и латышском языках. На обширном языковом материале показывается, какие ситуации, связанные с освоением пространства, являются для носителей языка важными и всегда различаются в языке, а какие ситуации, оцениваемые носителями как неважные, оказываются в языке грамматически недифференцированными. Предметом исследования являются именные группы с локативным значением, описывающие в русском и латышском языках отношения сопространственности. Все значения ситуации сопространственности представлены в виде бинарных оппозиций, где в первом ранге разбиения рассматривается оппозиция по основанию «объем – внешняя поверхность». В качестве

языкового материала используются данные толковых словарей, электронные корпусы текстов, а также опрос информантов. Для проведения опросов используются материалы, разработанные в рамках исследований по концептуализации пространства в языках мира, которые ведутся в Институте психолингвистики им. Макса Планка.

Ключевые слова: пространственные отношения; функционально-семантическое поле локативности; именная локативная группа; объект и локум; ориентир; бинарные оппозиции; отношения сопространственности

Освоение пространства является одним из первых и самых важных этапов в познавательной деятельности человека, поэтому исследование категоризации пространственных отношений в языке вызывает неизменный интерес лингвистов, работающих в рамках разных школ и направлений ([Кибрик 1970; Talmy 1983; Всеволодова, Владимирский 1982; Herskovits 1986; Крейдлин 1994; Bowerman, Pederson 1992; Bowerman 1996; Селиверстова 2000; Levinson 2003; Ганенков 2005; Мазурова 2007] и др.). Выбор именно латышского и русского языков для сопоставительного анализа обусловлен двумя факторами. Во-первых, несмотря на то что грамматические системы русского и латышского языков имеют много общего как по своему происхождению, так и в силу своего исторического развития [Бернштейн 2005: 27–37], можно говорить о существенных различиях между ними. Во-вторых, насколько нам известно, несмотря на наличие исследований, затрагивающих тему пространственных отношений в латышском и русском языках [Эндзелин 1905, 1906; Семенова 1966; Nitiņa 1978, 2014], пока нет сопоставительных работ, системно показывающих, какие ситуации, связанные с освоением пространства, являются для носителей языка важными и всегда различаются в языке, а какие ситуации, оцениваемые носителями как неважные, оказываются в языке грамматически недифференцироваными.

В качестве языкового материала использовались данные толковых словарей, электронные корпусы текстов, а также опрос информантов. Для проведения опросов были использованы материалы, разработанные в рамках исследований по концептуализации пространства в языках мира, которые ведутся в Институте психолингвистики им. Макса Планка (Неймеген, Нидерланды) под руководством С. Левинсона и М. Боверман [Bowerman, Pederson 1992].

Сопоставление структурных и смысловых особенностей пространственных значений в латышском и русском языках невозможно без обращения к такой содержательной единице языка как функционально-семантическое поле. Еще в 60-е годы А.В. Бондарко показал, что в языке существуют такие единицы, которые представляют собой объединение семантических категорий и всех языковых средств, которые эту категорию мо-

гут выражать [Бондарко 1971: 65]. Понятие функционально-семантического поля является основополагающим при сопоставлении языков в рамках функционального подхода к грамматике, поскольку одни и те же смыслы в разных языках могут выражаться средствами разных уровней, входить в разные сегменты в структуре функционально-семантического поля. Так, например, в русском языке нет грамматической дифференциации по типу соприкосновения объекта с несущей поверхностью: *картина* ***на стене*** (отделимый, дискретный объект на поверхности негоризонтального локума), *пятно* ***на стене*** (неотделимый, недискретный объект на поверхности негоризонтального локума). Оба значения выражены с помощью предлога ***на*** с предложным падежом. В латышском языке эти значения грамматически дифференцированы: *Glezna ir* ***pie sienas*** – 'Картина на стене' (*букв*. 'Картина у стены')*; Traips ir* ***uz sienas*** – 'Пятно на стене'. Дискретный объект на поверхности негоризонтального локума в латышском языке системно выражается предлогом ***pie*** 'у', а недискретный объект – предлогом ***uz*** 'на'. Следовательно, именно на уровне функционально-семантического поля, проходит различение языковой картины мира, к пониманию которой мы можем приблизиться, изучая структуру одноименных полей в сравниваемых языках.

Поле локативности, как и все другие функционально-семантические поля, объединяя разные языковые средства, представляет собой континуум от ядра к периферии разных функционально-семантических категорий. Представляется, что ядро поля локативности составляют именные локативные группы, а также в состав поля входят наречия, прилагательные и глаголы с пространственным значением. Сопоставляя структурные и содержательные особенности пространственных значений в латышском и русском языках, мы анализировали один из ядерных компонентов поля: именные локативные группы.

Форма именных групп с локативным значением в латышском языке определяется структурными особенностями языка, на которых следует остановиться подробнее. Именная группа в латышском языке – это форма существительного с предлогом или без предлога. Предложно-падежная система латышского языка, несмотря на некоторую схожесть с русской предложно-падежной системой, имеет свои особенности. Так, пространственное значение «нахождение объекта внутри локума», которое в русском языке выражается формой предложного падежа имени с предлогом ***в*** (***в шкафу, в сумке***) в латышском языке выражено именем в местном падеже (локативе), который в латышском языке никогда не употребляется с предлогом (***skapī*** 'в шкафу', ***somā*** 'в сумке')[1]. Существенным отличием латышской предложно-падежной системы от русской является также

[1] Беспредложный локативный падеж является характерной особенностью и литовского языка [Mathiassen 1996: 195].

нейтрализация во множественном числе после предлогов всех падежных форм в форме дательного падежа. Ср.: ***uz galda*** ‘на столе’ (в единственном числе предлог ***uz*** ‘на’ управляет родительным падежом) – ***uz galdiem*** ‘на столах’ (во множественном числе предлог ***uz***, как и все остальные латышские предлоги, управляет дательным падежом). Нейтрализация не касается послелогов, которые продолжают во множественном числе управлять тем же падежом, что и в единственном числе[2].

Существует несколько подходов к описанию предложной системы латышского языка. В традиционных грамматиках в рамках структурного подхода к языку представлено описание предлогов на основе их морфологических характеристик. Так, в [Grabis 1959: 720−748] выделяются следующие структурные разряды предлогов:

1. Простые предлоги:

а) первообразные предлоги (***aiz*** ‘за, от’, ***ar*** ‘с’, ***ap*** ‘вокруг, около’, ***bez*** ‘без’, ***dēļ*** ‘из-за’, ***no*** ‘с, от’, ***pa*** ‘по’, ***par*** ‘о, за’, ***pār*** ‘через’, ***pie*** ‘у, к, на’, ***uz*** ‘в, на’);

б) отадъективные предлоги (***apakš*** ‘под’, ***zem*** ‘под’, ***pēc*** ‘через, после’, ***pirms*** ‘до, перед’, ***priekš*** ‘перед’, ***virs*** ‘над’, ***gar*** ‘мимо’, ‘вдоль’, ***pret*** ‘против’, ‘напротив’, ‘к’, ***starp*** ‘между’, ***caur*** ‘через’, ***līdz*** ‘до’).

2. Составные предлоги:

а) заканчивающиеся на *–pus*[3] (***ārpus*** ‘вне’, ***augšpus*** ‘выше,’ ***apakšpus*** ‘ниже’, ***lejpus*** ‘ниже’, ***otrpus*** ‘по другую сторону’, ***šaipus*** ‘по эту сторону’, ***viņpus*** ‘позади’, ***virspus*** ‘поверх’);

б) предлог ***labad*** ‘ради’, который произошел из *labums* ‘польза, благо’ и *dēļ* ‘из-за’.

Также предлоги разделены на группы в зависимости того, каким падежом они управляют в единственном числе.

Классификация предлогов на основе семантики представлена в [Mathiassen 1997: 183–190][4] и в новейшей грамматике латышского языка [LVG 2013: 619–640]. В [Mathiassen 1997: 183–190] выделено семь семантических групп предлогов со следующими инвариантными значениями: 1) место; 2) время; 3) инструмент; 4) цель; 5) сравнение; 6) причина; 7) предлоги, не вошедшие ни в одну из групп (например, ***par*** ‘о’ с делиберативным значением, ***pa*** ‘по’ с дистрибутивным значением и др.). Все

---

[2] Большинство предлогов латышского языка предшествуют зависимому слову. Истинных послелогов лишь два: *dēļ* ‘из-за’ и *labad* ‘ради’. Предлог *pēc* имеет значение ‘через, после’, послелог *pēc* — значение ‘для, ради’ [Андронов 2010: 21].

[3] От существительного *puse* – сторона, половина. Заметим, что такая модель является продуктивной и для литовского языка. Ср., например, происхождение предлога anàpus ‘на другой стороне’ в литовском языке от местоименного корня ***an*** и существительного pusė ‘сторона, половина’.

[4] Отметим, что в монографии системно представлены только простые предлоги, как первообразные, так и отадъективные.

пространственные предлоги разбиты на четыре группы в зависимости от того, каким падежом они управляют:

1. Предлоги, управляющие в единственном числе аккузативом: ***ap*** ‘около, вокруг’, ***caur*** ‘через’, ***gar*** ‘вдоль’, ***pa*** ‘по’, ***pār*** ‘через’, ***pret*** ‘напротив’, ***starp*** ‘между’.

2. Предлоги, управляющие в единственном числе генитивом: ***aiz*** ‘за’, ***no*** ‘из’, ***pie*** ‘у’, ***virs*** ‘над’, ***zem*** ‘под’, ***vidū*** ‘среди’, ***priekša*** ‘перед’.

3. Предлоги, управляющие в единственном числе дативом: ***līdz*** ‘до’.

4. Предлоги, управляющие двумя падежами ***uz*** ‘в, на’ + аккузатив (в значении направления движения), ***uz*** ‘на’ + генитив (в значении нахождения на поверхности).

В грамматике латышского языка [LVG 2013: 619–640] даны инвариантные значения для каждого предлога, которое может варьироваться в зависимости от контекста[5], а классификация предлогов на семантических основаниях представлена четырьмя группами: 1) пространственные предлоги; 2) временные предлоги; 3) предлоги, выражающие отношения между живыми и неживыми объектами; 4) предлоги, выражающие абстрактные отношения. Пространственные предлоги латышского языка разделены на две подгруппы [LVG 2013: 630–632]:

1. Предлоги, выражающие местонахождение (всего описано 10 предложных единиц). Например, ***uz*** ‘на’ (***uz palodzes*** ‘на подоконнике’, ***uz galda*** ‘на столе’): <…> *tumsš stāvs ar izkapti* ***uz pleca*** (A. Sakse)‘<...> – темная фигура с косой на плече’ (А. Саксе); ***pie*** ‘у’ (*stāvēt* ***pie loga*** ‘стоять у окна’, *dzīvot* ***pie kāda*** ‘жить у кого-либо’, ***pie mums*** *list* ‘у нас идет дождь’): *Ieva pikta sēž* ***pie plīts*** *un silda pirkstus* (I. Ābele) – ‘Иева сердито сидела у плиты и грела пальцы’ (И. Абеле).

2. Предлоги, выражающие направление движения (также описано 10 предложных единиц). Например, ***uz*** ‘в, на’ (*braukt* ***iz pilsētu*** ‘ехать в город’): *Ieva lūdz Andreju rītdien viņus ar Akselu aizvest* ***uz slimnīcu*** (I. Ābele) – ‘Иева просит Андрея отвезти ее с Акселем завтра в больницу’(И. Абеле); ***pie*** ‘к’ (*iet* ***pie kāda*** ‘идти к кому-либо’): *Ieva beidzot* <...> *pieiet* ***pie viņa*** (I. Ābele) – ‘Иева в конце концов <...> подходит к нему’ (И. Абеле).

[5] Так, например, в основе употреблений латышского предлога ***no*** ‘от, из, с’ лежит выражение отдаления в прямом или переносном смысле по отношению к какому-либо исходному или изначальному пункту в пространстве и времени [Nītiņa 1978: 240]. Микросистема значений предлога зависит от свойств самой предложной единицы: у одних предлогов значений больше, у других меньше. Так, сравнительно слабо модифицированы инвариантные значения латышских отыменных или деадвербиальных предлогов ***virs*** ‘над’, ***starp*** ‘между’, ***gar*** ‘вдоль’, ***caur*** ‘через, сквозь’ и др. Семантическое ядро, расчлененное на несколько главных значений, особенно характерно для первичных предлогов ***no*** ‘от, из, с’, ***pie*** ‘у, при, к’ и т.д. [Nītiņa 1978: 241].

Сопоставляя особенности выражения пространственных отношений в русском и латышском языке, мы опираемся на систему значений категории именной локативности, разработанную на материале русского языка М.В. Всеволодовой [Всеволодова, Владимирский 1982; Всеволодова 2000: 103–109]. Система значений построена по принципу бинарных оппозиций. Оппозиция понимается в классическом варианте, по Трубецкому, то есть как система, предполагающая не только признаки, которыми отличаются друг от друга члены оппозиции, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции (основание для сравнения). Основанием для сравнения базовой оппозиции именной локативности являются отношения сопространственности и несопространственности: «Если предполагается, что предмет в какой-либо момент времени есть, был или будет в пределах локума, налицо сема сопространственности: ***в лесу, через лес, по лесу***. Если известно, что предмет не находится, не находился или не будет находиться в пределах локума, или если (например, при выражении движения) неизвестно, был или будет предмет в пределах локума, или это несущественно для коммуникации (*идти* ***со стороны леса***), то налицо отношения несопространственности: ***около леса, у леса, в двух километрах от леса, к лесу, мимо леса*** и т. д.» [Всеволодова, Владимирский 1982: 9].

Предметом исследования настоящей статьи являются именные группы, описывающие в русском и латышском языках отношения сопространственности. Отношения сопространственности включают в себя большое количество разных значений, которые на первом ранге разбиения образуют оппозицию по основанию «объем – внешняя поверхность». Оппозиция «объем – внешняя поверхность» характеризует значение конкретной сопространственности и не характерна для общей. Следовательно, если объект находится в пределах локума (в стране, в городе, в лесу), то можно говорить об общей сопространственности, а если объект находится внутри локума (***в шкафу, в сумке, в коробке***) или на поверхности локума (***на шкафу, на сумке, на коробке***), то можно говорить о конкретной сопространственности. В каждой из этих групп пространственные значения рассматриваются в «статических» и «динамических» отношениях, граница между которыми проходит по основанию «характер отношения предмета к локуму». При статическом характере отношений объект статичен по отношению к локуму (***в городе, в лесу, в шкафу, в сумке***), динамический характер отношений показывает движущийся объект, который в определенный момент времени оказывается в пределах локума (***в город, из леса, в шкаф, из сумки***).

Как показал анализ языкового материала, основные различия в выражении пространственных отношений между латышским и русским язы-

ками лежат в ветке оппозиций, которые формируют конкретную сопространственность. Устройство системы значений общей сопространственности латышского языка по большей части аналогично русскому языку.

В русском языке значение общей сопространственности выражается предлогами ***в*** или ***на*** с предложным падежом: *Я живу* ***в Москве****, Она работает* ***на почте***. Предлоги ***в*** и ***на*** функционируют как варианты, и выбор предлога связан с классом, к которому относится существительное (см. подробно о классах существительных, называющих локумы в [Всеволодова, Владимирский 1982]). В латышском языке значение общей сопространственности выражается формой имени в локативном падеже, который, как было отмечено выше, никогда не употребляется с предлогом: *Es dzivoju* ***Maskavā***. – ‘Я живу в Москве’; *Viņa stradā* ***pastā***. – ‘Она работает на почте’.

В ситуации конкретной сопространственности объект может находиться как внутри локума (***в шкафу***), так и на одной из поверхностей локума (***на шкафу***). В русском языке первое значение выражается предлогом ***в*** с предложным падежом (***в шкафу***), а в латышском языке – формой имени в локативе без предлога (***skapī*** ‘в шкафу’). Следовательно, мы можем говорить о том, что и в латышском и в русском языках отсутствуют специальные средства для выражения общей сопространственности, ср.: *Es dzivoju* ***Maskavā***. – ‘Я живу в Москве’ и *Grāmata ir* ***skapī***. – ‘Книга в шкафу’.

Ситуация конкретной сопространственности, когда объект находится внутри локума, включает в себя большое количество разных значений, которые ни в латышском, ни в русском языке не выражены грамматически:

1. При выражении нахождения объекта внутри локума свойства самого локума при выборе именной группы оказываются неважными. Использование предлога ***в*** с предложным падежом в русском языке и формы имени в локативе в латышском языке нейтральны по отношению к разным типам локума: *Zupa ir* ***šķivī*** – ‘Суп **в тарелке**’, *Čaula ir* ***smiltīs*** ‘Ракушка **в песке**’, *Putns ir* ***būrī*** – ‘Птица **в клетке**’, *Ievārījums ir burkā* – ‘Варенье **в банке**’[6].

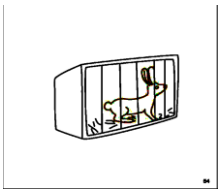
2. И в русском и в латышском языках отсутствует оппозиция по степени погружения объекта в локум:

2.1. Объект полностью погружен в локум:

---

[6] Ср. употребление предлога ***in*** ‘в’ в английском языке. Предлог ***in*** ‘в’ нейтрален по отношению к закрытости (замкнутости) вместилища: *in the bowl* ‘в миске’ vs. *in the ball* ‘в шаре’. Для его употребления также несущественно, является ли поверхность вместилища сплошной: *in the bell-jar* ‘в стеклянной банке’ vs. *in the birdcage* ‘в птичьей клетке’ [Талми 1999: 101–102].

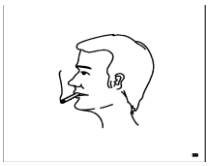
Яблоко ***в миске.***
Abols ir ***bļodā.***



Кролик ***в клетке****.*
Trusis ir ***būrī****.*

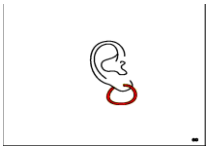
2.2. Объект не полностью погружен в локум:

Коробка ***в сумке****.*
Karbā ir ***somā****.*



Сигарета ***во рту****.*
Cigarete ir ***mutē****.*

Пробка ***в бутылке****.*
Korķis ir ***pudelē.***



Сережка ***в ухе****.*
Auskars ir ***ausī****.*

3. Для обоих языков также безразлично, заполняет ли объект локум полностью или нет. Обе ситуации вне зависимости от степени заполнения

локума объектом и в русском и в латышском языке описываются с помощью именных групп характерных для выражения ситуации нахождения внутри локума: *Sēne ir **grozā**.* – ‘Гриб **в корзине**’ (локум не заполнен объектом полностью); *Rokas ir **cimdos**.* – ‘Руки **в перчатках**’ (локум полностью заполнен объектом).

4. В обоих языках недифференцировано расположение объекта внутри локума. Даже если объект находится на одной из внутренних поверхностей локума, выбирается именная группа, выражающая общее значение нахождения внутри локума: ***Istabā** ir tapetes.* – ‘**В комнате** обои’.

Интересно, что в латышском и русском языках существуют ситуации, которые русский язык относит к ситуациям нахождения на поверхности и, следовательно, описывает их при помощи предлога ***на*** (*кольцо **на пальце**, яблоко **на ветке***), а латышский язык – к ситуациям нахождения внутри объема, системно используя для их описания форму локатива (букв. *кольцо **в пальце**, яблоко **в ветке***). Анализ языкового материала позволяет говорить, по крайне мере, о двух таких ситуациях:

1. Объект (предметы одежды и обуви, украшения) локализован на человеческом теле. В русском языке во всех этих ситуациях системно используется предлог ***на***. Ср.: *Gredzens ir **pirkstā**. – букв.* ‘Кольцо **в пальце’**; *Cepure ir **galvā**. – букв.* ‘Шляпа **в голове’**; *Kurpe ir **kājā**. – букв.* ‘Туфля в **ноге’**.

2. Висящий инкорпорированный объект по своему происхождению является частью локума: *Ābols ir **zarā**. – букв.* ‘Яблоко **в ветке’**; *Lapas ir **kokā**. – букв.* ‘Листья **в дереве’**.

Похожая стратегия существует в финском языке. Все инкорпорированные объекты на негоризонтальных поверхностях в финском языке будут всегда обозначаться внутриместным падежом (иннесивом) с окончанием **-ssa** [Bowerman 1996: 393–394]. Так, в финском языке к существительным, которые называют локумы в ситуациях *пластырь **на ноге**, кольцо **на пальце**, пальто **на крючке**, наклейка **на шкафу**, клей **на ножницах*** прибавляется окончание **-ssa**, что соответствует русскому предлогу ***в***. В [Ганенков 2005: 131–132] высказывается предположение, что исходными употреблениями для инэссива были контексты с названиями частей тела (типа ‘пальцы на руке’), поскольку они одинаково могут быть осмыслены и как находящиеся в составе ориентира («внутри»), и как находящиеся в контакте с ориентиром («на»). Затем, видимо, употребление инэссива распространилось на другие контексты, однако при этом был сохранен исходный компонент непосредственной связи объекта с ориентиром.

Второй член оппозиции конкретной сопространственности со значением нахождения на поверхности локума в русском языке выражается

предлогом ***на*** с предложным падежом вне зависимости от ориентации локума и свойств объектов, располагающихся на нем (*чемодан* ***на шкафу,*** *пятно* ***на стене,*** *лампа* ***на потолке***). В латышском языке этот фрагмент пространственных отношений устроен сложнее. Форма именной группы зависит и от ориентации локума и от свойств объекта. Для латышского языка можно выделить по крайней мере пять пространственных ситуаций:

1. Если локум ориентирован горизонтально, а объект (как дискретный, так и недискретный) находится на его поверхности, то употребляется предлог ***uz*** 'на' с родительным падежом: *Grāmata ir* ***uz skapja***. – 'Книга на шкафу'; *Traips ir* ***uz grīdas***. – 'Пятно на полу'.

2. Если локум ориентирован горизонтально, а объект находится под его поверхностью, то выбор именной группы зависит от свойств объекта:

2.1. Дискретный объект под горизонтальной поверхностью локума требует предлога ***pie*** 'у'[7] с родительным падежом: *Lustra ir* ***pie griestiem***. –*букв*. 'Люстра у потолка'. Отметим, что в русском языке употребление формы ***у чего*** в ситуации, когда объект ориентирован ниже горизонтальной поверхности, возможно в двух случаях: 1) при отношениях несопространственности, в значении «рядом с чем»: *Ты лежишь на сене у открытого окна и смотришь, как* ***у потолка*** *мечется случайно залетевшая бабочка* (www.ruscorpora.ru); *В каждом классе в стене* ***у потолка*** *были проделаны на улицу отверстия, от которых по потолку тянулись желоба, покрытые белой материей* (www.ruscorpora.ru). *А* ***у потолка****, в привязанном к балке мешочке, оказалась окаменевшая мука, спрятанная от мышей* (А. Приставкин); 2) когда объект имеет точечное крепление к поверхности*: На кухне же* ***—*** *яркая лампочка* ***у потолка*** *и рядом, в подмогу, лампа керосиновая* (НКРЯ)*;* ***У потолка —*** *огрызок плафона, будто кто кусал его* (НКРЯ).

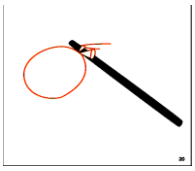
2.2. Недискретный объект под поверхностью локума требует предлога ***uz*** 'на' с винительным падежом: *Pelējums ir* ***uz griestiem***. – 'Плесень на потолке'.

3. Если локум ориентирован негоризонтально (вертикальная или наклонная ориентация), а объект находится на его поверхности, то выбор именной группы зависит от свойств объекта:

---

[7] Предлог ***pie*** 'у' регулярно используется для обозначения ситуаций несопространственности в значении «рядом с, близко»: *Viņa, neskatīdamās ritmeisterā, nolika ķirbi* ***pie dzīvojamās ēkas pagraba*** *un tad atkal lēni gāja projām* (E. Ādamsons). – 'Она, не глядя на ротмистера, положила тыкву **у погреба жилого дома** и потом медленно пошла прочь' (Э. Адамсонс); *Viņa roka tā drebēja, nevarēja pacelt krūzi* ***pie lūpām*** (E. Ādamsons). – 'Ее рука так дрожала, что она не могла поднести кружку **к губам**' (Э. Адамсонс).

3.1. Дискретный объект на негоризонтальной поверхности локума требует предлога ***pie*** ‘у’ с родительным падежом: *Glezna / spogulis / pulkstenis ir* ***pie sienas***. – *букв*. ‘Картина / зеркало / часы у стены’. Ср.:



Balons ir ***pie nūjas.***
букв. *Шарик* ***у палки***.

3.2. Недискретный объект на негоризонтальном локуме требует предлога ***uz*** ‘на’ с винительным падежом: *Tapetes / uzlīmes / zīmējumi / flīzes ir* ***uz sienas***. – ‘Обои / наклейки / рисунки / плитка на стене’.

Аналогичная стратегия для выражения локализации объекта на несущей поверхности характерна для нидерландского языка. Ситуация, когда чашка стоит на столе, будет выражаться при помощи предлога ***op*** ‘на’; ситуация, когда яблоко лежит в миске, будет выражаться при помощи предлога ***in*** ‘в’, а ситуация, когда ручка прикреплена к двери – при помощи предлога ***aan*** ‘у’. Предлог ***aan*** ‘у’ связан с идеей висящего дискретного объекта. Так, ситуации *картина на стене, яблоко на ветке, шарик на веревочке, пальто на крючке, крючок на стене* будут все выражаться при помощи предлога ***aan*** [Bowerman 1996: 395].

Единственный славянский язык, в котором описание ситуации нахождения на поверхности объекта имеет много общего с латышским и нидерландским языками, – это сербохорватский язык. Наряду с предлогом ***на***, в сербохорватском языке имеется предлог ***о***, который описывает ситуации нахождения на ориентире-кронтштейне*: виси* ***о клину*** ‘висит на гвозде’. Менее употребительным является использование предлога ***до*** в ситуации удержания объекта в равновесии за счет контакта с ориентиром. При этом предлог ***до*** возможен только в тех случаях, когда объект и ориентир соединены в некоторой точке, а контакт поверхностей объекта и ориентира отсутствует (например, *яблоко на ветке, шарик на нитке*) [Ганенков 2005: 128].

В русском языке все эти ситуации, описывающие контакт объекта с поверхностью, не различаются, а оппозиции не грамматикализованы. Аналогичная ситуация характерна и для английского языка: для обозначения нахождения и на горизонтальной и на вертикальной поверхностях используется предлог ***on*** ‘на’. В испанском языке для всех этих ситуаций используется предлог ***en*** ‘в, на’. Необлигаторно могут быть добавлены конкретизаторы *encima de* ‘на поверхности чего’, *dentro de* ‘внутри чего’ [Bowerman 1996: 395].

Сопоставление значений общей и конкретной сопространственности в русском и латышском языках в оппозиции «динамика – статика» показал интересные результаты. Анализ языкового материала позволяет говорит о том, что система значений с динамическим характером отношений в общей сопространственности в латышском языке устроена проще, чем в русском языке, а в системе значений конкретной сопространственности в латышском языке отсутствует противопоставление по статическому/динамическому характеру отношений.

В рамках динамических отношений между объектом и локумом нами были рассмотрены следующие ситуации:

1. Локум является стартовой точкой движения объекта:

1.1. В ситуации общей сопространственности:

1.1.1. Локум представляет собой место, из которого объект начинает движение: *Он едет* ***из Москвы****, Она идет* ***с факультета***.

1.1.2. Локум соотнесен с лицом, которое живет или работает в нем: *Он едет* ***от бабушки***.

1.2. В ситуации конкретной сопространственности:

1.2.1. Локум представляет собой контейнер: *Она достала платье* ***из шкафа***.

1.2.2. Локум представляет собой поверхность: *Он снял чемодан* ***со шкафа***.

2. Локум является финишной точкой движения объекта:

2.1. В ситуации общей сопространственности:

2.1.1. Локум представляет собой место, в котором объект заканчивает движение: *Он едет* ***в Москву****; Она идет* ***на факультет***.

2.1.2. Локум соотнесен с лицом, к которому направляется объект: *Он едет* ***к бабушке***.

2.2. В ситуации конкретной сопространственности: *Она повесила платье* ***в шкаф****, Он положил чемодан* ***на шкаф***[8].

Анализ языкового материала показал, что устройство системы значений с динамическим характером отношений внутри ситуации общей сопространственности в латышском языке аналогично устройству этой системы в русском языке, несмотря на то что для выражения аналогичных значений латышский и русский языки используют разные грамматические средства. Все оппозиции в обоих языках являются грамматикализованными. Ситуация, когда локум является стартовой точкой движения объекта, в русском языке выражается предлогами ***из*** или ***с*** с родительным падежом, которые коррелируют с предлогами ***в*** и ***на*** в ситуации, когда локум является финишной точкой движения объекта (***в*** – ***из***, ***на*** – ***с***): *Павел Алексеевич приехал* ***из Польши*** *с целым чемоданом подарков* (Л. Улицкая)

[8] Ситуации, когда локум является трассой движения объекта, в настоящей статье нами не рассматриваются.

(ср.: *приехал* ***в Польшу***); *Когда ехали* ***с почты****, мама была так взволнована его небрежностью, что у неё заболела грудь* (НКРЯ) (ср.: *ехали* ***на почту***); *Гости только что вернулись* ***с лекции*** *в каком-то ДК, которую читал бородатый – по поводу христианства* (НКРЯ) (локум осложнен событийным значением, ср.: *пошли* ***на лекцию***)[9]. В ситуации, когда локум соотнесен с лицом, работающим или живущим в нем, употребляется предлог ***от*** с родительным падежом: – *Во загинает! – воскликнула продавщица-блондинка. – Сама* ***от родителей*** *ушла, ребёнка бросила, еле нашли…*(Л. Петрушевская); *Я уехал тогда* ***от брата*** *рано утром, и с тех пор для меня стало невыносимо бывать в городе* (А. Чехов). В латышском языке эти две ситуации не различаются. Когда локум является стартовой точкой движения объекта, вне зависимости от того, соотнесен локум с лицом или нет, он всегда выражается предлогом ***no*** ‘из, от, с’, который управляет родительным падежом: *Sastrēgumi: uz matemātikas eksāmenu* ***no Jūrmalas*** *uz Rīgu skolnieks brauc ar divriteni* (Интернет). – ‘Пробки: на экзамен по математике школьник **из Юрмалы** в Ригу едет на велосипеде’; *Renārs Kaupers* ***no koncerta*** *uz koncertu lido ar helikopteru* (Интернет). – ‘Ренарс Кауперс летает **с концерта** на концерт на вертолете’; *Vinš brauc* ***no vecmāmiņas*** (Интернет). – ‘Он едет **от бабушки**’. Очевидно, что в этом фрагменте система латышского языка устроена проще, чем система русского языка. Во-первых, не грамматикализовано противопоставление между типами локума (локум-место и локум, соотнесенный с лицом), во-вторых, единственной грамматической формой, выражающей значение локума, откуда объект начинает движение, является форма имени в родительном падеже с предлогом ***no*** ‘из, от’.

В ситуации конкретной сопространственности, когда локум является стартовой точкой движения объекта, нами, как было показано выше, рассматривались два типа ситуаций: 1) локум представляет собой контейнер и 2) локум представляет собой поверхность. В русском языке данная оппозиция по типу локума грамматикализована и выражена разными грамматическими формами. Так, в первой ситуации локум выражен формой имени в родительном падеже с предлогом ***из***: *достать* ***из сумки / из шкафа / из миски***. А во второй ситуации локум выражен предлогом ***с (со)***, который также управляет родительным падежом: *взять* ***со стола / со шкафа / с дивана***. В этом фрагменте системы пространственных значений в латышском языке, в отличие от русского языка, оппозиция по типу локума отсутствует: для обоих типов локума (и локум-контейнер и локум-поверхность) используется предлог ***no*** ‘из, от, с’, который управляет родительным падежом. Ср.: *izņemt* ***no somas / no skapja / no bļodas*** ‘достать **из сумки** / **из шкафа** / **из миски**’, *Miets izvilka nazi* ***no kabatas****, noliecās*

[9] Случаи нарушения корреляции между группами «старт» и «финиш» подробно описаны в [Всеволодова, Владимирский 1982: 96–97].

pie zemes <…> (R. Blaumanis). – *Митс достал нож из картмана, положил на землю* <…> (Р. Блауманис); *paņemt* ***no galda*** / ***no skapja*** / ***no dīvāna*** ‘взять **со стола** / **со шкафа** / **с дивана**’, *Man vecākie bērni abi savulaik krituši* ***no dīvāna*** (Интернет). – ‘Мои старшие дети оба в свое время падали с дивана’.

Отметим, что для выражения динамических отношений (как и для выражения статических отношений объекта и локума) в ситуации общей сопространственности ни в латышском, ни в русском языке нет специальных средств. Такое положение дел характерно и для других языков. Так, в литовском языке в обеих ситуациях используется предлог ***iš*** ‘из’: Aš *atvyksiu* ***iš Maskvos***. – ‘Я еду **из Москвы**’ и *Jis paėmė* ***iš kišenės*** *ranką*. – ‘Он взял **из кармана** платок’. В литовском языке, также как и в латышском языке, нет противопоставления в ситуации конкретной сопространственности по типу локума. И локум-контейнер, и локум-поверхность обозначаются с помощью предлога ***iš*** ‘из’: *Jis paėmė* ***iš kišenės*** *ranką*. – ‘Он взял **из кармана** платок’; *Jis paėmė* ***iš stalo*** *ranką*. – ‘Он взял платок **со стола**’. В английском языке вообще отсутствуют все оппозиции внутри и общей и конкретной сопространственности при выражении динамических отношений между объектом и локумом в ситуации, когда локум является начальной точкой движения объекта. Английский предлог ***from*** ‘из, с’ нейтрален по отношению к любому типу локума. Ср.: *If I want to go* ***from Piccadilly*** *to Tech house, it can take me at least half an hour* [BYU-BNC]. – ‘Если я хочу дойти **от Пикадилли** до Тех хауса, то это займет у меня по меньшей мере полчаса’; *We used to stop there at least four times a year in my childhood on the journeys to and* ***from the grandmother*** [OLD]. – ‘В детстве мы останавливались там по крайней мере четыре раза в год на пути к и **от бабушки**’; *After the tea he suggested that they play cards, already shuffling the cards he took* ***from the sill*** [BYU-BNC]. – ‘После чая он предложил им поиграть в карты, уже перемешивая карты, которые он взял **с подоконника**’; *Thunder rolled in the distance as he took* ***from his pocket*** *a set of keys for the door he stood beside* [BYU-BNC]. – ‘Вдалеке раздался раскат грома, когда он достал **из кармана** связку ключей к двери, перед которой стоял’.

Следующий рассматриваемый нами тип ситуации с динамическим характером отношений между объектом и локумом – это ситуация, когда локум является местом, в котором объект заканчивает движение. И для русского и для латышского языка в рамках общей сопространственности нами были рассмотрены два типа ситуаций. В первой ситуации локум представляет собой место, в котором объект заканчивает движение. В русском языке этот тип ситуаций выражен предлогами ***в*** или ***на*** с винительным падежом: *Трясясь от омерзения, вспоминая его сосредоточенно-примирённую острую мордочку, Эржика в тот же день пошла* ***в***

венгерское посольство *и просила поселить её на частной квартире.* (А. Солженицын); *Аравийцы впервые едут* ***на столь серьёзный турнир*** *без знаменитого тренера-легионера* (НКРЯ). Предлоги ***в*** и ***на*** функционируют как варианты, выбор которых зависит от класса существительного[10].

В латышском языке аналогичные ситуации выражаются предлогом ***uz*** 'на', который управляет винительным падежом: <...> *no Rīgas* ***uz Dinaburgu*** *varot braukt ar uguns ratiem un no turienes tālāk uz Pēterburgu* (A. Deglavs). – '<…> из Риги в Динабург можно доехать на огненной колеснице (на поезде – *прим. авт.*) (А. Деглавс)'; *Māte aizgāja <...>* ***uz vagona otru galu*** (Zeiboltu Jēkabs). – 'Мать ушла <...> **в другой конец вагона**' (Яков Зейболт). Во второй ситуации локум соотнесен с лицом, к которому направляется объект. Такая ситуация выражается в русском языке предлогом ***к*** с дательным падежом*: Эта моя поездка* ***к вам*** *на Пасху является теперь для меня самой пламенной мечтой* (www.ruscorpora.ru); *Идем* ***к моей маме****! Я здесь живу, надо немножко подняться…* (С. Шаргунов). В латышском языке два типа локумов (локум-место и локум, соотнесенный с лицом) также дифференцированы и на грамматическом уровне выражены разными формами: локум-место, как было показано выше, выражается при помощи предлога ***uz*** 'на' с винительным падежом, а локум, соотнесенный с лицом выражен, предлогом '***pie***' 'к' с родительным падежом: *Viņam ļoti gribējās visu dienu staipīties pa gultu un atpūsties no brauciena, <...> bij jārāpjas no gultas laukā un jābrauc* ***pie mācītāja*** <...>. (Zeiboltu Jēkabs). – 'Ему очень хотелось проваляться целый день в постели и отдохнуть от поездки, <…> но он был вынужден вовремя вылезти из кровати и поехать **к священнику**' (Яков Зейболт); *Agrāk strādāju mazā lauku skolā. Tur es* ***pie katra*** *varēju pieiet, zināju, kādas kuram bēdas* (LNB). – 'Раньше я работала в маленькой деревенской школе. Там я могла **к каждому** подойти, знала, у кого какие беды.' Несмотря на схожесть структуры данного фрагмента пространственных отношений в латышском и русском языках отметим, по крайней мере, одно существенное различие. В ситуации, когда локум представляет собой место, в котором объект заканчивает движение, в латышском языке действие может быть выражено глаголом с префиксом ***ie-***, который в русском языке соответствует префиксам ***в-(во-)*** или ***за-***, например, *ieiet* 'войти', *iebraukt*

[10] Интересно, что, например, в болгарском языке выбор предлога *в* или *на* при выражении направления движения связан с выражением отношений определенности / неопределенности. Так, предлог *в* обозначает движение к конкретному предмету, объекту, и это подчеркивается употреблением артикля, а предлог *на* не имеет значения конкретности, и существительное после предлога употребляется без артикля: *Отивам на училище*. – 'Иду в школу' (в знач. 'иду учиться'); *Отивам в училището*. – 'Иду в школу' (в знач. 'иду в определенное здание') [Щенникова 2011: 74.]

‘въехать’, *ieskriet* ‘вбежать’, *iebazt* ‘засунуть’. Все эти глаголы в латышском языке, в отличие от русского языка, требуют после себя формы имени в локативе (ср. *ieiet* ***pagalmā*** ‘войти **во двор**’, *ieskriet* ***istabā*** ‘вбежать **в комнату**’, *iebraukt* ***Jelgavā*** ‘въехать **в Елгаву**’): *Ātriem soļiem viņš iegāja* ***kabinetā*** *ar nodomu uz Andriksona vairs neteikt ne vārda <...>* (R. Blaumanis). – ‘Быстрым шагом он вошел **в кабинет**, намереваясь больше ни слова не говорить Андриксону <…>’ (Р. Блауманис).

Динамические отношения между объектом и локумом в ситуации конкретной сопространственности обнаруживают в латышском языке интересное устройство. В русском языке в ситуации конкретной сопространственности оппозиция «динамика – статика» грамматикализована: статические отношения выражаются формой имени в предложном падеже с предлогами ***в*** или ***на***, а динамические отношения – аналогичными предлогами, которые управляют винительным падежом. Ср.: *Пойдём-ка, Гриша, посмотрим, что там* ***в чемодане*** *лежит* (Л. Улицкая); *Мы положили барахло* ***в чемодан*** *и спустились на лифте к гримёру* (С. Довлатов); *Дверь в вестибюль долго оставалась открытой, и долго можно было видеть спокойную фигуру физика, сидящего* ***на чемодане*** *и читающего газету* (В. Аксенов); *Зураб сложил ткань и, бросив ее* ***на чемодан****, поставил на стол начатую бутылку коньяка, вазу с конфетами и предложил выпить по рюмке* (Ф. Искандер). В латышском языке оппозиция «динамика – статика» в ситуации конкретной сопространственности отсутствует: и динамические, и статические отношения выражаются одной грамматической формой. В ситуации, когда локум представляет собой контейнер, статические отношения выражаются формой имени в локативе*: Sieva no istabas dod viņam norādījumus, ka manna atrodas* ***kārbā*** *ar uzrakstu «cukurs», bet cukurs meklējams griķu* ***kārbā****, sāls ir tur, kur rakstīts «pipari»* (LNB). – ‘Жена из комнаты дает им указания, что манка находится **в коробке**, на которой написано «сахар», сахар нужно искать **в коробке** для гречки, соль там, где написано «перец»’. Динамические отношения в ситуации с локумом-контейнером также выражаются формой имени в локативе: ***Kārbā*** *ieliksim papirosus <...>* (E. Ādamsons). – ‘**В коробку** (букв. **в коробке**) положим папиросы <…>’ (Э. Адамсонс). В ситуации, когда локум представляет собой поверхность, и динамические, и статические отношения выражаются предлогом ***uz*** с родительным падежом. Ср.: *Parketu klāja biezi paklāji, un porcelāna traukus pildīja saulespuķu sēkliņas, bet* ***uz klavierēm*** *bija izvietoti spļaujamtrauki* (N. Ikstena) – ‘Паркет покрывали толстые ковры, и фарфоровая посуда была заполнена подсолнечными семечками, а **на пианино** были размещены плевательницы’ (Н. Икстена); *Viņas šķībacainā meteinīte sēdēja* ***uz palodzes****, strēba biešu zupu un labprāt aicināja iekšā dzīvoklī* (N. Ikstena). – ‘Ее раскосая девчонка сидела **на подоконнике**, прихлебывала свекольный суп и радостно

приглашала в квартиру' (Н. Икстена); *Paņem zariņu vai lapu no katra auga un noliec* ***uz galda*** (Интернет). – 'Возьми веточку или лист от каждого растения и положи **на стол**'; *Sagriez 3 citronus un noliec* ***uz nakts skapīša*** *pie gultas* (Интернет). – 'Разрежьте 3 лимона и положите **на тумбочку** у кровати; *Dīvāns ir par šauru, pacel viņas labo kāju un noliec* ***uz dīvāna atzveltnes*** (G. Berelis). – 'Диван узкий, подними правую ногу и положи **на спинку дивана**' (Г. Берелис).

Аналогичную стратегию при выражении динамических и статических отношений в ситуации конкретной сопространственности выбирает и английский язык. В английском языке, также как и в латышском языке, в этом фрагменте пространственных отношений отсутствует оппозиция «динамика – статика», и, следовательно, эти отношения между объектом и локумом не грамматикализованы. И статические, и динамические отношения выражаются с помощью предлога ***on*** 'на'. Ср.: *Pam beamed as she set the box down* ***on the table*** [BYU-BNC]. – 'Пэм просияла, когда поставила коробку **на стол**'; *A stack of unremarkable books sat* ***on the table*** [BYU-BNC]. – 'Стопка непримечательных книг лежала **на столе**'. При этом в рамках общей сопространственности, когда объект находится в пределах локума, оппозиция «динамика – статика» является грамматикализованной. Ср.: *I could change my ticket, go* ***to New York*** *a week early* [BYU-BNC]. – 'Я бы мог поменять билет, поехать в Нью-Йорк на неделю раньше'; *Those of us who've lived* ***in New York*** *for 30 years know who and what Donald Trump is* [BYU-BNC]. – 'Те из нас, кто жил **в Нью-Йорке** 30 лет, знают, кто такой Дональд Трамп'.

Таким образом, анализ языкового материала позволяет говорить о том, что система пространственных значений русского и латышского языков имеет как сходства, так и существенные содержательные и структурные отличия: исследование выявило как идентичные фрагменты системы, так и фрагменты системы, которые устроены по-разному. Так, устройство системы значений общей сопространственности в латышском языке имеет много общего с аналогичным фрагментом пространственных отношений русского языка. А ситуация конкретной сопространственности при статическом характере отношений между объектом и локумом имеет в латышском языке более сложное устройство, при ее описании учитывается большее число пространственных параметров, и следовательно, выявляется большее число оппозиций. Напротив, другие фрагменты системы конкретной сопространственности устроены в латышском языке проще, например, в рамках конкретной сопространственности отсутствует оппозиция по основанию «динамика – статика». Выделение одинакового набора оппозиций для определенных фрагментов системы в обоих языках тем не менее не позволяет говорить о полной симметрии. Так, например, несмотря на наличие в обоих языках оппозиции по основанию «объем –

внешняя поверхность» исследование показало, что эта оппозиция несимметрична в русском и латышском языках, а именно: существует ряд ситуаций, которые русский язык относит к ситуациям нахождения на поверхности, а латышский язык – к ситуациям нахождения внутри объема. Таким образом, анализ языкового материала позволяет сделать некоторые предварительные выводы о том, каким образом происходит освоение пространства в русском и латышском языках, позволяя тем самым приблизиться к пониманию языковой картины мира.

Литература / References

1. *Андронов А.В.* Очерки по практической грамматике: Материалы к курсу латышского языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010.
2. *Бернштейн С.Б.* Сравнительная грамматика славянских языков. М.: Изд-во Моск. ун-та, Изд-во «Наука», 2005.
3. *Бондарко А.В.* Грамматическая категория и контекст. Л.: Изд-во «Наука», 1971.
4. *Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Изд-во «Русский язык», 1982.
5. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
6. *Ганенков Д.С.* Контактные локализации в нахско-дагестанских языках и их типологические параллели: Дис. … канд. филол. наук. М., 2005.
7. *Кибрик А.Е.* К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 110–156.
8. *Крейдлин Г.Е.* Метафора семантических пространств и значений предлога *среди* // Вопросы языкознания. 1994, № 5. С. 166–181.
9. *Мазурова Ю.В.* Типология средств выражения пространственной локализации: вертикальная ось: Автореферат дис. … кандидата филологических наук. М., 2007.
10. *Селиверстова О. Н.* Семантическая структура предлога «на» // Исследования по семантике предлогов / под ред. Пайар Д., Селиверстова О. Н. М.: Русские словари, 2000. С. 189–242
11. *Семенова М.Ф.* Сопоставительная грамматика русского и латышского языков. Рига: Звайгзне, 1966.
12. *Талми Л.* Отношение грамматики к познанию // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999, № 1. С. 100–102.
13. *Щенникова Н.В.* Сопоставительная характеристика предлогов «на» и «за» в болгарском и русском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011, № 4. С. 72–77.
14. *Эндзелин Я.* Латышские предлоги, часть 1. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1905.
15. *Эндзелин Я.* Латышские предлоги, часть 2. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1906.
16. *Bowerman M., Pederson E.* Topological relations picture series // Space stimuli kit 1.2 / Ed. Stephen C. Levinson. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, 1992.
17. *Bowerman M.* Learning how to structure space for language: A crosslinguistic perspective // Language and space. Cambridge: MIT press, 1996. P. 385–436.
18. *Grabis R.* Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika 1: Morfoloģija. Rīga: LPSR Zinātņu akadēmijas izdevniecība, 1959.
19. *Herskovits A.* Language and Spatial Cognition. An Interdisciplinary Study of the Prepositions in English. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986.
20. *Levinson S.* Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
21. *Mathiassen T.* A Short Grammar of Latvian. Bloomington: Slavica Publishers, 1997.

22. *Mathiassen T.* A Short Grammar of Lithuanian. Bloomington: Slavica Publishers, 1996.
23. *Nītiņa D.* Prievārdu sistēma latviešu rakstu valodā. Rīga: Izdevniecība "Zinātne", 1978.
24. *Nītiņa D.* Ne tikai gramatika. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2014.
25. *Talmy L.* How Language Structures Space // Spatial Orientation. Theory, Research and Application. NY: Plenum, 1983. P. 225–281.

Словари и корпусы

1. НКРЯ – национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс.] URL: http://www.ruscorpora.ru/ Дата последнего обращения – 05.01.2018.
2. BYU-BNC – Brigham Young University – British National Corpus. [Электронный ресурс.] URL: https://corpus.byu.edu/ Дата последнего обращения – 30.12.2017.
3. LVV 2006 – Latviešu valodas vārdnīca. Rīga: Avots, 2006.
4. MLLVG 1959 – Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. I. Fonētika un morfoloģija. Rīga: Latvijas PSR ZA Izdevniecība, 1959.
5. LVG 2013 – Latviešu valodas gramatika. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2013.
6. LNB – оцифрованный корпус периодических изданий Латвийской национальной библиотеки. [Электронный ресурс.] URL: http://www.periodika.lv/ Дата последнего обращения – 22.12.2017.

DOI 10.29003/M159.LMC2018-60/278-289

ЗНАНИЯ О ЯЗЫКЕ И КОММУНИКАЦИИ В АСПЕКТЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАММАТИКИ

А.Л. Шарандин

KNOWLEDGE ABOUT LANGUAGE AND COMMUNICATION FROM THE POINT OF VIEW OF COMMUNICATIVE GRAMMAR

A.L. Sharandin

ABSTRACT:
The article is devoted to the problem of language and communication interrelations as a functional basis for representing language knowledge. The aim is to demonstrate the affinity of the cognitive communicative-discursive form generation approach to the functional-communicative grammar theory being developed in M.V. Vsevolodova's scientific school. Qualitative-predicative words and their conceptual substance are analyzed. Qualitative predicatives are presented as a specific category of independent part of speech with reference to relative adjectives. Communicative-discursive forms with a specific quality features are singled out and described. They are seen as syntagmatic forms of communicative-discursive type but not as independent lexemes. Representation category is considered as a special type of functional-communicative categories. These forms used by the speaker indicate the speaker's knowledge of the language and about the language.

Keywords: language, communication, knowledge, cognitive communicative-discursive forms, qualitative adjectives, representation category, functional-communicative grammar.

АННОТАЦИЯ
В статье рассматривается взаимосвязь знаний языка и о языке с их реализацией в коммуникативном процессе. Коммуникация как функциональная база для образования когнитивных коммуникативно-дискурсивных форм лексемы позволяет рассматривать эти формы в качестве членов категории репрезентации, которая демонстрирует степень полноты и яркости представления в речи частеречного значения. В статье с данных позиций анализируются качественные прилагательные, статус которых, в отличие от традиции, определен как статус самостоятельной части речи, а не как лексико-грамматического разряда прилагательного. Для этого используются специальные термины – качественно-предикативные слова или качественный предикатив. В результате выделены и описаны когнитивные коммуникативно-дискурсивные формы этой части речи, их концептуальное содержание и синтаксические основы для их формирования и функционирования. В качестве лексико-морфологического механизма их формирования выступает взаимодействие частей речи в коммуникативном процессе. Функционирование

данных форм в речи носителей языка свидетельствует о знании ими языка и знании о языке, на что, по существу, и ориентирует функционально-коммуникативная грамматика. В обучении РКИ это позволяет реализовать данные подходы в их единстве как отражающие лингвокреативную деятельность человека в зависимости от его коммуникативных целей.

Ключевые слова: язык; коммуникация; знание; когнитивные коммуникативно-дискурсивные формы; качественные прилагательные; категория репрезентации; функционально-коммуникативная грамматика

Понятие знания является центральным и фундаментальным понятием, определяющим сущность изучения языка как в его уровневом представлении, так и в антропоцентрическом, сменившим системоцентрический подход к описанию языка. Однако свою исследовательскую значимость понятие знания получило в рамках последнего, поскольку антропоцентризм как основной принцип описания языка в наибольшей степени оказался сориентированным на знание как результат когнитивной деятельности человека. Ее важнейшим итогом оказывается формирование системы знаний о познаваемом мире, обеспечивающих понимание людей в общении и представленных, прежде всего, словом. Именно оно обусловливает концепту (прежде всего его понятийному типу) доступность для оперирования им в процессе общения. Именно слово определяет ментальный лексикон человека, репрезентированный в словаре того или иного языка. Именно слово оказывается той языковой единицей, которая определяет специфику человеческого общения, в отличие от коммуникации животных, поскольку животные не располагают механизмом сжатия информации о действительности в рамках второй сигнальной системы, которая у них отсутствует.

В результате на первый план выдвигается изучение языковых способностей носителя языка, его знаний, зафиксированных в слове и обусловливающих социально-культурные и коммуникативно-дискурсивные компетенции человека. Произошло важнейшее переключение внимания исследователей со статических результатов структурно-семантического (системно-структурного) описания языка на результаты, которые являются следствием динамического описания языковых процессов, в большей степени сориентированных на функциональные и деятельностные возможности носителя языка.

В отношении взаимосвязи знаний и языка важно отметить, что языковая «функция репрезентирования генетически и функционально неотделима от функции коммуникации» [Краткий словарь… 1996: 52]. **Знание** – это та информация, которая **коммуникативно значима**, поскольку знания человека сформировались на основе дискурсивной практики и текстовой информации о том или ином предмете, явлении или событии.

Вследствие этого знание оказывается результатом взаимодействия разных процессов, определяемых сознанием, семиотикой, языком, коммуникацией и прагматикой. В результате оно предстает в виде определенной структуры [Шарандин 2015]. Именно как структурированное знание, в той или иной степени отражающее взаимосвязь названных областей, оно включено нами в следующее определение слова. **Слово** – это лексический репрезентант концепта, чаще всего понятийного типа, который имеет звуковую оболочку, является синтагматическим членом высказывания и предстает в той или иной морфологической форме. Совокупность названных параметров образует языковую репрезентативную и прагматическую парадигму слова. **Слово** – это лексический репрезентант концепта, чаще всего понятийного типа, который имеет звуковую оболочку, является синтагматическим членом высказывания и предстает в той или иной морфологической форме, совокупность которых образует его языковую репрезентативную и прагматическую парадигму.

По мнению Ю.Н. Караулова и Ю.Н. Филипповича, в «Языке как реальности» можно выделить: а) **знание языка**, т. е. знание, связанное с владением языком его носителем; б) **знание о языке**, т. е. совокупность лингвистических познаний носителя, в том числе терминологии. Эти знания обязательно присутствуют в том или ином объеме в сознании носителя языка, являясь необходимой предпосылкой самого владения языком; в) **знание в языке** – это знание о мире в языке, т. е. отражение в языке других реальностей – действительной и виртуальной, которые оказываются интегрированными в специфическую языковую форму [Караулов, Филиппович 2009: 229].

Указанные знания явились результатом изучения языка как специфического объекта действительности. На первоначальном этапе, когда язык еще не выделился в самостоятельный объект изучения и описания, в обыденном (практическом) сознании носителей языка присутствовали **знания языка**, сформировавшиеся в результате владения им как средством человеческого общения. **Знания о языке** явились результатом уже научного познания языка, когда язык стал рассматриваться как самостоятельный объект действительности. Познание этого объекта позволяет выделять языковые концепты, репрезентированные теми или иными средствами. Именно это и характеризует язык как «исключительно сложное явление действительности, и хотя им практически овладевают еще в раннем детстве, осознание этого явления в целом и в деталях…представляет весьма значительные трудности» [Распопов 1977: 4**]. Знания о мире в языке** – это, скорее всего, уже результат антропоцентрического изучения языка, когда сами коммуникация и сознание погружаются в структуры языка, становятся концептуальным пространством, в котором разверты-

ваются те или иные языковые формы, имеющие ментальную и дискурсивную основу. Как отмечала Е.С. Кубрякова, «сегодня в не меньшей степени акт номинации зависим и от коммуникативных факторов, т. е. от того, в какой роли мыслится его результат как единица дискурса» [Кубрякова 2004: 63].

Именно ***включение в коммуникацию***, представленную уже речемыслительными единицами (разного типа высказываниями), позволяет слову в качестве номинативного знака реализовать свои функциональные речевые возможности, *изменить* ***статус знака вообще*** *(семиотический статус)* ***на статус речевого знака*** *как единицы общения*. И это изменение статуса слова сопровождается **соотносительностью языковой формы и значения**, т. е. слово становится единицей языка как коммуникативной знаковой системы, где слово предстает в виде определенного дискурсивного (морфолого-синтаксического) образования.

На этом основании получила развитие функционально-коммуникативная грамматика с ее ориентацией на прикладной статус [Шарандин 2013б]. По мнению М.В. Всеволодовой, ***функционально-коммуникативная грамматика (ФКГ)*** − это не особое направление, а **особый аспект**, который имеет «прикладной характер» и ориентирован на владение языком, т. е. это «**грамматика речи**» [Всеволодова 2000: 3]. **Целью ФКГ** является описание объективных и субъективных речевых смыслов и совокупности средств их выражения вне зависимости от уровня этих средств на основе языковых механизмов, определяющих адекватное потребностям коммуникантов функционирование в речи данных языковых средств [Там же: 3].

Таким образом, **в ФКГ**, представленной в работах М.В. Всеволодовой синтаксисом, центральной единицей, соотносимой со словом как языковой единицей, является **синтаксема**. Данное понятие «включает не только морфологическую форму, но и лексику, ее образующую» и «может быть обращено не к конкретному слову (словоформе – А.Ш.), а к классу слов», а также занимает определенные позиции в синтаксических построениях [Там же: 159]. Это в определенном смысле согласуется с точкой зрения А.А. Потебни, который считал, что «каждая форма на своем месте. Каждая соответствует определенным требованиям мысли говорящего, разумеется, если предположить в нем знание своего языка» [Потебня 1977: 112]. Как отмечает Ю.В. Копров, развивающий идеи семантико-функционального направления в обучении РКИ, «в процессе коммуникации говорящий всегда стоит перед проблемой выбора той вариантной единицы, которая более всего соответствует как его речевой интенции, так и ситуации общения» [Копров 2010: 221]. Взаимосвязь и единство морфологии и синтаксиса в рамках грамматики, по мнению

Н.А. Кобриной, «дает основание для рассмотрения в морфологии синтаксического потенциала слов всех категориальных классов» [Кобрина и др. 2007: 9].

При этом важно отметить, что включение слова в состав высказывания на правах того или иного его члена не делает слово коммуникативной единицей. Оно остается номинативной единицей, а не единицей сообщения. Однако его участие в сообщении позволяет отразить динамический характер человеческого сознания, которое в этом случае способно представить объективную действительность в виде взаимосвязанных и взаимодействующих денотатов тех или иных предметов и явлений действительности, репрезентированных в содержании слов. Это, в конечном счете, позволяет успешно решать те или иные коммуникативные задачи, добиваться определенных коммуникативных целей. Поэтому сочетаемость слов и их употребление в определенных синтаксических позициях оказывается важнейшим показателем структурирования мысли и шире – текстообразования, в результате чего образуется законченная и самостоятельная в смысловом и структурном отношении единица общения – высказывание-предложение. В его составе номинативные единицы предстают в виде когнитивных коммуникативно-дискурсивных форм слова-лексемы. Существование и функционирование этих форм обусловлено концептуализацией и категоризацией не только мира в языке и языка как специфической части этого мира, но и **коммуникативного процесса**, в котором часть речи может иметь как бы своих представителей (репрезентантов) для выполнения определенных коммуникативных задач.

Коммуникация, будучи социально-культурной средой функционирования языка, становится **самостоятельным объектом изучения** и описания подобно тому, как на определенном этапе развития лингвистики язык стал рассматриваться не только как орудие (средство) общения, но и как специфический объект действительности, как самостоятельная знаковая коммуникативная система, которая подлежала познанию. В этом смысле и правомерно употребление понятия «когнитивные коммуникативно-дискурсивные формы слова», которое отражает диалектическое единство сознания, семиотики, языка и речи.

Когнитивные коммуникативно-дискурсивные формы лексемы – это структуры словесного типа, которые объединены общностью лексического значения в различных синтагматических позициях в составе высказывания и предстают в них в той или иной морфологической форме. Различия между ними определяются когнитивными и коммуникативными целями говорящего, что приводит к созданию различных высказываний, в которых лексема реализует разные в плане концептуальной структуры образования, но имеющие и репрезентирующие одно и то же концептуальное (лексическое) содержание [Шарандин 2016].

В связи с этим возможно выделение категории репрезентации, представленной **системой когнитивных коммуникативно-дискурсивных форм той или иной части речи.** Так, например, ***русский глагол*** включает следующие образования: *личные, безличные, императив, инфинитив, статив, причастие, деепричастие, девербатив* [Шарандин 2009]. В результате мы имеем определенную **шкалу глагольности**, которая отражает восприятие в нашем сознании концепта ПРОЦЕСС, репрезентированного определенной глагольной формой. Эта шкала глагольности отражает коммуникативное текстообразование, присущее обыденному сознанию, т. е. когниции, связанной с коммуникативной функцией, которая сориентирована на линейную структуру высказывания или текста.

В принципе, категория репрезентации той или иной части речи может определяться как **особый вид функционально-коммуникативных категорий** языкового типа. Наличие категории репрезентации, представленной когнитивными коммуникативно-дискурсивными формами, позволяет видеть в них синтагматические формы функционально-коммуникативного типа, а не самостоятельные лексемы. Это значит, что данные репрезентанты не участвуют в лексической классификации слов, а обслуживают, структурируют концептуальное содержание той лексемы, с которой они связаны лексически, обнаруживая в коммуникации реализацию частеречного значения с той или иной степенью полноты и яркости – от прототипического его представления в основной синтаксической позиции до реализации его в неосновных синтаксических позициях.

В рамках настоящей статьи мы представляем **категорию репрезентации прилагательного,** сориентированную на реализацию ее в ФКГ. При этом необходим комментарий относительно статуса прилагательного в наших работах, отличного от позиции традиционной грамматики. Мы не рассматриваем прилагательное как единую часть речи, а считаем, что под термином «прилагательное» объединены две разных части речи – качественно-предикативные слова и относительно-атрибутивные слова, которые в традиционной грамматике рассматриваются как два разных лексико-грамматических разряда одной части речи – качественные и относительные прилагательные [Шарандин 2013а].

Как замечает М.В. Панов, «это – два разных прилагательных мира» [Панов 1999: 132]. Для относительных прилагательных действительно атрибутивное значение основное, а у качественных прилагательных достаточно активно представлена и предикативная функция. И вопрос о том, какая из функций – определительная или предикативная – является основной, оказывается спорным. Само название прилагательных как качественных определяет своеобразие их признакового значения: они обозначают качественный признак. Немаловажно и то, что данный признак (качество) объективировался в морфологической категории «степени

сравнения» и в синтаксической способности качественных прилагательных иметь полную и краткую формы. Причем, полная форма предполагает функционирование качественного прилагательного в функции определения (атрибута) и предиката, а краткая форма в функции предиката, т. е. позиция предиката оказывается по существу основной. При этом в позиции предиката полная форма имеет только две падежные формы – именительного падежа (ср.: *мой брат был слепой*) и творительного падежа (*мой брат был слепым*), синонимичных по своему содержанию.

В настоящее время мы находим работы, где выявляется неоднородность слов, объединенных термином «прилагательное». Так, на основе семантических и функциональных характеристик Е.М. Вольф выделяет качественные прилагательные как чистые предикаты [Вольф 1976]. Что же касается грамматического своеобразия кратких форм, то оно было давно отмечено в русской грамматике. Так, уже А.Х. Востоков относил краткие прилагательные к словам спрягаемым [Востоков 1859: 38]. Его точка зрения была поддержана А.А. Шахматовым [Шахматов 1941: 176–177], который включил краткие прилагательные в систему глагола. Он приписывал им значения категорий лица, времени и говорил о спряжении этих прилагательных. Мысли об обособлении кратких форм от полных придерживался и В.В. Виноградов. Он писал: «Краткие формы обозначают качественное состояние, протекающее или возникающее во времени; полные – признак, мыслимый вне времени, но в данном контексте отнесенный к определенному времени» [Виноградов 1972: 214].

На наш взгляд, учитывая развитие противопоставления полных и кратких форм по отношению к разным синтаксическим позициям и все большее стирание смысловых различий между полными и краткими формами в предикативной позиции, целесообразно видеть в них не морфологические формы одной грамматической категории, а *формы репрезентации* абстрактной лексической семантики качества в разных синтаксических позициях. В качестве основной синтаксической позиции выступает позиция предиката, поскольку в ней могут употребляться и полные прилагательные, и краткие прилагательные. Поэтому их можно было бы объединить общим термином «качественно-предикативные слова» (В.Г. Руделев) или «качественный предикатив». Термины «прилагательное» или «относительный атрибутив» могут быть оставлены относительным прилагательным.

Признание за качественно-предикативными словами и относительно-атрибутивными словами статуса двух самостоятельных частей речи, объединяемых ранее термином «имя прилагательное», влечет за собой рассмотрение проблемы репрезентации их частеречной семантики в тех или иных формах [Шарандин 2010].

В функциональном аспекте качественное слово оказалось полифункциональным: может занимать позицию как предикативного (качественный предикатив), так и непредикативного члена предложения (качественный атрибутив). Что же касается содержательной стороны, то, попадая в ту или иную синтаксическую позицию, качественное слово «наследует» ее синтаксическое содержание: в позиции предиката полная форма качественного прилагательного обозначает постоянное **качественное состояние**, а в позиции определения – постоянный **качественный признак**. В.В. Виноградов писал: «Полные прилагательные даже в предикативном употреблении обозначают, что признак в предмете пребывает постоянно, что существование признака охватывает весь период бытия предмета. Напротив, краткие прилагательные выражают, что признак в предмете пребывает непостоянно, является временным его состоянием» [Виноградов 1972: 219–220]. Ср.: *мой брат болен* и *мой брат больной*. Что же касается относительного признака, представленного относительным прилагательным, то для них основная синтаксическая функция связана с позицией определения (атрибута).

Рассмотрение полных форм качественных прилагательных (в традиционном понимании) вполне согласуется с иерархическими взаимоотношениями качественно-предикативных слов и собственно прилагательного (относительно-атрибутивных слов), признанных нами в качестве самостоятельных частей речи. В результате их взаимодействия качественно-предикативное слово, будучи маркированным и попадая в неосновную для себя синтаксическую позицию определения, теряет предикативные признаки и смешивается с относительно-атрибутивными словами, выступая в качестве атрибута предмета, реализуя в этом случае отражательные категории собственно прилагательного – категории падежа, рода и числа. Другими словами, качественный атрибутив – это особые формы качественно-предикативных слов, их репрезентанты в синтаксической позиции определения (атрибута).

В связи с предикативными формами особого комментария требует объективация адъективного признака в высказываниях (предложениях) типа *На улице тихо*. В них отсутствует его приписывание субъекту в связи с отсутствием субъектной позиции. И тем не менее адъективный признак оказывается самодостаточным, концептуально полноценным для описания событийной, как правило, статальной ситуации. В грамматическом аспекте безличные формы характеризуются отсутствием изменяемости по лицам, родам и числам, что и позволяет определять их как безличные. В то же время присутствует изменяемость по временам и наклонениям (изъявительное, условное), выраженная формой «быть». Это не исключает квалификации безличных форм как спрягаемых (в широком смысле). Ср.: *На улице тихо – На улице было тихо – На улице было бы тихо.*

Что же касается высказываний типа *Сегодня мне весело* (ср.: *Сегодня я веселый*), то в них качественное состояние оказывается присущим субъекту в отличие от высказываний типа *На улице тихо*. Но субъект представлен косвенными формами местоимений и существительных. Это, на наш взгляд, связано со смещением концептуального фокуса с субъекта на предикат. Данная особенность концептуализации ситуации в них коррелирует с рассмотрением субъектности / бессубъектности в высказываниях с глагольным предикативным признаком. Ср.: *Мне нездоровится* и *Светает*.

Итак, можно говорить о различных репрезентантах категориального адъективного признака, представленного качественно-предикативным словом. **Предикативные формы** подразделяются на ***личные формы*** и ***безличные формы***. Будучи предикативными, эти формы концептуализируют качественность прежде всего в модально-временном аспекте. **Прототипическими** для выражения качественности являются **личные формы** типа «*быть добрым*», в которых модально-временные отношения сопряжены с их субъектностью.

Состав непредикативных форм качественно-предикативных слов также неоднороден. Он включает такие образования, как **качественный атрибутив, качественный адвербатив** (наречные формы) и **деадъектив** (субстантивные формы), которые обнаруживают различную степень проявления качественного признака в связи с его «дефокусированием», под которым понимается «мыслительный процесс на выведение из фокуса внимания определенных свойств объектов или ситуаций» [Ирисханова 2007: 72].

Среди непредикативных форм, конечно, наиболее ярким оказывается противопоставление, с одной стороны, наречных форм, которые чаще всего квалифицируются как качественные наречия, а с другой – деадъектива. В первых (типа *Он говорил об этом тихо*) лексическая тождественность с качественным прилагательным поддерживается грамматическим значением категории степеней сравнения (*Он говорил тише, чем обычно*). Но только в качестве второго фокуса восприятия выступает не атрибутивность по отношению к предмету, а атрибутивность по отношению к другому признаку – глагольному, что создает эффект двойной признаковости («признак признака»). Объяснение этому мы находим в синтаксическом функционировании атрибутивной формы в позиции обстоятельства, которая, как известно, является первичною для наречия. Вследствие этого форма проявления лексической семантики прилагательного оказывается специфичной: наречная форма качества теряет флективную изменяемость. Таким образом, если у носителя языка в коммуникативном процессе возникает необходимость обозначить адъективный качественный признак как второстепенный по отношению к предикату, выражающему глагольный признак, то для этого необходимо «развести» данные

признаки по разным синтаксическим позициям, в частности, «дополнить» позицию предиката позицией обстоятельства. Наличие у качественно-предикативного слова особой наречной формы в коммуникативно-дискурсивном акте обусловило функционирование качественно-предикативного слова в обстоятельственной позиции. Это позволило реализовать в высказывании дополнительный атрибутивный признак и тем самым связать обстоятельственный атрибутивный признак с предикативным признаком. Другими словами, наличие наречной формы обеспечивает в концептуальном плане особый фокус восприятия качественных отношений, детализируя способ или обстоятельства проявления глагольного признака безотносительно к выявлению временных (соотносительных) отношений.

Как отмечалось выше, в состав непредикативных (особых) форм качественно-предикативных слов мы включаем **деадъектив** (субстантивную форму). В этом случае, признавая деадъектив субстантивной формой прилагательного (по традиционной терминологии), мы также должны увидеть ту концептуальную картину, объективированию которой служит деадъектив, осмыслить тот концепт, который участвует в категоризации действительности посредством деадъективной формы. На наш взгляд, деадъектив дает возможность почти в полном объеме снять модально-временные характеристики значения качественно-предикативных слов, то есть представить ситуацию как нечто застывшее, как снимок, запечатленный в сознании. Такая ситуация, лишенная модально-временного и динамического характера, оказывается основой для дальнейшего предицирования, основой последующего рассказа о ней как бы уже на правах участника – предмета мысли, в роли которого выступает качественный признак. Например: *А если это так, то что есть* ***красота*** */ И почему ее обожествляют люди? / Сосуд она, в котором пустота, / Или огонь, мерцающий в сосуде?* (Н. Заболоцкий).

Итак, деадъектив как субстантивная форма качественно-предикативного слова объективирует в сознании качественный адъективный признак безотносительно к модально-временным и компаративным его проявлениям и представляет это в форме существительного**.** Посредством субстантивных форм реализуется качественный признак, лишенный всякой динамичности. Ср.: *Тишина. На улице ни души*.

Таким образом, **прототипическими** формами качественно-предикативных слов **в классе непредикативных форм** являются **качественно-атрибутивные формы** (**качественные атрибутивы**), которые воспринимаются как «лучший образец» представления в нашем сознании качественности, поскольку в этом случае качество осмысливается как некий постоянный признак, принадлежащий предмету (субъекту) безотносительно к

категории состояния. В языковом сознании данное восприятие выразилось в отражательных (согласовательных) словоизменительных категориях падежа, рода и числа. **Наречные формы (качественные адвербативы),** в отличие от качественных атрибутивов, реализуют атрибутивные отношения не с предметом, а с предикатом и имеют морфологическую поддержку со стороны словоизменительной категории степеней сравнения. На **периферии** непредикативных форм оказались **деадъективные (субстантивные) формы**, для которых грамматическая (морфологическая) поддержка в реализации лексической семантики глагола минимальная, нулевая. И лишь отсутствие в модели мотивации лексического компонента предметного характера определяет их статус как форм слова (ср. определения в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова слов *добрый* и *доброта*).

Итак, на наш взгляд, качественно-предикативные слова как класс слов, выступающий в качестве самостоятельной части речи, обнаруживают достаточно большое количество и разнообразие особых форм (репрезентантов), являющихся результатом взаимодействия этого класса с другими частями речи в коммуникативном процессе (тексте, дискурсе). Объединение их в одну парадигму форм коммуникативной категории репрезентации, наряду с собственно морфологическими парадигмами грамматических категорий, дает возможность использовать ее в качестве характеризующего признака части речи, в качестве категории-параметра. Существование и функционирование этих форм – это способ и форма категоризации коммуникативного процесса, в котором часть речи может иметь как бы своих представителей (репрезентантов) для выполнения определенных когнитивно-коммуникативных задач.

Личные предикативные формы являются прототипическими в системе качественно-предикативных слов и позволяют описать концептуальное пространство, представленное актуализированным признаком, который может быть охарактеризован как временное или постоянное качественное состояние, присущее предмету (субъекту). **Собственно безличные предикативные формы** позволяют описать актуализированное качественное состояние безотносительно к предмету (субъекту). **Атрибутивные непредикативные формы** объективируют неактуализированный качественный признак, определяющий предмет (субъект) в его единстве с данным признаком. **Адвербиальные (наречные) формы** являются средством объективации динамического качественного признака, определяющего способы и обстоятельства проявления процессуального признака, присущего предикату-глаголу. **Субстантивные формы**, занимая периферийное положение в системе особых форм качественно-предикативных слов, позволяют описать качественный признак как предмет (субъект) мысли, относительно которого возможно дальнейшее предицирование с целью развертывания текстовой структуры.

В этом случае коммуникация как речевая деятельность оказывается областью жизнедеятельности человека, которая обеспечивает реализацию тех или иных форм слова, отражающих лингвокреативную деятельность человека в зависимости от его коммуникативных целей. Именно **коммуникация является функциональной базой для создания синтаксических форм**, наличие которых в речи носителей языка свидетельствует о знании ими языка и о языке. Именно на это по существу и ориентирует ФКГ.

Литература / References

1. *Виноградов В.В.* Русский язык. М.: Высшая школа, 1972.
2. *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика прилагательного. М.: Наука, 1976.
3. *Востоков А.Х.* Русская грамматика. СПб.: Типография Императорской Академии, 1859.
4. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
5. *Ирисханова О.К.* Концептуальный анализ и процессы дефокусирования // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М.–Калуга: Изд-во «Эйдос», 2007. С. 69–80.
6. *Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М.: Азбуковник, 2009.
7. *Кобрина Н.А., Болдырев Н.Н., Худяков А.А.* Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 2007.
8. *Копров Ю.В*. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010.
9. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.
10. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М: Школа «Языки славянской культуры», 2004.
11. *Панов М.В.* Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999.
12. *Потебня А.А*. Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1977. Т. 4. Вып. 2.
13. *Распопов И.П.* О преемственности в преподавании русского языка в школе и вузе // Школьная и научная грамматика. Воронеж: ВГУ, 1977. С. 3–8.
14. *Шарандин А.Л.* Когнитивно-дискурсивные формы качественно-предикативных слов // Язык. Текст. Дискурс.: Научный альманах. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. Вып. 8. С. 427–443.
15. *Шарандин А.Л.* Лексическая грамматика и функционально-коммуникативная грамматика в аспекте их соотношения // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 47. С. 558-570. (2013б)
16. *Шарандин А.Л.* Прилагательное как частеречный репрезентант концепта ПРИЗНАК // Когнитивные исследования языка. М.–Тамбов: ИЯ РАН, ТГУ, 2013. Вып.14. С. 137–143. (2013а)
17. *Шарандин А.Л.* Русский глагол: комплексное описание. Тамбов: Изд-во Першина, 2009.
18. *Шарандин А.Л.* Сознание, семиотика, язык, коммуникация и прагматика как единое концептуальное пространство // Вопросы психолингвистики. 2015,. № 3 (25). С. 240–250.
19. *Шарандин А.Л.*Теория лексической грамматики в аспекте семантико-функционального подхода // Семантико-функциональная грамматика в лингвистике и лингводидактике. Воронеж: Изд-во «Наука-Юнипресс», 2016. С. 165–175.
20. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. М.: Учпедгиз РСФСР, 1941.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА МАЙИ ВЛАДИМИРОВНЫ ВСЕВОЛОДОВОЙ

1. Работа над причастиями, страдательными, безличными и неопределенно-личными конструкциями при изучении русского языка в польских группах // Русский язык для студентов-иностранцев. Сб. методических статей. Русский язык для студентов-иностранцев. М.: «Сов. наука», 1955.
2. Изучение некоторых глагольных приставок в польской школе // Język rosyjski. 1958, № 1.
3. Изучение темы «причастие» в польской школе // Język rosyjski. 1958, № 2.
4. Сочетание грамматической и лексической работы при изучении прилагательных // Jezyk rosyjski. 1958, №№ 2, 5.
5. Цикл уроков // Mozaika. 1958, №№ 11, 12; 1959, №№ 1, 2, 3, 4, 7, 8.
6. Рец.: «Основы обучения русскому языку». (Методика). Учебник Владимира Галэцкого для высших учебных заведений // Русский язык в национальной школе. 1959, № 1.
7. В соавторстве с Е.Г. Баш, Н.К. Венедиктовой, И.В, Толстой, Л.И. Шведовой. Беспредложное и предложное управление. Сб. упражнений для иностранцев // Jezyk rosyjski. 1958, № 2; М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959
8. В соавторстве с Л.П. Яцковской. Программа по русскому языку для студентов и аспирантов-поляков (с методическими указаниями). М.: «Высшая школа». 1959.
9. Из опыта работы над грамматическим родом имен существительных в немецких группах. (Интернациональная лексика) // Русский язык для студентов-иностранцев. Сб. метод. статей. М.: «Сов. наука». 1959.
10. Некоторые замечания об изучении беспредложного и предложного управления на уроках русского языка в польской аудитории // Jezyk rosyjski. 1959, № 3.
11. Некоторые случаи употребления синтаксических конструкций, обозначающих время, в русском и польском языках // Jezyk rosyjski. 1959, №№ 1, 2.
12. Русские предложные конструкции, обозначающие причину // Język rosyjski. 1959, № 5.
13. Фонетические упражнения по русскому языку для поляков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960.

14. Некоторые наблюдения над беспредложными и предложными конструкциями // Русский язык для студентов-иностранцев. Сб. материалов II Международного семинара преподавателей рус. яз. вузов соц. стран. М.: 1961.
15. Некоторые замечания о методах анализа беспредложных и предложных конструкций // Очерки по методике преподавания русского языка. Вып. I. М.: Изд-во УДН им. П. Лумумбы, 1962.
16. В соавторстве с Л.П. Юдиной. Учебник русского языка для поляков (1-й год обучения). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963.
17. Временные конструкции с частицей «со» и с местоимением «każdy» в современном польском языке // Научн. доклады высш. школы. филол. науки. 1963, № 4.
18. Синонимика некоторых временных конструкций в современном польском языке // Славянская филология. Сб. статей. Вып. 5. М., Изд-во Моск. ун-та, 1963.
19. В соавторстве с И.Р. Палта (отв. редактор и др.). Ред.: В помощь преподавателям русского языка иностранцам. Вып. 1. (МГУ. Метод. бюро по рус. яз. для иностранцев). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964.
20. В соавторстве с И.Р. Палта (отв. редактор и др.) Ред.: В помощь преподавателям русского языка иностранцам. Вып. 2. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964.
21. Употребление полных и кратких форм прилагательных. Статья 1 // В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965.
22. В авторстве с И.Р. Палта (отв. редактор). Ред.: В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. 149 с.
23. В соавторстве с И.Р. Палта (отв. редактор). Ред.: В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965.
24. Составитель И.М. Сидоренко. Ред.: Выражения причины и следствия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965.
25. Временные конструкции современного польского языка. Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1966.
26. Употребление глаголов «учить», «учиться», «заниматься», «изучать». 22. Język rosyjski. 1966, № 5.
27. Употребление полных и кратких прилагательных в функции предикатива при нулевой связке. Статья 2 // В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. В. 1.

28. В соавторстве с И.Р. Палта (отв. редактор). Ред.: В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. В. 1.
29. В соавторстве с И.Р. Палта (отв. редактор) Ред.: В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. В. 2.
30. Интонационные конструкции русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. № 1.
31. Synonimiczne konstrukcje temporalne w jezyku polskim // Poradnik jezykowy. 1967, zeszyt 10 s.
32. В соавторстве с И.Р. Палта (отв. редактор) Ред.: В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967.
33. В соавторстве с З.Г. Паршуковой. Способы выражения пространственных отношений (составитель и отв. ред.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968.
34. В соавторстве с Л.Н. Спиридоновой. Употребление полных и кратких прилагательных. (Сб. упражнений). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968.
35. Рец.: P. Nomanczuk. Aktualne zagadnieniametodyczne w nauczaniu jezyka rosyjskiejo. Waszawa. 1967 // Рус. яз. за рубежом. 1968, № 1.
36. В соавторстве с И.Р. Палта (отв. редактор). Ред.: В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 196 с.
37. В соавторстве с И.Р. Палта (отв. редактор). Ред.: В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 165 с.
38. Ред.: Способы выражения пространственных отношений. Вып 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968.
39. Введение. Лингвистические основы упражнений на глаголы «учиться», «заниматься», «учить», «изучать» // Л.Н. Спиридонова. Упражнения на употребление глаголов «учиться», «заниматься», «учить», «изучать». М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
40. Составитель Л.Н. Спиридонова. Ред.: Упражнения на употребление глаголов «учиться», «заниматься», «учить», «изучать». М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
41. Временные конструкции современного польского языка (прямое время) // Исследования по польскому языку. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
42. Полные и краткие формы прилагательных // Материалы восьмого и девятого Международных методических семинаров преподавателей рус. яз. стран социализма. VI – 1965, VI – 1966.

43. Синтаксические функции именных групп в структуре простого предложения. Ст. 1. Немотивированное управление // Рус. яз. за рубежом. 1969, № 3.
44. Синтаксические функции именных групп в структуре простого предложения. Ст. 2. Мотивированное и структурно-обусловленное управление // Рус. яз. за рубежом. 1969, № 4.
45. Типы именных групп и их функции в структуре простого предложения // Международная конференция преподавателей русского языка и литературы. Актуальные вопросы преподавания рус. яз. и лит. Москва 22-28 августа 1969 г. Тезисы докладов и выступлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
46. В соавторстве с И.Р. Палта (отв. ред.) Ред.: В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
47. В соавторстве с И.Р. Палта (отв. ред.) Ред.: В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.
48. К вопросу о силе и мотивированности управления // Русский язык для студентов-иностранцев. Сб. методических статей. Вып. XI. М.: Изд-во «Высшая школа», 1971.
49. Толкование рядов слов: *учиться, учиться – научиться, учиться – выучиться; заниматься; изучать – изучить; учить – выучить; учить – научить* // Лексические ряды трудных для иностранцев слов. Ред. Г.Ф. Воробьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.
50. Употребление полных и кратких прилагательных. Статья 1 // Русский язык за рубежом. 1971, № 3.
51. Употребление полных и кратких прилагательных. Статья 2 // Русский язык за рубежом. 1972, № 1.
52. Полные и краткие прилагательные в группе предикатива. (Упражнения) // Русский язык за рубежом. 1972, № 1.
53. В соавторстве с Г.Б. Потаповой. Способы выражения временных отношений. Сб. упр. для иностранцев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.
54. В соавторстве с Г.Б. Потаповой, З.Г. Паршуковой, А.Н. Чукановой. Способы выражения обстоятельственных отношений. (пространство, время, причина). Сб. упр. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.
55. Ред.: Способы выражения обстоятельственных отношений. (Пространство, время, причина). Сб. упр. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.
56. В соавторстве с Л.С. Алексеевой, М. Хорват, Р. Суара. Учебник русского языка. Для лиц, говорящих на венг. яз. (Для учащихся естественно-технического профиля). М.: «Высшая школа». 1974. То же: Budapest, Tankönyv-klado, 1974.
57. Система временных значений в современном русском зыке // Русский яз. для студентов-иностранцев. Сб. методических статей. Вып. XIV. М.: «Русск. яз». 1974.

58. Рец.: Metodyka nauczania jezyka rosyjskiego. Red. A. Doros. Warszawa, 1972 // Русский язык за рубежом. 1974. № 2.
59. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.
60. К вопросу о системе причинных значений в аспекте функционального описания языка // Тезисы. II симпозиум по проблеме интерференции при обучении русскому языку. 5–8 апреля 1975. В.-Тырново: Изд-во В.-Тырновского ун-та. Болгария. 1975.
61. Международный симпозиум по русскому языку. (Москва, июль 1974 г.) // Вестн. Моск. ун-та. Филология. 1975, № 3.
62. О роли изучения глубинных структур при сопоставительном описании языков // Вопросы методологии и методики описания русского яз. в сопоставлении с родным. (Междун. симпозиум МАПРЯЛ. Загреб, 3–5 окт. 1975 г. Тезисы докладов). Загреб: Союз славистических об-в Югославии, 1975.
63. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.
64. К вопросу об изучении глубинного и поверхностного уровня для сопоставительного описания языков // Третий международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Варшава, 23–28 авг. 1976. Тезисы докладов и сообщений. Warszawa: PWN, 1976.
65. Об употреблении именных групп в конструкция со значением причины // Интенсификация учебного процесса в практике преподавания рус. яз. и др. предметов иностранным учащимся. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
66. Номинативно-аккузативные конструкции и их конверсивы // Филологические науки. 1976, № 8.
67. О способах выражения времени завершения действия // Болгарская русистика. 1977, № 6.
68. О некоторых вопросах управления // Международный симпозиум «Язык и специальность: обучение русскому языку студентов–нефилологов». Тезисы докладов и сообщений. Баку, 28 нояб. – 2 дек. 1977 г. Баку, 1977.
69. К вопросу о некоторых свойствах дифференциальных признаков синтаксических объектов // Актуальные вопросы преподавания русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
70. О некоторых вопросах управления // Русский язык за рубежом. 1978, № 4.
71. О семантическом согласовании глаголов и именных темпоральных распространителей // Вопросы языкознания. 1979, № 1.
72. В соавторстве с Р. Суара, Й. Тимар, В.М. Завьяловой. Учебник русского языка для лиц, говорящих на венгерском языке. Ч. II. То же.

Печат. Будапешт: Танкёнивкадо, 1979; Ч. II. М.: «Русский язык», 1982.
73. Принципы сопоставительного описания языков и использование их в практике преподавания русского языка как иностранного // Лингвистические и методические основы преподавания русского языка иностранцам. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
74. К вопросу о системе причинных значений в аспекте функционального описания языка // Проблемы интерференции при обучении русскому языку. Второй симпозиум 5–8 апреля 1975 г. Научные доклады и сообщения. В.-Тырново: Изд-во В.-Тырновского ун-та, 1979.
75. Спецкурс «Функциональный синтаксис» как одна из дисциплин в профессиональной подготовке будущих преподавателей русского языка как иностранного // Первая национальная конференция преподавателей русского языка в вузах (НРБ). Тезисы докладов и сообщений. Варна, 31.X–2.XI. 1979 г. Варна: 1979.
76. В соавторстве с М.П. Маковой, М.Ю. Ефимовой. О методах сопоставительного изучения семантики глагольного слова // Тезисы докладов и сообщений. V международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Прага. ЧССР. 1982 г. Прага, 1982.
77. В соавторстве с Е.Ю. Владимирским. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: «Русский язык», 1982.
78. Категория именной темпоральности и закономерности её речевой реализации. Автореф. дис. … докт. филол. наук. М., 1982.
79. В соавторстве с Е.С. Курбатовой. Русско-польский учебный словарь. М.: «Русс. яз.»; Варшава: «Ведза повшехна», 1983.
80. В соавторстве с Е.И. Кедайтене (отв. ред.). Ред.: Русский язык для студентов–иностранцев. Сб. методических статей. Вып. 22. М.: «Русский язык», 1983.
81. Некоторые закономерности сочетаемости слов и словоформ в предложении // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. М.: «Русский язык», 1984.
82. Лингвистические проблемы семантизации грамматики // Русский язык за рубежом. 1984, № 6.
83. В соавторстве с Е.И. Кедайтене (отв. ред.) и др. Ред.: Русский язык для студентов-иностранцев. М.: «Русский язык», 1984.
84. Функционально-семантическое поле и типовая ситуация как содержательные единицы языка // Семантические категории языка и методы их изучения. Тезисы докладов. ч. 1. Уфа, 1985.
85. В соавторстве с Э.С. Котвицкой. Коммуникативные механизмы языка и их использование в учебном процессе // Шестой конгресс

преподавателей русского языка и литературы. Научные традиции и новые направления. Секция 3. Тезисы докладов и сообщений. Будапешт, 1986.
86. Методологические аспекты функционально-коммуникативного описания языка // Русский язык за рубежом. 1986, № 4.
87. Коммуникативная направленность высказывания как один из механизмов появления незамещенных позиций // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Тезисы краевой научной конференции. 30 сент. – 2 окт. 1986 г. Красноярск, 1986.
88. Предисловие // А.В. Величко, Ю.А. Туманова, О. В. Чагина. Простое предложение. Опыт семантического описания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
89. Отв. ред.: А.В. Величко, Ю.А. Туманова, О.В. Чагина. Простое предложение. Опыт семантического описания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
90. Некоторые случаи выражения времени в русском языке. I. Прямое время, полностью занятое действием // Russian linguistics. 1986, № 2.
91. Некоторые случаи выражения времени в русском языке. II. Время, полностью занятое действием без указания на завершенность // Russian linguistics. 1986, № 3.
92. Принципы сопоставительных синтаксических исследований на уровне функционально-семантических полей // Вопросы изучения русского языка в сопоставлении с другими зыками. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
93. В соавторстве с В.М. Завьяловой. Учитесь читать литературу по специальности. Учебное пособие для национальных групп вузов СССР. М.: «Высшая школа», 1987.
94. Основания практической функционально-коммуникативной грамматики русского языка // Языковая системность при коммуникативном обучении. М.: «Русский язык», 1988.
95. Лингвометодические проблемы обучения языку общественных дисциплин // Вопросы улучшения языковой подготовки студентов-иностранцев, изучающих политэкономию. Р.-н-Д.: Изд-во Ростовского университета, 1988.
96. В соавторстве с Т.А. Ященко. Русские причинные конструкции (действия лица). Методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. М.: «Русский язык», 1988.
97. Коммуникативные механизмы языка (§ 1–7) и Заключение // М.В. Всеволодова, С.А. Шувалова (отв. ред.) Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.

98. В соавторстве с С.А. Шуваловой (отв. ред.). Отв. ред. Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.
99. Коммуникативные механизмы синонимики // Русский язык за рубежом. 1989, № 4.
100. Некоторые случаи выражения времени в русском языке. III. Глагольный вид в темпоральных конструкциях со значением прямого времени, полностью занятого действием // Russian linguistics. 1989, Т. 13, № 2.
101. Некоторые случаи выражения времени в русском языке. IV. Прямое время завершения действия // Russian linguistics. 1990, Т. 20, № 1.
102. К вопросу о семном составе славянского глагольного вида // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М.: АН СССР, 1990.
103. Принципы грамматического описания языка как неродного // Материалы семинара-совещания «Проблемы совершенствования обучения неродным языкам». Бухара, 1991.
104. Смысловая устроенность предложения: объективные и субъективные смыслы // Материалы II международного семинара «Славянская культура в современном мире» (Изучение и преподавание в иноязычной аудитории). Киев, 1991.
105. К вопросу о структурировании семантического пространства языка // Шануючы спадчыну Е. Карскага (Материалы вторых чтений, посвящённых памяти академика Карского), Гродно: Гродненский государственный университет, 1994.
106. Объём и содержание курса «Функционально-коммуникативная грамматика» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1995, № 2.
107. В соавторстве с Ван Янчженом. Глаголы эмоционального состояния и отношения // Глагольная лексика с точки зрения семантики, словообразования, грамматики. М.: Московский государственный университет. Филологический факультет, 1996.
108. Концептосфера языка и парадигма предложения как tertium comparationis // Acta Polono-Rutenica I, WSR, Olsztyn, 1996.
109. О терминологическом понятийном аппарате функционально-коммуникативной грамматики // Терминоведение. 1996, № 2.
110. Предисловие // Ван Янчжен. Предложение: содержание, форма, парадигма. Пекин, 1996.
111. В соавторстве с А.Н. Латышевой. Каузальность и структуры рассуждений в русском языке. Отв. ред. (совместно). М.: РГГУ, 1993.

112. Онтологическое и гносеологическое в категориях языка. печатный Язык и культура. Вторая международная конференция. Тезисы. Часть 1. Киев, 1993.
113. Предложение-высказывание: содержание, смысл, форма // Международная конференция по русскому языку. Тезисы конференции. М., 1994.
114. Функционально-коммуникативная грамматика и учебные грамматики родного языка // Вучэбныя граматыкі наиыянальных моў. Матэрыялы перший канферэнцыі. Мінск, 1994.
115. Семантическое пространство языка как отражение национальной языковой картины мира // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Тезисы докладов Международной научной конференции 5–7 октября. Часть 1. Минск, 1994.
116. Языковые интерпретационные механизмы // Язык и культура. третья международная конференция. Тезисы докладов. Киев, 1994.
117. О понятийном и терминологическом аппарате функционально-коммуникативной грамматики // Функціональна граматика. Тези доповідей Міжнародноі науково-теоретичноі конфернціі. Донецьк, 1994.
118. Объём и содержание понятия «Функционально-коммуникативная грамматика» // Функциональная лингвистика. Материалы конференции. Часть 1. Ялта. 24–28 апреля 1994, Симферополь. Симферополь: СОНАТ, 1994.
119. К вопросу о парадигме предложения // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова. Тезисы докладов. М., 1995.
120. О характере субъективных осложнений высказывания // Cognitive processes in spoken and written: theories and applications. Proceedings International Conference CPC'95. Ukraine, Crimea, 1995.
121. Функционально-коммуникативная модель языка // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Том 1. М., 1995.
122. О понятийном и терминологическом аппарате функционально-коммуникативной грамматики // Терминоведение. 1996, № 1–3.
123. Слово как номинативная единица в синтаксисе // Языковая номинация. Тезисы докладов международной научной конференции. Минск/Беларусь, 25–26 июня 1996 г. Минск, 1996.
124. Программа дисциплины "Русский язык как неродной (иностранный)" – составитель-редактор (в соавторстве с В.В Добровольской). МГУ имени М.В. Ломоносова, Филологический факультет. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.

125. В соавторстве с А.В. Величко, Г.И. Володиной, О.В. Чагиной, С.А. Шуваловой. Функционально-коммуникативный синтаксис (ФКС) // раздел в «Программе дисциплины “Русский язык как неродной (иностранный)”». М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
126. Практикум по курсу «Функционально-коммуникативный синтаксис». М.: Московский государственный университет. Филологический факультет. 1995.
127. К вопросу о категоризации пространства // Категоризация мира: пространство и время. Материалы научной конференции. Филологический факультет. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1997.
128. Уровни организации предложения в рамках функционально-коммуникативной модели языка // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1997, № 1.
129. В соавторстве с О.Ю. Дементьевой. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума). М.: КРОН-ПРЕСС, 1997.
130. Слово и форма слова в синтаксисе // Лингвистические и лингво-дидактические основы обучения русскому языку как иностранному. К 30-летию ФПК. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 1997.
131. Предложение-высказывание: смысл, значение, форма // Лингво-дидактические аспекты описания языка и гибкая модель обучения. Проблемы и перспективы. М.: «Диалог-МГУ», 1997.
132. Аспектуально значимые лексические и грамматические семы русского глагольного слова. (Закон семантического согласования, валентность, глагольный вид) // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Том 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997;
133. Семный состав глагольного слова. (К вопросу типологии вида) // Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Филологический факультет. Типология вида: проблемы, поиски, решения. Тезисы международной научной конференции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
134. Синтаксические классификации лексики // Конференция «Теория и практика русистики в мировом контексте». Симпозиум «Теоретическая лингвистика и преподавание русского языка как иностранного». 30 лет МАПРЯЛ. М.: 1997.
135. К вопросу о коммуникативной парадигме предложения // Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках / Под ред. С. Сятковского и Т.С. Тихомировой; М.: Диалог, 1997.

136. К вопросу о системе парадигм предложения // Теория и практика русистики в мировом контексте. Тезисы симпозиума. РУДН. М.: Изд-во РУДН, 1997.
137. В соавторстве с Али Мадаени А. Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка). М.: Диалог-МГУ, 1998. (2-е изд. – 2010).
138. Семантика модели предложения: типовое значение модели // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. Т. II. Министерство общего и профессионального образования Российской федерации. М.: Московский государственный открытый педагогический университет, 1998.
139. В соавторстве с О.Ю. Дементьевой. Отношения предицирования как основа актуального членения предложения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1998, № 6.
140. Категория валентности и грамматическое присоединение как механизмы реализации закона семантического согласования // Валентностная грамматика в структурном и коммуникативном аспектах и её выразительные возможности в языке и речи. Тезисы докладов научной конференции 14–15 октября 1998. Часть I. Могилев, 1998.
141. Принципы синтаксических классификаций лексики // Вопросы функциональной грамматики. Сборник научных трудов. Гродно: 1998.
142. К вопросу о методах функционально-коммуникативных исследований // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1. Филология. 1998, № 4.
143. В соавторстве с Го Шуфень. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка). М.: «АЦФИ», 1999.
144. Категория валентности и грамматическое присоединение как механизмы реализации закона семантического согласования // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 1. Москва: ПАИМС, 1999.
145. В соавторстве с Э.С. Котвицкой. О подлежащем и категории причинности в русском языке. (К вопросу о русском языковом сознании в концепции А. Вежбицкой) // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 1999, № 5.
146. В соавторстве с Ф.И. Панковым. Функционально-коммуникативное описание русского языка в целях его преподавания иностранцам (информационно-аналитический обзор). М.: Гос. ин-т рус. яз. имени А.С. Пушкина, 1999.

147. Текст в свете некоторых синтаксических категорий // Структура и семантика художественного текста. Доклады VII международной конференции. М., 1999.
148. Объём и содержание понятия «функционально-коммуникативная грамматика» в рамках прикладной (педагогической) модели языка // Формы обучения РКИ в современных условиях. Материалы и сообщения международной научно-практической конференции (10–12 ноября 1998 г.). М: Диалог, 2000.
149. Синтаксемы и строевые категории предложения в рамках функционально-коммуникативного синтаксиса (к вопросу о предикативности, предикации и членах предложения) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2000, № 1.
150. Категоризация пространства и времени как отражение национальной языковой картины мира // Вопросы функциональной грамматики. Сборник научных трудов. Выпуск третий. Гродно, 2000.
151. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений // Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы. Союз славистических обществ Югославии. Славистическое общество Сербии. Кафедра славистики Белградского университета. Философский факультет Нишского университета. V международный симпозиум. Состояние и перспективы сопоставительных исследований русского и других языков. Тезисы докладов. (Белград – Ниш. 30 мая–1 июня 2000 г.). Белград, 2000.
152. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений как основа типологических и сопоставительных исследований // Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы. Союз славистических обществ Югославии. Славистическое общество Сербии. Кафедра славистики белградского университета. Философский факультет Нишского университета. V Международный симпозиум «Состояние и перспективы сопоставительных исследований русского и других языков» Доклады. (Белград – Ниш. 30 мая – 1 июня 2000 г.)». Белград, 2000.
153. Рец.: О двух направлениях в функционально-коммуникативной грамматике. (К выходу в свет книги: Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998) // Мир русского слова. 2000, № 1.
154. Рец.: Cz. Lachur: Semantyka przestrzenna polskich przyimków prefigowanych na tle rosyjskim. Opole 1999 // Przegląd Rusycystyczny. 2000, № 1.
155. Словосочетание как объект функционально-коммуникативного синтаксиса // От слова к тексту. Материалы докладов Международной

научной конференции. Минск/Беларусь, 13–14 ноября 2000 г. В трёх частях. Часть первая. Минск, 2000.
156. Денотативная и семантическая структуры предложения в рамках функционально-коммуникативной модели языка (типовая ситуация и пропозиция) // Весник Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта імя Янкі Купалы. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нарадження акадэміка Я.Ф. Карскага. Серыя 1. 3 (5), 2000.
157. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
158. Сложное предложение в модели функционально-коммуникативного синтаксиса // Сложное предложение. Традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты изучения. Выпуск 1. М.: Изд-во «Русский учебный центр», 2000.
159. Об актуальном членении, интонационных конструкциях, акцентном выделении и порядке слов (практический взгляд синтаксиста на некоторые теоретические проблемы звучащей речи) // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. Сборник научных статей к 80-летию профессора К.В. Горшковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.
160. В соавторстве с Ким Тэ Чжин. К вопросу об употреблении форм настоящего времени глагола (в зеркале других языков: постановка проблемы) // Міністерство освіті Україні, Донецький Національний университет. Лингвистичні студії. Збірнік наукових праць. Випуск 7. Донецьк: ДонНУ, 2001.
161. Словообразование, лексика, синтаксис // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс. Москва, МГУ 13–16 марта 2001 г. Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.
162. Словосочетание как объект функционально-коммуникативной грамматики (к постановке проблемы) // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс. Москва, МГУ 13–16 марта 2001 г. Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.
163. Описательные предикаты и их соотнесённость с денотативной структурой предложения // Слово, грамматика, речь. Выпуск 3. Сборник научно-методических статей, посвященный вопросам преподавания русского языка как иностранного. М., 2001.
164. В соавторстве с Ким Тэ Чжин. Принципы анализа употребления форм глагольного времени. Прямое и переносное употребление

форм настоящего времени глагола в русском языке (в зеркале корейского языка) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2001, № 3.
165. В соавторстве с Э.И. Амиантовой, Г.А. Битехтиной, Л.П. Клобуковой. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2001, № 6.
166. В соавторстве с Е.Н. Виноградовой. Средства связи, участвующие в выражении причинно-следственных отношений, в рамках функционально-коммуникативного описания языка (корпус средств и актуальное членение) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2001, № 6.
167. Научный текст в функционально-коммуникативном аспекте // Текст. Структура. Семантика. Доклады VIII международной конференции. Т. 1. М., 2001.
168. Об одном классе именных синтаксем (у + род. п.) // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. К юбилею Г.А. Золотовой коллеги, друзья, ученики. М., 2002.
169. В соавторстве с Лим Су Ён. Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов. На материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки. М.: МАКС Пресс, 2002.
170. В соавторстве с Ким Тэ Чжин. Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка): Фрагмент функционально-коммуникативной прикладной грамматики. М.: МАКС Пресс, 2002.
171. Предлог как грамматическая категория: проблемы дефиниции, типология, морфологические и синтаксические характеристики // Вопросы функциональной грамматики Сборник научных трудов. Выпуск 4. Гродно, 2002.
172. Предлог как грамматическая категория: проблемы дефиниции, типология, морфологические и синтаксические характеристики // Лінгвістичні студії. Збірнік науковых праць. Випуск 9. Донецьк: ДонНУ, 2002.
173. О возможности международного проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии. Морфология и синтаксис» // МАПРЯЛ 2002. Восьмой международный симпозиум. Доклады и сообщения. В.-Тырново, 2002.

174. Словосочетание как единица функционально-коммуникативного синтаксиса (К вопросу о формальных и смысловых связях) // Избранные вопросы русского языка и лингводидактики. Poznań: UAM, 2002.
175. Словосочетание как объект функционально-коммуникативного синтаксиса // Е.Ф. Карский и современное языкознание. Материалы IX международных Карских чтений. В 2 частях. Часть 1. Гродно, 2003.
176. К вопросу о синтаксических связях (старые категории в новой лингвистической парадигме) // Язык и социум. V международная научная конференция. В двух частях. Часть 1. Минск: РИВШ БГУ, 2003.
177. Предлог: поле и категория (аспект функционально-коммуникативной грамматики) // Лінгвістичні студії. Збірнік науковых праць. Випуск 11. Частина 1. Донецьк: ДонНУ, 2003.
178. Межнациональный проект «Восточнославянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» // К XIII Международному съезду славистов. Славянское языкознание. Материалы конференции (Москва. Июнь 2002 г.). М., 2003.
179. В соавторстве с Клобуковым Е.В., Кукушкиной О.В., Поликарповым А.А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003, № 2.
180. В соавторстве с Клобуковым Е.В., Кукушкиной О.В., Поликарповым А.А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Українські прийменники; Синхронія і діахронія (пробний зошит) Донецьк: ДонНУ, 2003.
181. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка и контуры фундаментальной прикладной грамматики русского языка // X конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Русское слово в мировой культуре. Пленарные заседания. Сборник докладов. Т.II. СПб., 2003.
182. В соавторстве с Кузьменковой В.А. Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003, № 5.
183. Коммуникативная организация русского предложения // Dialog w literaturach i językach słowiańskich. Tom 2. Językoznawstwo. Opole, 2003.
184. Понятие об уровнях предложения как аппарат описания модели предложения // Русский язык. Система и функционирование. Материалы Международной конференции 18–19 мая 2004 г. Минск. Часть 1. Минск, 2004.
185. Грамматика русского предлога (Первые результаты одного научного проекта) // Категории в исследовании, описании и преподавании

языка. Сборник научных трудов к 80-тилетию Е.С. Скобликовой. Самара, 2004.
186. Вопросы грамматического описания категории предлога // II Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. Москва, МГУ 18-21 марта 2004 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
187. К вопросу о системном описании моделей простого предложения // II Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. Москва, МГУ 18-21 марта 2004 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
188. Межнациональный проект «Модели славянских простых предложений с учетом их типовых значений и речевых реализаций». Задачи и перспективы // VI международный симпозиум. Проекты по сопоставительному изучению русского и других языков. Тезисы (Белград, 1–4 июня 2004 г.). Белград, 2004.
189. Межнациональный проект «Предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис». Первые результаты // VI Международный симпозиум. Проекты по сопоставительному изучению русского и других языков. Тезисы (Белград, 1–4 июня 2004 г.). Белград, 2004.
190. Межнациональный проект «Модели славянских простых предложений с учетом их типовых значений и речевых реализаций». Задачи и перспективы // VI международный симпозиум. Проекты по сопоставительному изучению русского и других языков. Доклады. (Белград, 1–4 июня 2004 г.). Белград, 2004.
191. Межнациональный проект «Предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис». Первые результаты // VI Международный симпозиум. Проекты по сопоставительному изучению русского и других языков. Доклады. (Белград, 1 – 4 июня 2004 г.). Белград, 2004.
192. Грамматика славянского предлога. Первые результаты межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» // Польский язык среди других славянских языков. 2004. Конференция, посвященная памяти профессора А.Е. Супруна. 7–9 октября 2004 г. (Минск). Минск, 2004.
193. Категория русского управления //Язык и социум. Материалы VI Международной научной конференции 3–4 декабря 2004 г., Минск. Минск, 2004.
194. «Предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис». Первые результаты межнационального проекта // Функционально-комунікативні аспекти граматики і тексту. Збірник наукових праць,

присвячений ювілею доктора філологічних наук, профессора, академика АН ВШ України, завідувача кафедри української мови ДонНУ Загнітка Анатолія Панасовича. Донецьк, 2004.
195. «Модели славянских простых предложений с учетом их типовых значений и речевых реализаций». Задачи и перспективы межнационального проекта // Лінгвістичні студії. Збірник наукових праць. Випуск 13. Донецьк: ДонНУ, 2005.
196. К вопросу о грамматике славянского предлога (осмысление первичных результатов перового этапа в работе межнационального проекта) // Ogród nauk filologicznych. Księga Jubileuszowa poświęcona Profesorowi Stanisławowi Kochmanowi. Opole, 2005.
197. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений). (Статья первая) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2005, № 1.
198. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений) (Статья вторая) // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 2005, № 2.
199. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений) (Статья третья) // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 2005, № 3.
200. В соавторстве с Ф.И. Панковым. Практикум по курсу «Теория функционально-коммуникативной грамматики»: Рабочая тетрадь: Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005.
201. Грамматика славянского предлога: системные явления в категории предлога (результаты первого этапа работы // Е.Ф. Карский и современное языкознание. Материалы X международных Карских чтений. 16–17 мая 2005 г. Гродно. Республика Беларусь. В 2 частях. Часть 1. Гродно, 2005.
202. Фундаментальная теоретическая прикладная грамматика как компендиум теоретических и прагматических знаний о современном русском языке. (Что должно лежать в основе учебников русского языка для иноязычных учащихся) // Русский язык за рубежом. 2005, № 3–4.
203. Категория русского управления // Язык. Сознание. Коммуникация. Выпуск 30. М., 2005.
204. Функциональная грамматика предлога. Системность и норма. // Текст. Структура и семантика. Доклады X юбилейной Международной конференции. Московский государственный открытый педагогический университет имени М.А. Шолохова. Т. I. М., 2005.

205. Язык как система и системность как атрибут языка в аспекте функциональной грамматики // Лінтвістічні студії. Збірнік науковых праць. Випуск 24. Донецьк: ДонНУ, 2006.
206. Категория предлога, категория предложения: системность языка // «Предложение и слово». Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2006.
207. Рец.: О.Н. Селиверстова. Труды по семантике // Вопросы языкознания. 2006, № 3.
208. Язык как система и системность как атрибут языка // Семантический анализ единиц языка и речи. Процессы концептуализации и структура значения. М., 2006.
209. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка: основные характеристики и перспективы развития // Традиции и новации в преподавании русского языка как иностранного. Москва. МАКС-Пресс, 2006.
210. Функционально-семантические поля и функционально-семантические категории (К вопросу о структуре содержательного пространства языка) // Лінгвістичні студії. Збірник наукових праць. Выпуск 15. Донецьк: ДонНУ, 2007.
211. О ключевых проблемах категоризации текста // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2007, № 2.
212. Новое знание о языке: промежуточные результаты межнационального проекта “ Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис” // МАПРЯЛ 2006. Девятый Международный симпозиум. Доклады и сообщения. В.-Тырново. 5–6 апреля 2006 г. В.-Тырново, 2007.
213. Грамматика как средство отображения национальной языковой картины мира // Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków. Opole, 2007.
214. Категория русского предлога: системные характеристики // III международный конгресс. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. Москва МГУ. 20–23 марта 2007. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
215. Инвариант содержания и парадигматика предложения // III международный конгресс. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. Москва МГУ. 20 – 23 марта 2007. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
216. Словосочетание в рамках функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка // Синтактичка истриживања (дијахроно-синхрони план). Нови Сад, 2007.
217. Текст как категория // Текст. Структура и семантика. // Доклады XI международной конференции. Том I. М., 2007.

218. Язык: система и норма // Язык классической литературы. Второй том. М., 2007.
219. В соавторстве с Е.Ю. Владимирским. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. 2-е изд., доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
220. В соавторстве с Т.А. Ященко. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. 2-е изд. М.: URSS, 2008.
221. В соавторстве с Ким Тэ Чжин. Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка): Фрагмент функционально-коммуникативной прикладной грамматики. 2-е изд. М.: URSS, 2008.
222. Инвариант содержания и парадигматика предложения // Исследования по семантике. Межвузовский научный сборник в честь юблея профессора Р.М. Гайсиной. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008.
223. Типология славянского предлога. Системность: категории и парадигмы // XIV международный съезд славистов. Славянское языкознание. Лингвистика. М.: «Индрик», 2008.
224. Типология славянского предлога. Системность и парадигмы. (Тезисы) // XIV меѓународен славистички конгресс. Охрид. Р. Македонија / 19 – 16 сентември 2008. Зборник на резимеа. 1 том. Лингвистика. Скопје, 2008.
225. Некоторые аспекты сопоставительно-типологического языкознания в новой лингвистической парадигме: единицы и подходы // Теория перевода. Типология языков. Межкультурная коммуникация. Материалы III международной научной конференции. 28–29 апреля 2006 г. Москва-Казань, 2008. Т. 1.
226. О некоторых актуальных вопросах грамматического описания славянских языков в целях их преподавания как иностранных // Изучавање словенских језика, књижевности и култура као инословенских и страних. Зборник теза и резимеа. Београд, 2008.
227. В соавторстве с Ф.И. Панковым. К вопросу о категориальном характере актуального членения и его роли в русском высказывании. Статья первая // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2008, № 6.
228. Сложное предложение в модели функционально-коммуникативного синтаксиса // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц. Труды гуманитарного факультета НГУ. Серия II. Сборник статей в честь профессора Т.А. Колосовой. Новосибирск, 2008.
229. Текст как категориальная единица коммуникативного уровня языка (о некоторых проблемах прикладной лингвистики) // Лінгвістичні студії. Збірник наукових праць. Випуск 16. Донецьк: ДонНУ, 2008.

230. Язык и его место в структуре мироздания. Системность и структура. Функциональные стили.// Лінгвістичні студії. Збірник наукових праць. Випуск 17. Донецьк: ДонНУ, 2008.
231. В соавторстве с Ф.И. Панковым. К вопросу о категориальном характере актуального членения и его роли в русском высказывании. Статья вторая // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2009, № 1.
232. Поля, категории и концепты в грамматической системе Языка. // Вопросы языкознания. 2009, № 3.
233. В соавторстве с Е.В. Куликовой. Грамматика словосочетаний в контексте функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2009, № 4.
234. В соавторстве с Е.Ю. Владимирским. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. 3-е изд., доп. М.: URSS, 2009.
235. Национальная языковая картина мира и грамматика // Лінгвістичні студі. Збїрник наукових праць. Випуск 20. Донецьк: ДонНУ, 2010.
236. В соавторстве с Али Мадаени А. Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка). 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
237. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010, № 4.
238. Русский язык в зеркале других языков. К вопросу о новой грамматике // IV Международная научно-практическая конференция. Русский язык как иностранный в современной образовательной и геополитической парадигме. Тезисы докладов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010.
239. Язык и его место в мироздании. К вопросу об актуальной грамматике // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2010, № 6.
240. Язык: лингвистические универсалии и языковая специфика // Грамматика разноструктурных языков. Сборник статей к юбилею профессора Виктора Юрьевича Копрова. Воронеж, 2011.
241. К вопросу о новой парадигме в русистике // Е.Ф. Карский и современное языкознание. Материалы XII Международных научных чтений (Гродно. 20–21 мая 2010 г.) Гродно: ГрГУ имени Я. Купалы, 2011.
242. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011, № 3.

243. Словосочетание в новой парадигме грамматики // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012, № 1.
244. Части речи и категориальные классы слов // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства. Сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященный 35-летию кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета и 30-летию памяти И.П. Распопова. Уфа. 23-24 марта 2012 г. в 2-х томах. Том II. Уфа, 2012.
245. К вопросу об объективной грамматике // Urbi et Academiae. Граду и научному сообществу. Архив гуманитарного знания. Научно-грамматический журнал. 2012. С. 42–47.
246. Части речи и категориальные классы слов // LITERA SCRIPTA MANENT СЛУЖЕНИЕ СЛОВУ Сборник, посвященный 70-летию доц. д-ра Анны Николовой. Шумен: Университетско издателство "Епископ Константин Преславски", 2012.
247. Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 1. Фрагмент системы – немотивированные (первообразные) предлоги // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012, № 5. С. 30–78.
248. Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 2. Фрагмент системы – мотивированные (вторичные) предлоги. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012, №6. С. 9–51.
249. В соавторстве с Э.С. Котвицкой. Категория квантитативности. К изучению проблемы. Продолжение темы. // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории. Материалы XI Международной научно-практической конференции 18–20 апреля 2012 года. Санкт-Петербург 2012.
250. Грамматики славянских языков XXI века (о необходимости написания объективных грамматик славянских языков) // XV Міжнародны з`езд славістаў (Мінск, Беларусь, 20-27 жніўня 2013 г.): Тэзісы дакладаў. Т. 1: Мовазнаўства. Мінск: Беларуская наука, 2013. С. 288–289.
251. Грамматики славянских языков XXI века (о необходимости написания объективных грамматик славянских языков) // Граматики слов'янських мов: основа типології и характерології / Национальна академія наук України. Український комітет славістів. Інститут української мови. Тематичний блок. XV Міжнародний з'їзд славістів. 20. 08–27.08.13, Мінськ, Республіка Білорусь. Київ 2013. С. 37–53.

252. В соавторстве с Э.С. Котвицкой. К вопросу о новых аспектах грамматической категории русских числительных (Проблемы содержания пособия по числительным). //Язык. Культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории. Сборник научных статей участников XIIМеждународной научно-практической конференции 24–26 апреля 2013 г. Санкт-Петербург 2013.
253. В соавторстве с Т.А. Ященко. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. 3-е изд. М.: URSS, 2013.
254. Категория количественности в славянских языках: числительные и квантитативы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013, № 6.
255. Специфика категории количественности в славянских языках: числительные, квантитативы, счётное множество и изменения в парадигматике русских числительных. Функционально-коммуникативная грамматика // Мультиязычный научный журнал "Stephanos" (2013, № 2). Электронный адрес: http://www.stephanos.ru/index.php?entry=1.
256. О грамматике полных и кратких форм прилагательных и причастий в русском языке // Вопросы языкознания. 2013, № 6. С. 3–32.
257. Категория квантитативности в славянских языках (доклад на «Грамматических чтениях–VII», Донецк 5.02.13) // Лінгвістичні студії. Міжнародний збірник наукових праць. Випуск 29. С. 237–248.
258. В соавторстве с О.В. Кукушкиной и А.А. Поликарповым. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / Под общ. ред. М.В. Всеволодовой. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014.
259. Категория аспектуальности, глагольный вид и способы глагольного действия. О некоторых нерассмотренных вопросах грамматики вида // V Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»: Труды и материалы. Москва, МГУ, 18–21 марта 2014 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014.
260. Нормативная и объективная грамматика славянских языков (статья) // Мовний простір граматики : актуальні студії : зб. наук. праць / наук. ред. М.О. Вінтонів. На честь 60-річчя член-кореспондента НАН України Анатолія Загнітка. Донецк: Донецький нац. ун-т, 2014.
261. В соавторстве с Т.Е. Чаплыгиной. Русский язык в иноязычной (неславянской) аудитории. Проблемы, задачи и место в лингвистической парадигме XXI века // V Международный конгресс исследова-

телей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»: Труды и материалы. Москва, МГУ, 18–21 марта 2014 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014.
262. В соавторстве с В.Л. Чекалиной. Специфика некоторых категорий русского языка в зеркале других славянских языков // V Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»: Труды и материалы. Москва, МГУ, 18–21 марта 2014 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014.
263. В соавторстве с Е.Ю. Владимирским. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. 4-е изд. М.: URSS, 2014.
264. В соавторстве с Т.А. Ященко. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. 4-е изд. М.: URSS, 2014.
265. В соавторстве с Ким Тэ Чжином. Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка): Фрагмент функционально-коммуникативной прикладной грамматики. 3-е изд. М.: URSS, 2015.
266. Уровни фразеологизации в языке и некоторые проблемы перевода фразеологических единиц на другие языки // Frazeologia a przekład, Redakcja naukowa Wojciech Chlebda, Uniwersytet Opolski, Opole 2014. S. 73–91.
267. Некоторые проблемы русской грамматики в зеркале славянских (и некоторых других) языков // МАПРЯЛ 2014. Одиннадцатый международный симпозиум. Доклады и сообщения. Велико-Тырново, 2014. С. 5–12.
268. Парадигматика как один из параметров грамматики. Некоторые наблюдения и комментарии // Граматичні студії. Збірник наукових праць. Вінниця: ДонНУ, 2015. С. 7–20.
269. Парадигматика как один из параметров грамматики.// Памяти Анатолия Анатольевича Поликарпова. Электронное издание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. С. 47–79.
270. Язык как норма и речь естественного общения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015, № 6.
271. Язык как система и проблемы объективной грамматики // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2016, № 3.
272. В соавторстве с А.А. Загнитко. Славянские языки: объективная грамматика и категория грамматикализации // Россия в мировом сообществе: смысловое пространство диалога культур. Международный форум «Восточный вектор миграционных процессов. Диалог с русской культурой». Хабаровск: Изд-во ГОГУ, 2016.

273. Современный уровень русской грамматики и других славянских языков. Объективная грамматика и проблемы грамматикализации // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: к 155-летию со дня рождения академика Евфимия Фёдоровича Карского. Сборник научных трудов. Гродно: ГрГУ имени Янки Купалы, 2016.
274. Современный уровень русской грамматики и других славянских языков. Объективная грамматика и проблемы грамматикализации // Семантико-функциональная грамматика в лингвистике. Материалы Всероссийской научно-методической конференции. 21–22 октября 2016 г. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016.
275. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М.: УРСС, 2017. – 656 с.
276. В соавторстве с Е.Н. Виноградовой, Т.Е. Чаплыгиной. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 2: Реестр русских предложных единиц: А – В (объективная грамматика). М.: УРСС, 2018. – 798 с.

Составил Ф.И. Панков

АВТОРЫ ВЫПУСКА / AUTHORS

Величко Алла Васильевна – д.ф.н., доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Alla V. Velichko – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language for Foreign Students, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

e-mail: all_velichko@mail.ru

Виноградова Екатерина Николаевна – к.ф.н., доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Ekaterina N. Vinogradova – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian for Foreign Students in the Humanities, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

e-mail: ekaterinavin@mail.ru

Гудков Дмитрий Борисович – д.ф.н., профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Dmitriy. B. Gudkov – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian for Foreign Students in the Humanities, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

e-mail: dmi-gudkov@rambler.ru

Добровольская Валерия Васильевна – доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Valeria V. Dobrovolskaya – Associate Professor, Department of Russian for Foreign Students in the Natural Sciences, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

e-mail: rkinature@cs.msu.su

Загнитко Анатолий Афанасьевич – д.ф.н., профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Украины, зав. кафедрой общего и прикладного языкознания и славянской филологии, Донецкий национальный университет имени Васыля Стуса (Украина, Винница)

Anatoly A. Zahnitko – Doctor of Philology, Professor, corresponding member of the Ukraine National Academy of Sciences, Head of the Department of General and Applied Linguistics and Slavonic Philology, Vasyl' Stus Donetsk

National University (Ukraine, Vinnitsa)
e-mail: a.zagnitko@donnu.edu.ua

Изотов Андрей Иванович – д.ф.н., профессор кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Andrey I. Izotov – Doctor of Philology, Professor, Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)
e-mail: a.i.izotov.mail.ru

Каверина Валерия Витальевна – д.ф.н., доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)
Valeria V. Kaverina – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)
e-mail: kaverina1@yandex.ru

Каприелова Виктория Валерьевна – студентка 3 курса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)
Victoria V. Kaprielova – 3rd year student, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)
e-mail: nikakap@mail.ru

Клобуков Евгений Васильевич – д.ф.н., профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)
Evgeny V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)
e-mail: klobukov@list.ru

Клобукова Любовь Павловна – д.п.н., член-корреспондент Российской академии образования, профессор, зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)
Liubov P. Klobukova – Doctor of Education, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor, Head of the Department of Russian for Foreign Students in the Humanities, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)
e-mail: klobukov@list.ru

Конюшкевич Мария Иосифовна – д.ф.н., профессор кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь, Гродно)

Maria I. Konyushkevich – Doctor of Philology, Professor of the Journalism Department of Grodno State University named after Yanka Kupala (Belarus, Grodno)

e-mail: marikon9@mail.ru

Кортава Татьяна Владимировна – д.ф.н., член-корреспондент Российской академии образования, профессор, проректор МГУ имени М.В. Ломоносова, зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов, филологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Tatiana V. Kortava – Doctor of Philology, Corresponding member of the Russian Academy of Education, professor, Vice-Rector, Lomonosov Moscow State Univercity, Head of the Department of Russian for Foreign Students in the Natural Sciences, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

e-mail: rkinature@cs.msu.su

Красильникова Лидия Васильевна – д.п.н., доцент, зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Lidia V. Krasilnikova – Doctor of Education, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language for Foreign Students, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

e-mail: likras@mail.ru

Кузьменкова Валентина Алексеевна – к.ф.н., доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Valentina A. Kuzmenkova – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian for Foreign Students in the Natural Sciences, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

e-mail: valentinaleks@gmail.com

Кузьминова Елена Александровна – д.ф.н., профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Elena A. Kuzminova – Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language for Foreign Students, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

e-mail: elenk2002@mail.ru

Кукушкина Ольга Владимировна – д.ф.н., профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Olga V. Kukushkina – Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

e-mail: ovkukush@mail.ru

Лекант Павел Александрович – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой современного русского языка Московского государственного областного университета (Россия, Москва)

Pavel A. Lekant – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Modern Russian Language, Moscow State Regional University (Russia, Moscow)

e-mail: masha_lekant@mail.ru

Николенкова Наталья Владимировна – к.ф.н., доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Natalia V. Nikolenkova – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

e-mail: Natanik2004@mail.ru

Панков Федор Иванович – д.ф.н., профессор кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Fyodor I. Pankov – Doctor of Philology, Professor, Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

e-mail: pankovf@mail.ru

Сидорова Марина Юрьевна – д.ф.н., профессор кафедры русского

языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Marina Yu. Sidorova – Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

e-mail: sidorovadoma@mail.ru

Ситарь Анна Васильевна – к.ф.н., доцент кафедры общего и прикладного языкознания и славянской филологии Донецкого национального университета имени Васыля Стуса (Украина, Винница)

Hanna V. Sytar – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General and Applied Linguistics and Slavonic Philology, Vasyl' Stus Donetsk National University (Ukraine, Vinnitsa)

e-mail: h.v.sytar@gmail.com

Суровцева Екатерина Владимировна – к.ф.н., филологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Ekaterina V. Surovtseva – Candidate of Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

e-mail: surovceva-ekaterina@yandex.ru

Чагина Ольга Всеволодовна – к.ф.н., доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Olga V. Chagina – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language for Foreign Students, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

e-mail: aichagin@mail.ru

Чаплыгина Татьяна Евгеньевна – к.ф.н., доцент кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Tatiana E. Chaplygina – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

e-mail: chtatiana@mail.ru

Чекалина Валерия Львовна – к.ф.н., зав. учебной частью Балтийского образовательного центра (Рига, Латвия)

Valeriya L.Chekalina – Candidate of Philology, Curriculum Director of the Baltic Center for Educational and Academic Development (Riga, Latvia)

e-mail: chekalina.valeria@gmail.com

Шарандин Анатолий Леонидович – д.ф.н., профессор кафедры русского языка Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Россия, Тамбов)

Anatoliy L. Sharandin – Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Tambov State University named after G.R. Derzhavin

e-mail: sharandin@list.ru

Научное издание

ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ

Выпуск 60

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию,
авторы тем самым выражают согласие с их безгонорарным опубликованием в сборнике
«Язык, сознание, коммуникация» в печатном и/или электронном виде
Мнения членов редколлегии могут не совпадать с мнениями авторов статей

Отпечатано с готового оригинал-макета

Подписано в печать 15.06.2018 г.
Формат 60x90 1/16. Усл.печ.л. 20,0. Тираж 100 экз. Изд. № 123.
Издательство ООО “МАКС Пресс”
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495)939-3890/93. Тел./Факс 8(495)939-3891.